ФАКУЛЬТЕТ ЖУРНАЛИСТИКИ
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМЕНИ М. В. ЛОМОНОСОВА

КАФЕДРА СТИЛИСТИКИ РУССКОГО ЯЗЫКА

СТИЛИСТИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ
МЕЖДУНАРОДНОГО КОМИТЕТА СЛАВИСТОВ

ISSN 2312-9751

Ежегодный международный научный журнал

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СТИЛИСТИКИ

№ 2

Факультет журналистики
Московского государственного университета
имени М. В. Ломоносова

Москва 2016

Редакционный совет:
глава редакционного совета – д-р филол. наук, профессор Е. Л. Вартанова
(Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова);

д-р филол. наук, профессор Г. Я. Солганик
(Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова);
д-р филол. наук, профессор Д. Бжозовска (Опольский университет, Польша);
д-р филол. наук, профессор Т. А. Воронцова (Челябинский государственный университет);
д-р филол. наук, профессор С. Гайда (Опольский университет, Польша);
д-р филол. наук, профессор Я. Гоффманнова (Академия наук Чешской Республики);
д-р филол. наук, профессор В. И. Ивченков (Белорусский государственный университет);
д-р филол. наук, профессор Н. И. Клушина
(Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова);
д-р филол. наук, профессор В. И. Коньков
(Санкт-Петербургский государственный университет);
д-р филол. наук, профессор Т. В. Кортава
(Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова);
д-р филол. наук, профессор Т. В. Кузнецова
(Национальный университет «Одесская юридическая академия», Украина);
д-р филол. наук, профессор Е. Малиновска (Опольский университет, Польша);
д-р филол. наук, профессор П. Мареш (Карлов университет в Праге, Чешская Республика);
д-р филол. наук, профессор П. Меич (Университет Мостар, Босния и Герцеговина);
д-р филол. наук, профессор О. Оргонева
(Университет имени Коменского в Братиславе, Словакия);
д-р филол. наук, профессор Л. Тантуровска
(Институт «Крсте Мисирков», Скопье, Македония);
д-р филол. наук, профессор Б. Тошович (Университет Карла и Франца в Граце, Австрия).

Редакционная коллегия:
д-р филол. наук, профессор Г. Я. Солганик (главный редактор);
канд. филол. наук, доцент С. Ф. Барышева (ответственный секретарь);
канд. филол. наук, доцент Н. Н. Василькова (заведующий редакцией);
канд. филол. наук, доцент И. А. Вещикова;
канд. филол. наук, доцент Н. Н. Вольская;
канд. филол. наук, доцент Е. К. Гурова;
канд. филол. наук, доцент Л. Т. Касперова;
д-р филол. наук, профессор Н. И. Клушина (заместитель главного редактора);
канд. филол. наук, доцент Л. Е. Малыгина;
канд. филол. наук, доцент А. В. Николаева;
Н. А. Примаченко;
канд. филол. наук, доцент Н. В. Смирнова (шеф-редактор);
канд. филол. наук, доцент Т. И. Сурикова;
Л. Я. Шнейберг.

Контактная информация: 125009, г. Москва, ул. Моховая, д. 9

Электронный адрес редакции: apstil@yandex.ru

Все материалы рецензируются.
Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).
© Актуальные проблемы стилистики. Все права защищены.

Editorial Council:
Vartanova E. L., Chair of Editorial Council, Doctor of Philology, Professor
(Lomonosov Moscow State University);

Solganik G. Y., Doctor of Philology, Professor (Lomonosov Moscow State University);
Brzozowska D., Doctor of Philology, Professor (Opole University, Poland);
Gajda S., Doctor of Philology, Professor (Opole University, Poland);
Hoffmannová J., Doctor of Philology, Professor (Academy of Sciences of the Czech Republic);
Ivchenkov V. I., Doctor of Philology, Professor (Belarusian State University);
Klushina N. I., Doctor of Philology, Professor (Lomonosov Moscow State University);
Konkov V. I., Doctor of Philology, Professor (St.-Petersburg State University);
Kortava T.V., Doctor of Philology, Professor (Lomonosov Moscow State University);
Kuznetsova T. V., Doctor of Philology, Professor
(National University "Odesa Law Academy", Ukraine);
Malinowska E., Doctor of Philology, Professor (Opole University, Poland);
Mareš P., Doctor of Philology, Professor (Charles University in Prague, Czech Republic);
Meić P., Doctor of Philology, Professor (University of Mostar, Bosnia and Herzegovina);
Orgoňová O., Doctor of Philology, Professor (Comenius University in Bratislava, Slovakia);
Tanturovska L., Doctor of Philology, Professor (Institute "Krste Misirkov", Skopje, Macedonia);
Tošović B., Doctor of Philology, Professor (University of Graz, Austria);
Vorontsova T. A., Doctor of Philology, Professor (Chelyabinsk State University).

Editorial Board:
Solganik G. Y., Editor-in-Chief, Doctor of Philology, Professor;
Barysheva S. F., Executive Secretary, Candidate of Philology, Associate Professor;
Gurova E. K., Candidate of Philology, Associate Professor;
Kasperova L. T., Candidate of Philology, Associate Professor;
Klushina N. I., Deputy Editor-in-Chief, Doctor of Philology, Professor;
Lopukhina N. S.;
Malygina L. E., Candidate of Philology, Associate Professor;
Nikolaeva A. V., Candidate of Philology, Associate Professor;
Primachenko N. A.;
Shneiberg L. Y.;
Smirnova N. V., Managing Editor, Candidate of Philology, Associate Professor;
Surikova T. I., Candidate of Philology, Associate Professor;
Vasilkova N. N., Head of Editorial Board, Candidate of Philology, Associate Professor;
Veshchikova I. A., Candidate of Philology, Associate Professor;
Volskaya N. N., Candidate of Philology, Associate Professor.

Contact information: 9 Mokhovaya Street, 125009, Moscow

E-mail: apstil@yandex.ru

All articles are refereed.
The journal is included in the database of the Russian Science Citation Index (RSCI).
© Actual Problems of Stylistics. All rights reserved.

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительное слово главы редакционного совета 8

От редакционной коллегии 9

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ СТИЛИСТИКИ

Гайда Станислав (Ополе, Польша). Стиль как вызов 13
Солганик Г. Я. (Москва, Россия). О современной культурно-речевой ситуации 23
Москвин В. П. (Волгоград, Россия). Вопрос о стилях языка и стилях речи 31
Хазагеров Г. Г. (Ростов-на-Дону, Россия). Форма, норма, репутация и задачи стилистики ... *37*
Оргонева Ольга (Братислава, Словакия). Контуры словацкой стилистики XXI века 45
Клушина Н. И. (Москва, Россия). Медиакультура и ее роль
в развитии современного информационного общества 50

ПРАГМАСТИЛИСТИКА

Милославский И. Г. (Москва, Россия). Рассказы о себе как риторический прием
в устной публичной речи 57
Bezugla Liliia (Kharkiv, Ukraine). Some issues in integration of poetics and pragmatics 62

ФОНОСТИЛИСТИКА

Вещикова И. А. (Москва, Россия). Стилистическое измерение в орфоэпии 71
Штудинер М. А. (Москва, Россия). О концепции словаря трудностей
для работников эфира 83

МЕДИАСТИЛИСТИКА

Басовская Е. Н. (Москва, Россия). Уходящая натура?
Высокое слово в современном публицистическом тексте 91
Каминская Т. Л. (Великий Новгород, Россия). Стилистическая концепция адресата:
медийная практика 100
Коньков В. И. (Санкт-Петербург, Россия). Принципы описания актуальной медиаречи 106
Чернышова Т. В. (Барнаул, Россия). Стилистический анализ текста
и возможности его использования в лингвоэкспертной практике 115
Loewe Iwona (Katowice, Polska). Telewizyjny serwis wiadomości jako przykład glokalizacji 123

ИНТЕРНЕТ-СТИЛИСТИКА

Синельникова Л. Н. (Ялта, Россия). Дискурс троллинга – коммуникация без табу 139
Степанов В. Н. (Ярославль, Россия). Трансгрессивность как сущностная характеристика
современного медиатекста в мировой сети 149

СТИЛИСТИКА ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕЧИ

Тошович Бранко (Грац, Австрия). Художественная реинкарнация 159
Безруков А. Н. (Бирск, Россия). Диссолюция стиля и дискурса
в пределах онтологического корпуса художественных нарраций 172
Люликова А. В. (Ялта, Россия). Топос медиа в современном художественном дискурсе 177

ЛЕКСИЧЕСКАЯ СТИЛИСТИКА

Буряковская В. А. (Волгоград, Россия). Лексикон современного медиатекста 185
Хънтов Владимир Стоев (Велико-Тырново, Болгария). О проблемах при переводе
некоторых актуальных терминов и лексем общеюридического характера
с русского на болгарский язык 190

ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Барышева С. Ф. (Москва, Россия). Стиль – дискурс – Интернет
(по материалам монографий серии «Научные дискуссии») 199
Василькова Н. Н. (Москва, Россия). К истокам научной классики 206
Смирнова Н. В. (Москва, Россия). От теории метафоры к лингвоэтике:
язык СМИ в осмыслении Н. Д. Бессарабовой 214

НАУЧНЫЕ ОБЩЕСТВА

Синельникова Л. Н. (Ялта, Россия). Ялтинский дискурсологический кружок (ЯДК)
как осознанная необходимость 221
Хазагеров Г. Г. (Ростов-на-Дону, Россия). Тезисы Риторической школы 224

СТИЛИСТИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО КОМИТЕТА СЛАВИСТОВ

Касперова Л. Т. (Москва, Россия). Отчет о деятельности
Стилистической комиссии за 2015 год 233

Сведения об авторах 236

CONTENTS

Editorial Council Chair's opening speech 8

On the part of the Editorial Board 9

GENERAL PROBLEMS OF MODERN STYLISTICS

Gajda Stanisław (Opole, Poland). Style as a challenge 13
Solganik G. Y. (Moscow, Russia). About modern culture and speech situation 23
Moskvin V. P. (Volgograd, Russia). The question of styles of language and styles of speech 31
Khazagerov G. G. (Rostov-on-Don, Russia). Form, norm, reputation and the mission of stylistics 37
Orgoňová Oľga (Bratislava, Slovakia). The contours of Slovak stylistics of the 21st century 45
Klushina N. I. (Moscow, Russia). Mediaculture and its role in developing of modern information society 50

PRAGMASTYLISTICS

Miloslavskiy I. G. (Moscow, Russia). The story about himself as author's rhetorical means in oral public communication 57
Bezugla Liliia (Kharkiv, Ukraine). Some issues in integration of poetics and pragmatics 62

PHONOSTYLISTICS

Veshchikova I. A. (Moscow, Russia). Stylistic variation in pronunciation 71
Shtudiner M. A. (Moscow, Russia). On the principles at the basis of the Dictionary of Difficulties for Radio and TV Workers 83

MEDIA STYLISTICS

Basovskaya E. N. (Moscow, Russia). Leaving nature? High word in modern journalistic text 91
Kaminskaya T. L. (Veliky Novgorod, Russia). Stylistic concept of the addressee: media practice 100
Konkov V. I. (Saint Petersburg, Russia). The principles of describe of actual media speech 106
Chernyshova T. V. (Barnaul, Russia). Stylistic analysis of text and the possibilities of its application in the practice of linguistic expertise 115
Loewe Iwona (Katowice, Poland). TV news programme as an example of glocalization 123

INTERNET STYLISTICS

Sinelnikova L. N. (Yalta, Russia). Discourse of trolling – communication without taboo 139
Stepanov V. N. (Yaroslavl, Russia). Transgressiveness as an essential characteristic of modern media text in the Internet 149

LITERARY STYLISTICS

Tošović Branko (Graz, Austria). Artistic reincarnation 159
Bezrukov A. N. (Birsk, Russia). The dissolution of style and discourse within the ontological frame of artistic narratives 172
Liulikova A. V. (Yalta, Russia). Topos media in contemporary artistic discourse 177

LEXICAL STYLISTICS

Buryakovskaya V. A. (Volgograd, Russia). The lexicon of contemporary media text 185
Hantov Vladimir Stoev (Veliko Turnovo, Bulgaria). Problems in translating contemporary legal terms and lexemes from Russian to Bulgarian 190

LINGUOSTYLISTIC CONCEPTS: TRADITION AND MODERNITY

Barysheva S. F. (Moscow, Russia). Style – discourse – Internet (based on the book series "The scientific debate") 199
Vasilkova N. N. (Moscow, Russia). To sources of scientific classics 206
Smirnova N. V. (Moscow, Russia). From the metaphor theory to the linguistic ethics: Mass media language interpreted by N. Bessarabova 214

SCIENTIFIC SOCIETIES

Sinelnikova L. N. (Yalta, Russia). Yalta Discourseology Circle as conscious necessity 221
Khazagerov G. G. (Rostov-on-Don, Russia). The Rhetoric School theses 224

STYLISTIC COMMISSION OF THE INTERNATIONAL COMMITTEE OF SLAVISTS

Kasperova L. T. (Moscow, Russia). Stylistic Commission activity report, 2015 233

Information about the authors 238

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ГЛАВЫ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Перед редколлегией журнала «Актуальные проблемы стилистики» поставлена важная задача – интеграция всех исследователей, изучающих современную стилистику. Из этой задачи вытекает наша общая цель – развитие науки о славянских языках как ключевого направления академической жизни и развитие медиастилистики, потому что сегодня язык СМИ – это не только инструмент журналистов, создающих тексты, но и сфера публичной коммуникации и культуры. Именно благодаря ей в обществе происходит взаимодействие разных групп и разных сообществ.

Язык во многих его проявлениях формируется сегодня под значительным влиянием массмедиа. Это и придает особое значение нашей работе. При этом нужно двигаться в двух направлениях: с одной стороны, формировать норму, задавать высокую научную планку на современном уровне, с другой стороны, вспоминать истоки, опираться на традиции. Наш журнал как раз и включает в себя исследования, посвященные сохранению культурных норм, в том числе языковых, исследованию языка и стиля художественной литературы славянских народов, серьезным теоретическим проблемам и в то же время – новейшим тенденциям в интернет-стилистике, медиастилистике, фоностилистике.

Чтобы найти сегодня альтернативные точки зрения и создать подлинно целостную картину глобального мира, нам нужно знать разные языки, понимать разные культуры. Потому что глобализацию невозможно понять с помощью одного только английского языка. Славянская литература, славянская культура, славянские языки, славянская письменность должны стать новым измерением современной многополярной глобализации, новой почвой для консолидации в Европе и мире в целом.

Елена Леонидовна Вартанова,
доктор филологических наук, профессор,
декан факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова,
глава редакционного совета
ежегодного международного научного журнала
«Актуальные проблемы стилистики»

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Уважаемые читатели!

Представляем вашему вниманию второй номер нашего Международного теоретического журнала.

Идея нашего журнала – побуждать научную российскую и зарубежную общественность к плодотворным дискуссиям, так как «мысль по определению является подрывной» (Пьер Бурдье).

Девиз нашего журнала мы определяем как «Наука без спама». Мы собрали под одной обложкой новые идеи как признанных российских и зарубежных ученых, так и молодых, ярких и талантливых исследователей. Эти идеи позволяют надеяться на то, что стилистическая наука будет активно развиваться (в том числе и нашими авторами) в тесном взаимодействии с риторикой, дискурсологией, прагматикой и другими лингвистическими дисциплинами.

Рубрики нашего журнала достаточно точно отражают область исследований современной стилистики. И хотя в этом номере нет специальной рубрики «Функциональная стилистика», тем не менее многие ученые в своих статьях обсуждают ее проблемы. Интересен факт научного спора с теоретическими положениями функциональной стилистики, высказанными в трудах выдающегося русского стилиста Маргариты Николаевны Кожиной, а это в очередной раз доказывает, что ее теория жива и провоцирует на дальнейшее творчество.

Еще одна важная, как нам кажется, роль нашего журнала – это информирование научной общественности о значимых стилистических (и не только) событиях, к которым мы относим конференции, организацию научных школ и кружков, выход новых монографий и юбилеи ведущих ученых.

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ СТИЛИСТИКИ

- Идея стиля
- Философия стиля
- Полная теория стиля
- Интеграция знания
- Современная культурно-речевая ситуация
- Закон развития литературного языка
- Эволюция литературной нормы
- Язык СМИ и массовая культура
- Стилистическое просветительство
- Стили языка и стили речи
- Функциональный стиль как идиолект
- Протофункциональная стилистика
- Форма и норма в стилистике
- Ближняя и дальняя прагматика
- Русский риторический идеал
- Интенциональная стилистика
- Традиционная структуралистская стилистика
- Интерактивная стилистика
- Медиакультура и ее эффекты

Станислав Гайда:

«…рациональный путь к познанию мира лежит как через эмпирическое наблюдение, так и через создание и критический анализ теорий, которые не являются догматами, а всего лишь предположениями (лучше или хуже обоснованными), что открывает путь к рациональным дебатам».

«Создание новой стилистики (стилелогии?) требует критического отношения к прежним традициям, как и нахождения своего места в новой мировой и в новой познавательной ситуации».

«Идею стиля как гуманитарной структуры текста трактую не как решение проблемы стиля, но как вызов – указание на направленность познавательной деятельности».

Григорий Яковлевич Солганик:

«Современный русский литературный язык существует и развивается как система функциональных стилей, стремящихся к относительной замкнутости, к созданию собственных средств выражения, отвечающих внутренним и внешним задачам данной сферы общения».

«Можно полагать, что поочередная смена синтеза и дифференциации, своеобразная пульсация, растянутая если не на века, то на десятилетия, – это закон развития литературного языка».

Василий Павлович Москвин:

«Назначение функционального стиля связано с его местом в системе литературного языка, в речи же наблюдаем конкретные текстовые реализации стиля в функциях, далеко не всегда совпадающих с его назначением».

Георгий Георгиевич Хазагеров:

«Остроумная мысль о тонкой настройке языка с помощью кодифицированной нормы переставала работать, так как у нас при сетевом общении нет никакой уверенности, что мы говорим со слушающим на одном языке (с той же стратификацией единиц языка по стилевым парадигмам)».

«…творческий процесс нуждается в образцах, в поименованных формах по тем же почти причинам, по которым литературный язык нуждается в кодифицированной норме. Причина в обоих случаях кроется в возможности перейти от примитивного к сложному».

Ольга Оргонева:

«Намеченная необходимость теоретически учитывать варьирование первоначальной модели стиля сигнализирует, что в стилистике акцент начинает ставиться, наряду с работой автора над связными текстами при исполнении творческих замыслов, также на их рецепции или интерпретации со стороны адресата».

«Интердисциплинарности современной стилистики соответствует интерпретативная (квалитативная и субъективистская) методология гуманитарных исследований, инспирированная стимулами из когнитивных наук».

Наталья Ивановна Клушина:

«…пока еще с осторожностью, но мы можем говорить если не о вытеснении медиакультурой традиционной культуры, то о тенденции к доминированию медиакультуры над аутентичной культурой, по крайней мере, в повседневной жизни молодого поколения».

УДК 81’38

Станислав Гайда
(Опольский университет, Польша)

СТИЛЬ КАК ВЫЗОВ

В метатеоретическом понимании полная научная теория – это сложная иерархично-сетевая структура, которая включает три уровня: 1) комплекс положений онтологических, эпистемологически-методологических и аксиологических (философская база теории); 2) комплекс высоко абстрагированных теоретических понятий и общих положений, составляющих картину мира; 3) комплекс описательных понятий и положений, непосредственно представляющих исследуемые объекты (эмпирическая часть). Автор строит рассуждение, касаясь двух первых уровней полной теории стиля, т. е. концентрируется на ее философской части, а из содержания второго уровня выбирает понятие субъекта. В качестве отправной точки автор принимает свою концепцию стиля как гуманитарной структуры текста.

Ключевые слова: понятие, полная научная теория, онтология, эпистемология, аксиология, эмпирическая теория, интеграция знания, языковая реальность, текст, языковая система, индивидуальное и коллективное языковое сознание, теория стиля.

Stanislaw Gajda
(Opole University, Poland)

STYLE AS A CHALLENGE

In the meta-theoretical framework, a full scientific theory is a complex hierarchical-network structure which covers three levels: 1) a set of ontological, epistemological-methodological and axiological assumptions (the philosophical basis of a theory); 2) a set of highly abstract theoretical notions and general theorems which compose the image of the world; 3) a set of notions and descriptive theorems which assert something directly about the object being examined (the empirical part). The author considers the first two levels of the full theory of style, i.e., he focuses on its philosophical part and chooses the notion of subject from the second level. He accepts, as the starting point, his own concept of style as a humanistic structure of text.

Key words: notion, full scientific theory, epistemology, axiology, empirical theory, integration of knowledge, language reality, text, language system, individual and collective language consciousness, theory of style.

Ищите сложность и упорядочите ее.
Ищите простоту и не доверяйте ей.
(А. Н. Уайтхед)

1. Тайна стиля

Вочередной раз предпринимаю попытку задуматься над двумя тесно связанными проблемами: что такое стиль и как создать теорию стиля. Они не новы. Их многократно ставили в прошлом и искали решения. Более ранние ответы подлежали критической дискуссии, после которой спустя определенное время появлялись концепции нового поколения, провоцируя на следующий этап научной критики. В этих дебатах предлагаемые решения оценивались, в частности, с учетом таких критериев таким образом: внутренняя связность, объясняющая сила, адекватность по отношению к реальности, соответствие по отношению к доминирующим парадигмам. Все происходит в соответствии с убеждением, что рациональный путь к познанию мира лежит как через эмпирическое наблюдение, так и через создание и критический анализ теорий, которые не являются догматами, а всего лишь предположениями (лучше или хуже обоснованными), что открывает путь к рациональным дебатам.

Понятие стиля представляет собой фундаментальную категорию стилистики и в то же время непосредственную категорию речи. Мы ощущаем ее, однако ее познавательную составляющую уловить трудно. Это понятие появилось еще в античные времена. С течением веков оно стало «блуждающим» понятием (см. Bal 2012), странствующим не только во времени, но и географически, между дисциплинами (ср. его карьеру особенно в истории искусств), теориями и учеными. Претендовало и претендует на роль сильной идеи, которая может быть ключом к разрешению многих проблем. Видимо, именно поэтому появляется во многих интерпретирующих дискурсах в науке и вне ее.

Сама стилистика находится сегодня не в лучшей кондиции. Разрозненная и парализованная собственной историей, будучи в конфронтации с кризисом современного мира и наукой нового времени, она, похоже, не имеет иного выхода, кроме радикализации своей познавательной деятельности. Создание новой стилистики (*стилелогии?*) требует критического отношения к прежним традициям, как и нахождения своего места в той новой мировой и в новой познавательной ситуации.

Не намереваюсь здесь возвращаться к прошлому стилистики с целью провести аналитический обзор дефиниций и стилистических теорий. Это было сделано много раз, что не означает, что подобное возвращение не может быть обоснованно. Хочу положить начало метатеоретическому подходу к созданию новой – полной теории стиля, исходным пунктом которой служит моя концепция стиля, коротко выраженная формулой: стиль – это гуманитарная структура текста (см. Гайда 1982, 1983). Этой задаче подчинена композиция статьи. В **2.** предметом внимания является новая концепция понятия и структура полной научной теории. В **3.** пробую представить онтологические, эпистемологические и аксиологические основы полной теории стиля. В **4.** рассматривается проблема субъекта и субъектности как основы гуманитарного понимания стиля. В заключении (**5.**) намечены пути интеграционного подхода к тексту и его стилю.

2. Понятие и теория в современной науке

2.1. В обыденном понимании понятие – это обобщенная мысль о классе объектов (вещей, их атрибутов, событий, явлений, процессов). Эта мысль может получить материальное выражение, прежде всего языковое, благодаря чему становится орудием коммуникации. Иные основные функции понятия – быть элементом и организующей силой науки, а также участие в познавательной и практической деятельности. В классическом философском понимании понятие сводится к сбору необходимых и достаточных условий (ср. классическая дефиниция понятий *per genus proximum et differentiam specificam*). Ему приписывается статичность и стабильность, а также содержательная выразительность и предельная точность.

Современная наука (особенно психология и философия) поставила под сомнение эту классическую концепцию. Наряду с понятиями, соответствующими классическому пониманию, есть такие, которые имеют сложный и динамический характер или же являются размытыми. Для большинства из

них невозможно дать точную реальную дефиницию. Это касается множества научных понятий из области гуманитарных и общественных наук. Наиболее известные новые концепции – это теория прототипов и теория экземпляров, а также подход, апеллирующий к знанию (см. обзор этих концепций в Bremer 2011). Она дает, пожалуй, наиболее глубокое представление о природе понятий, показывая, что понятие является элементом знания и вступает в связь с иными понятиями, а также, как правило, имеет сложную композиционную и временную внутреннюю структуру (см. Koselleck 2001 i 2012). Можно таким образом говорить о хамелеоновой или полиморфной природе понятий.

Полиморфизм понятий следует из многих факторов. Обобщающий характер ведет к тому, что их отнесенность к конкретным объектам может приобретать произвольную до определенной степени форму, детерминируя сложность и динамику развития. Понятия не устанавливаются раз и навсегда и не обозначают то же самое для всех. Их эластичность скрывает в себе как постоянство, т. е. возможна заданность их содержания и объема, так и потенцию расширения, что позволяет им их метафорический по сути статус. В результате в понятии могут сосуществовать слагаемые разного генезиса и прочности: чисто интеллектуальные, а также эмоциональные и иррациональные, описательные и нормативные. В его сложной структуре бывает аккумулирован не только прошлый и современный опыт, но и предположения будущего. И нет ничего удивительного в том, что знакомство со структурой и историей отдельного понятия, а также учет его связей с другими понятиями ведет к построению своеобразной микротеории и показывает место в более широком пространстве знания (макротеории). Во многих случаях это задача необычайно трудна.

Во всей системе знаний и в макротеории понятия могут иметь разную значимость. От Платона в философии важное место занимал термин *идея*. В конце XIX в. ввиду многозначности (разный смысл, приписываемый ему философами, школами и направлениями) техническое использование этого слова было приостановлено. Однако его используют за пределами философии (ср. *идея свободы, идея прав человека, история идей*). Анализ употреблений позволяет отнести этот термин к понятиям важным, основным, обладающим высокой степенью абстракции. Как правило, эти понятия имеют размытые значения. В содержании понятия *идея* наряду с устоявшимся смысловым значением о своем присутствии заявляют такие компоненты, как ‘воззренческая конструкция’, ‘цель, образец, программа’.

Познавательные сложности с понятием *стиль* связаны также с его идейным характером. Идея стиля, привнесенная в человеческий разум уже в античные времена, приобрела необычайно богатый и непрестанно открытый смысловой багаж. Ее неуловимость склоняет одних исследователей к скептицизму и отвержению, других – к упорному стремлению взломать тайну стиля. Идею стиля как гуманитарной структуры текста трактую не как решение проблемы стиля, но как вызов – указание на направленность познавательной деятельности.

2.2. Признание понятия звеном, составной частью знания связано со сложной проблемой ее структуризации. Традиционно в науке в этом контексте обращаются к понятию теории, в новое время, в частности, концепции понятийных схем (см. Popper 1992) и систем, связывающих схемы в сети знания. Теория – это тип мышления, которое старается разрешить, т. е. выяснить и понять, определенную познавательную проблему. Результатом этого мышления является довольно большая порция знаний о мире, более или менее компактная система понятий и убеждений, а также связей между ними.

Полная теория имеет чаще всего сложную иерархично-сетевую конструкцию, которая охватывает три взаимосвязанных уровня:

- комплекс онтологических, эпистемологически-методологических и аксиологических положений, составляющих принятую в большей степени *a priori* философскую базу;
- комплекс высоко абстрагированных теоретических понятий и общих положений, составляющих всестороннюю интерпретирующую картину мира (он касается его строения, функционирования и изменения),

который выборочно концептуализирует и структурирует аморфную действительность;
- эмпирическую часть, т. е. комплекс понятий и описательных (обсервационных) положений, непосредственно характеризующих исследуемые объекты.

В научной практике функционируют теории, не включающие всех уровней (главным образом двух первых), т. е. неполные (ср. эмпирические теории, которые ограничиваются обобщением опыта низкого ряда и не представляют удовлетворяющих объяснений), а их внутренняя связность может значительно отклоняться от теории-идеала.

Различия между теориями могут касаться их онтологической, эпистемологической и аксиологической ориентации (ср. натуралистические и антинатуралистические, объективистские и критические и т. д.). Теории могут относиться к разным областям действительности, отличающихся охватом, что является одним из условий выделения теорий крупных, средних и малых (более конкретных).

Средние теории – к ним следовало бы отнести теорию стиля – находятся между менее значительными и более конкретными эмпирическими теориями и теориями более пространными, охватывающими самые общие понятия и положения.

В сложном иерархично-сетевом пространстве теории находят место понятия, расположенные на разных уровнях и подуровнях, высшие и низшие в иерархии, главные и производные, ключевые и менее релевантные, сложные и простые, формальные и описательные, высоко абстрактные и эмпирические, и даже нормативные. Они вступают в весьма разнородные взаимоотношения (при динамическом теоретическом мышлении они могут изменять свой характер), напр., обязательные и факультативные, регулярные и случайные, соразмерность и несоразмерность, часть – целое. Если бы для их изображения использовали теорию графов, мы получили бы запутанную сеть, состоящую из узлов-понятий и их связей. В этой сети выделялись бы понятия, занимающие иерархически высокую позицию и прямо или косвенно группирующие особенно много связей, что определяет их основную, ключевую организующую роль. Остальные понятия дополняют и детализируют понятийное пространство, определяемое ключевыми понятиями. Одно из этих центральных понятий позаимствовано для названия теории, ср. термины *стиль* и *теория стиля*.

В трехуровневой теории внимания заслуживают отношения между отдельными уровнями, а также связь эмпирической теории с объектом. После работ Поппера и Куна невозможно придерживаться тезиса, что в познавательных процессах доминирует индуктивный путь познания. Философские решения и на втором уровне теории, т. е. дедуктивным путем, сверху вниз, имеют существенное значение для практики эмпирических исследований – все научные данные (так называемые *голые факты*) имеют теоретическое содержание, а теоретические споры не находят простого решения путем отсылки к эмпирическому опыту. В развитии науки одинаково важную, а быть может, даже более существенную роль, чем новые результаты эмпирических исследований, играют новые философско-теоретические решения (новые ориентации, гипотезы, модели, понятия).

2.3. Научное знание создает множество теорий, соединенных разного типа и разной силы межтеоретическими связями как в границах одной дисциплины, так и в междисциплинарных. Существование этих связей проявляется в процессах интердисциплинарности исследований и интеграции знаний, но также и в дифференцировании. Это две стороны развития современной науки, в которой стираются комплементарные тенденции – до разделяющей специализации и до слияния. Целью науки является не только приобретение все более узконаправленного, утонченного знания, но и построение больших целостностей с большей дедуктивной силой, способных удовлетворить общечеловеческие интеллектуальные потребности.

Интеграцию в науке можно свести к двум типам: систематизации (формальная интеграция) и синтезу (семантическая интеграция). При систематизации внутри одной теории рассматриваются главным образом де-

дуктивные связи (вопросы выяснения), в то время как в гуманитарных и общественных науках теории *sensu stricto* часто заменяются дескриптивно-аналитическими процедурами. В то же время при попытке увязки разных теорий в границах одной дисциплины существенную роль играет то, что основы их единства может определять действительная связь и взаимозависимость объектов, представляемых теорией. Систематизация рассматривает возможность логической редукции одной теории по отношению к другой посредством дефиниционной редукции понятий, а также экспланационной редукции положений. При объединении теорий разных дисциплин исследуются шансы их логической унификации. Существенным является вопрос о том, возникают ли важные связи между теоретической трактовкой тех самых объектов. При синтезе речь идет о таком преобразовании содержания (ср. трансляция), чтобы ликвидировать их поляризацию и получить определенный способ унификации, который сделает возможным поиск решений для неразрешимых до настоящего времени проблем (см. **3.2.**).

Проявлением стремления к интеграции является, таким образом, тенденция к ослаблению оппозиции универсальность – несоразмерность, а также сильно укорененного в обыденном и научном мышлении дуализма (бинарности). Выражением этой тенденции можно считать идею так называемых двойственных (амбивалентных) структур. Здесь речь не идет о модели *continuum,* в которой полюса – это крайние точки на шкале дифференциации, а об отношении *versus* – полюса не взаимоисключаются, а дополняются. В познавательном процессе довольно часто невозможно выбрать один или второй из полюсов, необходимо принимать во внимание их полноценное присутствие и взаимопроекцию на их функционирование или же существование в радиусе взаимодействия. Двойственность часто не дает шанса на альтернативу как односторонний выбор, склоняет к мышлению, которое принимает во внимание сложный характер явлений и их вовлеченность в амбивалентность, парадоксальную комплементарность, колебания и т. п.

3. Онтологические, эпистемологические и аксиологические предпосылки

3.1. Не входя в дебаты, ведущиеся на почве философской онтологии (см., в частности, Stróżewski 2004), выступаю сторонником онтологии, создаваемой на основе опыта. Эта позиция кажется мне весьма продуктивной для развития теории стиля. В основе экзистенциального опыта познающего субъекта лежит бытие – познание включает в себя переход от мира полностью объектного к субъектному миру, точнее – субъектно-объектному, поскольку субъектность без объектного дополнения невозможна.

Бытие всегда проявляется в форме определенного способа существования (напр., физическое бытие, идеальное, возможное, необходимое), и эти способы конституируются посредством определенных бытийных моментов, т. е. посредством чего-то, что можно познать посредством опыта, уловив абстрактную сущность. Философы (в частности, Г. Фреге, Р. Карнап, К. Поппер, Ю. Хабермас, Р. Ингарден) выделили множество объектных миров. Их реальность не базируется на онтичной независимости, но следует из их своеобразия и автономности. Они существуют, основываясь на собственных правах, и не подлежат взаиморедукции, хотя определенным образом могут взаимообусловливаться (ср. психические миры, возникающие на основе мира физического).

Систематизируя выделенные миры, их число можно свести к четырем способам существования реальности:

1) мир конкретных объектов, в том числе деятельности человека и плодов его действий (жизненно-практический, бихевиоральный), т. е., следуя за Хабермасом с его местоименным называнием, – **объективный мир ТОТ**;

2) мир идеальный, составляющий систему (сеть) систем, т. е. **интеробъективный мир ТЕ**, охватывающий множество миров ТОТ, напр., ТОТ аксиологический, ТОТ языковой;

3) интенциональный мысленный мир личности, т. е. **субъективный мир Я**;

4) интерсубъективный мысленный мир коллектива, т. е. **культурный мир МЫ**.

3.2. Для эпистемологии современной эпохи характерно противоречие между миром объективным (ТОТ и ТЕ) и субъективным (Я и МЫ), между знанием о мире объективном и пониманием, постижением себя. Великие школы мысли (марксизм, структурализм, лингвистический поворот) исключали субъектные отношения. Человеческую жизнь редуцировали, применяя логику, свойственную исследованиям природных явлений. Неоднозначная интеллектуальная аура постмодерна, вероятно, способствует смягчению острого традиционного спора между натурализмом (объектный подход) и антинатурализмом, а также возвращению субъекта.

Новая научная рациональность принимает во внимание связь разных уровней теории (фактуально-эмпирического, теоретико-методологического и аксиологического), а биолого-социологический и общественно-культурный детерминизм дополняет сознательным выбором и творчеством субъекта. Тем самым она противостоит доминирующей в настоящее время в общественном дискурсе идеологии, которая в соответствии с приученным к калькуляции современным умом низводит *homo sapiens* до *homo oeconomicus*, *homo computans* и *homo digitalis*. Она не принимает убеждения, что практическая жизнь и духовная культура руководствуются разными принципами. Каждодневная жизненная практика требует функциональности в удовлетворении потребностей, а наши человеческие потребности упорядочены иерархически – в первую очередь физиология и безопасность и только в следующую очередь право голоса получают высшие потребности. В то же время для культуры опасен отход от автотеличности и мелкий утилитаризм.

Современный мир переживает глубокие изменения в своих базовых измерениях: экономическом, общественном и ментальном. В общественно-экономической сфере новейшая фаза развития капитализма, инспирированная идеологией неолиберализма, принесла экономическую глобализацию, а также бурное развитие новых технологий (в том числе информационно-коммуникативных), но в то же время привела к серьезному кризису. В общественной сфере происходит принципиальная деструкция установленного порядка, ср. кризис традиционных общественных структур, большая пространственная и социальная мобильность, усиление процессов индивидуализации, но и создание новых сообществ. Говорится о появлении общества-Сети (сеть организует сложный хаос в целое), ср. Castells 2007. В ментальной сфере пошатнулись традиционные способы мышления и аксиологический порядок. Это произошло и под влиянием информационного засилья: количество информации, ее эластичность и скорость в преодолении физического и социально-культурного пространства порождает неуверенность, боязнь и проблемы с созданием общего, цельного смысла. Следствием является, в частности, сильное присутствие в жизненной практике действий с более или менее явным механизмом манипуляции.

В поиске ответа на эти вызовы современности эпистемология предлагает:

- возвращение к методологии – необходимость неустанного критического самообоснования становится чрезвычайно актуальной и важной;
- учет широкого онтично-эпистемического фона, т. е. сложной и динамичной общественно-культурной действительности, а также познавательного плюрализма;
- трансдисциплинарный подход – речь идет прежде всего о творческой наддисциплинарной исследовательской позиции, опирающейся главным образом на фундамент понятий и теорий;
- необходимость считаться с интеграцией объективного и субъективного подходов и комплементарностью редукционизма и холизма.

Эпистемологию гуманитарных наук в последнее время упрекают в чрезмерном поклонении представлениям и их конструированию (в частности, так действует когнитивизм и дискурсология), а также редукции мира до языка в ущерб действительности того, что есть кроме языка (см. Latour 2010). Действительно, необходимо отдавать себе отчет в сложности мира и связей между всеми способами его существования, объективны-

ми и субъективными. Если принять метафору МИР – ЭТО СЕТЬ, то функционирование этой сети стимулируется созидательностью человека и/или причинностью объектов. Перед познающим субъектом вырисовываются четыре перспективы: **до** ТОТ, ТЕ, Я и МЫ, а также четыре пути познания любого объекта: **от** ТОТ, ТЕ, Я и МЫ. Таким образом возникает проблема объединения значительного количества частичных результатов и фрагментарных перспектив без редукционного сведения сложной действительности до объективистской (ТОТ) или интеробъективистской (до ТЕ/ТОТ) перспективы. Это требует применения разных семейств методов, а также перехода от методологического плюрализма к интеграционному плюрализму (см. Wilber 2006).

3.3. По традиционному убеждению, научный метод нейтрален и наука молчит о ценностях. Однако учет субъективной составляющей научного познания действительности выявил аксиологический редукционизм таким образом понимаемой науки. Человеческое существование не нейтрально аксиологически – оно имеет аксиотропический характер. Основы существования объективного мира ищут в нем самом (imanencja) или вне его (transcendencja). Напр., физика видит этот фундамент в структуре материи, подчеркивая ее космическую микроструктуру и микроструктуру в виде элементарных субатомных частиц, в то время как математика обращается к аксиомам. Уже вне науки находили абсолютное бытие в образе БОГА или в идее ДОБРА, заключающего в себе от Платона Добро-Правду-Красоту как особенную манифестацию существования.

Современные гуманитарные и общественные науки признают ценности и производные нормы регуляторами жизни индивидуумов и коллективов. Общность разделяемых ценностей и норм представляет собой, по их мнению, условие существования человеческих сообществ. Они также полагают, что современный кризис сопровождается крахом прежней доминирующей системы ценностей и норм (см. определения *аксионормативный хаос*, «*безнормье*», *аномия*). Были нарушены законы, управляющие в аксиосфере, – заметно движение от иерархии и оппозиции в направлении всеобщей эквиваленции, ослаблен общественный контроль за ценностями и нормами. Их выбор решают обстоятельства, часто специфические, а также вольная воля, часто лишая ценности и универсальные нормы их силы в пользу более практичных вещей.

Сквозь призму четырех способов существования аксиосферу можно представить как:

- ценности как свойство конкретных объектов, в том числе человеческой деятельности и продуктов этих действий (ТЕ аксиологическое);
- система ценностей идеалов с автономной внутренней гармонией, в основе которой лежит триада Добро – Правда – Красота (ТОТ аксиологический);
- ценности как составляющие сознания отдельного субъекта, как привычные, так и полностью осознаваемые (Я аксиологическое);
- ценности как составляющие коллективного сознания, ценностный опыт в культурах разных сообществ, начиная с семьи, народа и заканчивая человечеством (МЫ аксиологическое).

4. Субъект и субъектность

Гуманитарный в моей общей дефиниции идеи стиля апеллирует к человеческому агенту и к гуманизму как общественной идеологии, которая высоко ставит человека в иерархии живых существ, признавая, что источником его ценности и способности к защите и расширению своих идеалов и прав является сам человек. Так понимаемый гуманизм ставит в центр идею субъекта и субъектности, которая выдвигает категорию общество и личность, а также проблему их отношений.

По всеобщему убеждению, общество представляет собой совокупность действующих единиц, которые создают его своей деятельностью и взаимосвязями, одновременно формируясь – в процессах социализации и акультуризации – посредством институализированных продуктов данной деятельности и связей (в частности, путем разделяемых всеми знаний, т. е. ценностей и норм,

системы убеждений, схем поведения, а также институтов типа школы, государства). Современный кризис вызвал в общественной жизни драматические изменения, которые провоцируют некоторых наблюдателей на постановку тезиса о «конце общества». Однако более удачным кажется диагноз, что в прошлое уходит традиционная его форма (см., в частности: Touraine 2011, Marody 2015). В частности, распадаются крупные сферы общественной жизни и происходит динамичная его фрагментаризация, а возникающие образования не имеют постоянного характера. Усилились процессы индивидуализации, возникают новые общественные группы. В этих изменениях большую роль играет коммуникация с помощью новых технологий.

Изменения в общественной жизни поставили в новую ситуацию и действующую единицу. Она лишилась прежней в меру стабильной общественной поддержки. Желая поддержать давние связи и сохранить традиционные сообщества (напр., религиозные, национальные), она временами попадает в сети фундаментализма и навязчивой идеи идентичности либо в другую крайность – некритичный потребительский индивидуализм. В любом случае принцип ответственности общества и личности был подорван, что способствовало активизации идеи субъекта и субъектности, которая ставит сильную личность над общественно-культурным контекстом.

Человеческие агенты (индивидуальные и коллективные) в своих действиях могут быть представлены на шкале, один полюс которой составляет объектный подход. Направляясь в сторону второго полюса, проходим через различающиеся степенью автономии очередные субъектные версии. При первом подходе Я и МЫ сформированы безличными силами и обусловленностями, являются результатом «порабощения» контекстом (МЫ, ТОТ и ТЕ). При субъектном подходе рассмотрение человеческих действий указывает, что они зависят не только от контекста, но и в определенной степени (умеренная версия) или в большей степени (версия более радикальная) от самого субъекта.

Для автономии субъекта существенна величина самосознания и автодетерминизма (обратного воздействия на самого себя), а также наличие творческих способностей. Реальные действующие единицы в определенных жизненных ситуациях могут, реализуя определенные общественные роли, действовать непроизвольно, рутинно, в соответствии с заученными и/или навязанными образцами. В этом случае они внешне управляемы. Современная жизнь требует от человека вхождения в сложную и динамичную систему ролей, что требует не только эластичности, но и умения создавать их (см. Taylor 2001). Автономия и внутренняя управляемость (см. Riesman 1971) становятся ответом на требования в переломные времена.

Человек, таким образом, становится субъектом, совершенствуя знания о мире и умение вести внутренний диалог, когда его самосознание позволяет ему соблюдать критическую дистанцию по отношению к культурным нормам. Сегодня он предстает скорее как разнообразно расщепленное, чем интегрированное целое. В субъектном Я проявляется сопряжение: того, кто действует, и того, кто оценивает, Я индивидуального и Я коллективного, реального и идеального, неповторимого и универсального. Так понимаемая субъектность – это скорее процесс поиска и создания самого себя.

Всякая субъектность является одновременно как субъектностью регулятивно-познавательной, так и жизненно-практической. Практика представляет собой начальную систему соотнесения для познавательной деятельности. В их сопряжении обращает внимание следующее:

- асимметричный характер связи – переход от обогащенного знания к обогащенному (измененному) действию только возможен, в то время как обратная направленность – это жизненная необходимость;
- чем более сложным и изменчивым становится объектный мир по отношению к субъекту, тем более сложным и эластичным должны быть его знания и регулятивно-познавательные умения (если это требование не выполняется, то возникает угроза его

функционированию и даже существованию);
- в конкретных действиях, которые должны вести к однозначному результату (таковым является их цель, а также условие действенности и разумности), огромное богатство и многозначность мира и средств должны быть редуцированы селективным поведением субъекта.

Субъект в своих позиции и поведении распят между рациональностью адаптирующей (слабый субъект) и эмансипационной (сильный субъект). Первую характеризует сознание онтичной бесспорности, двухвалентная логика, детерминизм, прагматизм, часто мировоззренческий фундаментализм и докритическое самоутверждение, неспособное осознать собственные скрытые возможности. От науки он ждет ответа, как эффективно действовать. Культуру сводит к набору предписанных образцов поведения. Мир воспринимает в категориях индивидуализма и инструментализма. Ориентируется на измеримые ценности, укоренившиеся в материальном мире (напр., успех, благополучие, стабильность, безопасность). Общественная жизнь – это совершенствование в социальных ролях.

В то же время за эмансипационной рациональностью стоит сознание онтичной неочевидности, логика с ее многими достоинствами, индетерминизм, антифундаментализм и критическое самосознание. Знание – это нескончаемый процесс познавания мира, его интерпретирование и поиск способа жизни в нем. Культура трактуется как последовательность сменяющихся интерпретаций, точек зрения. Мир – реальность смысла, устанавливаемого в диалоге с самим собой и другими. Человека отличает способность высвобождения от прежнего восприятия мира и готовность открыться новому. Ведущей ценностью становится возможность быть субъектом и руководствоваться собственным разумом и волей согласно собою принятым универсальным ценностям и моральным принципам.

Итак, встать на сторону субъектности не означает поддержку эгоистичных стремлений к индивидуальной выгоде или общинной интеграции. Как индивидуальный, так и коллективный субъект одновременно обусловлен контекстом и отношением к самому себе, т. е. самосознание и принимаемые ценности и нормы (ср. свобода, справедливость, толерантность, права человека и т. д.), которые являются в то же время атрибутами гуманизма. Субъектные действия, таким образом, должны оцениваться не только с точки зрения практической общественной функциональности, необходимо прежде всего принимать во внимание творческую субъектность, представленную прежде всего в отдельном субъекте. То, что истинно на уровне индивидуальном, является истинным и на уровне коллективной жизни.

5. Язык – текст – стиль

В соответствии с принятыми в **3.** онтологично-эпистемологическими положениями языковая реальность (человеческая речь, язык в самом широком значении) – это сложное целое, являющееся частью еще большего целого. Основные способы существования данной реальности – это:

1. конкретная коммуникативно-языковая деятельность и ее продукция в виде конкретных текстов (**ТЕ языковое**);
2. языковая система (**ТОТ языковой**);
3. индивидуальное языковое сознание (**Я языковое**);
4. коллективное языковое сознание (**Мы языковое**).

Познание языка до настоящего времени концентрировалось прежде всего на его объективных формах существования (ТЕ и ТОТ). Структурализм, различая *langue* и *parole*, особое внимание посвящал системе. Однако, отталкиваясь от многих прежних традиций, в настоящее время растет интерес к субъективным формам (Я и МЫ), а также к сосуществованию и интерактивному взаимодействию всех способов существования языка. В субъектном представлении языка можно видеть фактор, существенно активизирующий стилистические исследования.

В стилистической традиции преобладают познавательные перспективы ТОТ и ТЕ, а также пути познания стиля – ТОТ и ТЕ. Язык воспринимается преимущественно как про-

блема формы, а не значения и контекста. Если даже и замечается связь между внутренним видением создателя текста и ее выраженной материализацией, то стиль сводится к форме плана выражения, в современной коммуникации все более гибридного (языково-иконического). Трудной для решения проблемой становится также идея целостности стиля (часто сводимого к перечню его черт), временами трактуемая как крайне идеологическая, ненаучная, ср.: «Мир как целое можно мистически увидеть, но не выразить» (Wittgenstein 1977: 81-82). Развитие наук о тексте (лингвистики текста, генологии, дискурсологии, когнитивизма, медиалингвистики, теории интерпретации текста и т. д.) приносит все больше всестороннего знания о разных измерениях текста. Его интеграция – трудное задание для стилистики. Новая более полная теория стиля должна выйти за границы эмпирического уровня, используя давние и новые исследовательские достижения.

Литература

1. Bal M. Wędrujące pojęcia w naukach humanistycznych. – Warszawa, 2012.
2. Bremer J., Chuderski A. (red.) Pojęcia. Jak reprezentujemy i kategoryzujemy świat. – Kraków, 2011.
3. Castells M. Społeczeństwo sieci. – Warszawa, 2007.
4. Gajda S. Podstawy badań stylistycznych nad językiem naukowym. – Warszawa, 1982.
5. Gajda S. Styl jako humanistyczna struktura tekstu// Z polskich studiów slawistycznych. – Warszawa, 1983.
6. Koselleck R. Semantyka historyczna. – Poznań, 2001.
7. Koselleck R. Warstwy czasu Studia z metahistorii. – Warszawa, 2012.
8. Latour B. Splatając na nowo to, co społeczne. – Kraków, 2010.
9. Marody M. Jednostka po nowoczesności. Perspektywa socjologiczna. – Warszawa, 2015.
10. Popper K. Wiedza obiektywna. Ewolucyjna teoria epistemologii. – Warszawa, 1992.
11. Riesman D. Samotny tłum. – Warszawa, 1971.
12. Stróżewski W. Ontologia. – Kraków, 2004.
13. Taylor Ch. Źródła podmiotowości. Narodziny tożsamości nowoczesnej. – Warszawa, 2001.
14. Touraine A. Myśleć inaczej. – Warszawa, 2011.
15. Wilber K. Integralna teoria wszystkiego. – Poznań, 2006.
16. Wittgenstein L. Dociekania filozoficzne. – Warszawa, 1977.

УДК 81'22

Г. Я. Солганик
(Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова)

О СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРНО-РЕЧЕВОЙ СИТУАЦИИ

Современный русский литературный язык испытывает воздействие большого количества факторов. К ним относятся язык СМИ, классическая литература и литература, наследующая ее традиции, массовая литература, Интернет. Сюда надо прибавить и «старые» факторы: функциональные стили, диалекты, жаргоны, просторечие. Многофакторность – отличительная черта современной культурно-речевой ситуации, позволяющая определить современный период как переходный.

Ключевые слова: переходный период, современный русский литературный язык, средства массовой информации, массовая литература, речевая ситуация.

Grigoriy Y. Solganik
(Lomonosov Moscow state University)

ABOUT MODERN CULTURE AND SPEECH SITUATION

The modern Russian literary language is influenced by many factors: language of mass information, classical literature and literature inheriting classical traditions, mass literature, Internet. One ought to add 'old' factors: functional styles, dialects, jargons, popular language. Many factors is characteristic feature of modern speech situation. We can examine modern period as transition period.

Key words: transition period, modern Russian language, mass information, mass literature, speech situation.

Что представляет собой современный русский литературный язык?

Наиболее важный факт, определявший многие особенности современного языкового состояния и не получивший глубокого осмысления, – это функционально-стилевое расслоение литературного языка. Современный русский литературный язык существует и развивается как система функциональных стилей, стремящихся к относительной замкнутости, к созданию собственных средств выражения, отвечающих внутренним и внешним задачам данной сферы общения. И это естественный и логичный поворот в развитии литературного языка, предсказанный еще А. С. Пушкиным.

«<…> Просвещение века требует важных предметов размышления для пищи умов, которые уже не могут довольствоваться блестящими играми воображения и гармонии, но ученость, политика и философия еще по-русски не изъяснялись – метафорического языка у нас вовсе не существует; проза наша так мало обработана, что даже в простой переписке мы принуждены создавать обороты слов для изъяснения понятий самых обыкновенных; и леность наша охотнее выражается на языке чужом, коего механические формы уже давно готовы и всем известны» (Пушкин 1949: 31).

Синтез языковых средств, осуществленный А. С. Пушкиным, касался прежде всего языка художественной литературы и предполагал распространение принципов этой языковой реформы на другие сферы общения. Этот процесс заключал в себе не только синтезирующее, но и дифференцирующее начало. Необходимость создания систем средств выражения для языка науки и других отраслей культуры объединяла задачи синтеза и дифференциации. Пушкинская реформа, разрушившая жанрово-стилистическую закрепленность языковых средств и объединившая их в пределах единых контекстов, предполагала в то же время последующую дифференциацию их на иных принципах, гораздо более прогрессивных и продуктивных, значительно расширивших понятие литературного языка, увеличивших возможности его семантического и экспрессивного варьирования. Таким образом, функционально-стилевое расслоение литературного языка – это прямое следствие его синтеза, это единственно возможное углубление и развитие языка, ведущее к экспрессивно-семантическому обогащению его единиц, к приобретению ими полифункциональности.

Развитие русского литературного языка сводится в целом к двум процессам, сменяющим друг друга, – к синтезу и дифференциации. Так, хаотичное состояние русской литературной речи подвергается синтезу в реформе Пушкина. Но сам синтез с течением времени предполагает последующую дифференциацию на новых основаниях в связи с изменившимся состоянием социума. Затем снова следует объединение. Можно полагать, что поочередная смена синтеза и дифференциации, своеобразная пульсация, растянутая если не на века, то на десятилетия, – это закон развития литературного языка. Дифференциация обслуживает потребности развивающегося социума, синтез обеспечивает единство его духовной жизни. И оба процесса, обе стадии необходимы, хотя конкретное их наполнение, реализация меняется от эпохи к эпохе.

Настоящий период – время дифференциации, накопления материала для будущего синтеза. Это переходный период, характеризующийся прежде всего многофакторностью. Помимо ранее действовавших, но значительно ослабивших свое влияние функциональных стилей, диалектов, жаргонов, просторечия к факторам воздействия на литературный язык относятся язык СМИ, массовая культура (литература), Интернет и очень важный внутренний фактор – массовое сознание. Именно массовое сознание, его формирование и изменение, определило важнейшие процессы в современном обществе, культуре, языке. Весь этот комплекс проблем глубоко разработан Б. А. Грушиным. В его социальной психологии главные концепты – это масса и массовое сознание. Наиболее существенные отличительные признаки любой массы как особого рода социальной общности, по Б. А. Грушину, это статистический характер общности, вероятностная ее природа, ситуативный характер существования и разнородность состава (Грушин 1987: 205–233).

Главная особенность массы в новом понимании заключается в том, что в данной общности разрушаются границы между всеми существующими в обществе социальными, демографическими, политическими, региональными, образовательными и т. п. группами.

Массовое сознание, управляющее социумом, означает огромное количество пересекающихся и непересекающихся групп, что выражается в речи в постоянном и непрерывном означивании мыслей, диалогов, ситуаций и т. д., т. е. всей жизни в социуме.

Применительно к языку теория массы, массового сознания ведет к принципиальной многофакторности современной культурно-речевой ситуации, т. е. к большому количеству источников влияния на современный язык (речь).

Новая языковая ситуация существенно меняет наши представления о литературном языке. В условиях функционально-стилевого расслоения каждый функциональный стиль манифестирует литературный язык. В каждом из них более или менее рельефно обнаруживаются те или иные черты литературного языка, полностью и во всем объеме раскрывающиеся в системе функциональных стилей. Однако языковое сознание общества нуждается в наглядной модели литературного языка, осуществляющей единство в многообразии на основе одного какого-либо стиля, выступающего в качестве своеобразного представителя всего литературного языка. Многостильность ослабляет в той ли иной степени представление о единстве литературного языка, поэтому в каждый из периодов развития общество нуждается в стиле, который моделировал бы, представлял литературный язык в его целостности и единстве.

Если в XIX в. понятие литературного языка ассоциировалось прежде всего с языком художественной литературы, то в наше время в качестве авторитетного и полноправного представителя литературного языка выступает язык СМИ. Актуальность СМИ определяется во многом глубоким общественным интересом к их содержанию, имеющему отношение ко всем членам социума в целом и к каждому в отдельности.

Это объединяющее начало, заложенное в СМИ, дало основание акад. Н. И. Конраду назвать язык СМИ «общим языком нации»: «В наши дни общим языком можно считать то, что именуется языком массовой коммуникации… В сфере массовой социальной и культурной коммуникации в настоящее время несомненно формируются новые черты языковой ситуации и прежде всего – в области семантической: в составе понятий и их связей» (Конрад 1970: VII).

Наиболее важной функцией средств массовой коммуникации, по мнению Н. И. Конрада, является поддержание единства общества путем сохранения стандартных, усредненных значений имен в нем. Это важное предназначение языка массовой коммуникации укрепляется и поддерживается и ролью, местом его в системе стилей русского языка. Язык СМИ занимает срединное, центральное место в стилевой системе литературного языка. Язык массовой коммуникации близок всем функциональным стилям, заимствуя из каждого средства, отвечающие его задачам как особого литературного образования.

Для целостной характеристики языка СМИ важно отметить и другое обстоятельство. Сложившаяся во взаимодействии с функциональными стилями сфера массовой коммуникации уже не ограничивается литературным языком, но захватывает и элементы, пласты национального языка, находящиеся за пределами литературного языка.

Таким образом, одна из функций языка СМИ заключается в осуществлении взаимодействия литературного языка с национальным (с теми его сферами, которые не включаются в литературный язык), в освоении этих сфер и в итоге в расширении, демократизации литературного языка. Фактически массовая коммуникация производит новое членение, стратификацию национального языка.

Массовая коммуникация – это новая языковая реальность, находящаяся в центре языковых процессов. Это модель современного национального языка, в котором взаимодействуют его литературная основа и нелитературные сферы. В общих языковых процессах участвуют не только «старые» факторы, такие, как функциональные

стили, просторечие, диалекты, жаргоны, но и новые, например Интернет, роль которого будет возрастать, а также массовая литература. В этих условиях язык СМИ играет роль объединяющего фактора, своеобразного полигона, на котором опробуется, испытывается взаимодействие самых разнообразных средств. Будучи по природе весьма проницаемой, массовая коммуникация включает в себя все темы, сюжеты, имеющие общественное значение, а также все языковые средства (независимо от их происхождения), обладающие социально-оценочным значением.

Таким образом, язык СМИ можно определить как широкое функционально-стилевое единство, в рамках которого объединяются языковые средства (прежде всего публицистического стиля), а также нелитературные средства (просторечие, жаргоны). Критерием включения служат качества языковой единицы – экспрессивность, имеющая оценочный характер, удобство (краткость) номинации и др. Следует подчеркнуть, что критерии эти широки и гибки. Это соответствует природе массовой коммуникации, охватывающей практически все сферы жизни общества. Как считает известный культуролог А. Моль, массмедиа фактически контролируют всю нашу культуру, пропуская ее через свои фильтры, выделяют отдельные элементы из общей массы культурных явлений и придают им особый вес, повышают ценность одной идеи, обесценивают другую, поляризуют, таким образом, все поле культуры. То, что не попало в каналы массовой коммуникации и не было включено в технологии раскрутки, почти не имеет шансов оказать влияние на общество. И исследователь делает вывод: «В настоящее время знания формируются не системой образования, а средствами массовой коммуникации» (Моль 2008: 45).

Особенность современной культурной ситуации – радикальное изменение самой системы культуры. «Главным, доминирующим ее элементом становится массовая культура. Элитарная же (прежняя культурная доминанта) и народная культура оттесняются на периферию, оказываются в новой системе культуры второстепенными» (Романенко 2009: 265).

В современной культуре влияние классической, серьезной (элитарной) литературы существенно сокращается, если не сходит на нет. В языковом плане классическая литература выполнила свою историческую миссию, сформировала литературный язык, сохраняющийся и в наши дни. Ядро, глубинная основа литературного языка – классическое наследие. Однако язык продолжает развиваться. И доля участия классической литературы в живом литературном и языковом процессе сокращается. О непосредственном воздействии на литературный процесс и литературный язык говорить вряд ли можно. Таково положение и с «высокой» литературой, наследующей традиции классики.

С точки зрения влияния на формирование современных литературных норм массовая литература, как и язык СМИ, оказывается вне конкуренции. Уже такое ее качество, как массовость, позволяет предполагать высокую меру ее воздействия на языковые вкусы, на свойства литературного языка. Разумеется, следует видеть и ее эстетические изъяны, несовершенства (гламурность, упрощенность и др.).

Если мыслить категориями классики, трудно признать права литературности за многими произведениями массовой литературы. Однако нужен и более глубокий, реалистический взгляд, учитывающий современную литературную и культурно-речевую ситуацию. Можно полагать, что мы находимся в начале нового этапа литературного и языкового развития, на котором на первый план выдвигаются новые, другие качества литературности, другие эстетические идеалы.

В социальном плане массовая литература (массовое искусство в целом) выступает в роли одной из объединяющих общество сил. «Через массовую культуру, ее символы и знаки индивид имеет возможность адекватно, как ему кажется, себя оценить и верно идентифицировать. Она это делает, закрепляя образную систему национальной идентичности, корпус национальных традиций, через постоянную трансляцию существующих стереотипов и внятное для неподготовленного «потребителя» внедрение новых. Во многом именно благодаря массовой литературе в об-

ществе складывается система идей, образов и представлений» (Купина и др. 2010: 57).

Так, в соответствии с новым мироощущением читателя XXI века ускоренный темп жизни отражается в массовой литературе в отсутствии развернутых пейзажей, вообще длинных описаний, в лаконизме повествования. Психологизм, столь распространенный в серьезной литературе, сведен к минимуму, к простейшим душевным импульсам. Соответствует массовому сознанию и слабо выраженное индивидуально-авторское начало. Упрощение литературных ожиданий выражается в том, что массовая литература удовлетворяет поверхностный и насущный интерес читателя к жизни, когда не надо углубляться в ее сложности и перипетии, но достаточно ознакомиться с сюжетным каркасом. Отсюда вытекает и несложная литературная техника, и упрощенный язык, и непритязательный стиль.

Массовая литература – один из факторов воздействия на литературный язык. Она изменяет, усложняет языковую реальность. Основное отличие современной языковой ситуации (по сравнению, например, с языковой ситуацией пушкинских времен) в том, что сейчас мы имеем дело с уже сформировавшимся литературным языком. И новшества, изменения касаются не основы литературного языка, а его периферии, что оказывает влияние на качество литературного языка. Однако степень воздействия периферийных элементов зависит от их меры, количества. Разумеется, развитие литературного языка продолжается, но протекает оно медленно, по сравнению с периодом его формирования, преимущественно на тех или иных его участках. Это прежде всего язык СМИ, выступающий представителем всего литературного языка, выполняющий функцию объединения и апробации новых единиц; это массовая литература, унифицирующая литературную речь, воздействие которой будет, по-видимому, возрастать; это жаргоны и просторечие, питающие литературный язык и оказывающие влияние на общую тональность литературной речи; это классическая литература и литература, наследующая ее традиции. Можно ожидать тесного взаимодействия массовой литературы и серьезной.

Массовая литература способствует освоению и внедрению в литературный язык широкого спектра разговорных средств, городского просторечия. Массовая литература вбирает в себя не только язык улицы, но и язык среднестатистической семьи, необработанную разговорную речь и др. Все это не может не влиять на литературную норму.

Эволюцию литературных норм можно видеть в расширении поля их действия, в некотором их ослаблении. Если рассматривать литературный язык с точки зрения Ломоносовских трех стилей, то главная черта его современного состояния – широкое наступление «низкого» стиля. «Высокий» теряет свои позиции. И в результате на первый план выдвигается «средний» стиль. Эстетический идеал литературной речи трудно сформулировать – он меняется применительно к тем или иным разновидностям, жанрам и т. д. Однако для всех сфер литературной речи характерна тенденция к снижению или исключению пафосности, к адекватной передаче информации минимальными языковыми средствами.

Массовая литература и «работает» на этот «средний» стиль, полностью ему соответствуя. Отражая сознание среднестатистического человека, массовая литература действует в направлении усредненности языка, нивелируя, унифицируя индивидуальные стили, что соответствует современным процессам глобализации, интернационализации общества. Массовая литература выражает миросозерцание, интересы массового читателя и воспроизводит уровень развития литературного языка в его среднем, массовидном выражении. Усредняя литературный язык, унифицируя индивидуальные стили, массовая литература способствует его стабилизации.

Один из значительных факторов современной языковой ситуации – Интернет. Однако влияние его на литературный язык на современном этапе не соответствует его масштабам. Это огромный, но параллельный литературному языку мир. Он существует обособленно, но намечаются пути сближения его с литературным языком. Это, в частности, журналисты, выступающие как в Интернете, так и за его пределами.

Ср. также электронные версии бумажных органов. Следует иметь в виду эклектичность, неоднородность составляющих Интернет частей. Однако масштабы Интернета позволяют предполагать большие возможности воздействия его на литературный язык. Об этом свидетельствует массовость участников социальных сетей, обеспечивающая интенсивность языковых процессов. Среди слов, пришедших из Интернета и получивших распространение в последнее время в литературном языке, можно назвать *селфи, хештег, мем, троллить*. Например: *Владелицу репетиторского центра затроллили в Сети за публичное признание агрессии в адрес жителя Крыма из-за места его пребывания* (Московский комсомолец. 08.06.2015).

Современная языковая ситуация, как отмечалось, многофакторна. Каждый из названных выше факторов участвует в формировании языковой картины общества, но участвует по-разному в качественном и количественном отношении.

Классическая литература выполнила свою историческую миссию – сформировала литературный язык, определила литературные нормы и остается хранительницей традиций, своеобразным литературным каноном, который почитается, но в реальной жизни литературы и языка участвует пассивно как норма, следовать которой необязательно, а можно и отталкиваться от нее. Классическая литература (как и литература, наследующая ее традиции) находится вне основного круга чтения, поэтому и участие ее в литературной и языковой жизни современного общества минимально.

Массовая литература актуальна благодаря тому, что отражает массовое сознание. Можно полагать, что в ней формируются черты новой эстетики, обусловленные массовым сознанием. Трудно назвать их конкретно, так как это дело будущего. Но уже сейчас ясно, что это другая литература, отличная от классической. Современный литератор не может писать «как Тургенев». Такого писателя читатель не понял бы. Этот читатель в основном продукт массового сознания. Он понимает и принимает сюжетность (остроту нарратива), максимально короткие описания, преобладание диалога. Отличительная черта массовой литературы – упрощенность, касающаяся всех сторон произведения. Можно добавить и такие ее качества, как гламурность, детективность. И эта литература, занимающая 9/10 книжного рынка, не может не влиять на литературный процесс, а через него и на язык. На сегодняшний день это влияние способствует закреплению существующего репертуара лексики и фразеологии. Массовая литература в этом плане выполняет объединяющую функцию (см. выше). Но со временем можно ожидать роста воздействия массовой литературы на язык. Что касается классической литературы, то, будучи основой литературного языка, она сохраняет свое значение и для настоящего.

Одна из главных особенностей современной языковой ситуации – резкое увеличение активных носителей литературного языка (Интернет, массовая литература). Происходит массовизация языковой жизни, что ведет к изменению понятия литературности, к некоторой утрате индивидуальности речи. Для современного состояния русской речи характерна тенденция к нейтрализации стилистических пластов лексики – к нивелированию стилистических окрасок и к объединению в одном контексте различных по окраске лексем. Вот характерный пример:

Проверку по поводу инцидента в метро, где в субботу машинист Александр Морозов выпал из поезда, проводят правоохранители. Руководство сабвея склоняется к версии, что мужчине стало плохо.

Как уже сообщал «МК», на станцию «Рязанский проспект» со стороны «Кузьминок» и ехал поезд без машиниста. Работник подземки Александр Морозов выпал из кабины прямо на ходу и погиб от полученных травм. Версий случившегося было несколько – от суицида, проблем с сердцем до самых невероятных – мол, человеку приспичило по малой нужде (Московский комсомолец. 22.10.2013).

Нейтральное *метро,* разговорное *подземка,* варваризм *сабвей* употребляются как равноправные обозначения, несмотря на стилистические различия.

Массовизация способствует такому восприятию слова, при котором главное – то, что оно означает, а стилистическая окраска отходит на второй план или игнорируется. Подобная тенденция, проведенная после-

довательно в течение длительного периода, может привести к новому функционально-стилистическому распределению лексики.

Массовизация меняет стилистическую иерархию лексики (изменяет восприятие ее стилистических качеств). Резко сокращается репертуар «высоких» средств, увеличивается количество разговорно-просторечных, которые во множестве переходят в «средний» стиль. Литературная речь как бы опустилась на одну ступень. В результате «средний» стиль резко расширился. Языковое сознание стало терпимее к иностилевым средствам. И все эти процессы вызваны действием массового сознания, нивелирующего тонкости восприятия стилистических оттенков слов.

По сравнению с предшествующим периодом (XIX, XX вв.), радикально меняется обстановка, в которой протекает развитие общества: практически все процессы, замыкавшиеся в национальных рамках, подвергаются глобализации. Это выражается и в языке, прежде всего в том, что изменяется отношение к иноязычным заимствованиям. Общество, ранее ревностно оберегавшее чистоту национального языка, становится терпимее к американизмам – основному средству глобализации. Приведем характерные примеры:

Прошел год с того момента, как на питчинге кинопроектов в Министерстве культуры продюсер Мира Тодоровская получила отказ в финансировании фильма «В далеком 45-м. Встреча на Эльбе» своего покойного мужа-фронтовика Петра Тодоровского (Московский комсомолец. 03.06.2015);

Действительно ли тверкинг подрывает нравственные устои? (Московский комсомолец. 15.06.2015);

Продюсер ивента Слава Кормильцев <…> сунул мне в этом полутемном вертепе мятую бумажку (Московский комсомолец. 23.06.2015).

Этот процесс очень активен, но встречает противодействие со стороны прогрессивной общественности. Однако характерна тенденция к заимствованиям, постоянное взаимодействие внутренних ресурсов и внешних сил – процесс, который не имеет конца, но может склоняться в ту или иную сторону. Полная глобализация невозможна, но она оказывает сильное влияние на языковые процессы.

Современный период развития литературного языка можно назвать переходным: прежние факторы во многом утрачивают значение, новые только формируются. В результате многофакторности возникает пестрый лексический мир, применительно к которому можно говорить не о строгой норме, но о тенденциях. Главные из них – ослабление нормативности, широкое понятие литературности. Современный литературный язык, если воспользоваться удачным выражением А. А. Дьяченко, отражает «пульсирующую неопределенность социума» (Дьяченко 2010: 91).

Однако объединяющим фактором выступает язык СМИ. Именно здесь решается судьба того или иного слова ограниченного употребления. Но язык СМИ при всем своем значении не исчерпывает литературного языка. В недрах национального языка, массовой литературы, Интернета, языка СМИ зреют ростки новой эстетики, новой стратификации литературного языка.

Литература

1. *Грушин Б. А.* Массовое сознание. Опыт определения и направления исследования. – М.: Политиздат, 1987. – 368 с.
2. *Дьяченко А. А.* Мысль рождалась в диалоге, здесь-и-сейчас // Открывая Грушина. – М.: Издательство Московского университета, 2010. – С. 91.
3. *Конрад Н. И.* Предисловие к Большому японско-русскому словарю. – М.: Русский язык, 1970. – С. VII.

4. *Купина Н. А., Литовская М. А., Николина Н. А.* Массовая литература сегодня: учебное пособие. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2010. – 424 с.
5. *Моль А.* Социодинамика культуры. – Издательство ЛКИ, 2008. – 416 с.
6. *Пушкин А. С.* Из чернового наброска заметки «О причинах, замедливших ход нашей словесности» // Полн. собр. соч. в 10 т. – М.: Гослитиздат, 1949. – Т. 7. – С. 31.
7. *Романенко Н. А.* Советская и постсоветская массовая словесная культура: общее и различное // Советское прошлое и культура настоящего. Т. 2. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета. – С. 265.

УДК 81'38

В. П. Москвин
(Волгоградский государственный социально-педагогический университет)

ВОПРОС О СТИЛЯХ ЯЗЫКА И СТИЛЯХ РЕЧИ

В связи с проблемой адекватного непротиворечивого определения предложенных В. В. Виноградовым понятий «стиль языка» и «стиль речи», содержание которых более полувека служит постоянным стимулом для дискуссий среди языковедов, рассмотрено отношение категории стиля к антиномии «язык и речь». Представлена история вопроса, критически проанализированы существующие подходы к решению указанной проблемы. Предложены определения для понятий «стиль языка» и «стиль речи», разведены понятия «функция» и «назначение», уточнено определение понятия «функциональный стиль», доказан его языковой статус; на этом основании выявлены основные типы языковых и речевых стилей.

Ключевые слова: стиль, стиль языка, стиль речи, антиномия «язык и речь», функция, функциональный стиль.

Vasily P. Moskvin
(Volgograd State Socio-Pedagogical University)

THE QUESTION OF STYLES OF LANGUAGE AND STYLES OF SPEECH

The relationship of category of style to the antinomy “language and speech” is scrutinized in connection with the problem of adequate and noncontradictory definition of the coined by V. V. Vinogradov notions “style of language” and “style of speech”, content of which for more than half a century serves as a stimulus for unceasing discussions among linguists. The background of the problem is presented, the existing approaches to its solution are critically analysed. The definitions for the notions “style of language” and “style of speech” are proposed, the notions “function” and “destination” are delimited, the definition of the notion “functional style” is specified, its language status is proved; the principal types of language and speech styles are revealed on this basis.

Key words: style, style of language, style of speech, antinomy «language and speech», function, functional style.

Данный, как известно, далеко не простой вопрос, до сих пор не нашедший удовлетворительного решения в отечественной лингвистике, связан с членением стилей по отношению к противопоставлению «язык и речь». Однако связать стили с данной дихотомией напрямую не удается, поскольку язык системен, речь линейна, а между тем:

1. ***Любой стиль представляет собой упорядоченную систему номинативно-выразительных средств***, следовательно, любой стиль *ex definitio* системен. При этом стиль может иметь характер:

А. Общеязыковой подсистемы (таковы, в частности, функциональные стили). Как общеязыковые подсистемы рассматривал функциональные стили В. В. Виноградов: «Если исходить из понимания общей структуры языка как «системы систем»…, то стиль языка – это одна из частных систем (или «подсистем»), входящих в общую систему. Понятие «стиля языка» в основном определяется *теорией функций* [курсив наш. – *В. М.*] языка и их реальным разграничением. В этом аспекте стиль языка – это структурный облик функции языка в ее многообразных проявлениях» (Виноградов 1963: 201).

Б. Подсистемы индивидуального языка, или идиолекта (таковы, в частности, ораторский идиостиль политика, публицистический идиостиль журналиста, художественный идиостиль поэта или писателя, научный идиостиль ученого).

Статус стиля как подсистемы либо общенационального, либо индивидуального языка подтверждает и сочетаемостный анализ, ср.: *язык науки* / *стиль науки*, *деловой язык* / *деловой стиль*, *язык Пушкина* / *стиль Пушкина*.

2. ***Любая из таких подсистем (как общеязыковая, так и индивидуально-языковая) получает реализацию в речи***, что также отражается в сочетаемости анализируемых терминов, ср.: *научный стиль* / *научная речь*, *стиль Пушкина* / *речь Пушкина*. Здесь подчеркнем одно концептуально важное (но, как будет показано ниже, не для всех специалистов очевидное) обстоятельство: из того факта, что абстрактная языковая подсистема получает линейную реализацию в речи (т. е. в речевом потоке), отнюдь не вытекает (non sequitur) тезис: а) о речевом характере данной подсистемы; б) об одновременно языковом и речевом ее статусе. Утверждения (а) и (б) вступают в конфликт, во-первых, с аксиомой об абстрактной системности языка и конкретном, линейном характере речи, во-вторых, с антиномией «язык и речь» (что для некоторых специалистов служит соблазном для упразднения данной антиномии).

С точки зрения сказанного нами очень трудно принять утверждение о том, что «стиль – один из важнейших и ярких *признаков* [курсив наш. – *В. М.*] речи, текста», «явление динамического аспекта, а не строя языка» (Кожина и др. 2010: 22). Аргументация тезиса о стиле исключительно как «признаке», т. е. стилистической окраске, небезупречна в логическом отношении, ср.: «Мы не имеем в современном русском литературном языке… *стилей языка* как особых его (языка) сфер, типов, *систем*. Но каждое *высказывание*, каждый *контекст* обладает *стилем* [= стилистической окраской; курсив наш. – *В. М.*]… В этом смысле мы и должны говорить о стилях речи» (Сорокин 1954: 81). Как видим, данное рассуждение основано на потере тезиса, т. е. на смешении двух значений термина *стиль*: а) ‘система номинативно-выразительных средств’ (в типовых контекстах: *научный стиль*, *стили языка*, *стиль писателя*); б) ‘стилистическая окраска’ (в типовых контекстах: *стиль текста*, *стиль высказывания*). Эту же логическую ошибку допускает и М. Н. Кожина, которая, по справедливой оценке В. В. Одинцова, «стремится характеризовать функциональные стили, но понимает их то как известную абстракцию [т. е. абстрактную систему. – *В. М.*], то как достаточно определенный текст, написанный тем или иным стилем [т. е. как стилистическую окраску, стиль текста. – *В. М.*]» (Одинцов 2006: 23).

При внимательном чтении известного учебника оказывается, что в пределах одного (небольшого по объему) параграфа «Вопрос о стилях языка и стилях речи» М. Н. Кожина то именует функциональные стили «одновременно и стилями языка, и стилями речи» (что уязвимо с точки зрения логики), то приходит к выводу о том, что «правомернее считать, что функциональные стили – это,

безусловно, стили речевые», ибо «определение *функциональный* у нас выступает как синоним *речевой*» (Кожина и др. 2010: 102–103 и 111). Аналогична позиция К. А. Долинина, который полагает, что «*функциональная* стилистика есть стилистка *речи*», но при этом (*ad absurdum*) определяет предмет стилистики как «часть *системы языка*» (Долинин 1978: 63 и 52).

Здесь заметим: в научной литературе языковая функция определяется как «роль (употребление, назначение) языка» (Слюсарева 1990: 564). В монографии известного специалиста читаем: «В соответствии с широко распространенным толкованием понятия функции как назначения, роли мы трактуем функции языковых (в частности, грамматических) единиц как их назначения, предназначения, как цели их употребления» (Бондарко 1996: 43). Очевидным представляется тот факт, что авторы приведенных определений отождествляют понятия «функция» и «назначение»[1]. Думается, что под функцией предмета следует понимать цель, с которой он используется в конкретной ситуации, под назначением же предмета – ту цель, для выполнения которой он создан, т. е. его основную функцию. В. И. Ленин убедительно демонстрирует разницу между предназначением и возможными функциями предмета на следующем памятном (особенно для старшего поколения филологов) примере. Вспомним: «Стакан есть, бесспорно, и стеклянный цилиндр, и инструмент для питья. Но стакан имеет не только эти два свойства или качества или стороны, а бесконечное количество других свойств, качеств, сторон, взаимоотношений и "опосредствований" со всем остальным миром. Стакан есть тяжелый предмет, который может быть инструментом для бросания. Стакан может служить как пресс-папье, как помещение для пойманной бабочки… совершенно независимо от того, годен он для питья или нет, сделан ли он из стекла, является ли его форма цилиндрической или не совсем, и т. д.» (Ленин 1970: 289–290).

Итак, стакан *предназначен* для питья, но может быть использован в различных *функциях*: а) в основной – как сосуд для питья (здесь функция соответствует назначению); б) во вторичных, конситуативно обусловленных функциях: как жилище для пойманной бабочки, как орудие удара, как груз для разлетающейся от ветра бумаги, как подставка, как хранилище для карандашей. Логично предположить, что и любой другой артефакт, включая такие созданные людьми, а значит, артефактные системы, как язык и стиль, должен иметь: а) предназначение, или основную функцию; б) определенный круг вторичных функций. Данное предположение служит концептуальной базой для следующей аналогии: официально-деловой стиль как подсистема литературного языка *предназначен* для реализации регулятивно-административного воздействия, в речи же языковые средства этого стиля (лексикон и типовые синтаксические структуры) могут быть использованы:

а) в *основной функции*, отвечающей назначению данного стиля:

Настоящим Челябинская городская дума удостоверяет, что предъявитель сего Николай Палладович Чашин имеет отправить со станции Пажени Юго-Восточной дороги на ст. Челябинск Омской дороги в адрес Ш. А. Ахметова сто пудов гречневой муки, закупленной для продажи местному населению. Городской голова П. Туркин.

б) во вторичных, например в *комической функции* (в стиле бурлеска), ср.:

Сим удостоверяю, что предъявитель сего Николай Иванович провел упомянутую ночь на балу у сатаны, будучи привлечен туда в качестве перевозочного средства… Поставь, Гелла, скобку! В скобке пиши «Боров». Подпись – Бегемот.

М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита

Художественный стиль как подсистема литературного языка *предназначен* для изображения и эстетического воздействия. В речи же средства этого стиля могут быть использованы: а) в *основной функции*, отвечающей назначению стиля (такова, например, пьеса В. Шекспира «Ромео и Джульетта»); б) во вторичных, например, в *инфлюатив-*

[1] Данное противопоставление было предложено и обосновано нами в статье (Москвин 1990).

ной функции. Так, в рекламе, посвященной укрепляющему иммунитет напитку «Актимель», Ромео пытается взобраться на балкон к Джульетте, но падает:

Увы, ослаб его иммунитет!
Помочь герою «Актимель» способен.

Назначение функционального стиля связано с его местом в системе литературного языка, в речи же наблюдаем конкретные текстовые реализации стиля в функциях, далеко не всегда совпадающих с его назначением. Именно поэтому во вторичных функциях «художественная речь может быть и вне литературы» (Томашевский 1928: 10), а функциональные стили «становятся базой для дифференциации многочисленных и многообразных форм речевого общения» (Виноградов 1961: 13). С этой позиции функциональный стиль следует определить как *подсистему* литературного *языка*, имеющую определенное социально весомое *назначение*. Это означает, что термин *функциональный* применительно к стилю целесообразно понимать как ‘связанный с *основной функцией*, *назначением* языковой подсистемы’. Иными словами, ***стиль как система номинативно-выразительных средств есть принадлежность языка, а не речи***. Признание функционального стиля принадлежностью речи, т. е. смешение понятий «(языковая) система / подсистема» и «(речевая) реализация системы / подсистемы», ведет к постулированию «системности речи» (Кожина и др. 2010: 82 и 75), что противоречит общепринятой аксиоме линейного характера речи и системности языка.

Итак, стиль имеет статус подсистемы общенационального или индивидуального *языка*, получающей реализацию в *речи*, что затрудняет подразделение стилей на языковые и речевые. В свое время Б. В. Горнунг попытался разрубить этот «гордиев узел» путем отрицания дихотомии «язык и речь», благодаря чему «снимается для нас и противопоставление “стилистики языка” и “стилистики речи”» (Горнунг 1965: 88). М. Н. Кожина, толкуя язык «как динамическую, функционирующую систему» (т. е. сглаживая, а *de facto* отрицая дихотомию языка как абстрактной системы и речи как динамической деятельности), также (видимо, вслед за Б. В. Горнунгом) «снимает проблему противопоставления стилей языка и стилей речи» (Кожина и др. 2010: 82 и 102). Это решение, радикальное ввиду отказа от таксономически необходимой дихотомии, вряд ли может быть поддержано.

Идея подразделения стилей на языковые и речевые была предложена акад. В. В. Виноградовым (Виноградов 1963: 5–14 и 201). Как известно, четкого определения введенных им двух понятий ученый не дал; этим объясняется тот факт, что «теория Виноградова о стилях языка и стилях речи вызвала оживленные многочисленные отклики широкого диапазона: высказывались и безусловное одобрение, и сомнения, и неприятие» (Горшков 2000: 25), а вопрос о стилях языка и речи стал «одним из наиболее спорных в стилистике» (Кожина 1983: 55). Существует ли логико-понятийное основание, на котором можно было бы принять идею В. В. Виноградова?

Начнем *ab ovo*. Современная антиномия языка и речи восходит к античной антиномии «творения» (т. е. любого конкретного либо абстрактного артефакта, а значит, в частности, любой «рукотворной» абстрактной системы: а) языковой, б) научной, например, строительного или любого иного искусства, etc.) и «деятельности» (а значит, в частности, речевой деятельности). Данная антиномия была сформулирована Аристотелем в трактате «Метафизика», где творение (ἔργον) определяется и как цель (τέλος) по отношению к деятельности (ἐνέργεια), и как «воплощение (ἐντελέχειαν) деятельности». Так, поясняет ученый, строительное искусство есть ἔργον, строительство – ἐνέργεια, дом – ἐντελέχεια (Aristotelis 1823: 187). В. фон Гумбольдт (1767–1835) использовал эти понятия применительно к языку, однако *de facto* отождествляет последний с речью, ср.: «Man muss die Sprache nicht sowohl wie ein todtes Erzeugtes, sondern weit mehr wie eine Erzeugung ansehen… Sie selbst ist kein Werk (Ergon), sondern eine Thätigkeit (Energeia)» ‘Язык должно рассматривать не как некое мертвое творение, но скорее как деятельность… Он есть не произведение (Ergon), но деятельность (Energeia)’ (Humboldt 1968:

44 & 46). Явно и жестко противопоставил язык и речь лишь Ф. де Соссюр (1857–1913). Он, в частности, уточняет: язык есть «нечто *социальное* по существу и независимое от индивида», речь же составляет «*индивидуальную* сторону языковой деятельности» (Соссюр 1998: 24). Данная, в целом верная трактовка не принимает во внимание факт существования индивидуальных языковых систем (см. пункт 1 Б). Прислушаемся в этой связи к мнению Р. О. Якобсона: «Это противопоставление Гумбольдта явно ощущал и гениальный женевский лингвист Соссюр, но он ошибочно полагал *ergon*, статичную языковую норму, *langue* в своей терминологии, за факт исключительно социальный, а творческий языковой акт, *parole* в своей терминологии, считал фактом сугубо индивидуальным. В действительности и язык как социальная ценность, язык в его социальном аспекте является одновременно предметом, объектом, *ergon* – и творчеством, энергией, и в то же время *эти ипостаси объединяет язык отдельной личности* [курсив наш. – *В. М.*] – с одной стороны, это индивидуальное достояние, индивидуальная застывшая норма, с другой стороны – неповторимый акт творчества» (Якобсон 2011: 45).

Если пренебречь фактом существования языковой системы в сфере индивидуального и все-таки принять позицию Соссюра, ибо «ведущей ролью языка индивидуального является именно динамика, именно акт творчества» (Якобсон 2011: 45), то с этой точки зрения можно определить языковой стиль как общеязыковую систему, значимую для речевой практики общества и получившую закрепление (кодификацию[2]) в литературном языке. В таком случае функциональные стили следует отнести как явления «социальные по существу и независимые от индивида» (Соссюр) к числу языковых стилей.

Речевой стиль определим как индивидуальную или групповую систему, не получившую закрепления в системе литературного языка. К разряду стилей речи отнесем: 1) индивидуальные стили политиков, адвокатов, ученых, писателей, поэтов, журналистов[3]; 2) групповые стили: романтический стиль, стиль классицизма, сентиментализма и др. Как видим, речевые стили «соотнесены с личностями авторов» (Головин 1980: 271).

Какова роль идиостиля в развитии литературного языка? Последний заимствует из идиостилей самые удачные конструкции и выражения, самые меткие, нужные слова: *громадье* (В. Маяковский), *стушеваться* (Ф. М. Достоевский), *бездарь* (И. Северянин), *промышленность* (Н. М. Карамзин): «Становясь достоянием значительной группы писателей, литературной школы, явления индивидуально-поэтического стиля тем самым механизуются, обнаруживая тенденцию к превращению в языковые шаблоны (клише)» (Виноградов 1980: 4). Язык заимствует удачные слова, модели словообразования, синтаксические структуры, фразеосхемы не только у известных, но и у сотен безвестных носителей языка, т. е. «языковая система не только “порождает” речь, но и питается ею» (Виноградов 1963: 14).

[2] Так, кодифицированными следует считать функциональные стили: существуют многочисленные прескриптивные описания научного стиля в учебной литературе, есть множество прескриптивных по своей направленности словарей научной терминологии; есть прескриптивные описания публицистического стиля, существуют «Стилистический словарь публицистики» Г. Я. Солганика (1999), словари газетных перифраз, etc.

[3] Это означает, что стилистику индивидуальной речи нельзя, даже вслед за М. Н. Кожиной, сводить к «стилю писателя или отдельного художественного произведения» (Кожина и др. 2010: 40–41).

Литература

1. *Бондарко А. В.* Проблемы грамматической семантики и русской аспектологии. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1996. – 220 с.
2. *Виноградов В. В.* О языке художественной прозы. – М.: Наука, 1980. – 366 с.
3. *Виноградов В. В.* Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 255 с.
4. *Виноградов В. В.* Русская речь, ее изучение и вопросы речевой культуры // Вопросы языкознания. – 1961. – № 4. – С. 3–19.
5. *Головин Б. Н.* Основы культуры речи. – М.: Высшая школа, 1980. – 335 с.
6. *Горнунг Б. В.* Несколько соображений о понятии стиля и задачах стилистики // Проблемы современной филологии. – М., 1965. – С. 86–93.
7. *Горшков А. И.* Лекции по русской стилистике. – М.: Лит. ин-т им. А. М. Горького, 2000. – 268 с.
8. *Долинин К. А.* Стилистика французского языка. – Л.: Просвещение, 1978. – 343 с.
9. *Кожина М. Н., Дускаева Л. Р., Салимовский В. А.* Стилистика русского языка. –М.: ФЛИНТА: Наука, 2010. – 464 с.
10. *Кожина М. Н.* Стилистика русского языка. – М.: Просвещение, 1983. – 223 с.
11. *Ленин В. И.* Еще раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках тт. Троцкого и Бухарина // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 42. – М.: Политиздат, 1970. – С. 265–304.
12. *Москвин В. П.* Лексико-грамматические средства выражения инструментальности в научном стиле // Иностранный язык для специалистов: Психологические, методические, лингвистические аспекты / отв. ред. М. Я. Цвиллинг. – М.: Наука, 1990. – С. 194–207.
13. *Одинцов В. В.* Стилистика текста. – М.: УРСС, 2006. – 264 с.
14. *Слюсарева Н. А.* Функции языка // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 564–565.
15. *Солганик Г. Я.* Стилистический словарь публицистики: ок. 6000 слов и выражений. – М.: Русские словари, 1999. – 650 с.
16. *Сорокин Ю. С.* К вопросу об основных понятиях стилистики // Вопросы языкознания. – 1954. – № 2. – С. 68–82.
17. *Соссюр Ф.* Курс общей лингвистики. – М.: Логос, 1998. – 235 с.
18. *Томашевский Б. В.* Теория литературы. Поэтика. – М.-Л.: Госиздат, 1928. – 240 с.
19. *Якобсон Р.* Формальная школа и современное русское литературоведение. – М.: Языки славянских культур, 2011. – 280 с.
20. Aristotelis et Theophrasti Metaphysica. T. I. Berolini: Typis et Impensis Ge. Reimeri, 1823. – 366 p.
21. Humboldt W. Über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluß auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts // Humboldt W. Gesammelte Schriften. Bd. VII. – Berlin: W. de Gruyter, 1968. – S. 1–344.

УДК 808.5

Г. Г. Хазагеров
(Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону)

ФОРМА, НОРМА, РЕПУТАЦИЯ И ЗАДАЧИ СТИЛИСТИКИ

Статья сфокусирована на категориях стиля и задачах стилистики. Существует два подхода к стилю. Первый базируется на категории формы и рассматривается как инструмент говорящего. Второй – на категории нормы. Он рассматривается как инструмент общества или государства для упорядочения общения. Длящийся характер коммуникации должен быть учтен в обоих случаях. Это добавляет в рассмотрение категорию репутации и придает рассуждениям этический аспект.

Ключевые слова: стилистика, стиль, риторика, норма, прагматика.

Georgii G. Khazagerov
(Southern Federal University, Rostov-on-Don)

FORM, NORM, REPUTATION AND THE MISSION OF STYLISTICS

The report is focused on the category of style and the tasks of stylistics. There are two approaches to a style. First one is based on the concept “form”. According to this approach a style is considered as a tool for speaker. The second approach is based on the concept “norm”. A style is considered as a tool for society or state to orange communication. Continuing character of communication should be considered in both cases. This adds to reasoning the concept “reputation” and gives arguments ethical dimension.

Key words: Stylistics, style, rhetoric, norm, pragmatics.

1. Форма и норма

В основе понимания стиля лежат два концепта: узнаваемая форма, факультативно связанная с уместностью речи, и норма, облигаторно связанная с уместностью. Сама же уместность речи тяготеет либо к семантической трактовке (связь означаемого с означающим), либо к прагматической (связь говорящего со слушающим).

Первый концепт громко заявил о себе в античной риторике: сначала в теориях трех стилей, а затем и в других системах стилей. Полную аналогию он находит в архитектуре: сначала в системе ордеров, а затем в представлениях о больших стилях эпохи. В этом же русле лежат представления об индивидуальном стиле. Самое позднее из значительных воплощений этого концепта – теория эпохальных стилей Д. С. Лихачева.

Второй концепт явился как своеобразная рецепция теории трех стилей в риториках декорума (XVII–XVIII вв.). Полную аналогию он находит в придворном этикете и эстетике классицизма. Затем этот концепт получает чрезвычайно остроумное функциональное осмысление в работах пражских лингвистов. Наиболее полным образом он воплощен в функциональной стилистике и культуре речи (или языка).

Остановимся более подробно на двух сюжетных линиях, названных выше.

Античная риторика решала задачу культивирования общения и, соответственно, окультуривания говорящего человека, превращения его из варвара в горожанина, человека цивилизации. При этом она физически не имела тех средств регламентации общения, которыми много позже располагали национальные государства, тем более абсолютные монархии и тоталитарные государства в эпоху цветущего книгопечатания и отсутствующего Интернета. Поэтому рабочим инструментом риторики была не норма, а форма: речь должна быть оформленной, а форма должна узнаваться и называться. Для этого, собственно, и составлялись обширные риторические каталоги, раздражающие современных ученых своей бессистемностью и напоминающие нам скорее коммерческие издания (скажем, журналы мод), чем нормативные справочники.

В отношении стиля первичная концептуализация формы выглядела следующим образом. Изначально высокий стиль соответствовал высоким предметам речи, а низкий – низким. Это была семантическая трактовка уместности. Средний стиль первоначально мыслился именно как нечто среднее между высоким и низким. Однако по мере решения прагматических задач стили стали связываться с достижением определенных целей: высокий должен был волновать слушателей и судей, средний – занимать, низкий (простой) – доказывать. При этом средний стиль стал называться цветистым (floridus) или приятным, изящным (glafiros). Связь с уместностью, тем более понятой семантически, слабела. Изобретались и другие стили, логика возникновения которых очень компактно и ясно описана М. Л. Гаспаровым (Гаспаров 2000: 445–446). Наиболее перспективной и достойной сегодняшней интерпретации мне представляется теория четырех стилей Деметрия, о которой я предполагаю опубликовать специальное исследование.

Тогда же, в античные времена, возникли и такие представления о стилях, которые окончательно потеряли связь с уместностью и в которых концепт формы выступал в чистом виде. Речь идет о выделении азианского, родосского и аттического стилей, в которых при известной натяжке можно усмотреть аналогию с высоким, средним и простым стилем. Сюда же относится выделение столичного (городского, urbanitas), сельского (rusticitas) и окраинного, «чужеземного» (peregrinitas) стилей, уже ничего общего не имеющее с уместностью, но явно служащее целям концептуализации стилевого пространства.

В трактате Витрувия, единственном, к сожалению, дошедшем до нас античном трактате об архитектуре и находящем удивительные параллели с трактатом Квинтилиана, жившего несколько позже, решается та же задача оформления пространства с помощью выделения и номинации форм – ордеров и их частей, о чем мне случалось писать (Хазагеров 2014). Большие архитектурные стили есть в чистом виде концептуализация формы. Семантика этих стилей – дело второстепенное, хоть и занимавшее умы крупней-

ших семиотиков современности (Эко 1998: 202 и сл.). Движение ордеров от каталога к норме можно проследить уже в трактатах Возрождения, о чем как раз я и писал.

Именно большие стили и работа Вельфлена «Ренессанс и барокко» навели академика Д. С. Лихачева на мысль о создании теории первичных и вторичных стилей, блестяще примененной им к истории древнерусской литературы. Здесь стили словесности сливаются со стилями пространственных искусств, обнаруживая нечто большее, чем аналогию, – единое происхождение и сосуществование в одну эпоху.

Но нормативные возможности, потенциально заложенные в теории трех стилей, особенно в ее наиболее архаичном варианте, оказались востребованными в эпоху складывания национальных языков. В России, как известно, эта теория в ее ломоносовской редакции была совмещена с попыткой решить проблему двуязычия. Вообще же «теория трех штилей» лежала в русле мощного тренда эпохи, когда регламентация («приличия») стала возможной, пусть и в узком кругу близких к власти авторов. Это явление Рената Лахманн назвала декорум-риториками, подчеркивая их особое место в истории риторики (Лахманн 2001). Уместность была стержнем этого феномена. Без натяжки можно сказать о некой «одержимости уместностью» в этих риториках, повинных в том, что поздние авторы начали переоценивать нормативную, прескриптивную природу риторики как таковой. Но декорум-риторики можно назвать еще и протофункциональной стилистикой.

Однако то, что стало в девятнадцатом веке называться стилистикой, было связано не со вторым, а с первым сюжетом, а вопросы нормы уперлись в лишенные серьезной аргументации споры архаистов и новаторов (у нас – шишковистов и карамзинистов). Первый сюжет продолжал существовать теперь в представлениях об индивидуальном стиле. Бюффон научил нас, что стиль – это человек и что его никаким образом нельзя отделить от человека. Казалось бы, родившаяся стилистика пойдет по первой линии, связывающей стиль лишь с узнаваемой формой. Но случилось не так.

Пражским лингвистам удалось наконец решить спор между пуристами и новаторами, проведя остроумное рассуждение о том, что благодаря норме мы можем передавать тончайшие нюансы языка и стиля. Если же мы не договоримся о норме, не кодифицируем ее, мы не получим «отшлифованного», по выражению Вилема Матезиуса, языка. При этом была не только провозглашена коммуникативная целесообразность нормы, но и решен вопрос с «гибкой стабильностью» нормы − вопрос, который давно и зачатую праздно мучил умы: консервировать язык или допускать новацию? Это был удачный поворот мысли, лежащий в русле сразу нескольких идей двадцатого века. Во-первых, он ознаменовал собой переход от энергетического (исторического, динамического) взгляда на мир к системному (информационному, инвариантному), что соответствовало достижениям естественных наук и математики. Причем был совершен переход от «шахматной», структурной системы Соссюра к адаптивной, кибернетической системе. Во-вторых, это соответствовало вариантному, парадигмальному, дискретному мышлению, которое до сих пор многим представляется ключом к решению лингвистических проблем.

На этом фундаменте поднялось стройное здание функциональной стилистики. Когда это здание начало шататься, это сначала было отнесено всецело к области «экстралингвистики» (введем религиозно-проповеднический и рекламный стиль, и все станет на место). Затем стало очевидным изменение отношений говорящих к самому понятию стилистической нормы и нормы вообще (что, казалось бы, решалось введением концепта «эластичности» нормы). Затем Интернет стал размывать представления о публичной речи (миллионы пользователей читали посты, созданные без всякой публичности, подготовленности, ответственности), агора оказалась дисперсной. Остроумная мысль о тонкой настройке языка с помощью кодифицированной нормы переставала работать, так как у нас при сетевом общении нет никакой уверенности, что мы говорим со слушающим на одном языке (с той же стратификацией единиц языка по стилевым

парадигмам). Коммуникативная оправданность нормы к тому же разбилась о конфликт двух целевых установок – ближней и дальней прагматики: агрессивная реклама коммуникативно оправдана для рекламодателя, но не оправдана для общества в целом. Утешение стали находить в «языковой игре» (сведя мысль Витгенштейна к простому каламбуру), в креативности, в стилистике ресурсов, дискурса − словом, в возвращении к первому сюжету, хотя и без его окончательного прояснения.

В это именно время все настойчивее заговорили об этике и даже о гуманизме. Особенно последовательно это сделано в статье Станислава Гайды, носящей название «Актуальные проблемы стилистики», в которой, в частности, отмечается, что гуманитарные науки должны «содействовать росту общественной рефлексивности» (Гайда 2015: 19) .

Здесь следует рассмотреть два наши сюжета с точки зрения того воспитательного потенциала, который в них заложен, а уже потом попытаться сформулировать задачи стилистики.

2. Пайдейя и «винтики»

Двенадцать книг Квинтилиана сосредоточены на задачах образования и воспитания оратора. Десять книг Витрувия сосредоточены на задачах образования и воспитания архитектора. Идея формы закономерно влечет за собой проблему образования и развития человека. Латинский глагол informo, от которого происходит латинское и современное слово «информация», означал «придавать вид, форму, формировать, создавать, делать; устраивать организовывать; обучать, воспитывать; строить, составлять; мыслить, воображать». Собственно, и русское слово «образование» связано с той же идеей придания формы, образа. Формируя общение, речь, мы формируем и самого человека, возделываем нашу собственную природу, культивируем ее. Вот изначальный смысл, заложенный в применении первого сюжета. Рука об руку с этим идет формирование прецедентов и авторитетов.

Свободному миру риторических каталогов потребны образцы: образцы в виде текстов, примеров (парадигм риторических трактатов) и образцы в виде людей, «школьных» авторов. Следовать риторике или архитектурным ордерам можно не подчиняясь, а подражая. Нас всех воспитали в легком презрении к классицизму, который сковывал творческое начало и призывал подражать устоявшимся образцам. Классицизм, и в самом деле, был очень поздней и своеобразной рефлексией классики, о чем ниже, но сейчас речь не о нем, а о самой классике. Речь о том, что творческий процесс нуждается в образцах, в поименованных формах по тем же почти причинам, по которым литературный язык нуждается в кодифицированной норме. Причина в обоих случаях кроется в возможности перейти от примитивного к сложному. В трудах С. С. Аверинцева можно найти две чрезвычайно важные мысли, проливающие свет на такой переход. Первая мысль о рефлексии, вторая о соревновании автора с жанром (Аверинцев 1996). Риторический каталог и есть воплощенная рефлексия и приглашение к рефлексии. Модные журналы, о которых я писал выше, играют практически ту же роль, но в иной сфере. Жанр же накладывает ограничения, и их надо преодолевать. Поименованные формы – стили, тропы, фигуры, антаблемент, колонны – располагают к творческому комбинированию и преобразованию (метаплазму), что от века и происходило как в архитектуре, так и в риторике.

Обращенность к юноше свойственна не только «Риторике к Гереннию». Пайдейя как одна из составляющих принципа humanitas, впоследствии взятая на вооружение гуманистами Возрождения, имеет тот же корень, что и «педагогика». Юное существо нуждается в наставнике, в примере; подмастерье изучает работу мастеров. Размышлять над формой, лепить форму, комбинировать формой, оглядываясь на великих учителей и их творения, – это школа подлинной креативности, и она непосредственно связана с личностным началом. Если «стиль – это человек» звучит категорично, то «учитель – это человек, личность» звучит тривиально, хотя именно этот принцип и был нарушен на путях развития второго сюжета.

Классицизм обычно винят в рационализме, словно забыв, насколько рациональна и даже рассудочна была сама классика. Вопрос

в характере этого рационализма (от Аристотеля к Декарту, от общества к механизму). Но главное – это включенность риторики и стилистики в иную концепцию социума. У истоков второго сюжета стоит абсолютистская Франция Людовика XIV, автора высказывания «государство – это я». На нашей почве этот сюжет достиг своего расцвета при Сталине, авторе высказывания о «колесиках и винтиках». Придворные, которым раздавали этикетки с правилами поведения (откуда берет начало слово «этикет»), советская интеллигенция и ширнармасс (широкие народные массы), которым приписывалось исполнение определенного речевого поведения, тоже были воспитуемыми, но несколько на другой манер, нежели неизвестный нам юноша Геренний. Личностный момент был отодвинут на второй план, на первом плане была государственная машина. Причем, как и в случае с Лувром, где испражнялись в камины, главную роль играл фасад, в данном случае фасад речевого поведения. В советском речевом воспитании от ликбезовских времен до времен развитого социализма литературный язык не был тем, чем он был для Матезиуса. Дело было вовсе не в том, чтобы передавать тонкие нюансы смысла и движения собственной души, а в том, чтобы соблюсти внешний, насквозь эпидейктический канон, соблюсти декорум.

От судебных ораторий А. Я. Вышинского, далеких от судебного красноречия, но близких к красноречию торжественному, до «Родной речи», на которой учился автор этих строк и которую, прожив жизнь, проанализировал, все было пронизано имперским пафосом. Воспитуемый должен был уметь в приподнятых, но стандартных выражениях отрапортовать о достижениях наверх, выступить с речью на собрании, подвергнуть себя «критике и самокритике», и это было все, что от него требовалось. Норма была вертикальна, но не в том смысле, о котором писали стилисты на рубеже веков, а в том, что она обслуживала вертикальные связи. Горизонтальные связи формировали тот сленг, то насмешливое и во многом амбивалентное отношение к господствующей идеологии, которое потом вылилось в медиапространство в виде всем памятного и до сих пор не преодоленного «стеба». В однобокости советского языкового воспитания и идеала лежат корни сегодняшнего лингвистического цинизма (термин А. П. Сковородникова).

Разумеется, те примеры, о которых шла речь в двух предыдущих абзацах, – крайности, вызванные в первом случае болезнями роста молодой Европы, во втором – громадным и дерзким социальным экспериментом. К тому же в обоих случаях были и настоящие достижения. Однако отсутствие почвы для воспитания говорящего человека при подходе с позиций соблюдения социального декорума – вещь очевидная. И именно поэтому с некоторых пор настойчиво заговорили об этике общения. Но, с моей точки зрения, до сих пор не выработан фундамент для новой пайдейи. Этим во многом обусловлен пафос настоящей статьи.

Со времен возрождения риторики в отечественной лингвистике настойчиво заговорили о риторическом идеале (Сковородников 1997; Галевская 2001). Причем разговор во многих случаях замкнулся на специфике русского риторического идеала, который иногда откровенно превозносился за счет поругания идеалов чужих, что похоже на известный парадокс: мы настолько толерантны к собеседнику, что считаем вас ниже себя (Михальская 1996). При этом американскую риторику называли горгианской, а русскую сократической. Но Горгий – отец торжественного красноречия, а именно торжественное красноречие (горгианское и по форме, и по установкам) расцвело в Древней Руси и составило ее славу. Американская же риторика, как мне представляется, меньше всего имеет отношения к Горгию. Нам в этой системе приписывался «сократический» идеал, утопизм которого был понятен уже Аристотелю: реальная полемика не может строиться на платоновских диалогах, где сам автор вкладывает слова в уста персонажей. Правда, в советское время именно таким способом и спорили с оппонентами, но это вряд ли русский риторический идеал.

Вопрос, однако, в том, где лежит источник риторического идеала и вообще культурного речевого поведения. В античной риторике этот источник заключался в самом развитии речи, во всяком случае он самым тесным

образом был с ней связан. В наших же представлениях этика существует где-то отдельно и лишь проявляет себя в коммуникативном поведении. «Речевая этика – это правила должного речевого поведения, основанные на нормах морали, национально-культурных традициях» (Культура 1998: 90). Но в этом случае роль «учителя словесности», а тем более ученого-филолога мизерна. Первому только и остается, что ссылаться на идеал, а второму, как видим, похваляться им. В этом ли состоит «педагогическая риторика»? К тому же этика общения фатальным образом сводится у нас к речевому этикету, то есть к устойчивым формулам, употребляемым в соответствии с регламентом общения.

Аналогично обстоит дело и с постулатами речевого общения Герберта Грайса и другими явлениями того же ряда. Чем поддержаны постулаты? Категорическим императивом? Правда, в отличие от «идеала» в «постулатах» акцентирована фигура собеседника, а с собеседником приходится считаться, чтобы он считался с тобой. Но, как мне приходилось писать не раз, ось «Я – Ты», поддержанная авторитетом Михаила Бахтина, не захватывает всего, что происходит в общении. Ведь слово живет в социуме, где его жизнь оказывается более длительной и более влиятельной, чем в любой интеракции. Слово даже переходит из социума в социум, чем обусловлен экологический аспект общения. Речи Цицерона живут сегодня и оказывают на нас влияние, но это влияние не касается самих казусов этих речей, оно касается казусов употребления убеждающего слова.

В **длящемся характере речевого воздействия** (продолженной прагматике) лежит, на мой взгляд, корень этики общения, и здесь же видятся мне главные задачи стилистики.

3. Стилистика и репутация

Длящийся характер общения оборачивается для говорящего вопросом о его репутации внутри данного дискурса или социума (лучше сказать, дискурсивного сообщества), а для самого социума – проблемами его выживания, эволюции, инволюции, реабилитации – словом, адаптации. Отсюда вытекают две главные задачи стилистики, непосредственно и естественно связанные с этикой.

Первая задача – воспитание и развитие говорящего человека.

Вторая – строительство и мониторинг дискурсов.

Первая задача лежит в русле современной имиджелогии и того, что называют стилистикой за пределами науки о языке. В обществе существует значительная потребность в коммуникативном самовоспитании, прежде всего в связи с профессиональной репутацией. В настоящее время эта потребность удовлетворяется главным образом коучерами и тренерами, очень мало озабоченными проблемами самого языка – лексики, синтаксиса, грамматики. Меж тем мое участие в подобных мероприятиях показало большой интерес именно к языку: не столько к тому, как сесть, как встать и что делать с голосом, сколько к тому, какими словами пользоваться для выражения тех или иных интенций, для поддержания о себе того или иного впечатления. Любопытно, что поверхностное понимание имиджа как грубой речевой маски исходит не со стороны спроса, а со стороны предложения. Мне кажется, что нынешняя конъюнктура дает возможность реализовать в современных условиях принцип пайдейи.

Представления о человеческом капитале, репутационном менеджменте, талант-менеджменте, деятельность HR отделов, в том числе learning and development, концепт «карьерный рост» – все это позволяют предположить, что современная пайдейя окажется социально востребованной, и та школа, которая начнет готовить «достойных юношей и девушек, успешных в речах» не останется на обочине жизни. При этом коммуникативная этика будет воспитываться рука об руку с развитием речи.

Интенциональная стилистика и стилистика ресурсов лежат ближе всего к решению этой задачи. Однако здесь открываются совершенно новые исследовательские горизонты. Идти приходится не от ресурса: как использовать, скажем, синонимию, а от самой интенции: выяснить, какими речевыми средствами обслуживается такая-то интенция. Причем интерес должен быть развернут к проблемам продолженной прагматики: чем обслуживается, скажем, намерение

создания и поддержания имиджа уверенного, надежного человека. Некоторые шаги в этом направлении сделаны. Например, востребованное сегодня качество проактивности очень легко увязывается с речевым поведением. Кое-что дает опыт, накопленный в области использования словесных фигур. Например, фигуры разрыва и фигуры прибавления явно тяготеют к демонстрациям противоположного психического настроя, склада. Полезной и востребованной работой был бы атлас интенциональной стилистики, где различные интенции соотносились бы с использованием стилистических средств, что было бы снабжено яркими примерами, способными послужить образцами для носителя языка.

Вторая задача лежит в русле того, чем традиционно занимается функциональная стилистика, и близка к стилистике дискурса. Отличие от функциональной стилистики, во-первых, в ориентации на значительно меньшие и значительно более цельные явления, чем, например, «газетно-публицистический стиль». Во-вторых, речь должна идти не столько о нормативных прескрипциях, сколько об интерактивном взаимодействии с этими социумами, носителями дискурсов, будь то корпорации, администрации, учебные заведения или даже клубы. Такая потребность в обществе тоже есть, и она пока решается на уровне разовых акций. Идеи «стилистического сопровождения», насколько мне известно, до сих пор не существует. Н. И. Клушина справедливо замечает: «Но современная эпоха расшатала нормы, современная речевая практика их во многом опровергла, сегодня нормы функциональных стилей можно рассматривать не как нормы, а как эталон» (Клушина 2015: 46). Однако если, кодифицируя норму, лингвист апеллирует к государству, то, предлагая «эталоны», он может апеллировать только к обществу или определенному сообществу, и в этом случае он не может ограничиться публикацией словаря, но должен пропагандировать эти эталоны в диалоге с обществом или сообществом. Более того, предложив их один раз, он должен быть готов к их «перенастройке». И это уже не «гибкая стабильность нормы», а постоянное взаимодействие с заказчиком, с «потребителем нормы».

В связи со стилистическим просветительством, обращенным к локальным сообществам, обнаруживается другая сторона пайдейи. Просвещение помогает структурировать знания самим просвещающим, поднимает их собственную репутацию, возвращает науке, в значительной мере обезличенной и заорганизованной, личностное начало. Исследователей, пишущих для рейтинга, она превращает или может превратить в учителей. Это могло бы способствовать возращению гуманитариев в лоно их социальной миссии.

Здесь исследования должны быть сфокусированы на жизни дискурсивных или функциональных стилей в их динамике, но не в плане обычной диахронии, регистрирующей исторические изменения, а в плане стилистического проектирования. В принципе это должно быть что-то вроде инженерной стилистики, то есть науки, ориентированной на решение прикладной задачи стилистического конструирования, куда входит умение оценить состояние дискурсивного стиля и выработать рекомендации по оптимизации этого состояния.

Высказанные рекомендации выражают всего лишь мою субъективную точку зрения, но они обращены к стилистическому сообществу, и, возможно, какая-то его часть примет некоторые из изложенных соображений.

Литература

1. *Аверинцев С. С.* Историческая подвижность категории жанра: опыт периодизации // Аверинцев С. С. Риторика и истоки европейской литературной традиции. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – С. 101–114.
2. *Гайда С.* Актуальные задачи стилистики // Актуальные проблемы стилистики. – 2015. – № 1. – С. 11–21.

3. *Галевская Е. Г.* Изучение особенностей русского и английского речевых идеалов на уроках родного и иностранного языков в школе // Русская словесность. – 2001. – №1. – С. 33–36.
4. *Гаспаров М. Л.* Античная риторика как система // Гаспаров М. Л. Об античной поэзии. – СПб.: Азбука, 2000. – С. 424–472.
5. *Клушина Н. И.* Современная стилистика. Проблемы и перспективы // Актуальные проблемы стилистики. – 2015. – № 1. – С. 44–47.
6. Культура русской речи: Учебник для вузов / под ред. Л. К. Граудиной и Е. Н. Ширяева. – М.: НОРМА – ИНФРА, 1998. – 560 с.
7. *Лахманн Р.* Демонтаж красноречия. – СПб.: Академический проект, 2001. – 365 с.
8. *Михальская А. К.* Русский Сократ: Лекции по сравнительно-исторической риторике. Учебное пособие. – М.: Academia, 1996. – 188 с.
9. *Сковородников А. П.* О содержании понятия «национальный риторический идеал» применительно к современной российской действительности // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения: Научно-методический бюллетень. – Вып. 5. – Красноярск-Ачинск. – 1997. – С. 27-37.
10. *Хазагеров Г. Г.* Классика и классицизм в риторике и архитектуре. Две стратегии упорядочения пространства общения. URL: http://www.hazager.ru/cultural-situation/140-architecture.html.
11. *Эко У.* Отсутствующая структура. Введение в семиологию. – М.: ТОО ТЛ «Петрополис», 1998. – 416 с.

УДК 81'38

Ольга Оргонева
(Университет имени Коменского в Братиславе, Словакия)

КОНТУРЫ СЛОВАЦКОЙ СТИЛИСТИКИ XXI ВЕКА[1]

Современные тренды в словацкой стилистике XXI в. отражают общелингвистическую направленность на практическое употребление языка, а значит, на речь. В настоящей статье кратко рассматривается развитие словацкой стилистики с середины XX в. до конца первого десятилетия XXI в. Нас интересует, каким образом коммуникативно-прагматический поворот в лингвистике оказал влияние на традиционную структуралистскую стилистику в Словакии. Вместе с тем наше внимание обращается на то, каким образом ученые рассматривают интерактивную стилистику повседневных диалогов, причем учитываются и участники коммуникации. В рамках интердисциплинарного изучения гиперсовременной жизни и коммуникации (в том числе стилистической точки зрения) наше внимание обращается на методологические инновации, основанные на субъективном методе интерпретации и вдохновленные идеями когнитивных наук.

Ключевые слова: стилистика, структурализм, прагматизация, когнитивные науки, интерактивность, интердисциплинарность, интерпретация, гиперсовременность.

Oľga Orgoňová
(Comenius University in Bratislava, Slovakia)

THE CONTOURS OF SLOVAK STYLISTICS OF THE 21ST CENTURY

The topical trends in Slovak stylistics of 21st century reflect the main stream of general linguistics focused on practical usage of language, e. g. on the speech. The item of this paper consists in picturing the ways of Slovak stylistics from the mid of 20th century to the first decade of 21st century. We are interested here by the fact, how the communicational and pragmatic turn in linguistics affects the traditional structural stylistics in Slovakia. We also pay attention at the question, if the interest of scientists tends towards the interactional stylistics of every day dialogues, stressing the role of communicant people. In the frame of an interdisciplinary study of contemporary hypermodern life and communication (including a stylistic approach), we point out at some methodological innovations, based on the usage of subjective qualitative method of interpretation, and inspired by several ideas of cognitive sciences.

Key words: stylistics, structural liguistics, pragmatic approach, cognitive sciences, interactivity, cross-disciplinary approach, interpretation, discourse of hypermodern time.

[1] Статья выполнена в рамках решения грантового проекта Министерства образования Словацкой Республики VEGA № 2/0011/15 «Язык в социальной культуре».

Традиционная словацкая структуралистская лингвистическая стилистика (ее репрезентируют классические труды лучших представителей словацкой стилистики – Эугена Паулины, Йозефа Мистрика и Яна Финдры) во 2-ой половине XX века определяет предмет стилистики как стили вербального общения. Центром внимания в этой теории является отбор языковых средств для построения оптимального текста. Э. Паулины в своих работах делает акцент как на выборе средств, так и на необходимости принимать во внимание при профилировании стилей стилеобразующие факторы (Pauliny 1955: 18). Й. Мистрик, другой представитель так называемой *теории выбора* в лингвостилистике, опираясь на Э. Паулины, определяет стиль как *способ высказывания, возникающий целенаправленным выбором, закономерным расположением языковых и внеязыковых средств с учетом их функции, ситуации, замысла автора, тематики и компонентов содержания высказывания* (Mistrík 1997: 419). В такого рода концепциях систематически принимаются во внимание, кроме выразительных средств текста, как внеязыковые средства, так и объективные и субъективные факторы. Основы лингвостилистики при этом методологически производятся от констант структурализма как базы для отбора «пучка дистинктивных атрибутов», разграничивающих определенные образцовые приемы/стили высказывания, а также приемы построения текстов/стилистические приемы или определенные группы продуктов построения текстов (жанры). Значит, основы эти исходят из бинарных оппозиций, как, например, *язык – речь*, *приватность – публичность*, *субъективность – объективность*, *монологичность – диалогичность*, и также, например, из инструментально обоснованного представления о языке как об орудии общения[2]. Рассуждения о профилировании определенных повторяющихся приемов высказывания (стилей) в публичной (общественной) или частной коммуникации переходят в абстрагирующие классификации так называемых *функциональных стилей языка*. В структуралистской теории вместе с тем центром внимания является стилистика монолога одного автора, который своим текстом будто «отражает» объективную реальность с использованием стабильных схем или типовых (образцовых) способов построения текстов, значит, при помощи конкретных стилей языка. Например, концепция Й. Мистрика содержит семь так называемых первичных стилей (*научный*, *административный*, *публицистический*, *риторический*, *эссеистический*, *разговорный* и *художественный*), концепция Я. Финдры – шесть стилей (с исключением эссеистического стиля и с включением эссе как единственного эссеистического жанра в группу научных жанров) (Findra 2004: 181–222).

С учетом так называемой *литературоведческой стилистики* параллельно с теорией выбора Й. Мистрика в 70-ые годы прошлого века формировалась в рамках «нитранской школы» (в университете города Нитра) во главе с профессором Франтишком Мико так называемая *теория выразительности* стиля и стилистики, давшая сигнал к альтернативным взглядам на теорию стилей, причем ее автор Ф. Мико пришел к пониманию центрального понятия предмета – стиля – как *единичной или стандартизированной динамической конфигурации выразительных свойств текста* (Miko 1970). В отличие от характерных для того времени лингвистических теорий стилистики, в его концепции внимание уделяется скорее определенным потенциальным тенденциям, так называемым *категориям выразительности*, которые конфигурируются в ходе образования текста, нежели фиксированным образцам текстов, в которые следовало бы «подсадить» актуальные данные, учитывающие идеальные параметры («пучок релевантных дистинктивных признаков»)[3]. Идеаль-

[2] Вводное предложение главы «О стиле» в «*Словацкой грамматике*» (Pauliny – Ružička – Štolc 1968: 489–561) звучит: «*Язык – это средство, орудие, с помощью которого люди общаются друг с другом, обмениваются мыслями и достигают взаимопонимания*» (Pauliny, там же: 489).

[3] Например, в части о специальном тексте (как продукте научного стиля) в «Стилистике» Й. Мистрика приводятся следующие признаки: *письменность*, *монологичность*, *общественность*, *понятийность*, *точность*, *четкость*, *специальность* (Mistrík 1997: 427).

ные типовые свойства текстов, жанров или стилей не могут, однако, быть и в прошлых десятилетиях не могли быть универсально действующими. Достаточно представить себе, например, в специальном (научном) контексте феномен популяризации. При нем необходимо во имя понимания широкой публикой облегчить совокупность понятий, а значит, точные термины следует заменить образными, перифрастическими или приблизительными выражениями и наглядными иллюстрациями, чтобы сделать доступным содержание текста адресату-неспециалисту[4]. Намеченная необходимость теоретически учитывать варьирование первоначальной модели стиля сигнализирует, что в стилистике акцент начинает ставиться, наряду с работой автора над связными текстами при исполнении творческих замыслов, также на их рецепции или интерпретации со стороны адресата. Вместе с тем отмечается индивидуальная способность автора формально (= выбором и применением языковых средств) модифицировать реализацию содержания текста в интересах оптимальной рецепции адресатом.

После 2000-го года в словацкой стилистике появляются работы Даниелы Сланчовой, которая расширяет предмет стилистики из первоначального понимания стилистики как *науки о вариабельности вербального взаимодействия в речи* (Slančová 2003: 207–223). Центр внимания стилистики расширяется от монологического текста до диалога и от внутрилингвистического исследования до интердисциплинарного охвата. Ее исходное понимание предмета как исследования взаимодействия людей посредством языка (включающее передачу информации в социальном поведении и социальных отношениях людей) требует более широкого интердисциплинарного взгляда сверху на текст, включающего, например, знания и информацию прагматического, социологического или психологического характера.

Интердисциплинарности современной стилистики (ср., например: Orgoňová 2013; Orgoňová – Bohunická 2013a; 2013b) соответствует интерпретативная (квалитативная и субъективистская) методология гуманитарных исследований, инспирированная стимулами из когнитивных наук. Она способна гармонично улавливать социальные явления, которые инструментально (машинами, аппаратами или статистиками о частотности звуков, форм или слов) неизмеримы и часто избавляются от строго объективных методов. Типичным эпицентром внимания современных исследователей с ориентацией на язык и его применение на практике в связных высказываниях является диалогическая коммуникация из повседневной и общественной жизни. На структуралистские константы наслаиваются в интересах более комплексного изображения внеязыковой действительности методы когнитивного языкознания (Vaňková 2007: 34–106). Среди них фигурирует панхронический взгляд на события, их участников или контексты в самом широком смысле, то есть наблюдение за контекстами во временном континууме как соединение действий в определенной коммуникативной области. Вместо языка как «орудия» коммуникации исследуется речь как актуальное применение выразительных средств в зависимости от носителей языка и их культурного контекста. Речь при этом идет не только об «объективной» денотации внеязыковых элементов в речи, но и об учете коннотаций (отношений и оценок) интерпретаторами определенных ситуаций во внеязыковой действительности, но не в «объективном бытии», а в актуально «всплывающей» акции в конфигурации единичных обстоятельств. На нее интерпретаторы смотрят с различных точек зрения, значит, плюралистично и без гарантии комплексности или правди-

[4] Между прочим, на это обращал внимание в своей работе Э. Паулины, когда различал теоретический специальный стиль и практический специальный стиль, употребляемый, например, в газетах, на радио, в профессиональной деятельности, но и в устном рабочем общении (Pauliny – Ružička – Štolc 1968: 492); он же определил научно-популярный стиль (там же: 530–31). Подобным образом Й. Мистрик «расщепляет» научный стиль на собственно научный и научно-популярный (Mistrík 1997: 431). И Й. Млацек ясным образом разграничивает три варианта популяризаторского стиля: учебный/дидактический, практический специальный и популяризаторский в более узком смысле (Mlacek 1996: 134–144).

вости. Вместо «объективного реализма», в рамках которого создатели речи отражают мир, на повестку дня выносится «эмпирический реализм» человека с его когнитивным «оснащением», который воспринимает мир посредством своего опыта и самого себя антропоцентрически, или же зооморфически, или материально. Поэтому не только обыкновенные люди, но и известные общественные деятели, ученые, политики или журналисты нередко комментируют переживаемые события метафорически, соотнося абстрактные ситуации или общественные дела с естественными и близко знакомыми реалиями. Поэтому, например, известный маг рекламы называет рекламу *надушенной падалью* (Oliviero Toscani, экс-творец всемирно известных социальных реклам для фирмы Benetton). Такого рода субъективные отношения и оценки аспектов действительности в современных коммуникатах предъявляют высокие требования к интерпретационной работе адресатов, чтобы они под поверхностью находили глубинные отношения.

Результатом таким образом построенной стратегии работы стилиста и интерпретатора реальности является не только познание фрагмента мира, но и его понимание. Целью является понять не только речь человека, но и самого человека, его социальную и культурную среду, которая детерминирует его. Между тем как для понимания достаточен ответ на вопрос *Что это?/Что это значит?*, разумение обусловлено экспланацией: *Почему люди воспринимают вещи так и так, почему они думают, делают, ведут себя именно таким образом?*

Применением интерпретативной методологии в современной стилистике в коммуникатах наблюдаемых участников акта коммуникации – подобно как в выше названной культурной антропологии – образуются субъективные картины сегментов коммуникационных актов, в которых одно из первых мест занимает оценочная интерпретация реальности. Она в настоящее время нередко отдает дань потребительской суперсовременной иерархии ценностей, как и стереотипам и условностям конкретной страны или же более широкого географического целого глобализирующегося мира. Как пишет известный французский философ и социолог Ж. Липовецки, во 2-ой половине XX века традиционные общественные структуры (семья, церковь, великие идеологии и т. п.) теряют свои авторитарные позиции и за их счет начинает развиваться принцип индивидуальности. Укрепление прав человека, подъем гедонистических ценностей в духе *Carpe diem* («Лови момент») Горация, огромные потребительские и информационные предложения (в том числе средства массовой информации) ведут к разрыву коллективных рамок социального поведения и заменяют их плюрализмом индивидуалистских экзистенциальных моделей. В конце XX века наступает гиперкапитализм со своими новыми константами: личным успехом, властью денег или комплексом идеалов «гипериндивидуалиста», который оперативно меняет свои планы, подвергает себя риску и шагает за своей независимостью и ответственностью за собственную судьбу. С этим связана и готовность мигрировать в другие страны за личным потребительским счастьем. Таким образом смешиваются культуры и более экспансивно осваиваются гибридизированные культурные модели также в своей стране. В Центральной Европе приживаются элементы кулинарного умения из далеких «экзотических» стран и культур (как, например, из Китая, Японии или Индии), популярностью пользуются тайские массажи, модным хитом стали занятия йогой. Реструктурируются культурные иконы, в которых уже не должны доминировать знаки оксидентализации. Повышение требований к поискам «порядка» в близком или отдаленном мире поддерживают, кроме перестраивающихся вещественных стимулов, также и наднациональные биоэтические споры, как, например, на тему эвтаназии, генетической манипуляции, легализации наркотиков, легализации однополых браков. В извилистых меандрах современного мира, постоянно находящегося под угрозой террористических актов или компьютерной преступности, современный человек пытается найти самого себя и в соответствии с этим управляет своим вербальным и невербальным поведением (Lipovetsky – Juvin 2012: 11–112).

Актуальные тренды словацкой стилистики в намеченном культурно-общественном контексте учитывают, с одной стороны, необходимость взаимодействия с гиперсовременным человеком, его поведением и речью, с другой стороны, рефлектируют экстралингвистические исследовательские стимулы (из когнитивных наук, этнологии, прагматики, социологии, психологии и так далее). Традиционный языковой стиль как ключевая категория лингвистической стилистики XX века с полиаспектной интердисциплинарной точки зрения является скорее поверхностной категорией в руках конкретного интерпретатора (обычно интерактанта), а значит, вариантным продуктом стилизации реальности человека с его преферентивной точки зрения. В современной словацкой стилистике доминантность над способами отбора и организации выражений в высказывании приобретает интерпретация вербально-невербального воздействия членов дискурсного общества в данное время и в культурном определении во имя понимания не только наблюдаемых интерактантов (их речи и души), но главным образом в интересах их последующей адекватной реакции на интерпретированные стимулы.

Литература

1. Findra J. Štylistika slovenčiny. – Martin: Osveta, 2004. – 232 c.
2. Geertz C. Interpretace kultur. Vybrané eseje. – Praha: Slon, 2000. – 565 c.
3. Habermas J. Teória jazyka a východiská sociálnych vied. Úvodné štúdie a dodatky k teórii komunikatívneho konania. – Bratislava: Kalligram, 2011. – 670 c.
4. Kořenský J. Stylistika a pragmatika // Stylistyka a pragmatyka. – Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Slaskiego, 2001. C. 32–37.
5. Lipovetsky G. – Juvin, H. Globalizovaný Západ. Polemika o planetární kultuře. –Praha: Prostor, 2012. – 232 c.
6. Miko F. Text a štýl. – Bratislava: Tatran, 1970. – 167 c.
7. Mistrík J. Štylistika. 3. vydanie. – Bratislava: SPN, 1997. – 600 c.
8. Mlacek J. Popularizácia vedeckých poznatkov a popularizačný štýl // Studia Academica Slovaca. – Bratislava: Stimul, 1996. – C. 134–144.
9. Orgoňová O. Slovenská štylistika 3. tisícročia v teórii a praxi. // Slovenčinár – 2015. – №1 – C. 16–20. URL: http://www.saus2002.sk/casopis/slovencinar4_casopisSAUS.pdf.
10. Orgoňová O. Socioštylistické a etnolingvistické aspekty generačného diskurzu // Philologica LXXI. – Bratislava: Univerzita Komenského. – 2013. – C. 53–54.
11. Orgoňová O. – Bohunická A. Kognitívna štylistika: interpretácia metafor zániku Česko-Slovenska // Studia Academica Slovaca – Bratislava: Univerzita Komenského. – 2013a. – C. 181–196.
12. Orgoňová O. – Bohunická A. Stylistics and Discourse Analysis // Links and Connections. Bratislava: Univerzita Komenského – 2013b. – C. 67–83.
13. Pauliny E. O funkčnom rozvrstvení spisovného jazyka // Slovo a slovesnost – 1955 – C. 17–26.
14. Pauliny E. – Ružička, J. – Štolc, J. Slovenská gramatika. 5. vydanie. – Bratislava: SPN, 1968. – C. 489–561.
15. Slančová D. Východiská interaktívnej štylistiky. (Od eklekticizmu k integrácii.) // Slovenská reč – 2003. – C. 207–223.
16. Vaňková I. Co na srdci, to na jazyku. Kapitoly z kognitivní lingvistiky. – Praha: Karolinum, 2005. – 344 c.

УДК 81’38

Н. И. Клушина
(Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова)

МЕДИАКУЛЬТУРА И ЕЕ РОЛЬ В РАЗВИТИИ СОВРЕМЕННОГО ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Развитие современных СМИ в информационную эпоху способствует формированию медиакультуры, которая не совпадает с традиционной культурой, а имеет собственные характеристики. Медиакультура оказывает сильное воздействие на массовое сознание, подчиняя его своим законам. Под влиянием медиакультуры в современном обществе формируется особый тип массового сознания – массовое медийное сознание. В статье формулируются проблемы современной медиакультуры, осознание которых поможет сохранить гуманистические идеалы в информационную эпоху.

Ключевые слова: медиакультура, массмедиа, человек медийный, массмедийное сознание, медиаобразование.

Natalia I. Klushina
(Lomonosov Moscow State University)

MEDIACULTURE AND ITS ROLE IN DEVELOPING OF MODERN INFORMATION SOCIETY

Modern mass media help to form mediaculture. This culture has a lot differences from traditional culture. Mediaculture can influence on mass consciousness. Media culture influences on modern society in which is being formed a new type of mass consciousness – mass media consciousness. We raise the problems of modern culture in our article. The analysis of these problems can help us to save humanistic ideals in information epoch.

Key words: media culture, mass media, mass media consciousness, media education.

Информационная эпоха сформировала так называемое информационное общество, в котором информация незаметно подчинила себе всю нашу повседневную жизнь. Новые информационные технологии прочно вошли в наш быт, как холодильник и кухонная плита. Мобильные телефоны и компьютеры стали предметами первой необходимости (Тошович 2015). Особую роль в формировании новой реальности сыграл Интернет.

Все это не могло не повлиять на общественное сознание и поведение людей, которые оказались погруженными в особый тип культуры – медиакультуру.

С. Гайда справедливо замечает: «Если изменяется мир и с ним язык, то можно ожидать преображения человеческого мышления о нем, а также в создаваемых им дискурсах» (Гайда 2015: 16).

Медиакультура – это продукт цивилизации и в то же время продукт культуры (например, проект Феклы Толстой «Лев Толстой в один клик» способствовал созданию онлайн-версии произведений Л. Н. Толстого, когда усилиями волонтеров Полное собрание сочинений Л. Н. Толстого было оцифровано и выложено в Сеть). Таким образом классическая литература оказывается в медиапространстве. Но медиа и сами создают культуру. Мы можем раздражаться или наслаждаться сетевой поэзией (на сайтах Стихи.ру, Сетевая словесность и т. п.), с увлечением читать блогеров, которые сегодня становятся властителями дум и часто – участниками медиаскандалов. Поскольку идеология – это необходимая и неотъемлемая часть культуры, то твиттер-революция, или фэйсбук-революция, – также плоды современной медиакультуры. Таким образом, пока еще с осторожностью, но мы можем говорить если не о вытеснении медиакультурой традиционной культуры, то о тенденции к доминированию медиакультуры над аутентичной культурой, по крайней мере, в повседневной жизни молодого поколения.

Медиакультура оказывает как позитивное, так и негативное воздействие на человека и, в конечном счете, активно влияет на массовое сознание. Как позитивное воздействие мы бы отметили, во-первых, расширение эрудиции за счет доступности, скорости получения информации и ее удешевления, во-вторых, развитие коммуникативных навыков у так называемого человека-с-улицы, который, вынуждаемый или побуждаемый современной модой на включенность в информационный обмен, оставляет комментарии, ведет переписку в твиттере, активно присутствует в соцсетях, т. е. ведет коммуникативный образ жизни.

К негативным характеристикам медиакультуры мы относим агрессивный модус ее бытования и внедрения в нашу жизнь (Буряковская 2014), в отличие от спокойной традиционной культуры, что мы склонны связывать с конкуренцией медиапродуктов, а также самопрезентацией персонажей медиакультуры. Как негативное явление современной медиакультуры мы рассматриваем и экстериоризацию человека, т. е. намеренную (и во многом показную) публичность его приватной жизни.

Не случайно появилась и активно разрабатывается концепция человека медийного (Вартанова 2009), который полностью погружен в медиакультуру, и сегодня можно, наверное, уже говорить о том, что во многом сформирован медиакультурой.

Итак, медиакультура расширила свои границы и практически подчинила себе нашу повседневность. Это не может не влиять на наше сознание. Мы полагаем, что в современном информационном обществе под влиянием медиакультуры формируется особый тип массового сознания – массовое медийное сознание, которое, на наш взгляд, является важной категорией для типологического деления СМИ на качественные, массовые и желтые и для интенциональной конфигурации медийного пространства, в котором мы выделяем информационный, публицистический и развлекательный субдискурсы (Клушина 2013).

В доинформационную эпоху человек получал информацию из разных источников – из книг, фильмов, путешествий, из взаимодействия и общения с другими людьми, т. е. опытным, а не виртуальным путем. Добытую информацию необходимо было осмыслить и отрефлексировать. Таким образом у человека вырабатывалась привычка к личному осо-

знанию внешнего мира и набирался багаж из собственных переживаний. Индивидуальный опыт (чувственный и интеллектуальный) доставался с трудом и являлся основой индивидуальности.

В информационном обществе медиа, как и любые достижения технического прогресса, облегчают труд (в данном случае – именно интеллектуальный) и заменяют личную рефлексию на полуфабрикаты готовых интерпретаций. Поэтому мы говорим о сращивании медийного сознания с массовым. Массовое сознание отказывается от личного, индивидуального опыта в пользу тиражируемого, массового.

Массовое сознание ограничивается медиаресурсами и массовой литературой, оно воспринимает внешний мир не критически, не отделяет себя от внешнего мира, а внешнюю реальность – от реальности массмедиа. Массмедийный человек – человек, живущий опытом, почерпнутым из массмедиа.

Таким образом, массмедийное сознание в той или иной степени присуще как элите, так и обывателю. Но если элита для своего развития использует не только медийные когниции (т. е. элитарное сознание шире медийного), то обыденное сознание практически уравнивается с медийным.

Массмедийный человек – это массовый (массовидный – в терминах А. Грамши) человек информационного общества, чье воспитание и образование не выходит за рамки информации, поставляемой медиа; это человек, сформированный медиа, рассматривающий медийные когниции как собственные знания.

Мы думаем, что массовое медийное сознание отличает почти безграничная вера в информацию, передаваемую по медиаканалам, и неспособность критического ее осмысления, что предоставляет большие возможности для манипуляции сознанием и для управления поведением массмедийного человека. Не случайно сегодня во всем мире остро стоит проблема информационной безопасности общества.

Поэтому мы считаем, что в сложившихся условиях медиаобразование должно стать составной частью вузовского образования, поскольку знание основных закономерностей и тенденций современной медиасферы помогает социальной адаптации, а также формирует ценностные установки у молодого поколения, учит его ставить критические вопросы.

Медиаобразование включает комплекс знаний:

- о технических возможностях современных медиа и их практическом использовании;
- о специфике различных медийных каналов (печать, радио, телевидение, Интернет);
- о стилистических ресурсах языка печати, радио, телевидения и Интернета;
- о продуцировании медиатекстов различных жанров и форматов;
- о рецепции медиатекстов массовым адресатом.

Подобные знания помогут дифференцировать негативные и положительные медиаэффекты, выработать механизмы защиты от негативного воздействия медиа на основе критического осмысления медиатекстов и, в конечном итоге, отличить информирование от пропаганды, т. е. обеспечить информационную безопасность.

Медиаобразование должно формировать у молодого поколения понимание того, что с развитием Интернета и конвергенцией медиаканалов медиаконтент изменился не только количественно, но и, главным образом, качественно. К качественным изменениям можно отнести:

- усиление полифоничности медиадискурса и его нарративную организацию. Мы полагаем, что современный медиатекст имеет особую нарративную структуру. В нем можно выделить авторский нарратив (интерпретацию журналистом раскрываемых им тем и описываемых событий), в который вплетены нарратив очевидцев событий, так называемый синхрон (свидетельства обычных людей о происходящем вокруг них), нарратив экспертов (специалистов, оценивающих сложившуюся ситуацию) и нарратив «героев» (действующих лиц, персонажей, о ком идет речь в сюжете).

И именно авторский нарратив тенденциозен. Авторская модусная рамка «обрезает» все остальные нарративы и пытается подчинить их своей идее. И здесь важно знать основные лингвистические приемы манипуляции, которые может использовать автор, чтобы воздействовать на массовое сознание (Клушина 2015).

- Еще одним важным качественным изменением является усложнение и дифференциация заданных ментальных схем массового сознания. Если ранее в публицистике центральной категорией была идеологема, то сегодня появились новые способы трансляции заданных идей – мемы, в т. ч. интернет-мемы, которые готовые идеи упаковывают в привлекательную современную упаковку (*революция норковых шуб, вор должен сидеть в тюрьме, Болотная, Поклонная* – см.: Столяров 2014).
- Также влияет на качество контента ослабление категории достоверности (Панченко 2010) и «размывание» шкалы истинности: наряду с фактами (реальными событиями) в медиапространстве существуют вбросы, фейки, постановочные новости и т. п. Поэтому одной из важных задач медиаобразования становится разработка дифференциальных признаков (в т. ч. стилистических) медиатекстов, позволяющих отличить истинную информацию от ложной. Даже само знание о существовании недостоверной информации в медиапотоке позволяет критически осмыслять внедряемую информацию.
- Также важной проблемой, связанной с качественным изменением контента, является чрезмерная избыточность и тавтологичность информации в медиасреде. Практика рерайтинга и копипаста приводит к потере авторитетов и ориентиров. Ю. Хабермас пишет: «Интернет способствует всеобщему равенству, что можно лишь приветствовать, однако платой за это оказывается децентрализация доступа к неотредактированным высказываниям. В таких условиях высказывания интеллектуалов теряют свою способность фокусировать внимание публики» (Хабермас 2006).

Мы выделяем еще ряд проблем, стоящих перед современным медиаобразованием, которые требуют отдельного рассмотрения. Но даже намеченные вопросы требуют дальнейшего серьезного осмысления.

Подведем итоги. Медиакультура доминирует в информационном обществе. Она выполняет важную социальную функцию: объясняет окружающую действительность и дает аргументы для отстаивания своей идентичности. Но медиакультура имеет и многочисленные негативные эффекты, которые необходимо уметь выявлять для выработки критического сознания молодого поколения в рамках развития медиаобразования в российских вузах.

Литература

1. *Буряковская В. А.* Коммуникативные характеристики массовой культуры в медийном дискурсе (на материале русского и английского языков). – Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2014. – 228 с.
2. *Вартанова Е. Л.* СМИ и журналистика в пространстве постиндустриального общества // Медиаскоп. – 2009. – № 2. URL:http://www.mediascope.ru/node/409.
3. *Гайда С.* Актуальные задачи стилистики // Актуальные проблемы стилистики. – 2015. – № 1. – С. 11–21.
4. *Клушина Н. И.* Интенциональная конфигурация медийного пространства // Политическая лингвистика. – 2013. – №2 (44). – С. 40–46.

5. *Клушина Н. И.* Медиастиль и его интенционально-нарративная структура // Stylistyka, Poland (Opole). – 2015. – № XXIV. – С. 101–112.
6. *Панченко Н. Н.* Достоверность как коммуникативная категория. – Волгоград: Перемена, 2010. – 304 с.
7. *Столяров А. А.* Зарубежные пиар-стратегии в предвыборной практике российской оппозиции // Политическая лингвистика. – 2014. – №1 (47). – С. 191–199.
8. *Тошович Б.* Интернет как стилистическое пространство // Актуальные проблемы стилистики. – 2015. – № 1. – С. 27–35.
9. *Тошович Б.* Интернет-стилистика: монография. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2015. – 238 с.
10. *Хабермас Ю.* Первым почуять важное. Что отличает интеллектуала // Неприкосновенный запас. – 2006. – № 47. URL: http://magazines.russ.ru/nz/2006/47/ha2.html.

ПРАГМАСТИЛИСТИКА

- Русская культурная традиция
- Постулаты речевого поведения
- Эффективность риторических приемов
- Продуктивные речевые действия
- Интимизация публичного общения
- «Самоирония» и «самовозвышение» как риторические приемы
- Прагмапоэтика
- Прагматическая типология поэтического текста
- Ассертивная, волитивная, эмотивная авторские интенции
- Симультанность референциальной и эстетической интенций

Игорь Григорьевич Милославский:

«Принципиально отделяя авторитет коммуниканта от некой объективной ценности создаваемых им конкретных речевых произведений, следует отчетливо понимать, что роль участника и очевидца в коммуникативных ситуациях, ориентированных на знание, является столь важной, что обращает сам «авторитет», столь важный в ситуациях, ориентированных на мнение, в ничто».

«В русской культурной традиции общения очень важное место занимало требование «не обидеть собеседника». Нарушение этого требования, особенно прямое и явное, всегда выступало как проявление крайне низкого уровня культуры».

«…любому участнику публичных выступлений, устных и письменных, и профессиональному журналисту особенно, было бы весьма полезно не только знать о существующих риторических приемах, но ясно представлять, какие же именно приемы в определенных условиях обычно эффективны, какие – чаще ведут к провалу, а какие – амбивалентны, а следовательно, требуют исключительно осторожного их использования».

«Общественная практика, особенно в новейшее время, потребовала обращения к языку с позиций обеспечения продуктивных (и эффективных!) речевых действий. Однако лингвистическая наука очень медленно разворачивается в этом направлении».

Liliia Bezugla:

"Linguistic pragmatics makes a perfect sample of such interference described in terms of historical, social, contrastive, ethnic-cultural, cognitive and discursive aspects, which expands its subject matter and methodology".

"Both pragmatics and poetics analyze speech or creative activity in terms of human thinking and thus bring about the attribute 'cognitive' applied to them".

"…the opposition of speech and creative activities as communicative and non-communicative may be assumed conventional, which allows considering artistic communication as some kind of 'semi-communication' (lat. semi – 'half')".

"The representing intention is self-sufficient, whereas the communication intention cannot exist without the representing one. Having the representing intention, the person may not need to communicate. Only when the communication intention arises, the person joins in communication and becomes the speaking subject".

УДК 808.51

И. Г. Милославский
(Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова)

РАССКАЗЫ О СЕБЕ КАК РИТОРИЧЕСКИЙ ПРИЕМ В УСТНОЙ ПУБЛИЧНОЙ РЕЧИ

В статье обсуждается вопрос о том, эффективен ли риторический прием рассказа о самом себе в устном публичном выступлении. Автор утверждает, что этот прием может выполнять две функции: 1) повышение авторитета ритора и 2) интимизацию общения. Утверждая, что в своей первой функции обсуждаемый прием противоречит русской традиции общения, автор предполагает, что в современном российском обществе этот прием может быть воспринят аудиторией неоднозначно. Подчеркивается, что целенаправленное изучение эффективности речевых приемов в разных условиях общения может выступать в качестве основы для обучения сознательным продуктивным речевым действиям.

Ключевые слова: постулаты общения, устная публичная речь, рассказ о самом себе, интимизация, продуктивные речевые действия.

Igor G. Miloslavskiy
(Lomonosov Moscow State University)

THE STORY ABOUT HIMSELF AS AUTHOR'S RHETORICAL MEANS IN ORAL PUBLIC COMMUNICATION

In the article the story about himself as a rhetorical means is under consideration. These means are rather popular in modern Russian, but it is completely different from the Russian tradition of public communication. The author underlines the problem of estimation of this speech behavior, having in mind the basic aim of the communication.

Key words: postulates of communication, oral public speech, story about himself, friendly communication, productive speech activity.

Риторика как наука об эффективном поведении ритора выделяет среди факторов, определяющих такую эффективность, авторитет коммуниканта. Разумеется, автор, обладающий различными высокими чинами, должностями, званиями, награжденный орденами и премиями за деятельность в той области, о которой он говорит, apriori может рассчитывать на лучший результат своего высказывания, чем автор, который не может прибавить к своему имени множества различных почетных титулов. Впрочем, наличие титулов вовсе не 100%-ная гарантия конечного успеха. И это хорошо известно не только благодаря сказке о голом короле, но, например, и благодаря надгробной надписи «Здесь лежит Суворов».

Принципиально отделяя авторитет коммуниканта от некой объективной ценности создаваемых им конкретных речевых произведений, следует отчетливо понимать, что роль участника и очевидца в коммуникативных ситуациях, ориентированных на знание, является столь важной, что обращает сам «авторитет», столь важный в ситуациях, ориентированных на мнение, в ничто. Именно это хорошо понимал, например, Марко Поло, когда, рассказывая о заморских чудесах, всегда разграничивал то, что он видел сам, то, что ему рассказывали люди, заслуживающие полного доверия, и то, о чем он просто слышал.

Разумеется, следуя требованиям риторики, каждый коммуникант, если он действует сознательно, должен стремиться понравиться своей аудитории, для чего должен позаботиться о множестве вещей, от четкости произношения до логического построения своего текста. Среди разнообразных возможностей привлечь к себе симпатии аудитории известно немало эффективных приемов, из которых далее я обращусь лишь к одному риторическому приему, нацеленному на выигрышное положение коммуниканта по отношению к другим участникам, а именно на рассказы о самом себе. При этом речь будет идти об устной публичной речи, обращенной ко многим слушателям.

Приведу в качестве примера передачу «Персонально Ваш» на радиостанции «Эхо Москвы» 7 января 2016 г. Наряду с соображениями по многим вопросам современных отношений между Россией и Западом, положения религии, литературы и журналистики в современном обществе, авторитета Нобелевской премии и др. герой передачи много рассказывает и о себе самом. Цитирую без изменений по записи в Интернете: *Анджей Вайда. Мы с ним дружим*; *Я хорошо представляю эту м*эрию [в Париже – *И. М.*], *я завтра туда лечу и буду там выступать*; *Бек* [Уэльбек? – *И. М.*] *замечательный и сильный писатель, я недавно его видел в Париже… он тут же представил мне своих телохранителей*; *У меня отец был послом в Сенегале, мы ездили туда с братом довольно много раз*; *У меня давно уже была написана и напечатана статья о Шолохове. Могу сказать, что там на 99% это будет так, как есть на самом деле*; *Когда-то я был в «Нобелевской академии», они пригласили Горбачева как политика и меня как писателя. Горбачев не приехал, и мне пришлось* [sic! – *И. М.*] *туда ехать… Я произнес речь в том зале, где получают Нобелевские премии, помимо того, что я спал в том отеле, где спят нобелевские лауреаты. А еще был ужин…*; *Я некоторых лауреатов знал – Чеслава Милоша и Герту Миллер – в этом году мы с ней встречались – по-моему, в Румынии или в Македонии*; *У меня в 1985 году была большая беседа с Лосевым, гениальным Лосевым, это единственный гениальный философ, которого я видел в жизни, и даже немножко с ним подружился перед смертью. А потом, когда мы поговорили, сказал* [кто? – *И. М.*] *– раз у нас получилась такая хорошая беседа, давайте сделаем ее с Лихачевым. Мы с Лихачевым сделали эту беседу по телефону…*

Крайне важно подчеркнуть, что я никак не хочу обсуждать ни позицию героя передачи по тем или другим вопросам, ни, тем более, претендовать на изучение его идиолекта. Меня интересуют лишь два вопроса: с какой целью авторы разнообразных публичных, особенно устных, текстов вносят в них столь много информации о себе (это же не мемуары!) и какова реакция слушателя-реципиента на эти инкрустации. В попытке ответить на эти вопросы целесообразно осмыслить содержательную сторону тех вкраплений, которые автор посвящает себе самому. В нашем примере речь идет, во-первых, о дружбе (реже – просто знакомстве) с известными

людьми (Анджей Вайда, Уэльбек, Чеслав Милош, Герта Миллер, Алексей Лосев, Дмитрий Лихачев), во-вторых, о разнообразных местах пребывания (Париж, Сенегал, Швеция, не то Румыния, не то Македония) и, в-третьих, о весьма неординарных случаях из жизни автора (выступление в Париже, пребывание в «Нобелевской академии», беседы с Лосевым и Лихачевым). Не забудем и об упоминании собственной статьи. Никак не желая кого-нибудь обидеть, должен сказать, что принципиально такое же содержание находим в речах известного гоголевского персонажа. Знакомство с известными лицами: *С хорошенькими актрисами знаком… Литераторов часто вижу. С Пушкиным на дружеской ноге, бывало, часто говорю ему: «Ну что, брат Пушкин?»* Доступные не для каждого места посещения: *Во дворец всякий день езжу…, Я всякий день на балах. Там у нас и вист свой составился: министр иностранных дел, французский посланник, английский посланник, немецкий посланник и я* (см. также выше о знакомствах). Впечатляющие случаи из собственной жизни: *Один раз я даже управлял департаментом* (каждый помнит продолжение этого рассказа, в котором сообщается о 35 тысячах курьеров), *А один раз меня приняли даже за главнокомандующего…* Авторство произведений: *Моих, впрочем, много есть сочинений…* И далее об авторстве «Юрия Милославского» и других известных романов.

Конечно, между гоголевским персонажем и современным автором есть глубочайшее различие: первый – врет, а второй говорит о реальных фактах, при этом нередко добавляя к ним лишь весьма выгодную для себя оценку. Однако при этом фундаментальном различии, есть и общее. Оно – в желании возвыситься над собеседником, показать ему его место, продемонстрировать, что это место не идет ни в какое сравнение с тем, которое занимает сам автор. Местом, которое для автора органично, естественно, привычно, обыденно, а для его слушателя-реципиента, как, видимо, полагает сам автор, и страстно желаемо, и абсолютно – ни в прошлом, ни в будущем – недостижимо. По моим наблюдениям, со второй половины прошлого века такая речевая тактика, причем не только в устном публичном общении, становится все более и более распространенной (о речевых тактиках см., например: Клюев 2002; Ван Дейк 1989).

Из дальнейших рассуждений вероятный читатель поймет, почему я воздерживаюсь далее от упоминания конкретных речепроизводителей и их текстов.

В русской культурной традиции общения очень важное место занимало требование «не обидеть собеседника». Нарушение этого требования, особенно прямое и явное, всегда выступало как проявление крайне низкого уровня культуры. Требование «не обидеть» понималось не только как запрет на прямое унижение другого, но и как запрет на такое проявление себя самого, которое может обидеть другого. Героиня русской сказки «Морозко», дрожа от холода, отвечает на вопрос Мороза *Тепло ли тебе, девица, тепло ли тебе, красная? – Тепло, дедушка*. Такое поведение некоторые исследователи русской ментальности объясняли как проявление «ущербности» этой ментальности. Думаю, что речь идет о другом. Девушка просто не могла сказать хозяину, в доме которого она была гостем, о том, что здесь она чувствует себя плохо. Не могла потому, что это было бы обидой для хозяина. О той же ситуации «обиды собеседника» читаем и в более близкие к нам времена. Прошу прощения за длинную, выбивающую слезу цитату.

Как-то в госпитале было.
День лежу, лежу второй.
Кто-то смотрит мне в затылок,
Погляжу, а то – герой.
…
Разговор идет меж нами,
И спроси я с первых слов:
– Вы откуда родом сами –
Не из наших ли краев?

Смотрит он: – А вы откуда? –
Отвечаю: – Так и так,
Сам как раз смоленский буду,
Может, думаю, земляк?

Аж привстал герой: – Ну что вы,
Что вы, – вскинул головой, –
Я как раз из-под Тамбова, –
И потрогал орден свой.

И умолкнул. И похоже,
Подчеркнуть хотел он мне,
Что таких, как он, не может
Быть в смоленской стороне;
…
Так ли, нет, сказать, не знаю,
Только мне от мысли той
Сторона моя родная
Показалась сиротой.
Сиротинкой, что не видно
На народе, на кругу...

Так мне стало вдруг обидно, –
Рассказать вам не могу.
(А. Т. Твардовский. Василий Теркин. О награде).

Увы, постулат речевого поведения «не обижай собеседника, показывая свое над ним превосходство» в наши дни все чаще игнорируется. Это забвение деликатности проявляется и в других аспектах современной жизни. Например, в демонстрации часов, цена которых соотносима с ценой московской квартиры, для покупки которой многим нашим соотечественникам не хватит и всей трудовой жизни. Или в мигалках на автомобилях. И в присловьях типа *Сам себя не похвалишь – стой как оплеванный*, *Нахальство – второе счастье*. И в новейшей радикальной смене оценочного компонента в словах *скромный, амбициозный, успешный* (см. об этом явлении, например: Новиков 2016).

Все эти неоднозначные явления, давая ответ на знаменитый шукшинский вопрос *Что же с нами происходит?*, далеко выходят за пределы моих рассуждений. Для меня, повторю, важен только сам обсуждаемый риторический прием. Сомневаясь в его этической составляющей, я хотел бы понять, насколько он эффективен в современной коммуникации, конечно, если считать важнейшей целью такой коммуникации принятие собеседником идей автора. Помогает ли этот прием усвоению главных идей текста, подкрепляемых, таким образом, впечатлениями от высокого положения автора? Или, напротив, мешает, отвлекает на себя внимание от этих основных идей? Или, быть может, достигает обратного эффекта, вызывая у «обиженного» таким образом реципиента антипатию к автору, нередко бессознательно переносимую и на пропагандируемые в тексте идеи? Понимая, что ответы на поставленные вопросы не могут быть однозначными хотя бы потому, что они зависят от множества разных факторов (тема выступления, тип аудитории, количественные и качественные характеристики приема), полагаю принципиальной саму постановку такого вопроса. Думаю, что любому участнику публичных выступлений, устных и письменных, и профессиональному журналисту особенно, было бы весьма полезно не только знать о существующих риторических приемах, но ясно представлять, какие же именно приемы в определенных условиях обычно эффективны, какие – чаще ведут к провалу, а какие – амбивалентны, а следовательно, требуют исключительно осторожного их использования (о зависимости эффективности риторического приема от типа аудитории см., например: Милославский 2015).

Если согласиться с тем, что список таких приемов заведомо конечен, поставленная задача выступает уже не только как практически ценная, но и как реально осуществимая. Применительно к нашей теме особенно интересным представляется изучение такого риторического приема, как самоирония.

Добавлю лишь, что обсуждаемый прием может представлять собой не только попытку «самовозвышения». Так, например, в передаче «Человек из телевизора» на «Эхе Москвы» 09.01.16 подменявший Ирину Петровскую автор не только рассказал, какие передачи ей понравились (вновь не углубляюсь в ясность и обоснованность критериев, моральных, эстетических, общественных, профессиональных и иных, приведших автора к таким оценкам), но сообщил о том, откуда она родом, какие телепередачи нравились ее маме, а также о том, что вчерашний день она провела в загородном доме у друзей. Очевидно, что целью (сознательной или бессознательной?) этих проявлений было стремление к довольно хорошо изученной в стилистике интимизации публичного общения (об интимизации как о философском термине см.: Руднев 2009; о его лингвистическом осмыслении см., например: Русский язык и культура речи 2011).

По-видимому, каждый по собственному опыту публичных общений со школьными учителями, вузовскими лекторами, а также разного рода непосредственными начальниками хорошо знает, кто из них непременно вносил в публичное общение рассказы о своей семье, домашних занятиях, собственных вкусах и впечатлениях и т. п., а кто, напротив, этого никогда себе не позволял. Однако вопрос о том, какой же тип речевого поведения и в каких разнообразных обстоятельствах более, а в какой – менее эффективен, остается без внятного ответа и в этом случае.

***

Лингвистическая наука во многих своих ипостасях добилась весьма полезных результатов с позиций **анализа** различных типов текстов. Именно аналитический (и только!) подход к своему предмету был абсолютно органичен в рамках сравнительно-исторического языкознания, естествен применительно к древним текстам и диалектологическим разысканиям. В такой парадигме язык выступал только как объект для рецепции, но не в качестве орудия, которым следует уметь активно владеть.

Общественная практика, особенно в новейшее время, потребовала обращения к языку с позиций обеспечения продуктивных (и эффективных!) речевых действий. Однако лингвистическая наука очень медленно разворачивается в этом направлении. А если и поворачивается, то ставит обычно во главу угла формальные нормативные требования к производителю речи (орфоэпия, орфография, трудности сочетания слов). Оценка эффективности использования конкретных речевых средств и риторических приемов очень помогла бы совершенствованию столь важных для современного российского общества коммуникативных отношений между его членами. Думаю, что такая постановка вопроса серьезно обогатила бы и саму лингвистическую науку как одну из наук о человеке.

Литература

1. *Ван Дейк Т. А.* Язык, познание, коммуникация. – М.: Прогресс, 1989. – 308 с.
2. *Клюев Е. В.* Речевая коммуникация: успешность речевого взаимодействия. – М.: Рипол классик, 2002. – 315 с.
3. *Милославский И. Г.* Русский язык на каждый день и навсегда. – М.: КДУ, 2015. – 156 с.
4. *Новиков В. И.* Словарь модных слов: Языковая картина современности. – М.: Словари XXI века, 2016. – 352 с.
5. *Руднев В. П.* Энциклопедический словарь культуры XX века. – М.: Аграф, 2009. – 544 с.
6. Русский язык и культура речи: учебник / под ред. В. И. Максимова и А. В. Голубевой. – М.: Юрайт, 2011. – 368 с.

УДК 801.631+81’38=112.2’42

Liliia Bezugla
(Vasyl Karazin National University of Kharkiv, Ukraine)

SOME ISSUES IN INTEGRATION OF POETICS AND PRAGMATICS

This article considers the issue of the relevance of the pragmatic analysis of poetic texts. Pragmatic typology of poetic texts is featured on the basis of the referential author’s intention: assertive, volitive, and emotive. Specific features of the author’s intention are singled out, such as its restriction in representation level, its fictional nature and textual implementation, as well as its dual nature, i.e. simultaneous fulfilling two kinds of intention, referential and aesthetic ones. The latter is defined as the author’s positive emotional-evaluative attitude to the created verbal form.

Key words: author’s intention, poetics, poetic text, pragmatics, reference.

Л. Р. Безуглая
(Национальный университет имени В. Н. Каразина, Украина)

ПРОБЛЕМЫ ИНТЕГРАЦИИ ПОЭТИКИ И ПРАГМАТИКИ

В статье обосновывается целесообразность прагматического анализа поэтического текста. Выделяются прагматические типы поэтических текстов на основе референтивной авторской интенции – ассертивной, волитивной, эмотивной. Устанавливаются ее специфические черты: ограниченность репрезентационным уровнем, фикциональность, направленность на весь текст и двойственный характер – наличие референтивной и эстетической интенции. Последняя определяется как положительное эмоционально-оценочное отношение автора к создаваемой словесной форме.

Ключевые слова: авторская интенция, поэтика, поэтический текст, прагматика, референция.

1. Introduction

Integration processes in modern science manifesting the modern trend of the scientific thought evolution, leads linguistics to the processes of mutual interference and diffusion of its branches. On the one hand, linguistics uses methods and terminology of other sciences, which served an impetus for the rapid development of socio-, pragma-, psycho-, neuro-, and cognitive linguistics, linguistic poetics etc. On the other hand, new linguistic branches are replenished by each other's methodological devices. Linguistic pragmatics makes a perfect sample of such interference described in terms of historical, social, contrastive, ethnic-cultural, cognitive and discursive aspects, which expands its subject matter and methodology.

It is about time for the integration of pragmatics and poetics. In this respect a question arises: Can one combine the incompatible – can one single out the pragmatic component in poetics? – Is it relevant to adopt enactive approach inherent in pragmatics to the analysis of the imaginary world created by poetry? – Can one combine pragmatics viewing the word as an action and poetics dissecting the art of the word? – Can one put forward pragmapoetics as a freestanding linguistic branch?

Poetry and pragmatics seem incompatible. Pragmatics is commonly understood as practicability, focus on the result, efficiency of the action. Poetry is envisaged as a specific world perception, unreality, harmony for the sake of harmony. Nevertheless, the research on the cutting edge of linguistic pragmatics and poetics springs out (see e.g., Lerchner 1987; Merilai 2007; Nierlich 1973; Stierle 2012), presenting the launching spot for a new frontier branch, pragmapoetics.

In this article I attempt to justify the relevance of pragmapoetics and possibility of linguistic and pragmatic analysis of an artistic text, poetic text in particular, in terms of cognitive approach. First, similarities and differences of these branches are looked in. Then, the communicative nature of a poetic text is considered. As an integration link, the cognitive term of the poet's inferred intention is offered. Finally, the pragmatic typology of poetic texts underpinned by the author's leading intention is featured.

2. Pragmatics vs. poetics

Pragmatics suggests researching language as means of certain purposeful communicative activities. Its central problem is formulated in the title of J. L. Austin's article "How to do things with words" (1962), which gave an impetus towards the development of this branch, this way the relations between language units and their users are focused in the linguistic research.

Poetics, according to R. Jakobson (1981: 18), comprises "*differentia specifica* of verbal art compared to other arts and other kinds of verbal behavior" – therefore, its main question is: "What makes a verbal message a work of art?". In other words, pragmatics is concentrated on using language in communication to perform different acts: questions, promises, reproaches, requests etc., whereas poetics is concentrated on using language to create works of art.

Obviously, both branches share a common factor – language. Moreover, it does not come to a language system, but to language related to its subject, the subject of communication or the subject of art, to using language as a device of communicative or creative activity.

Activity is thus another link between pragmatics and poetics. Activity as a purposeful orientation of the subject in the objective world (Leont'ev 1984: 138) suggests awareness and relevance which determine both communication and art.

Finally, the third common feature of pragmatics and poetics is cognitive approach used by these branches at present stage of their development. Both pragmatics and poetics analyze speech or creative activity in terms of human thinking and thus bring about the attribute 'cognitive' applied to them. Cognitive pragmatics considers mental processes and structures of the speaking subject that serve an underpinning for his/her speech actions (Carston 2002). Cognitive poetics aims at reconstruction of the word artist's world perception based on the language factors shaping aesthetic and emotional impact of a poetic text (Tsur 1992: 4). Involving cognitive approach in pragmatics and poetics rests on the fact that both speech act and language properties of a poetic text reflect the author's construal of his mental world. Therefore, these two branches exist in terms of the triad 'mind – language – speech'.

Nevertheless, there are some fundamental differences between pragmatics and poetics. In the first place, these branches study different kinds of activity: communicative activity is aimed at communication and creative activity has creation as its essence. There is no communication without the addressee, whereas creation focuses on the work of art, the addressee playing the secondary part in it.

Secondly, researching language, these branches focus on its different functions: pragmatics deals with communicative function of language, whereas poetics considers poetic function, i.e. one deals with transferring information vs. creating a message for the message itself.

Thirdly, pragmatics and poetics differ in terms of reference. In everyday communication, words correlate with the state of affairs in the world, in fact, this is what reference is. Special aspects of this correlation are considered in pragmatics: How do words reflect the world? What stands behind words? Pragmatics considers words as signs rendering certain content.

In poetry, reference turns into self-reference: poetics is concentrated on words themselves. Whatever they mean, the attention shifts "from the content of the expression to the linguistic nature of the expressions themselves" (Merilai 2007: 383) – "Expression itself becomes content" (op. cit.: 389).

It is auto-reference that makes one interpret creative activity as non-communicative. However, one cannot completely deny its communicative nature. Keeping in mind the dialogic nature of language explained by W. von Humboldt (1963: 138), the poetic text is communicative because it is dialogic. Its dialogic character lies in the fact that, according to M. Bakhtin (Бахтин 1986: 488), any text is a response to the previous texts and any kind of comprehending the text is concluded in referring it to other texts.

Therefore, the opposition of speech and creative activities as communicative and non-communicative may be assumed conventional, which allows considering artistic communication as some kind of 'semi-communication' (lat. *semi* – 'half').

It is noteworthy that the artistic text as a result of verbal creative activity is considered a form of utterance, cf. V. G. Admoni's (Адмони, 1994: 120) definition: the text of fiction is the artist's mental sensory and conceptual world perception implementing his or her specific (egocentric) inner state presented as a speech utterance. This definition combines a lot of components: the aim of the art, i.e. world comprehension, means of achieving it, i.e. language, the tool, i.e. thoughts and senses, as well as the condition of achieving the aim, i.e. the artist's inspiration.

3. Communicative characteristics of the poetic text

I would consider creative activity as communication (adding 'semi' to it keeping in mind its specific features). In the first place, it is manifest in special communicative nature of the literary utterance / text.

There are the following specific features of the poetic text compared with that of the 'ordinary', non-poetic one.

1) The main role in the poetic text belongs to aesthetic and emotive categories related to the poetic function of language. The world objects are viewed in a special way and judged by their aesthetic and emotive significance in their interrelationship with words (Tsur 1992: 4, 56–61). Poetry is not merely rhymed lines, it is the beauty of language in all its aspects. True poetry always appeals to the sense of language harmony. And the more verbal discoveries there are in a poem, the higher its artistic merit is, the more valuable it is as work of art.

2) The aesthetic norm of the poetic text is considered to be its fictional nature, i.e. the principle of incongruity between words and reality (Lerchner 1987: 29). In other words, the world of the poetic text is often invented by the author. As Y.G. Etkind (Эткинд 2004: 228) states, the reader should not be concerned about the personality the poet was kissing, he or she parted with, he featured or dedicated his poem to – all these do not have to be real.

3) The fictional nature is underpinned by the superiority of the verbal form over the content. Developing V. Brusov's (Брюсов 1973: 36) thought on the difference between poetry and prose, one can define its difference from 'ordinary' speech: In poetry, the word is an aim; in prose (fiction) the word is a tool. The material of poetry is words that create images and render thoughts; the material of prose (fiction) is images and thoughts implement in words, and the

material of ordinary, non-fiction speech is information in its wide sense.

4) The superiority of the form suggests the significance of all components of the text described by Y.M. Lotman (Лотман 1996: 47): any components of the speech level can be ranked as important; any components considered formal in language can gain semantic nature by acquiring additional meanings.

5) Structurally, poetic work is built according to the recurrent principle. To understand the importance of a component, one has to return and reread the text. Without rereading the text, one can easily overlook many of its formal and content aspects. Therefore, whereas an ordinary speech utterance is formed as protensive, a fictional one is extensive (op. cit.: 49).

6) The compositional order of the poetic text is stipulated by its spatial order. The units of different language levels (phonetic, grammatical, lexical and syntactic) are involved into close interrelations aimed at forming a complete coherent unity, the work of fiction (op.cit.: 117).

7) The poetic text is characterized by high concentration of deep meanings within a relatively short text passage. Y.G. Etkind (Эткинд 2004: 125) formulated the internal law of poetic art: maximum compression of verbal space combined with boundless volume of existential content.

8) In terms of semiotics, iconicity is inherent in the poetic text (Лотман 1996: 116). In poetry, thoughts and feelings are not just rendered; they are featured, demonstrated through words. Firstly, words depict reality suggesting thoughts to the reader or arousing feelings. Secondly, words join together in word forms conveying various thoughts and feelings, they serve the impetus for the reader to derive deeper content and visualize appropriate pictures with help of sensual, logical and associative relations.

9) All the mentioned features of the poetic text lead to its ambiguous interpretation. In the very essence of poetry roots the play on ambiguity. Not only the piece itself but its author, as well as the addressee may be ambiguous, so "ambiguity is an intrinsic, inalienable character of any self-focused massage, briefly, a corollary feature of poetry" (Jacobson 1981: 42).

The communicative roles of the author and the addressee (who essentially create communication) can be ambiguously interpreted not only in particular works. Generally, in the poetic text, they demonstrate significant specific nature. It can be characterized in terms of G.G. Pocheptsov's (Почепцов 2009: 450) classification of addressees. The addressee can be a real person, but mostly it is either a generalized, collective addressee (the reader, contemporaries or the whole mankind), an indirect addressee, a quasi-addressee (an inanimate object, godhead) or the author himself.

It is much more problematic with the author. Cognitive poetics evades considering the author's mental processes and focuses on cognitive interpretation mechanisms of the verbal poetic image. In pragmatics, on the other hand, the main cognitive notion is the speaker's intent.

It looks that the notion of inferred intention may make linguistic poetics pragmatically oriented. Being the underpinning of speech activity, the intention underlies utterances at both formal and content levels. One can suppose that it also serves the basis of creative activity contributing to building the poetic text at both formal and content levels.

4. Intention of the poetic text author

In cognitive psychology, intention in the subject's psyche is viewed as his focusing on the state of affairs in the external world. For example, pain or anxiety is non-intentional because an utterance about them only describes them (Searle 1993: 1). On the contrary, expressing hope, confidence or wish suggests the necessity of clarifying the focus of these states: *What does the person hope for? What is he or she confident about? What does the person wish?* Indeed, one cannot hope unless one is aware what to hope for, one cannot be confident about something unless it is imprinted in one's consciousness, one cannot wish something unless one knows what he wishes. In other words, the state of intention always suggests a certain object. A few examples of intentional states are: "belief, fear, hope, desire, love, hate, aversion, liking, disliking, doubting, wondering whether, joy, elation, depression, anxiety, pride, remorse, sorrow, grief, guilt, rejoicing, irritation, puzzlement, acceptance, forgiveness, hostility, affection, expectation, anger,admiration,contempt,respect,indignation, intention, wishing, wanting, imagining, fantasy,

shame, lust, disgust, animosity, terror, pleasure, abhorrence, aspiration, amusement, and disappointment" (op.cit.: 3).

J. R. Searle wrote: "We need to have a clear distinction between representation and communication. Characteristically a man who makes a statement both intends to represent some fact or state of affairs and intends to communicate this representation to his hearers. But his representing intention is not the same as his communication intention. <…> There are, therefore, two aspects of meaning intentions, the intention to present and the intention to communicate. <…> representation is prior to communication and representing intentions are prior to communication intentions. <…> One can intend to represent without intending to communicate, but one cannot intent to communicate without intending to represent" (Searle 1993: 165f).

According to J.R. Searle, there is a distinction between:

- the first order intention, intention to present, or representing intention, which represents, how mental states are directed at objects and states of affairs in the world;
- the second order intention, intention to communicate, or communication intention, the speaker's wish to render his representing intention to the addressee and trigger a certain reaction, i.e. perform a speech act.

The representing intention is self-sufficient, whereas the communication intention cannot exist without the representing one. Having the representing intention, the person may not need to communicate. Only when the communication intention arises, the person joins in communication and becomes the speaking subject. Thus, feeling uncertainty about some state of affairs (representing intention) the person can consult a certain source for reference and this act cannot be considered communicative in the strict sense. But if he sets an aim to ask another subject and induce him to answer (communication intention), that means that he performs a speech act, asking.

The presence of the addressee is essential for the communication intention. That is why the subject having the second-type intention underlies the difference between a communicative and non-communicative act.

It is in terms of intention where the specific character of the poetic text author is revealed. Firstly, it is mostly the representing intention not meant for face-to-face communication.

Secondly, the real intention may be incongruent to the expressed one, which is explained, on the one hand, by artistic imagination or the author's fantasies, fictional nature of the text, and, on the other hand, is stipulated by the poetic function of language. That is why, poetics uses the term 'lyrical hero', a sort of the poet's artistic counterpart who may either completely coincide with his personality or remarkably disagree with it; this lyrical image is consciously formed by the author and completed by the reader.

Thirdly, the author's intention is most often manifest at the level of the whole text. What can be achieved using an utterance can also be achieved (sometimes even more efficiently) using a sequence of utterances, a text. In this case, the intention of the text as a whole is not a negligible common feature of a certain sequence of utterances, it manifests itself as an integral feature of a textual set of utterances (Почепцов 2009: 476f).

Generally, the intentional object can be:

- a concept referred to a word: *one wants to have a car;*
- a proposition, a state of affairs referred to an utterance: *one wants to go to the seaside with a beloved person next summer;*
- a larger mental unit referred to a text: *one wants to implement a world image verbalized in a certain text, which pictures a vacation at the seaside with a beloved person next summer.*

The intention of the poet is textual; it is rendered by a poetic text, i.e. a sequence of utterances put together in an integral whole by the very specific (egocentric) inner state of the artist (Адмони 1994: 120) using language means of all levels.

If the author purposefully creates works of poetry using meaningful words, he is supposed to have a certain attitude to the expressed meanings. On the other hand, there are texts with more and less explicit author's intention. It rather comes to a scale of texts in terms of inten-

tion stipulated by genre, literary trend and the author's style.

5. Pragmatic types of poetic text

The factors described allow distinguishing pragmatic types of poetic text according to the types of representing intention. Depending on the main psychic component, the intentions are usually classified as follows (e.g., Lapp 1992: 137; Polenz 1988: 213ff):

- assertive (awareness, lack of awareness, doubt, assumption, belief, confidence, rational evaluation);
- volitive (wish, intent);
- emotive (emotional evaluation, attitude towards the addressee, emotions).

The assertive intention stipulates the sketches and descriptions featured in landscape poetry, memoir poems inherent in love and psychological lyrical poetry, reflective and discursive poems in philosophical lyrics as well as narrative poems characteristic for ballads and other lyrical-epic genres. The assertive intention of such texts consists in a certain state of things presentation: the addressee is supposed to believe in its verity.

The least presented intention in poetic texts is volitive expressing a wish or intent to implement a certain state of things. Speech acts stipulated by volitive intention are requests, advice, suggestions, invitations, prohibitions, appeals, questions, promises etc. It is presented in philosophical, social and love lyrical poems and provides the basis for poems-appeals (propaganda, slogan), poems-questions (children's riddles), didactic children's poems, poems-praises (ode, epitaph, social lyrical poems), poetic oaths etc.

Emotive intention is the most natural type for the poetic text, because emotiveness is inherent in it. The author expresses emotional-evaluative attitude (positive or negative) towards the state of affairs rendered in words and seeks to refer this attitude to the addressee, to produce an emotional effect on him.

The emotive intention is characteristic for emotional poems, poems-confessions in love, psychological, and urban lyrical poetry. The evaluative component of the intention can be singled out in poems-condemnations (epigram, parody, civil, social lyrics), poems-appraisals (sonnet, love lyrics), poems-jokes (parody, pastiche, witty ditty) etc. A benchmark example of the poetry expressing this kind of intention is love lyrics. This is explained by the fact that, according to J.R. Searle (1993: 4), love is nothing but an emotive intention, the highest manifestation of positive emotional-evaluative attitude to an object.

These types of intention refer to the state of affairs presented in the text dimension of content. However, the dimension of representation having crucial importance in poetry stipulates another guise of intention in the poetic text. Apparently, there is a special kind of emotive intention, the aesthetic one, which allows the artist to enjoy the process of creation.

The aesthetic intention relates to the self-reference of the text: referring the reader to the words, the author demonstrates his admiring the way they are combined, the word ornament created by his inspiration, and makes the reader share this rapturous attitude, i.e. enjoy the poem aesthetically. That is the way words help the author and reader conceive the world, the way the poetic function of language is manifest.

Simultaneous fulfilling the intentions of two kinds, referential and aesthetic ones, suggests the dual nature of the poet's intention, which presents its fourth specific feature along with the above mentioned characteristics: its restriction in representation level, its fictional nature and textual implementation.

6. Conclusions

To sum up, we would like to emphasize that pragmatic typology of the poetic texts presented is not exhaustive; rather it features the intention approach to the poetic text analysis in terms of cognitive pragmapoetics.

Even taking into consideration the number of considered interrelated specific features, one can state the pragmatic character of poetry, in the first place, due to its communicative nature. Although it is semi-communicative, it is created in the society, by the human being and for people. Language emerged from the need to communicate. Therefore, any of its aspects, including poetry, are communicatively stipulated. Creating poetry, the author reflects all the specific features of his consciousness, all his mental construals: concepts, propositions, intentions, strategies, as well as his thoughts and feelings.

The relevance of pragmapoetics can be successfully justified due to the involvement of cognitive approach in methodology. Intention approach applied in the poetic text analysis allows distinguishing a specific kind of emotive intention, the aesthetic one underpinned by the poetic function of language and self-reference of the poetic text. This intention suggests the author's positive emotional-evaluative attitude towards the created word form.

Specific features of the poet's intention are: its restriction in representation level, its fictional nature and textual implementation, as well as its dual nature, i.e. simultaneous fulfilling two kinds of intention, referential and aesthetic ones.

The research prospective directions may include extended intention analysis of the poetic texts of different genres as well as considering the status of speech acts in poetic communication.

Bibliography

1. *Адмони В. Г.* Система форм речевого высказывания. – СПб.: Ин-т лингв. исследований РАН, 1994. – 153 с.
2. *Бахтин М. М.* Литературно-критические статьи / сост. С. Г. Бочаров, В. В. Кожинов. – М.: Художественная литература, 1986. – 543 с.
3. *Брюсов В. Я.* Сила русского глагола. – М.: Советская Россия, 1973. – 189 с.
4. *Лотман Ю. М.* О поэтах и поэзии: Анализ поэтического текста. – СПб.: Искусство, СПбО, 1996. – 846 с.
5. *Почепцов Г. Г.* Избранные труды по лингвистике. – Харьков: ХНУ им. В. Н. Каразина, 2009. – 556 с.
6. *Эткинд Е. Г.* Разговор о стихах. – СПб.: ДЕТГИЗ, 2004. – 240 с.
7. Austin J.L. How to do things with words. – Cambridge/Mass.: Harvard Univ. Press, 1962. – 166 p.
8. Carston R. Linguistic Meaning, Communicated Meaning and Cognitive Pragmatics // Mind and Language. – 2002. – Vol. 17. – № 1-2. – P. 127–148.
9. Humboldt W. v. Über den Dualis / Gelesen in der Akademie der Wissenschaften am 26. April 1827 // ders. Schriften zur Sprachphilosophie. – Darmstadt: Fink, 1963. – S. 113–143.
10. Jakobson R. Linguistics and Poetics // Roman Jakobson. Selected writings. 3: Poetry of Grammar and Grammar of Poetry. – Paris, N.Y.: Mouton, 1981. – P. 18–51.
11. Lapp E. Linguistik der Ironie. – Tübingen: Narr, 1992. – 189 S.
12. Leont'ev A.A. Psychologie der Kommunikation // Grundfragen einer Theorie der sprachlichen Tätigkeit / Übers. aus dem Russ. – Stuttgart: Kohlkammer, 1984. – S. 45–198.
13. Lerchner G. Literarischer Text und kommunikatives Handeln. – B.: Akademie, 1987. – 87 S.
14. Merilai A. Pragmapoetics as literary philosophy // Interlitteraria. – 2007. – No. 12. – P. 379–392.
15. Nierlich E. Pragmatik in die Literaturewissenschft? // Zeitschrift für Literaturwissenschaft und Linguistik. – Jg. IX/X. – 1973: Pragmatik und Didaktik der Literatur. – S. 9–32.
16. Polenz P. v. Deutsche Satzsemantik: Grundbegriffe des Zwischen-den-Zeilen-Lesens. – B., N.Y.: de Gruyter, 1988. – 389 S.
17. Searle J. R. Intentionality. An essay in the philosophy of mind. – London: Cambridge University Press, 1993. – 278 p.
18. Stierle K. Text als Handlung: Grundlegung einer systematischen Literaturwissenschaft. – München: Fink, 2012. – 360 S.
19. Tsur R. Toward a Theory of Cognitive Poetics. – Amsterdam: North Holland, 1992. – 574 p.

ФОНОСТИЛИСТИКА

- Общественно значимая коммуникация
- Культурно-языковая традиция
- Произносительная стилистика
- Устная речь
- Разговорная речь
- Категория разговорности
- Стиль произношения
- Произносительные варианты
- Компрессированные варианты
- Стилистическая градация высокий / нейтральный / разговорный
- Традиционные образцы русского ударения
- Словарь трудностей для работников эфира

Ирина Андреевна Вещикова:

«Новый импульс к рассмотрению стилистического измерения в орфоэпии был связан с вовлечением в орбиту исследований текстов массмедиа».

«…камнем преткновения в области фоностилистики был и остается вопрос о категории разговорности (степени ее литературности) в контексте общей проблемы общественно значимой коммуникации».

«С позиции сегодняшнего дня можно уверенно говорить о том, что тезис о «полной редукции высокого стиля» нельзя признать справедливым, если только этим термином не обозначается конкретный набор фонетических черт. Если же под высоким стилем понимать особенности, передающие описанные выше смыслы, то он просто не может не существовать и логично предположить, что в последнее время он просто изменил свое фонетическое содержание».

«В настоящее время можно считать доказанным то, что разговорные / компрессированные варианты являются частью литературного произношения, включая социально ответственные ситуации общения».

«По отношению к фонетическим компрессиям не может быть единой и единственной нормативной рекомендации, вследствие чего пора отказаться от квалификации произносительной составляющей в терминах двух градаций – кодифицированный / разговорный, ибо такой подход чересчур упрощает реальное положение вещей, лишая возможности уловить те конкретные черты, которые сближают и разделяют разные тексты».

«…новшеством является не сам факт проникновения разговорных вариантов в массовую коммуникацию, но экспансия тех разных жанров и форматов, которые сделали зримой такую особенность, и усиление их активности».

Михаил Абрамович Штудинер:

В «Словарь трудностей русского языка для работников СМИ» «включены нарицательные слова и имена собственные (географические названия, фамилии и имена политиков, деятелей науки и культуры, спортсменов, названия СМИ, спортивных клубов, литературных и музыкальных произведений и т. п.), постановка ударения в которых часто вызывает затруднения».

«При выборе единственного рекомендуемого варианта ударения или произношения и варианта, помещаемого на первом месте среди равноправных, учитывалась частотность вариантов в живой литературной речи и их соответствие культурно-языковой традиции: предпочтение, как правило, отдавалось наиболее употребительным традиционным литературным акцентным и произносительным вариантам. Однако в некоторых, чрезвычайно редких, случаях автор намеренно рекомендует варианты, о которых нельзя сказать, что они более широко распространены в современной русской речи, чем те, которым не отдается предпочтение».

УДК 81’355

И. А. Вещикова
(Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова)

СТИЛИСТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ В ОРФОЭПИИ

Статья представляет опыт современного осмысления темы «стилистика и произношение» на основе обобщения научных и эмпирических сведений, накопленных за столетнюю историю ее изучения. Рассмотрению подлежат ключевые проблемы и аспекты, которые дают возможность наметить способы решения дискуссионного вопроса, касающегося принципов функционирования разговорной фонетики в речевых сферах, неравноценных по своей культурной и общественно-коммуникативной значимости.

Ключевые слова: орфоэпия, стилистика, разговорный произносительный вариант, компрессированный вариант произношения, кодифицированные нормы.

Irina A. Veshchikova
(Lomonosov Moscow State University)

STYLISTIC VARIATION IN PRONUNCIATION

The article presents the experience of contemporary reflection on themes «stylistics and pronunciation» on the basis of generalization of scientific and empirical knowledge accumulated over 100 years of research. For consideration submitted the key problems and aspects that provide an opportunity to plan ways of the decision of the discussion question regarding the functioning of spoken phonetics in the varieties of the literary language, which differ from the point of view of cultural and social-communicative significance.

Key words: orthoepy, stylistics, colloquial pronunciation variant, compressed pronunciation variant, codified norms.

Даже образцовое произношение не может быть всегда абсолютно одинаковым.

(Г. О. Винокур)

1

Проблема произносительной стилистики далеко не нова. В отечественной лингвистике она берет свое начало с известных статей Л. В. Щербы «О разных стилях произношения и об идеальном фонетическом составе слов» (1915) и «К вопросу о русской орфоэпии» (не датирована), в которых была обозначена важность изучения звуковой стороны языка в функционально-стилистическом ракурсе. Вот два высказывания, подтверждающих сказанное и намечающих содержание и вектор такого анализа. 1) «Пока люди находились еще под очарованием письма, отличая звуки от букв больше в теории, то можно было бы еще толковать о том, что неударенное ***о*** произносится как ***а***, или как звук средний между ***о*** и ***а*** и т. п. Но когда окончательно порвали с буквами и стали наблюдать объективно существующее в связной речи разнообразие произношений, то пришлось задуматься о том, как относятся друг к другу объективно встречающиеся в разных условиях формы: g^v^rít, gəv^rít, gə^rít, gərít, grít и т. д.» (Щерба 1957: 21). 2) «Кроме того, я хотел обратить внимание на одно упускаемое при всех орфоэпических рассуждениях обстоятельство… Дело в том, что отнюдь нельзя себе представить, что существует какой-то единый стиль нормального произношения, хотя бы для каждого языка; возможна целая шкала разных произношений…» (Щерба 1957: 141). Однако в последующие десятилетия поставленные ученым вопросы остались без должного внимания как фонетистов, так и стилистов. И только начиная с конца 40-х годов XX века тема стилистических отношений в фонетике вновь попала в поле зрения языковедов, среди которых крупнейшие представители московской (Винокур 1948/1997; Аванесов 1950/1984, 1986; Реформатский 1979; Панов 1963, 1967, 1968) и ленинградской (Матусевич 1976; Бондарко и др. 1974) фонетических школ. Интересу к проблеме стилистического варьирования и ее разработке в немалой степени способствовало системное описание звуковых единиц разговорной речи (Русская разговорная речь 1973; Фонетика спонтанной речи 1988; Розанова 1996; и др.). Дальнейший ход исследований привел к анализу речевых сфер, обладающих культурной и общественно-коммуникативной значимостью (Брызгунова 1984; Борисенко 1985; Русское сценическое произношение 1986), сведения о которых на всех уровнях, в том числе орфоэпическом, были признаны существенными для теоретической, описательной и прикладной лингвистики. На это справедливо указывает О. А. Лаптева, отмечая: 1) «теоретическая лингвистика заинтересовалось ею [устной публичной речью – *И. В.*] раньше других направлений» и «сейчас ведутся острые, подчас ожесточенные споры... о ее месте в составе литературного языка, о ее соотношении с книжно-письменной речью, с одной стороны, и с разговорной – с другой»; 2) «для описательной русистики важно представить конгломерат особенностей этого типа речи по всем уровням»; 3) «для прикладной... важно так построить обучение русской речи... чтобы получаемый результат соответствовал реальным особенностям естественной русской речи» (Лаптева 1985: 4–5).

Новый импульс к рассмотрению стилистического измерения в орфоэпии был связан с вовлечением в орбиту исследований текстов массмедиа, на произносительный облик которых наконец-то взглянули не только и не столько с точки зрения предъявляемых к ним «идеальных требований», сколько в плане, по выражению С. М. Кузьминой, «реальной модальности». Такой анализ тем более важен, так как в языке массовой коммуникации новейшего времени телевизионная речь занимает лидирующее положение, становясь законодателем орфоэпических норм. При этом в не собственно фонетических описаниях (Сенкевич 1994; Земская 1996; Лаптева 2000; Иванова 2001 и др.), как правило, акцентируются ошибки в ударении и стилистический момент – вопрос о границах орфоэпической свободы в отношении употребления разговорной фонетики, экспансия которой связывается с сознательной установкой на разговорность и стремлением разрушить «сухой офици-

альный» тон диктора радио и телевидения, а также с преобразованием «параметров протекания устных форм массовой коммуникации», изменением «ситуаций и жанров общения и в области публичной, и в области личной коммуникации» и т. п. (Земская 2000: 13). В большей части орфоэпических описаний (Воронцова 1996; Каленчук, Касаткина 2007) произносительная сторона «слова в эфире» изучается с преимущественным вниманием к вариантам, существование которых в конечном счете определяется социальными параметрами и которые всегда были и до сих пор остаются главным предметом как научно-исследовательской, так и нормотворческой деятельности в орфоэпии. И лишь в единичных случаях исследовательские координаты меняются и на первый план выходит стилистический анализ, содержание и результаты которого в суммарном виде очень точно передает следующее суждение: «Актуальной задачей в области культуры речи является выработка понятия правильности, ошибки для художественной и специальной речи и установление качественного и количественного предела насыщенности публичной речи чертами разговорной фонетики» (Кузьмина 1996: 23). То, что данная область звуковых изменений изучена в наименьшей степени, доказывают и лексикографические решения. Заглянув в любой академический словарь орфоэпического типа читаем, что словарь «ставит целью представить литературную норму во всем многообразии ее проявлений», а затем узнаем: «В настоящем словаре... не указывается все многообразие вариантов произношения и ударения, связанных со стилем речи. В словаре указывается стилистически не окрашенное, нейтральное, “обычное”, “нормальное” произношение… особенности произношения указываются применительно к отчетливой, тщательной речи. Специфические явления беглой речи остаются за пределами словаря» (ОС 1997: 5, 642). Показательно, что и в последнем издании названного словаря (вышел в 2014 году под редакцией Н. А. Еськовой) стилистический аспект не вовлечен в описание: в словнике по-прежнему регистрируется несколько вариантов – [вап]ще, [щас], тыща – с пометами «в разговорной речи возможно произношение» или «для передачи разговорного произношения возможно написание». На сегодняшний день существует один источник – «Большой орфоэпический словарь...» (Каленчук и др. 2012), более или менее широко фиксирующий подобные произнесения: *в беглой речи возможно* абстракц[а]низм; *в беглой речи обычно* ты[ш’ш’]а; *допуст.* обяза[т’]ный, хотя представленная таким образом информация не достигает необходимого минимума, оставляя не проясненными вопросы о законности вариантов типа п[и^{е}и^{е}]ся́т (пятьдесят) вне беглой речи или при чтении новостей, для которых быстрый темп вполне обычен, и не передавая их своеобразие – градуированность членов данного фонетического множества на шкале нормативности. Можно сказать, что камнем преткновения в области фоностилистики был и остается вопрос о категории разговорности (степени ее литературности) в контексте общей проблемы общественно значимой коммуникации. Чтобы продвинуться в его решении, целесообразно начать с систематизации накопленных за столетнюю историю изучения сведений, опираясь на научное представление, согласно которому «лингвистическое знание может развиваться только как результат неустанного диалога между исследованием языкового материала и существующими учениями» (Золотова и др. 1998: 3).

2

История функционально-стилистических исследований включает в себя несколько этапов. На первом этапе идея стилистической дифференциации была соединена с понятием стиля произношения, которое вошло в научный обиход после издания упомянутой выше статьи «О разных стилях...». Проследим, какие представления ученых – Л. В. Щербы (1880-1944), Р. И. Аванесова (1902-1982) и М. В. Панова (1920-2001), участвовавших в его разработке, оказались влиятельными и работоспособными.

Судя по датам публикаций, вопросы стилистики русского произношения занимали Щербу на протяжении трех десятилетий. Но среди них мы не найдем такой, где бы представления ученого по этой теме были выстроены в виде целостной концеп-

ции. Тем не менее, если не ограничиваться выборочным изучением его работ, интерпретировать его размышления в сочетании с иллюстративным материалом и опираться на такой «надежный» источник, как работы М. И. Матусевич, «ученицы и ближайшей сотрудницы Л. В. Щербы» (Матусевич 1976: 3), то представляется достаточно бесспорным, что определяет основополагающий характер его наблюдений. Главное состоит в том, что Щерба, во-первых, показал фонетическое содержание вариантов, связанных с использованием литературного языка в разных условиях общения; во-вторых, привлек внимание к тому, что они образуют континуум и что *здравствуйте* и *здрасте*, *человек* и *чек*, *говорит* и *грит* – «это лишь крайние случаи» (Щерба 1957: 21); в-третьих, подсказал, что выбор вариантов указанного типа обуславливается разными, но взаимосвязанными факторами: стилем речи, степенью отчетливости, темпом (подробнее см.: Вещикова 2007). Отношение к высказанным Щербой идеям рано стало неоднозначным. Его называют родоначальником русской фоностилистики. Обзор его взглядов – обязательная часть любого подобного исследования и, как показывает история науки, всякий раз, когда приходится говорить о стилистических градациях на уровне произношения, выбор падает на изучение типа варьирования, открытого Щербой, правда, чаще всего под другими терминологическими обозначениями – неполный тип произнесения, убыстренный тип произношения (УТП), эллиптические варианты, редуцированные формы, компрессивно-аллегровая речь, а также предлагаемое нами *компрессированные варианты / формы*, преимущество которого состоит в отсутствии оценочных коннотаций и одновременно предельно точном отражении их фонетической сущности. Вместе с тем многие фонетисты высказывают сомнения в стилистической природе описанных ученым вариантов. Похоже, что такое прочтение идей Щербы было задано Аванесовым и прочно закрепилось в учебной и научной литературе.

Переходя к обзору стилистических представлений Аванесова, можно напомнить, что отправным пунктом его рассуждений является мысль о том, что «литературный язык реально существует во многих своих разновидностях», отличия между которыми «захватывают и область фонетическую, произносительную. Поэтому с полным правом можно говорить и о разных стилях произношения. Ввиду неразработанности этого вопроса мы ограничимся лишь немногими замечаниями» (Аванесов 1984: 31). Суть этих «немногих замечаний» сводится к двум общим положениям. Одно касается того, что «стили произношения тесно связаны со стилями языка в целом, и прежде всего со стилистическими разграничениями в лексике» и в качестве таковых ученый в последнем издании книги «Русское литературное произношение» «выделяет три стиля: основной, нейтральный стиль и ответвляющиеся от него в разные стороны высокий и разговорный стили» (Там же: 32 и 33). К сожалению, ответ на вопрос о том, в чем конкретно проявляется и как осуществляется связь стиля языка – стилистических разграничений в лексике – стилей произношения, не был конкретизирован. Одновременно он формулирует второе положение, заостряя внимание на том, что используемая им трехчленная шкала отлична от деления, предложенного Щербой: «С указанными выше различиями в стилях произношения не надо смешивать произносительные различия, обусловленные темпом. В этом последнем отношении следует отличать беглую речь, характеризующуюся быстрым темпом и потому меньшей отчетливостью, меньшей чеканностью, тщательностью артикуляций, от отчетливой речи, более медленной по темпу и потому характеризующейся большей тщательностью артикуляций». И далее (в сноске): «Акад. Л. В. Щерба в близком значении к указанному разграничению отчетливой и беглой речи употреблял термины "полный" и "неполный" [в работах Щербы определение *неполный* не применяется – *И. В.*] стили произношения» (Там же: 34). Но и этот тезис не получил убедительного доказательства, а приведенный ученым иллюстративный материал скорее опровергает сказанное, подтверждая противоположное суждение: «Между разными стилями произношения и произносительными различиями, обусловленными темпом,

существует тесная связь: более быстрый темп бывает в разговорном стиле, а более замедленный – в высоком. Поэтому первому в большей степени свойственная беглая речь, а второму – отчетливая. Нейтральному стилю в равной мере свойственны как беглая речь, так и отчетливая. Однако полного соответствия между разными стилями произношения и произносительными различиями, обусловленными темпом, нет: хотя и реже, но может встречаться разговорный стиль произношения при отчетливой речи и, напротив, высокий стиль – при беглой речи» (Там же: 35). Приходится признать, что в данной части орфоэпического учения Аванесова нет свойственной его работам строгости и ясности.

Останавливаясь на концепции Панова, подчеркнем, что в истории фоностилистики 2-ой половины XX века он был особенно знаменательной фигурой, поскольку практически все написанное им в этой области обычно воспринимается как нечто фундаментальное и программное. В ранних работах ученого (до 1968 г.) центральным было понятие стиля произношения, значение которого он раскрывал, утверждая, что «произносительные стили связаны со стилистическими соотношениями в лексике; в известном отношении они производны от лексических стилей» (Панов 1963: 5), и затем поясняя 1) смысл разграничений, описывающих произношение в системе координат высокий / нейтральный / разговорный стили, 2) формальные признаки стилей и 3) закономерности их сочетания в речи. Обсуждая первый вопрос, он писал, что одни произносительные особенности (в качестве примера он приводит вариант [шъз'д'и^{э}с'ат]) уместны в любой речи, они – приметы нейтрального стиля; другие – «функционально сопоставимы со словами торжественной окраски»: варианты типа «[шъз'д'э^{и}с'ат] придают речи ту же окраску, что использование книжных и вообще слабо окрашенных слов "высокого" стиля» (Панов 1963: 15-16); третьи (произнесения типа [шыис'ат]) «функционально являются однозначными с употреблением слов *сотенка, голубчик*» (Там же) и формируют разговорный стиль. В более поздних публикациях встречаем уточнение, согласно которому смысл стилистической градации высокий / нейтральный / разговорный сложен и состоит в том, чтобы передать отношение говорящего к речи (это основное значение) и одновременно отразить ту обстановку, в которой она осуществляется (это производное значение), и в некоторых случаях выразить положительное / отрицательное отношение к объекту называния (и эта черта вторична). Применительно к высокому стилю это означает, что его место *там* и *тогда*, *где* и *когда* речь квалифицируется как «имеющая большое, даже всеобщее значение», «как важная, существенная для всех (или многих)» и как «имеющая печать торжественности (в большей части – праздничной, но иногда и скорбной)», разговорный же стиль уместен, если речь оценивается «как имеющая только ограниченное значение: здесь, сейчас, для присутствующих» (Панов 1981: 15 и 16). Разбирая вопрос о фонетическом содержании стилей произношения, существенным Панов считал то, что их показателями служат признаки двоякого рода – специфическое варьирование фонем и (для высокого стиля) возможность фонемных чередований и что не все слова могут иметь синонимы в высоком стиле или разговорный вариант, для этого «они должны обладать такими звуковыми сочетаниями, на материале которых могут осуществляться тенденции разговорного стиля» (Панов 1963: 26). Вопрос о взаимодействии стилей произношения он рассматривает, апеллируя к лексическому материалу, выделяя как основную мысль о том, что «не может существовать естественного текста... состоящего только из слов высокого или разговорного стиля, но может встретиться текст целиком из слов нейтрального стиля», и, следовательно, «как норма, текст представляет собой сочетание слов разных стилей», причем «наиболее обычно сочетание слов нейтрального стиля (в любом тексте их обычно большинство) со словами одного из окрашенных стилей», тем самым «тексты, окрашенные примесью стилистически информирующих слов, сами воспринимаются как окрашенные, например, как высокие» (Панов 1963: 11). Несколько более подробно Панов говорит о разговорном стиле – его связи с темпом речи и границах законного действия. «Во-первых,

сам этот темп определяется обычно не случайными особенностями общения… а именно стилистической установкой сообщения. Убыстренно мы сообщаем обычно то, что ориентировано на разговорный стиль… Во-вторых, связь между темпом и описанными признаками произношения вовсе не столь обязательна» (Там же: 23). Кроме того, «разговорный стиль уместен только в некоторых условиях общения; если он используется в официальной обстановке, в торжественных выступлениях... он режет ухо. Именно этим вызваны многочисленные нападки на произносительные особенности разговорного стиля; объективно их неприятие обозначает лишь стремление не допустить господства этого стиля там, где должны использоваться неразговорные стили произношения. Разговорный стиль вполне литературен при установке на непринужденную, непубличную речь» (Панов 1967: 276). Более детально вопрос взаимодействия стилистически соотнесенных единиц и определяющих их употребление факторов не прорабатывался, требуя к себе первоочередного внимания. Эта задача вышла на первый план чуть позднее.

3

Начиная с 60-х годов XX века развитие фоностилистики пошло по принципиально иному пути. С этого времени речь литературно говорящего социума фигурирует как важный источник для установления современной литературной нормы, а идеи Щербы получили возможность быть эмпирически проверенными. Такой подход обещал решение многих проблем, касающихся устройства фонетики разных речевых сфер. Но в полной мере этого не произошло, что и заставляет к ним возвращаться.

3.1. Первоначально внимание лингвистов привлекла речевая практика носителей языка в условиях неофициального непринужденного персонально адресованного общения, в результате изучения которой было сформулировано новое видение стилистического устройства языка на уровне произношения. С этого времени система литературного языка мыслится как состоящая из двух разновидностей, каждая из которых имеет свою фонетическую систему, выбор между которыми регулируется экстралингвистически: «кодифицированный литературный язык (КЛЯ) обслуживает сферу официального (личного и публичного) общения, а разговорный язык (РЯ) – сферу неофициального, неподготовленного, личного общения» (Китайгородская, Розанова 1999: 7). Кроме того, «на РЯ говорят в тех случаях, когда нужно показать, что отношения между говорящими дружеские, приятельские, добрососедские, отношения хороших знакомых или незнакомых, но расположенных друг к другу людей», тогда как КЛЯ – «герой всех учебников, описаний и руководств» – «в этом отношении нейтрален: на нем можно говорить всегда» (Панов 1990: 19). Такое понимание, сразу ставшее популярным и влиятельным, не утратило своего господствующего положения и сегодня, несмотря на постоянно возникающие вопросы: как квалифицировать тексты, в которых ведущими являются кодифицированные варианты, а разговорные – вкраплениями (ранее – разговорный стиль)? какое место в новой системе координат занимают тексты, на предшествующем этапе относимые к высокому стилю? можно ли считать доказанным, что особенности, именуемые фонетикой разговорной речи (РР), есть исключительная примета неофициальной коммуникации? правомерно ли говорить о разговорных вариантах как целостном образовании с точки зрения нормы? Будем искать ответы на все эти вопросы, предварительно напомнив основания, которые привели к пересмотру взглядов на стилистику русского произношения. Об этом Панов размышляет в работе «Фонетические изменения в фонетике», лейтмотивом которой стала мысль об активных процессах в произношении – о «резкой актуализации» разговорных особенностей и превращении их «из вкраплений, которые окрашивают текст, состоящий из нейтральных единиц, в господствующий тон» и в конце концов в «особую самостоятельную форму общения – разговорную речь» и одновременно о «постепенном изживании этого (высокого) стиля в произношении» (Панов 1968: 113, 109). С позиции сегодняшнего дня можно уверенно говорить о том, что тезис о «полной редукции высокого стиля» нельзя признать

справедливым, если только этим термином не обозначается конкретный набор фонетических черт. Если же под высоким стилем понимать особенности, передающие описанные выше смыслы, то он просто не может не существовать и логично предположить, что в последнее время он просто изменил свое фонетическое содержание.

3.2. Новый шаг в разработке темы «фонетика и стилистика» берет свое начало на рубеже 70-х–80-х годов, когда к исследованию были подключены записи устной публичной речи (УПР). На первый взгляд может показаться, что в ходе анализа языкового существования общества в общественно значимой сфере, объем фонетических средств, подлежащих изучению, как будто бы расширяется. Но при ближайшем рассмотрении оказывается, что, как бы широко ни ставилась задача, все сводится к анализу и осмыслению проблемы разговорности, рассматриваемой теперь под таким углом зрения, как «Разговорная фонетика в публичной сфере: норма или дефект коммуникации?» Поиски в этом направлении чаще всего останавливаются на констатации того, что «все типы “организованной” (по Д. Н. Шмелеву) речи – как специальной, так и художественной – испытывают на себе влияние стихии разговорного языка, однако оказывают разное сопротивление этой стихии. Наиболее устойчивыми к проникновению фонетических черт РР... оказываются художественная и информационно-публицистическая речь. Степень проницаемости разговорной фонетики в другие разновидности в большей степени зависит от культуры говорящего, от его умения учитывать обстоятельства, условия, задачи речи, а для актеров и дикторов – от их профессионализма» (Кузьмина 1996: 22–23). В других случаях исследователи утверждают, что фонетический строй, например научной речи, как норма содержит разные типы произношения, в том числе «убыстренный» (по замечанию автора, «УТП хорошо описан в работах по РР»), использование которого «обусловлено функционально», т. е. характерно для повторов, малоинформативных сегментов и отрезков речи, слабой позиции во фразе, частотной лексики вообще и для данного текста в частности (Борисенко 1985: 266–277). Что касается сведений о суперсегментном уровне, то они становятся не более чем попутной величиной и, видимо, потому бывают крайне скупы и не превышают одного абзаца текста: «Суперсегментная фонетика дикторской речи характеризуется следующими чертами: 1) ограниченным набором интонационных конструкций, 2) стабильным средним темпом произнесения, 3) отсутствием пауз колебания и психологических пауз, 4) наличием так называемых дикторских пауз. К этим чертам... следует добавить также ровность тона, отсутствие резких перепадов, ровную громкость, связанную с ровной интенсивностью голоса» (Кузьмина 1996: 11).

Что дало изучение общественно значимых речевых сфер с точки зрения объяснения действительных процессов общения? Содержание сделанных на том этапе выводов укладывается в формулу «на КЛЯ говорить нельзя», однако сформулированный в многочисленных работах Лаптевой постулат не получил сколько-нибудь широкого научного резонанса.

4

В научной литературе господствует представление о том, что экспансия разговорной фонетики и ее вторжение в публичную коммуникацию, является приметой новейшего времени. Чтобы подтвердить или опровергнуть этот тезис, следует обратиться к фонетике неразговорных сфер (в частности, массмедиа) советского периода через описание состава и комбинаторики, а также табуированных вариантов произнесения. Очевидно, что это измеряемо и в значительной степени уже измерено. Надо заметить, что впервые к данной теме привлек внимание Панов в связи с анализом произношения Д. Н. Ушакова: «В лекции особенно поразительно большое количество разговорных фактов, явлений некодифицированной фонетики, конечно, это не просторечие, а разговорный язык. Ведь читалась лекция (чопорный жанр), читалась в студии, при отсутствии слушателей, т. е. в очень искусственных условиях, как будто исключающих всякую разговорность (для нее нужны, наоборот, предельно естественные условия общения). Может быть, мы все-таки

заблуждаемся, приписывая успехи разговорной фонетики последним десятилетиям? Не будь она обычной в желтой системе, не оказалась бы она такой частой гостьей в лекции Д. Н. Ушакова» (Панов 1990: 176). Приведенные суждения ученого никогда не упоминаются и не цитируются. Между тем факт состоит в том, что уже первые исследования общественно значимой коммуникации 30-х–70-х годов (речь идет о текстах, продуцируемых профессионалами слова – писателями, режиссерами, актерами и т. п.), подтверждают наблюдения о том, что публичная речь не всегда отвечала фонетике КЛЯ даже там, где она была ожидаема и декларировалась как образец (см.: Вещикова 2007: 147–179). При этом, если стремиться к целостности орфоэпической картины, необходимо располагать информацией и о таком объекте, как телевизионная речь. В данном случае интерес к фонетике «слова в эфире» советского времени определяется двумя причинами: на нее возложена роль хранителя культурной традиции и, как считается, именно в ту эпоху «информационно-публицистический стиль русской речи, воплощенный в речи радио- и теледикторов, в наибольшей степени олицетворяет орфоэпическую норму кодифицированного литературного языка, он близок к воплощению эталона, идеала литературной речи» (Кузьмина 1996: 13; ср.: Каленчук, Касаткина 2007: 318–319).

При изучении телевизионной речи (ТВР) как сферы бытования литературного языка в фокусе нашего внимания, кроме собственно дикторской речи, были записи информационно-аналитической передачи «Международная панорама», информационно-публицистической передачи «Камера смотрит в мир», публицистических фильмов В. Зорина, а также просветительских программ И. Андроникова, которого называют «эталоном человека, ведущего свою программу» и с именем которого связано становление «экранного прообраза амплуа “телевизионного рассказчика”» (Муратов 2009: 44). Такой выбор продиктован многоплановостью самого телевещания, о чем неизменно говорят теоретики журналистики: «Несмотря на все свое обаяние, теледиктор – фигура слишком условная... Несколько лет назад Ираклий Андроников писал о том, что необходимо выработать хотя бы дикторские амплуа. Дикторов надо дифференцировать по профилю передач, по кругу тем и даже по времени появления в эфире. Впрочем, в этом случае уместнее будет уже говорить не о дикторах, а скорее о ведущих самостоятельные программы, о людях не только сведущих в своей области, но и интересных самих по себе» (Там же: 44).

Результаты проведенного обследования оказались весьма неожиданными. Во-первых, сразу обратило на себе внимание отсутствие предписываемого знаменитым профессионально ориентированным словарем (Агеенко, Зарва 1960) единообразия в их оформлении за счет разного использования как кодифицированных, так и разговорных / компрессированных вариантов. Во-вторых, если говорить об употреблении кодифицированных форм, то противопоставленными оказались ежедневные новостные программы в дикторском исполнении и все прочие тексты. Дикторы стремятся держаться ограничений, принятых и рекомендуемых «Словарем ударений для работников радио и телевидения», тогда как ведущие информационно-аналитических и других авторских программ как будто бы более свободны в своем выборе: они не отказываются от предоставляемых произносительной системой возможностей и сознательно или бессознательно становятся проводниками предписаний академических словарей, утверждающих, что нормативность не исключает вариантов. В-третьих, репертуар средств, встречающихся в речевой практике лиц, с которыми ассоциирована журналистика советского периода (А. Овсянников, А. Бовин, Вс. Овчинников, Г. Герасимов, В. Ильяшенко, Б. Стрельников, Б. Калягин, Г. Боровик, И. Фесуненко, И. Андроников и др.), не исчерпывается кодифицированными формами, хотя, естественно, они господствуют. Наряду с ними в абсолютном большинстве текстов, где есть место индивидуальности говорящего (vs тексты, где авторское «я» не предусмотрено нормой), наличествуют и фонетические компрессии. Они объективно существуют в употреблении, и с этим нельзя не считаться. Вместе с тем – и это главное –

реализация разговорных вариантов в рассмотренных текстах имеет ряд существенных особенностей и ограничений, которые, как это ни странно, ранее не были предметом внимания и обсуждения. Во-первых, в условиях ТВР они не обладали высоким индексом частотности, во-вторых, использовалась не вся их палитра. Регулярными были преимущественно те категории, которые не препятствуют восприятию содержания и могут быть охарактеризованы следующим образом: 1) если слово имеет более одной компрессированной формы, то выбор обычно делается в пользу варианта, наименее отличного от кодифицированного; 2) если для узнавания какой-либо компрессии требуется дополнительный контекст или знание ситуации речи, участники эфира стремятся ее избегать; 3) чем больше какая-либо форма удалена от кодифицированной нормы и чем больше с ней контрастирует, тем реже она используется представителями студии. Обычно эти случаи не вызывают отрицательной оценки и даже не всегда замечаются слушателями. Все отмеченные черты нельзя считать исключением из правил, так как они перекликаются, с одной стороны, с общим вектором отбора кодифицированных и некодифицированных вариантов в «старых» записях публичной речи других ее разновидностей, с другой – с орфоэпией качественных телевизионных текстов новейшего времени (речь идет о принципах орфоэпического устройства телетекстов). Двоякое произношение и нетождественность в стратегии речевого поведения работающих в дикторском амплуа и всеми остальными хорошо ощущается и современными практиками: «Телевизионный ведущий, общаясь со своей аудиторией, должен говорить на максимально живом языке, даже если это приводит к каким-либо языковым ошибкам. Можно говорить по-своему, с какими-то своими особенностями. Все это может создать некий интересный характер передачи, делающий ее непохожей на другие. Образцовый литературный язык – прерогатива дикторов» (Светана-Толстая 2007: 298).

5

Выявленные факты позволяют сделать следующие обобщения.

1) В настоящее время можно считать доказанным то, что разговорные / компрессированные варианты являются частью литературного произношения, включая социально ответственные ситуации общения. Данное утверждение влечет за собой вопрос: где проходит водораздел между правильным, уместным и эффективным в разговорной и неразговорных разновидностях литературного языка? Современные исследования фонетики в функционально-стилистическом ракурсе позволяют установить, что стремление к формальному расподоблению, естественным образом сопутствующее смене условий реализации речи, далеко не всегда приводит к четкому разделению всех текстов (имеется в виду орфоэпический облик) на принадлежащие КЛЯ или РР. Речевые сферы, противопоставленные как УПР и РР, отличаются в двух отношениях – не только количеством, но и качеством (типом) компрессированных вариантов. Большая часть текстов представляет собой сочетание кодифицированных и разного типа компрессированных произнесений. При этом в РР представлен весь их спектр – от легко узнаваемых вне контекста и в силу этого потенциально способных к самостоятельному употреблению (пя(ть)десят, государс(твен)ный) до явлений чисто контекстуальных ([в-о-о]=извозчик), от высокочастотных (тыща, двадц(ать) пять) до редко употребительных или почти индивидуальных (бу (=будет) сделано, (з)десь), от максимально сходных с кодифицированными (все-т(а)ки, т(е)атр) до предельно контрастных с ними (н(ав)ерн(о), [шъ]=что). В УПР, наоборот, носители литературного языка склонны ограничивать действие тенденции к компрессии. Это обнаруживает себя в том, что круг компрессий в этих условиях формируется в идеале вариантами, которые не нарушают такой принцип, как: «Публичная речь по своим функциям и жанровым особенностям – это прежде всего речь, учитывающая удобство слушателя. Подчеркнуто-полное удовлетворение интересов слушателя – вот что в первую очередь определяет произносительную сторону публичной речи» (Панов 1968: 14).

2) Такая особенность, как асимметричность в употреблении разговорных вари-

антов, позволяет легко объяснить причины явно затянувшейся дискуссии относительно особенностей устройства фонетики неразговорных речевых сфер. Если учесть доминирующее положение в УПР кодифицированной фонетики и очевидные ограничения в использовании разговорной, то вполне понятной становится теория членения литературного языка на КЛЯ и РЯ. Больше того, она практически не требует никаких оговорок, если речь идет о текстах, которые наделены смыслами, стоящими за термином «высокий стиль» (см.: Вещикова 2007: 203–209). Именно в них обращение к компрессиям запрещено. Если же принять во внимание, что абсолютное большинство текстов общественного назначения не свободно от фонетических компрессий того или иного типа, то нельзя не согласиться с тезисом, согласно которому «большая ошибка – думать, что в принципе можно употреблять в устной речи только кодифицированные языковые средства – некодифицированные в ней обязательно присутствуют (исключения редки)» (Лаптева 2003: 63).

3) В соответствии со сложившейся традицией разговорные варианты рассматриваются как единое множество, противопоставленное, с одной стороны, кодифицированным, с другой – просторечным формам. В действительности, однако, ситуация оказывается сложнее, ибо разговорные формы образуют шкалу переходов не только в плане фонетическом, но и нормативном. Разные фонетические компрессии могут находиться на разном расстоянии от кодифицированной формы и в разной степени контрастировать с ней. Это особенно ярко и наглядно проявляется, если какое-либо слово имеет более одного компрессированного варианта: [ш’:ч’ас], [ш’:ас], [ш’:а]; [вапш’:э], [ваш’:э], [аш’:э]; [съиршэн:ъ], [сышэн:ъ], [съшэнъ]; [аб’изатнъ], [аб’ъзатнъ], [аб’затн]; [т’иэ’р’], [т’ъэр’], [т’ър’]. Произнесения такого типа не укладываются в структуру оценок *рекомендовано – допустимо – запрещено* (принята для социального варьирования), так как здесь имеет место ситуация, когда одна и та же форма, будучи уместна и в этом смысле литературна в одних условиях, перестает быть таковой в других. По отношению к фонетическим компрессиям не может быть единой и единственной нормативной рекомендации, вследствие чего пора отказаться от квалификации произносительной составляющей в терминах двух градаций – *кодифицированный / разговорный*, ибо такой подход чересчур упрощает реальное положение вещей, лишая возможности уловить те конкретные черты, которые сближают и разделяют разные тексты.

4) Среди исследователей распространение получила точка зрения, согласно которой распределение кодифицированных и некодифицированных форм обусловлено темпом речи и положением слова в сильной / слабой фразовой позиции. Конечно, нет причин отрицать наличие такой связи, но нет и достаточных оснований говорить, что эта связь носит обязательный характер. Для работающих с устным словом увеличение темпа не должно приводить в действие механизм компрессии. По нашим наблюдениям, темп речи и фразовая позиция чаще выступают в качестве таких условий, которые поддерживают, усиливают или, наоборот, тормозят, блокируют осуществление компрессии, а замена кодифицированного варианта разговорным зависит от совокупного действия разноплановых факторов.

5) Анализ эмпирического материала позволяет уверенно говорить о том, что уже в XX веке ни в телевизионной речи, ни в иных разновидностях публичной коммуникации не было табу на разговорные / компрессированные варианты, но был запрет на присутствие всего их спектра, всех их типов. Отступление от этого принципа оценивается как погрешность в выборе конкретного компрессированного варианта и обычно не проходит незамеченной. Знаком отрицательной оценки чаще всего служат ремарки типа «разговорно, невнятно, скороговорка, плохая дикция» и т. п.

По-видимому, новшеством является не сам факт проникновения разговорных вариантов в массовую коммуникацию, но экспансия тех разных жанров и форматов, которые сделали зримой такую особенность, и усиление их активности. Тем не менее и сегодня их оценка как «вполне литературных» за пределами разговорных речевых сфер сопряжена

с серьезными трудностями. История повторяется, напоминая ту, что сложилась в 60-е годы: «Первые систематические записи его (разговорного языка – И.В.) произвели смятение, многим показалось, что это запись “некультурных” людей. Тогда лингвисты, сделавшие эти записи, сообщили, что записана речь людей известных, с очень высокой культурой – профессоров, писателей, академиков. Понемногу филологи стали привыкать к мысли, что такая система... действительно существует; причем стали замечать и за собой, что они тоже пользуются РЯ – и даже часто» (Панов 1990: 19–20). Полвека назад для признания литературности такого рода произносительных особенностей понадобился авторитет Панова, в настоящее время аргументом могут служить ссылки на речевую практику разных профессиональных и социокультурных групп литературно говорящего социума в общественно значимой коммуникации. Поэтому одной из насущных задач орфоэпии и стилистики является сопоставительный анализ речевых сфер с точки зрения функционирования разговорных / компрессированных форм, которые целесообразно систематизировать и подразделять на основе: типичности и распространенности, близости к кодифицированному варианту / удаленности от него, способности к самостоятельному употреблению / контекстуальной привязанности. Чем более детальной будет информация о том, что служит материалом для компрессий и в каких текстах и какие компрессии не воспринимаются как инородные элементы, тем достовернее и точнее можно будет сформулировать закономерности их функционирования.

Литература

1. *Аванесов Р. И.* Русское литературное произношение. 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Просвещение, 1984. – 384 с.
2. *Агеенко Ф. Л., Зарва М. В.* Словарь ударений для работников радио и телевидения / под ред. К. И. Былинского. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1960. – 645 с.
3. Русская разговорная речь. – М.: Наука, 1973. – 488 с.
4. *Бондарко Л. В., Вербицкая Л. А., Гордина М. В., Зиндер Л. Р., Касевич В. Б.* Стили произношения и типы произнесения // Вопросы языкознания. – 1974. – № 2. – С. 64–70.
5. *Борисенко В. В.* Разные типы произношения в устной научной речи // Современная русская устная научная речь. Том 1. Общие свойства и фонетические особенности / под общей редакцией О. А. Лаптевой. – Красноярск: Из-во Красноярского университета, 1985. – С. 248–292.
6. *Брызгунова Е. А.* Эмоционально-стилистические различия русской звучащей речи. – М.: Издательство Московского университета, 1984. – 117 с.
7. *Вещикова И. А.* Орфоэпия: основы теории и прикладные аспекты. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2007. – 312 с.
8. *Винокур Г. О.* Биография и культура. Русское сценическое произношение. – М.: Русские словари, 1997. – 187 с.
9. *Воронцова В. Л.* Активные процессы в области ударения // Русский язык конца XX столетия (1985 – 1995). 2-е изд. – М.: «Языки русской культуры», 2000. – С. 305–325.
10. Фонетика спонтанной речи. – Л.: Ленинградский университет, 1988. – 248 с.
11. *Земская Е. А.* Введение // Русский язык конца XX столетия (1985 – 1995). 2-е изд. – М.: «Языки русской культуры», 2000. – С. 9–31.
12. *Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю.* Коммуникативная грамматика русского языка. – М.: ИРЯ РАН, 1998. – 528 с.
13. *Иванова Т. Ф.* Норма и узус в языке СМИ // Словарь и культура русской речи. К 100-летию со дня рождения С. И. Ожегова. – М.: Индрик, 2001. – С. 148–163.

14. *Каленчук М. Л., Касаткин Л. Л., Касаткина Р. Ф.* Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI века: норма и ее варианты. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2012. –1008 с.
15. *Каленчук М. Л., Касаткина Р. Ф.* Звучащая речь в средствах массовой информации // Язык массовой и межличностной коммуникации. – М.: Медиа-Мир, 2007. – С. 301–320.
16. *Китайгородская М. В., Розанова Н. Н.* Речь москвичей. Коммуникативно-культурологический аспект. – М.: Издательство «Русские словари», 1999. – 396 с.
17. *Кузьмина С. М.* Состояние и задачи исследования русской фонетики в функционально-стилистическом аспекте // Русский язык в его функционировании. Уровни языка. – М.: Наука, 1996. – С. 5–23.
18. *Лаптева О. А.* Живая русская речь с телеэкрана. Разговорный пласт телевизионной речи в нормативном аспекте. – М.: УРСС, 2000. – 520 с.
19. *Лаптева О. А.* От редактора // Современная русская устная научная речь. Том 1. Общие свойства и фонетические особенности / под общей редакцией О. А. Лаптевой. – Красноярск: Из-во Красноярского университета, 1985. – С. 3–11.
20. *Лаптева О. А.* Теория современного русского литературного языка: Учебник. – М.: Высшая школа, 2003. – 351 с.
21. *Матусевич М. И.* Современный русский язык. Фонетика. – М.: Просвещение. – 288 с.
22. *Муратов С. А.* Кофе и люди // Телевидение в поисках телевидения. – М.: Издательство Московского университета, 2009. – С. 43–46.
23. Орфоэпический словарь русского языка: Произношение, ударение, грамматические формы / под редакцией Р. И. Аванесова. – М.: Русский язык, 1997. – 688 с.
24. Орфоэпический словарь русского языка: Произношение, ударение, грамматические формы / под редакцией Н. А. Еськовой. – М.: АСТ, 2015. – 1008 с.
25. *Панов М. В.* О стилях произношения (в связи с общими проблемами стилистики) // Развитие современного русского языка. – М.: Наука, 1963. – С. 5–38.
26. *Панов М. В.* Русская фонетика. – М.: Просвещение, 1967. – 438 с.
27. *Панов М. В.* Вступление. Стилистические изменения в фонетике // Фонетика современного русского литературного языка. Социолого-лингвистическое исследование. – М.: Наука, 1968. – СС. 9–41, 108–115.
28. *Панов М. В.* Стили литературного языка // Современный русский язык: Учебник / под ред. В. А. Белошапковой. – М.: Высшая школа. 1981. – С. 14–20.
29. *Панов М. В.* История русского литературного произношения XVIII-XX вв. – М.: Наука, 1990. – 456 с.
30. *Реформатский А. А.* Компрессивно-аллегровая речь (в связи с ситуацией говорения) // Звуковой строй русского языка. – М.: Наука, 1979. – С. 244–251.
31. *Розанова Н. Н.* Фонетика разговорной речи. Взаимодействие сегментных и суперсегментных единиц // Русский язык в его функционировании. Уровни языка. – М.: Наука, 1996. – С. 23–53.
32. Русское сценическое произношение – М.: Наука, 1996. – 238 с.
33. *Светана-Толстая С. В.* Русская речь в массмедийном пространстве / под ред. Я. Н. Засурского. – М.: МедиаМир, 2007. – 344 с.
34. *Сенкевич М. П.* Культура телевизионной и радиоречи. Учебное пособие. – М.: Ин-т повышения квалификации работников телевидения и радиовещания, 1994. – 132 с.
35. *Щерба Л. В.* О разных стилях произношения и об идеальном фонетическом составе слов // Избранные работы по русскому языку. – М.: Гос. учебно-педагог. изд-во министерства просвещения РСФСР, 1957. – С. 21–25.
36. *Щерба Л. В.* К вопросу о русской орфоэпии // Избранные работы по русскому языку. – М.: Гос. учебно-педагог. изд-во министерства просвещения РСФСР, 1957. – С. 141–143.

УДК 81'355

М. А. Штудинер
(Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова)

О КОНЦЕПЦИИ СЛОВАРЯ ТРУДНОСТЕЙ ДЛЯ РАБОТНИКОВ ЭФИРА

В статье рассматриваются вопросы формирования словника специализированного словаря для радио- и тележурналистов, разъясняется подход автора к проблеме вариантности в эфире, отраженный в структуре словарных статей. Мотивируется выбор применяемых в словаре произносительных и грамматических помет, обосновывается необходимость в некоторых случаях включения в словарные статьи конкретных выражений (пословиц, поговорок, устойчивых словосочетаний и т. п.) или пояснений энциклопедического характера.

Ключевые слова: ударение, произношение, акцентный вариант, произносительный вариант, грамматический вариант, равноправные варианты, культурно-языковая традиция.

Mikhail A. Shtudiner
(Lomonosov Moscow state University)

ON THE PRINCIPLES AT THE BASIS OF THE DICTIONARY OF DIFFICULTIES FOR RADIO AND TV WORKERS

The article looks at how the contents of this specialized dictionary for radio and TV journalists were formed; clarifies the author's approach to the problem of coexisting pronunciation variants on radio and TV, as well as the way this approach is reflected in the structure of the dictionary's entries. It also focuses on the motivation behind the choice of pronunciation and grammar notes used in the dictionary, and justifies the inclusion of particular collocations and encyclopedia-type glosses into the dictionary's entries.

Key words: word stress, pronunciation, accentual variant, pronunciation variant, grammar variant, equal variants, cultural tradition in language.

В статье излагаются принципы, легшие в основу «Словаря трудностей русского языка для работников СМИ», издание которого готовится в издательстве АСТ.

Состав словаря

В словарь включены нарицательные слова и имена собственные (географические названия, фамилии и имена политиков, деятелей науки и культуры, спортсменов, названия СМИ, спортивных клубов, литературных и музыкальных произведений и т. п.), постановка ударения в которых часто вызывает затруднения:

1) слова, имеющие акцентные варианты, фиксируемые словарями, например: **глубокО** *и* **глубОко**, **по средАм** *и* **по срЕдам**, **ФлорИда** *и* **ФлОрида**, **Шри-ЛанкА** *и* **Шри-ЛАнка**;

2) слова, испытывающие в речевой практике колебания в ударении, то есть слова, имеющие акцентные варианты, не отражаемые словарями или квалифицируемые ими как неправильные, например: формы косвенных падежей существительных **вред**, **герб** – **вредА**, **о вредЕ** (ср.: врЕда, о врЕде), **гербА**, **о гербЕ** (ср.: гЕрба, о гЕрбе), **БалашИха** (ср.: БалАшиха), **Великий Устюг** (ср.: ВелИкий УстЮг);

3) имена собственные, которые в энциклопедических словарях даются с ударением, не соответствующим русской традиции, например: **БалатОн**, **ВашингтОн**, **МарлОн БрандО**, **ИогАнн ГутенбЕрг** (ср. в энциклопедических изданиях: БАлатон, ВАшингтон, БрАндо, ГУтенберг);

4) слова, в акцентном облике которых к началу XXI века произошли изменения, не нашедшие пока отражения в большинстве словарей или вообще не зафиксированные другими лексикографическими изданиями, например: **аранжировАть**, **исчерпАть**, **минусовОй**;

5) слова просторечные, то есть не соответствующие литературной норме, акцентные варианты которых широко распространены, например: **танцОвщица** (ср.: танцовщИца), **ходАтайствовать** (ср.: ходатАйствовать), **БОстон** – США, город (ср.: БостОн);

6) слова, для которых характерен разнобой в рекомендациях словарей, например: **пОедом есть** (ср.: поедОм есть), **траттОрия** (ср.: тратторИя), гос-во **КАтар** (ср.: КатАр), **Сент-ЛУис** (ср.: Сент-ЛуИс);

7) слова, не вошедшие пока в другие лексикографические издания, например: **сЕмплер**, **тирамисУ**, **Ангела ДоротЕя МЕркель**, **БарАк ХусЕйн ОбАма**.

В словаре представлены также слова, в которых есть какие-либо произносительные трудности, например: **диЕта** *или* **диЭта**, **загАдочный** *или* **загАдошный**, **одноимённый** *или* **одноимЕнный**, **тЕнор** *или* **тЭнор**, **МарсЭль** *или* **МарсЕль**?

В словарь вошли также слова с какими-либо грамматическими трудностями, например: **без погОн** *или* **без погОнов**, **инспЕкторы** *или* **инспекторА**, **он мАшет** *или* **он махАет**, **жить в ПередЕлкине** или **жить в ПередЕлкино**, **из «МанчЕстер ЮнАйтед»** *или* **из «МанчЕстера ЮнАйтед»**, **заявлЕние МИД** *или* **заявлЕние МИДа**?

В словаре даются **равноправные** акцентные и произносительные варианты – акцентные и произносительные разновидности одного и того же слова, в одинаковой степени соответствующие литературной норме (Орфоэпический словарь 1997: 5–6). Эти варианты, по мнению автора, являются актуальными в настоящее время. Причем на первом месте дается вариант, рекомендуемый для эфира (этот вариант, кроме того, выделяется цветом). Например:

мАркетинг *и* **маркЕтинг**
прИгоршня *и* **пригОршня**
террОр, -а [те *и* тэ]
США [сэ-шэ-А *и* сша], *нескл.*, *мн.*
ФлорИда *и* **ФлОрида**

Традиция рекомендовать для использования на радио и телевидении только один вариант ударения или произношения идет от первых орфоэпических изданий, адресованных работникам эфира. Эта традиция опирается на работы отечественных русистов конца XIX – первой половины XX века, для которых было характерно стремление возвести в ранг нормативного лишь один из сосуществующих вариантов.

Акцентные и произносительные варианты, вышедшие из употребления или использующиеся редко, в словаре не даются. В некоторых лексикографических изданиях, вышедших в последние годы, указываются

два варианта ударения, например, для следующих слов: **йОгурт** *и* **йогУрт**, **топинАмбур** *и* **топинамбУр**, **трАпеза** *и* **трапЕза**, **фейхоА** *и* **фейхОа**, **АйдАхо** *и* **Айдахо**, **АйОва** *и* **Айова**. В данном издании в этих и подобных случаях дается только один вариант: **йОгурт**, **топинАмбур**, **трАпеза**, **фейхоА**, **АйдАхо**, **АйОва**.

Один вариант дается и для имен собственных иноязычного происхождения, ударение в которых имеет устойчивую русскую традицию вопреки рекомендациям энциклопедических изданий и некоторых ориентирующихся на них лингвистических словарей. Автор стремился последовательно реализовать в данном издании простой принцип: «Правильно так, как по-русски». Поэтому рекомендуются, например, следующие акцентные варианты: **ВисбАден**, **ЛихтенштЕйн**, **ЛеонАрд БернстАйн**, **Тур ХейердАл**. В этих и подобных случаях для энциклопедических словарей характерен формально-этимологический подход: не учитываются сложившиеся на русской почве – в результате действия акцентологических закономерностей русского языка – традиции, ср.: ВИсбаден, ЛИхтенштейн, БЕрнстайн, ХЕйердал.

Выбор одного фонетического варианта осуществлен и в тех случаях, для которых в энциклопедических словарях предлагаются варианты транслитерации, например: **РабиндранАт ТагОр (ТхакУр)**, **ВильгЕльм ХАуф (ГАуф)**; при этом предпочтение всегда отдается традиционному для русского языка варианту произношения того или иного имени собственного: **РабиндранАт ТагОр**, **ВильгЕльм ГАуф** (скАзки ГАуфа).

В настоящем издании предпринята попытка выбрать предпочтительный вариант из произносительных разновидностей слова, закрепленных в орфографии, например: **матрАс** – ср.: матрАц, **ТелемАх** – ср.: ТелемАк.

При выборе единственного рекомендуемого варианта ударения или произношения и варианта, помещаемого на первом месте среди равноправных, учитывалась частотность вариантов в живой литературной речи и их соответствие культурно-языковой традиции: предпочтение, как правило, отдавалось наиболее употребительным традиционным литературным акцентным и произносительным вариантам. Однако в некоторых, чрезвычайно редких, случаях автор намеренно рекомендует варианты, о которых нельзя сказать, что они более широко распространены в современной русской речи, чем те, которым не отдается предпочтение. Это варианты, употребляемые (по терминологии О. Б. Сиротининой) «носителями элитарного типа речевой культуры» (Сиротинина 2001: 314–317). Так, в словаре указываются в качестве предпочтительных варианты **нЕ дал**, **обе сторонЫ**, менее частотные, чем варианты **не дАл**, **обе стОроны**. Это делается для того, чтобы словарь способствовал сохранению еще живых традиционных образцов русского ударения, представленных в настоящее время в речи еще довольно большого числа культурных людей.

Пары типа **призЕмный – приземнОй** рассматриваются автором как акцентные варианты слова, и поэтому в словаре в этом и подобных случаях также указывается предпочтительный вариант, тот, который – по результатам специальных исследований – является более употребительным.

В необходимых случаях приводятся стилистические акцентные варианты, например: **девИца**, *но в нар.-поэтич. речи* – **крАсна дЕвица**, **дЕвица-крАсавица**.

В словаре даются равноправные грамматические (**парафрАз** *и* **парафрАза**, **стАвень** *и* **стАвня**, **дЕсять ангстрЕм** *и* **дЕсять ангстрЕмов**) и словообразовательные (**короткошёрстный** *и* **короткошёрстый**, **нАртенный** *и* **нАртовый**) варианты.

В словаре содержатся некоторые просторечные и диалектные слова, часто употребляющиеся в живой речи культурных людей как средство языковой игры или использующиеся как характерологическое средство в радио- и телепередачах.

Порядок подачи слов в словаре

1. Слова располагаются в словаре по алфавиту. Словарные статьи, состоящие из нескольких слов, даются с учетом алфавитного порядка всей совокупности букв в этих названиях, например: **нерОвня**, **НерОн**, **НЕро ФрАнко**, **нЕрпа**, **НерУда ПАбло**, **НЕруда Ян**, **НЕру ДжавахарлАл**.

В антропонимах на первом месте указывается фамилия.

Различие между буквами **е** и **ё** на порядок расположения материала не влияет.

Из двух слов, пишущихся одинаково, сначала помещается то, в котором ударный слог ближе к началу слова, например: сначала **бАгрить**, затем **багрИть**.

2. Ударение обозначается во всех неодносложных словах знаком «акут» – ´. Побочное, более слабое, ударение обозначается знаком «гравис» – `.

В исконных словах над буквой **ё** ни основное, ни побочное ударение не обозначается, так как в исконно русских словах эта буква представлена только в ударных слогах, например: **трёхведёрный** (в данном слове и подобных первое ударение является побочным, а второе – основным). В заимствованных словах с буквой **ё** ударение указывается, например: **ТЁрёчик МАри**.

3. Изменяемые слова в заглавиях словарных статей даются в исходных формах.

4. У всех изменяемых имен существительных, кроме антропонимов и составных наименований, указывается форма родительного падежа, например: **вол**, -А; **бурАв**, -А; **тренАж**, тренажА *и* тренАжа; **НджамЕна**, -ы; **ЭдинбУрг**, -а.

Фамилии и личные имена с ударением на одном и том же слоге во всех падежах, а также наименования, состоящие из слов с постоянным местом ударения, даются только в исходной форме, например: **Вишнёва ДиАна**, **Чебышёв ПафнУтий, АрлингтОнское клАдбище**.

У антропонимов, односложных в начальной форме, с подвижным ударением или испытывающих акцентные колебания, указывается форма родительного падежа, например: **Надь Имре**, НАдя Имре; **КашкИн ИвАн**, КашкинА ИвАна; **ШамИль**, ШамилЯ *и* ШамИля.

Если у существительного приводится только форма родительного падежа, значит, в других падежах ударение падает на тот же слог, что и в родительном падеже, например: **маньЯк**, -а; ср.: маньЯку, маньЯком, о маньЯке; *мн.* маньЯки, маньЯков и т. д.; **РЕутов**, -а; ср.: к РЕутову, в РЕутове и т. д.

Другие формы имен существительных указываются в тех случаях, когда постановка ударения в них может вызывать затруднения или когда наблюдаются колебания в способах образования этих форм, например: **зимА**, -Ы, зИму, зА зиму, нА зиму; *мн.* зИмы, зим, зИмам; **инженЕр**, -а; *мн.* инженЕры, -ов; **РЕутововО**, -а, в РЕутове; **Кемь**, КемИ, к КемИ, в КемИ, на КемИ.

Названия народов, национальностей или жителей какой-либо местности в заглавиях словарных статей даются в форме множественного числа, так как эти формы указанных слов употребляются чаще, чем формы единственного числа, например: **афИняне**, -ян; *ед.* афИнянин, -а.

Несклоняемые имена существительные снабжены пометой *нескл.*, у аббревиатур и несклоняемых нарицательных существительных указывается род, например: **НАТО** [нАто], *нескл.*, *с.*; **ЦДРИ** [цэ-дрИ], *нескл.*, *м.*; **Евро**, *нескл.*, *м.*; **пЕпси**, *нескл.*, *ж.*

5. У качественных имен прилагательных даются все краткие формы и в необходимых случаях форма сравнительной степени, так как именно в этих формах чаще всего наблюдаются колебания в ударении, например: **весёлый**, вЕсел, веселА, вЕсело, вЕселы *и* веселЫ; *ср. ст.* веселЕе; **красИвый**, -Ив, -Ива, -Иво, -Ивы; *ср. ст.* красИвее [*не* красивЕе].

У относительных прилагательных указывается только исходная форма – именительный падеж мужского рода, например: **кУхонный**, **мокшАнский**, **щелочнОй**.

Несклоняемые прилагательные снабжены пометой *неизм.*, например: **джерсИ**, *неизм.*; **плиссЕ** [сэ], *неизм.*

6. У глаголов, кроме исходной формы – инфинитива, приводятся формы 1-го и 2-го лица единственного числа настоящего (для глаголов несовершенного вида) или будущего времени (для глаголов совершенного вида), например: **сорИть**, сорЮ, сорИшь; **начертИть**, -черчУ, -чЕртишь. Ударение в остальных глагольных формах падает на тот же слог, что и во 2-ом лице единственного числа, например: сорИт, сорИм и т. д.; начЕртит, начЕртим и т. д.

Для глаголов с чередованием согласных в основе дается также форма 3-го лица множественного числа, например: **разжЕчь**, разожгУ, разожжёшь, разожгУт.

У безличных глаголов и у глаголов, которые по смысловым причинам не употребляются в 1-ом и 2-ом лице, приводится форма 3-го лица единственного числа настоящего или будущего времени, например: **вьЮжить**, -жит; **утрусИться**, -Ится.

У глаголов с подвижным или вариативным ударением в формах прошедшего времени указываются и эти формы, например: **гнать**, гонЮ, гОнишь; гнал, гналА, гнАло, гнАли; **задАть**, -дАм, -дАшь; зАдал, задалА, зАдало, зАдали; **понЯть**, поймУ, -мёшь; пОнял, понялА, пОняло, пОняли.

Формы повелительного наклонения приводятся в тех случаях, если постановка ударения в них может вызвать затруднения или в их образовании есть варианты, например: **раскУпорить(ся)**, -кУпорю, -кУпоришь, -кУпорит(ся); *пов*. раскУпори *и* раскУпорь; **увЕдомить**, увЕдомлю, -мишь; *пов*. увЕдоми *и* увЕдомь.

Глаголы с постфиксом **-ся** и глаголы без постфикса **-ся** даются в одной и той же словарной статье, если ударение в них совпадает во всех формах, и в разных словарных статьях, если наблюдаются различия в ударении в тех или иных формах, например: **углубИть(ся)**, -блЮ(сь), -бИшь(ся); **нанЯть**, наймУ, наймёшь; нАнял, нанялА, нАняло, нАняли; **нанЯться**, наймУсь, наймёшься; нанялсЯ, -лАсь, -лОсь, -лИсь.

У глаголов, употребление которых с постфиксом **-ся** в 1-ом и 2-ом лице невозможно, указывается форма 3-го лица единственного числа, например: **молотИть(ся)**, -лочУ, -лОтишь, -лОтит(ся).

7. Причастия и деепричастия даются в отдельных словарных статьях, например: **прибЫвший**, **скоблЯщий(ся)**; **предАв**, **прибЫв**.

У страдательных причастий прошедшего времени указываются краткие формы, так как для них характерны колебания в ударении, например: **Изданный**, Издан, изданА *и* Издана, Издано, Изданы; **нАзванный**, -ан, -ана, -ано, -аны.

8. У имен числительных приводятся, как правило, все падежные формы, например: **семь** [*не* сем], семИ, семьЮ, о семИ; зА семь *и* за сЕмь (*но*: за сЕмь – вОсемь, за сЕмь или вОсемь); нА семь *и* на сЕмь (*но*: на сЕмь – вОсемь, на сЕмь или вОсемь); **четЫреста**, четырёхсОт, четырёмстАм, четырьмЯстАми, о четырёхстАх.

9. В словарь включены неоднословные служебные слова, имеющие акцентные варианты; в заглавии словарной статьи ударение в них обозначается знаком « ′ », а в примерах – знаком « ` » как побочное, слабое, ударение.

10. Для простоты в словаре не разграничиваются омонимы и многозначные слова при отсутствии у них различий в месте ударения. В обоих случаях используется помета *во всех знач*., например: **губА**, -Ы, губУ; *мн*. гУбы, губ, губАм (*во всех знач*.).

11. Конкретные выражения (пословицы, поговорки, устойчивые словосочетания и т. п.) приводятся у слов, которые имеют в них какие-либо акцентные особенности, например: **грош**, грошА; *но*: нЕ было ни грОша, да вдрУг алтЫн (пословица); *мн*. грошИ, -Ей; **груздь**, груздЯ, груздём; *но*: назвАлся грУздем – полезАй в кУзов (пословица); *мн*. грУзди, груздЕй.

12. Пояснения энциклопедического характера даются по возможности кратко, причем только в тех случаях, когда это нужно для того, чтобы помочь читателю убедиться в том, что он нашел в словаре именно те слова, ударение в которых его интересует, например: **пАволока** (ткань); замОрская пАволока – **поволОка** (пелена); глазА с поволОкой; **МЕмфис**, -а [мэ] (США, гор.) – **МЕмфис**, -а [мэ] *и* **МемфИс**, -а [мэ] (др.-егип. гор.).

Произносительные пометы

Произносительные рекомендации даются в квадратных скобках упрощенно, с помощью орфографических приемов, причем только в тех случаях, для которых, как правило, возможен осознанный выбор варианта произношения и оно не вытекает из написания и свойственных русскому языку правил чтения того или иного сегмента слова. Фонетические явления, для которых характерна высокая степень автоматизированности в речи, в словаре не обозначаются: например, не указывается ассимилятивное смягчение согласных и т. п.

Обозначение твердости-мягкости согласных в позиции перед гласным [э] на месте орфографических сочетаний с буквой *е*

В исконно русских словах гласный [э] выступает только после мягких согласных. В словах иноязычного происхождения гласный [э] на месте буквы **е** может произноситься как после мягких, так и после твердых согласных. Сочетания типа [те] указывают на мягкость согласного, а сочетания типа [тэ] – на его твердость, например:

дЕльта, -ы [дэ]; **террОр**, -а [те *и* тэ]; **БрюссЕль**, -я [сэ].

Буквы **е** и **э** обозначают соответственно только мягкость и твердость предшествующего согласного и не несут информации о качестве гласного. Например, в следующих словах после согласного [н] произносятся разные гласные звуки (в зависимости от их положения по отношению к ударному слогу), а с помощью сочетания [нэ] обозначается только твердость согласного:

энЕргия, -и [нэ]; **энергЕтика**, -и [нэ]; **энергетИческий** [нэ].

Во многих случаях мягкость согласного перед гласным [э] на месте орфографических сочетаний с **е** в словаре никак не обозначается, так как она вытекает из свойственных русскому языку правил чтения, например:

девИз, -а; **компОстер**, -а; **ТехАс**, -а.

Другие произносительные пометы

В словаре обозначаются также следующие фонетические явления:

1) произношение без йота звука на месте буквы **е**, например: **ариЕтта**, -ы [иэ]; **проЕкт**, -а [эк]; йотированный звук в большинстве случаев специально не обозначается, так как его произношение обусловлено правилами чтения, например: **клиЕнт**, -а;

2) звукосочетание [шн] на месте орфографического **чн**, например: **конЕчно** [шн]; **порЯдочный** [шн *и* чн]; отсутствие пометы [шн] означает, что слово рекомендуется произносить в соответствии с написанием – со звукосочетанием [чн], например: **достАточно**, **загАдочный**;

3) отсутствие качественной редукции безударных гласных в некоторых словах иноязычного происхождения, например: **бомОнд**, -а [бо *и* ба];

4) упрощение групп согласных, например: **звёздчатый** [щ]; **здрАвствовать**, -твую, -твуешь [аст]; **ландшАфт**, -а [нш]; **лЕстничный** [сн]; **методИстский** [сск]; **счЕрченный**, -ен, -ена, -ено, -ены [шьч];

5) звонкий щелевой согласный, произносящийся в некоторых словах, например: **бухгАлтер**, -а [буһа];

6) особенности произношения согласных, обусловленные слогоразделом в словах с побочным ударением, например: **мЕжарАбский** [меш/а].

Произносительные пометы даются и в некоторых других случаях.

Запретительные пометы

Пометы, которые принято называть запретительными, призваны предостеречь читателей словаря от распространенных ошибок в ударении и произношении, например: **авИзо** [*не* авизО], *нескл.*, *с.*; **тЕрмин**, -а [*не* тэ].

Иногда запретительные пометы даются для вариантов, квалифицируемых в некоторых современных словарях как допустимые в литературной речи, например: **новорождённый** [*не* новорОжденный], **обеспЕчение**, -я [*не* обеспечЕние], так как эти акцентные варианты не употребляются носителями элитарного типа речевой культуры и не соответствуют традициям отечественного радио- и телеэфира.

Литература

1. Орфоэпический словарь русского языка. Произношение, ударение, грамматические формы / под ред. Р. И. Аванесова. – М.: Русский язык, 1997. – 706 с.
2. *Сиротинина О. Б.* Типы речевых культур и проблема кодификации норм // Словарь и культура русской речи. К 100-летию со дня рождения С. И. Ожегова. – М.: Индрик, 2001. – С. 314–317.

МЕДИАСТИЛИСТИКА

- Актуальная медиаречь
- Речевая практика СМИ
- Стилистическая концепция адресата
- Тенденция к минимизации авторского начала
- Глобальность жанра и локальность содержания
- Речевой массив
- Глобальный жанр
- Латинизация русского языка
- Клише постновояза
- Лингвоэкспертная практика
- Спорные тексты
- Речевое правонарушение
- Интерпретация текстов
- Высокое слово в медиаречи

Евгения Наумовна Басовская:

«…несмотря на безусловное размывание границ высокого стиля, его роль в современной русскоязычной коммуникации нельзя сводить к остаточному функционированию отдельных единиц. Чрезвычайно существенным представляется тот факт, что состав высокой лексики демонстрирует способность к расширению».

Татьяна Леонидовна Каминская:

«Сегодняшний адресат большинства медиапроектов все чаще отказывается от восприятия объемных текстов, предпочтя им краткие новости или аналитику, «разбавленные» различного рода иллюстрациями, видеорядом».

Владимир Иванович Коньков:

«Под *медиаречью* в связи с обсуждаемой проблемой мы предлагаем понимать все разновидности русской речи, которые существуют в речевой практике СМИ, независимо от того, порождается ли эта речь самими СМИ или же используется ими, взятая в готовом виде из других сфер речевой практики общества».

«…в СМИ как среде коммуникации размещается огромное количество разнообразного речевого материала, различного по своим онтологическим речевым характеристикам. Теория функциональной стилистики в соответствии со своими исходными позициями совершенно справедливо не обращает внимания на указанный речевой материал, считая его чужеродным элементом, нарушающим единство функционального стиля. Но поскольку такой материал имеет существенный объем и поскольку его роль в формировании сознания аудитории велика, то требуется найти и другие подходы к изучению медиаречи, которые бы позволили описывать речевую практику СМИ в ее целостности и полноте».

Татьяна Владимировна Чернышова:

«Необходимость широкого экстралингвистического описания текстов, ставших объектом судебного разбирательства, актуализировалась на рубеже эпох в связи с потребностью качественного анализа текстов как носителей документационных и информационных споров, возникающих при различной интерпретации одних и тех же текстов разными субъектами».

Iwona Loewe :

“Globalność badanego przedmiotu jest w gatunku i dyskursie, w stylu i tekście ma on znamiona glokalizacji”.

“…pewnością globalny na poziomie gatunku serwis wiadomości jest lokalny na poziomie tekstu i stylu, w związku z czym można rzec, że spełnia kryterium zjawiska glokalnego”.

УДК 81'38

Е. Н. Басовская
(Российский государственный гуманитарный университет)

УХОДЯЩАЯ НАТУРА? ВЫСОКОЕ СЛОВО В СОВРЕМЕННОМ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Статья посвящена анализу функционирования в публицистическом тексте трех типов слов: собственно высоких – имеющих соответствующую помету в словарях, высоких советизмов и потенциально высоких книжных. На материале «Новой газеты» 2015 г. автор демонстрируют стабильную востребованность высокой лексики, применяемой для создания как патетических, так и иронических контекстов. Высказывается предположение о том, что параллельно с размыванием границ высокого стиля происходит его развитие, обусловленное, в частности, запросами сегодняшней массовой коммуникации.

Ключевые слова: высокий стиль, публицистический стиль, патетика, ирония, советизм, «Новая газета».

Evgeniya N. Basovskaya
(Russian State University for the Humanities)

LEAVING NATURE? HIGH WORD IN MODERN JOURNALISTIC TEXT

The article is devoted to the analysis of functioning of three types of words: the actual high – with the appropriate label in dictionaries, high sovietisms and potentially high – in the publicistic text. The articles of "Novaya Gazeta" (2015) demonstrate stable demand for high vocabulary used to create both – pathetic and ironic contexts. It is suggested that in parallel with the blurring of boundaries of high style it is developing, due, in particular, the demands of today's mass communication.

Key words: high style, journalistic style, pathos, irony, sovietism, "Novaya Gazeta".

Сведения о лексике высокого стиля, представленные в новейшей научной и учебной литературе, несущественно отличаются от содержащихся в классических трудах XX века. Так, данные «Стилистического энциклопедического словаря», отмечающего свойственную высоким словам окраску «приподнятости, торжественности» (Стилистический энциклопедический словарь русского языка 2003: 39), и одного из последних переизданий учебника И. Б. Голуб, указывающей, что высокая лексика имеет «торжественную, риторическую окраску» (Голуб 2010: 87), в целом совпадают с утверждением А. В. Калинина: «Высокую лексику характеризует приподнятость, возвышенность, иногда торжественность и поэтичность» (Калинин 1978: 166).

В то же время в литературе последних десятилетий нередко высказывается мысль о том, что высокий стиль перестал существовать в русском языке как единая система, а высокая лексика, сохраняющаяся в качестве своего рода стилистического реликта, все реже применяется по прямому назначению. В частности, И. Т. Вепрева, анализируя сегодняшнее словоупотребление, обращает внимание на тенденцию к стилистической сниженности и, соответственно, к «вымыванию высокого стилистического яруса» (Вепрева 2005: 157).

Процитированные научные и учебные труды порождают вопрос: действительно ли правильно говорить о «вымывании» – или скорее о переосмыслении высокой лексики, по-прежнему играющей важную роль в современной речи? Для ответа на поставленный вопрос проведено двухэтапное исследование.

На первом этапе были выявлены три группы высоких слов (с учетом необходимости ограничения объема изучаемого материала для дальнейшего рассмотрения отобраны три слова разных частей речи из каждой группы).

1. Традиционные поэтизмы, имеющие пометы *высок., патет., поэт., ритор., торжеств.* в толковых словарях русского языка (собственно высокие слова).
2. Слова советского риторического стиля, отмеченные специальными справочниками (высокие советизмы).
3. Лексемы, употребление которых в современной речи сопровождается соответствующими рефлексивами (термин И. Т. Вепревой) – вне зависимости от наличия или отсутствия словарной пометы (потенциально высокие слова).

На втором этапе анализировалось использование слов каждой группы в одном из современных российских СМИ, рассматривались функции собственно высоких слов, высоких советизмов и потенциально высоких слов в контексте публицистического произведения.

Группу **собственно высоких слов** составили выделенные, в частности, А. В. Калининым существительное *скорбь,* прилагательное *несказанный* и глагол *воздвигнуть* (Калинин 1978: 166). Неоднозначность и неизбежная субъективность стилистических оценок ярко иллюстрируется тем фактом, что ни одно из названных слов не имеет пометы *высок.* во всех привлеченных к работе словарях.

Высокие советизмы выбирались из «Толкового словаря русского языка конца XX века», составители которого указывают в предисловии: «*Высок.* (высокое) ставится при словах, употребляемых в патетических текстах, в торжественных актах коммуникации. В материалах словаря помета *высок.* обычно характеризует лексику советского времени…» (Толковый словарь русского языка конца XX в. 1998: 21). В словаре представлено более 20 подобных лексем, из числа которых были отобраны существительное *зарница* в переносном значении «предвестник, предвещающий знак (каких-л. грандиозных событий)» (Толковый словарь русского языка конца XX в. 1998: 246), прилагательное *всенародный* (Толковый словарь русского языка конца XX в. 1998: 162) и глагол *приумножить* (Толковый словарь русского языка конца XX в. 1998: 510). Слово *всенародный* нашло также отражение в «Толковом словаре языка Совдепии» (Мокиенко 1998: 99–100).

При выделении группы **потенциально высоких** слов использовалась авторская методика: в газетных и журнальных публикациях последних лет были выявлены микроконтексты с прилагательными/наречиями

высокопарный/высокопарно, патетический/патетически. Те слова, которые расцениваются самими авторами текстов как «высокопарные» или «патетические», но не имеют пометы *высок.* ни в одном из рассматриваемых словарей, функционируют, на мой взгляд, как контекстуальные патетизмы, т. е. обладают ярко выраженной способностью участвовать в создании высокой тональности речевого произведения. Отбор лексем был затруднен в данном случае необходимостью отделить стилистические потенции слова от тех эмоционально-экспрессивных оттенков, которые конкретная словоформа приобретает в соответствии с тематикой высказывания, словесным окружением, используемыми автором синтаксическими конструкциями и т. д. В итоге решено было остановиться на существительном *миссия,* прилагательном *неподвластный* и глаголе *угнетать*.

Данные словарей представлены в сводной таблице:

СЛОВО	Ушаков 1935	МАС 1985-1988	Большой толковый словарь под ред. Кузнецова 2000	Ожегов под ред. Скворцова 2005
скорбь	книжн.	без помет	без помет	**высок.**
несказанный	книжн.	поэт.	трад.-поэт.	**высок.**
воздвигать/ воздвигнуть	книжн., торж.	**высок.**	**высок.**	**высок.**
зарница	– (в данном значении)	– (в данном значении)	– (в данном значении)	– (в данном значении)
всенародный	книжн.	без помет	без помет	без помет
приумножить	без помет	без помет	без помет	без помет
миссия	книжн.	без помет	без помет	книжн.
неподвластный	–	–	без помет	–
угнетать	без помет	без помет	без помет	без помет

В процессе исследования анализировались публикации «Новой газеты» 2015 года. Выбор данного средства массовой информации определяется, во-первых, его активной гражданской позицией, которая стимулирует поиск средств речевой экспрессии, и, во-вторых, тем, что в этом издании работает немало ярких публицистов (Д. Быков, Л. Гозман, Ю. Латынина, А. Найман, О. Романова, И. Петровская и другие), обладающих узнаваемым индивидуальным стилем и настроенных на актуализацию выразительных потенций слова.

Изученные **собственно высокие слова** проявляют в текстах «Новой газеты» различную степень активности. Существительное *скорбь* относится к разряду частотных: в течение года оно встречается на страницах издания более 20 раз. Наименьший интерес для данного исследования представляют случаи употребления слова в составе устойчивых сочетаний, таких как *День памяти и скорби, дом скорби*, *Зал скорби, книга скорби, марш скорби.*

В свободных сочетаниях это существительное чаще всего используется авторами газетных материалов, когда речь идет об общественно значимых трагических событиях: об убийствах Б. Немцова, О. Бузины, художников журнала «Charlie Hebdo», о террористических актах и несчастных случаях, о памяти жертв войны и геноцида. Обращает на себя внимание неоднократное применение слова *скорбь* в контекстах, в которых истинное противопоставляется ложному, например настоящее содержание Дня победы – фальшивому официозному ликованию:

Может быть, это отсутствие воображения, я не знаю. А может – следствие пропаганды, той самой, в которой уже лет

50 страдания и тяготы подменяются героизмом и культом победы, пропаганды, в которой день окончания войны – не день скорби, не повод погоревать и выпить не чокаясь, а праздник, отмечая который, все разухабистее «чокаются» уже совершенно конкретно (Новая газета. 01.06.2015).

Стилистическая окраска слова *скорбь*, соответствующая высокому трагизму описываемых обстоятельств, в ряде случаев поддерживается микроконтекстом, в котором встречаются и другие книжные слова и словосочетания:

Опала, изгнание, опыт скорби, жизненный крах – центральные узлы сюжетов. Потому они читаются еще и как бюллетени событий современных или совсем недавних. И обжигают душу жаром непосредственного сочувствия (Новая газета. 01.04.2015);

Арбенина написала в Facebook проникновенный пост скорби по политику… (Новая газета. 06.04.2015);

31 октября в Бухаресте случилась страшная трагедия: на дискотеке в молодежном клубе из-за фейерверка возник пожар – погибли 32 человека, около 130 в тяжелом состоянии попали в реанимацию. Вся страна погрузилась в трехдневный траур, скорбь была непередаваемой, ведь большинство погибших и пострадавших – подростки 15-16 лет (Новая газета. 06.11.2015).

Во всех приведенных выше контекстах можно диагностировать «взаимное экспрессивное заражение» слов. Если стилистическая окраска каждого из них в отдельности оценивается составителями словарей неоднозначно, то при совместном использовании они, безусловно, становятся источниками мощного патетического импульса.

Лексемы *несказанный* и *воздвигнуть,* не обладающие столь строгой функциональной отнесенностью, употребляются в анализируемом источнике реже (два и десять вхождений соответственно) и явно утрачивают былой стилистический потенциал. В публикациях изученного периода встречается только наречие *несказанно*, выступающее как экспрессивный синоним слова *очень*. Контексты, в которые оно включено, лишены признаков патетики:

На протяжении шести розыгрышей подряд в этой железной схеме обязательно случались сбои, что несказанно радовало нейтральную хоккейную общественность (Новая газета. 20.03.2015);

Ему несказанно повезло – попасть в лагерную охрану могли только счастливчики с безупречным классовым происхождением, семьи которых проверялись госбезопасностью до третьего колена (Новая газета. 20.07.2015).

При анализе функционирования глагола учитывались обе видовые формы – *воздвигнуть* и *воздвигать*. Применяются они в основном тогда, когда говорится о строительстве крупных и социально значимых объектов: гидроэлектростанции, завода, музея, церкви, мемориала. Несмотря на исходно высокую стилистическую окраску лексемы *воздвигнуть* и отмечаемое рядом специалистов общее тяготение высокой лексики к средствам позитивизации (Голуб 1977: 5), данные примеры носят преимущественно негативный характер. При этом как отрицательный факт оценивается не только то, что некоторые объекты не были воздвигнуты, но и, напротив, то, что строительство идет или завершено. Авторы публикаций подчеркивают или нежелательность возведения определенных сооружений, или плохую организацию и высокую стоимость их возведения:

Существует на Соловках и прямая угроза разрушения сложившегося историко-культурного ансамбля – строительство нового здания музея. Большое здание предполагается воздвигнуть на берегу Святого озера, в прямой видимости монастыря. Сейчас… несмотря на протесты ЮНЕСКО, идет стройка, и уже почти завершен первый этаж (Новая газета. 19.08.2015);

ГУЛАГ, с помощью которого Сибирь осваивалась раньше, заменили на государственно-частное партнерство: через дефис здесь госзатраты и частная выгода; бригады зэков, паливших деревни, расчищавших пути для потопа, и офшор Boges ltd, воздвигавший Богучанскую ГЭС (БоГЭС) (Новая газета. 13.03.2015).

Таким образом, собственно высокие слова демонстрируют разную степень востребованности современным публицистическим текстом. Существительное *скорбь*, ассоциативно связанное с понятиями смерти, похорон и памяти жертв трагедии, оказывается

необходимым для газетной публикации не только тематически, но и стилистически: это компактное и надежное средство формирования тональности мрачной патетики, точно соответствующей читательскому настроению в дни катастроф и терактов. Слова *несказанный/несказанно* и *воздвигать/воздвигнуть* выглядят скорее случайными вкраплениями, такими элементами синонимических рядов, выбор которых сугубо необязателен и не обусловлен ясными стилистическими задачами.

Высокие советизмы также используются авторами «Новой газеты» с различной частотой. Так, существительное *зарница* в особом значении – «предвестник грандиозных событий» – в 2015 году вообще не встречается.

Глагол *приумножить* и его производные функционирует вне связи с советскими реалиями. Они применяются для характеристики как позитивных процессов (например, когда речь идет о «приумножении спортивных достижений»), так и явлений, оцениваемых публицистом резко негативно:

Поскольку в Верховной раде у Коломойского также имеются верные штыки, которые могут оказаться более эффективными, нежели бойцы карманной армии, – речь идет о нескольких десятках народных депутатов. Количество которых, используя проверенный способ штурма крепостей с помощью осла, груженного золотом, Коломойский может быстро приумножить (Новая газета. 27.03.2015);

…Концентрация фальши осталась и даже приумножилась. Просто сам праздник безоговорочно превратился в главный оплот идеологии (Новая газета. 13.05.2015).

В таких, пронизанных сарказмом контекстах легко узнаваемые читателями старшего поколения советские патетизмы дают дополнительный иронический эффект.

Высокую частотность демонстрируют прилагательное и наречие *всенародный/всенародно* (более 35 вхождений). Случаи использования этих слов четко подразделяются на несколько типов:

- при упоминании о популярных деятелях искусства, чаще всего – покойных (*всенародно любимая певица, всенародно любимые сейчас писатели, всенародный любимец, всенародно любимый режиссер*; наряду с этим упоминается и *всенародная любовь* к диктаторам);
- в составе устойчивых словосочетаний, отражающих принципы конституционного устройства РФ (*всенародно избранный мэр, избранный всенародным голосованием, закон прошел всенародное обсуждение,* плеонастическое *всенародный референдум*);
- в переносно-гиперболическом значении – как средство описания идей и движений, охватывающих широкие общественные слои (*всенародное признание, всенародный проект, всенародные торжества; всенародная потеха, всенародное обожание, всенародный офлайновый быт, всенародное чтение* русской классики и др.).

Авторы применяют, как минимум, два повторяющихся приема для актуализации в словах *всенародно* и *всенародный* иронического оттенка, свойственного устаревающей высокой лексике в целом и узнаваемым элементам советского новояза в частности.

Во-первых, это кавычки, традиционно обозначающие ироническое неприятие заключенной в них формулировки (о кавычках в модальной функции см., например: Пучкова 2011: 81):

Плотницкий становится «всенародно избранным» главой «самопровозглашенной республики» (Новая газета. 03.04.2015);

Мозговой… считался «лицом» непризнанной республики в гораздо большей степени, чем ее «всенародно избранный глава» Игорь Плотницкий (Новая газета. 27.05.2015);

Для чего сыну маньяка такая всенародная «слава» – бог весть. Для чего НТВ такая тема – как раз очень даже понятно (Новая газета. 03.04.2015);

А если взять одномандатников, у единоросса 54,4%, а у коммуниста – 15,2. И это совсем не та «всенародная поддержка власти», о которой трубят краевые СМИ (Новая газета. 16.09.2015).

Во-вторых, использование словосочетаний, вызывающих у читателей зрелого воз-

раста неизбежные ассоциации с советским официальным языком: *всенародное достояние, всенародная поддержка* и *всенародное возмущение*. В некоторых случаях автор публикации открыто проводит сопоставление эпох – советской и нынешней, причем слово *всенародный* становится одним из маркеров советской картины мира:

Нет, пока не расизм, просто телевизионно-тотальное насаждение ненависти – к отдельным странам и народам; нет, пока не всеобщая цензура – отдельные нервные окрики чиновных глупцов; нет, пока не всенародное возмущение антинародным искусством – так, пара-тройка отдельных свиных голов на порогах театров (Новая газета. 15.06.2015).

Практика актуализации эмоционально-экспрессивных возможностей прилагательного *всенародный* доказывает потенциальную принадлежность высоких советизмов к фонду выразительных ресурсов сегодняшнего публицистического стиля. При этом центральное направление их обыгрывания отличается от характерного для высокой лексики в целом: по отношению к ним возможно не только общее ироническое и даже комическое переосмысление, но и идеологически оценочное маркирование. Вероятно (это необходимо подтвердить в ходе специального исследования), негативный вектор, представленный в текстах либеральной «Новой газеты», сменится позитивным в материалах прокоммунистических СМИ.

Среди **потенциально высоких слов** (воспринимаемых носителями языка как «высокопарные») наиболее частотным в текстах «Новой газеты» оказывается существительное *миссия*. Оно встречается на протяжении 2015 года более 170 раз.

Наименее показательны примеры употребления слова в составе устойчивых словосочетаний – официальных номинаций, таких как *дипломатическая миссия, миссия МВФ, международная мониторинговая миссия ООН* и тому подобных. В этих случаях существительное функционирует не как высокое, а как общекнижное, подчеркивающее точность и строгость обозначения.

Однако количественно преобладают другие варианты использования слова *миссия*. Оно востребовано, во-первых, в текстах, посвященных литературе, искусству и просветительской деятельности (*культурная миссия, просветительская миссия фонда «Династия», святая миссия переводчика, миссия музея, миссия медиа*). Во-вторых, и это представляется наиболее существенным, сами журналисты и интервьюируемые ими политики и ученые многократно упоминают *историческую миссию* нации, народа, страны, государства – чаще всего речь идет о России и русских.

При использовании слова *миссия* выявляются три речевых хода, дающих различный прагматический эффект.

В первом случае автор публикации говорит от собственного лица или солидаризируется с теми, чьи взгляды излагаются в тексте:

Россия традиционно представлялась особой цивилизацией, которая соединяет Европу и Азию, но не принадлежит ни той, ни другой. Ее миссия – цивилизовать Азию, служить форпостом Запада на Востоке (Новая газета. 18.02.2015);

Случилось то, что, с моей точки зрения, давно должно было случиться, – Россия стала мировым лидером антиглобализма. Кому как не ей с ее мощным антикапиталистическим социальным кодом было браться за эту миссию? (Новая газета. 18.11.2015);

Победа над Наполеоном, подчинившим себе почти всю континентальную Европу, расценивалась как доказательство великого предназначения России, ее миссии: указывать путь другим странам или, по меньшей мере, претендовать на статус особой цивилизации (Новая газета. 04.12.2015).

Во втором случае журналист цитирует ньюсмейкера, заявляющего о существовании некой миссии, и оставляет это высказывание без оценочных комментариев:

Вот что думает об этом А. Ю. Бородай, бывший премьер ДНР: «*Границы Русского мира шире границ РФ. Я выполняю историческую миссию во имя русской нации, суперэтноса... Потому что есть Великая Россия, Российская империя. И украинские сепаратисты, которые находятся в Киеве, борются против Российской империи*» (Новая газета. 18.02.2015);

Вечером 7 декабря Лев Шлосберг в своем «Живом журнале» заявил, что будет баллотироваться на должность председателя «Яблока». «Сейчас на демократической партии, которой является «Яблоко», лежит особая миссия: политически поддержать миллионы людей в стране, которые хотят жить в демократической России…» – сказал Шлосберг «Новой» (Новая газета. 09.12.2015).

Третий речевой ход – ироническое преподнесение идеи миссии. Развенчивающее переосмысление понятия достигается использованием кавычек, употреблением в ближайшем контексте негативизмов и стилистически сниженных слов, а также отсылкой к прецедентным текстам:

Внешние признаки налицо: риторика власти, одобряемая массой, опять отдает идейным ригоризмом, вселенской миссией, мобилизацией "во имя", пафосом борьбы и победы, политическим подавлением и принуждением к коллективной жертве… Россия своими заносами добавляет… лишние аргументы. Это становится едва ли не исторической миссией – доводить все до абсурда, предупреждая других об опасности некритичного усвоения новых веяний. Так было с русским коммунизмом (Новая газета. 12.01.2015);

…Что-то и впрямь неладно в Датском королевстве. А именно, число противоречащих населению элитарных «отщепенцев», убежденных, что никакой геополитической миссии у России нет, растет. Если тех, кто верил в эту миссию, было в 1999 году подавляющее большинство (83%), то в 2008, как раз после Мюнхенской речи Путина, было их уже 64%, а в 2012 – и вовсе меньшинство (40%) (Новая газета. 19.01.2015).

Сам факт неоднократного иронического снижения косвенно свидетельствует о том, что у слова *миссия* действительно существует не отмеченный словарями высокий стилистический потенциал.

Прилагательное *неподвластный* используется авторами «Новой газеты» относительно редко – менее 10 вхождений в течение года. В отдельных случаях речь идет вопросах неполитических – о личности, неподвластной «жесткому социальному коду», о поэтических смыслах, «неподвластных даже автору» (Новая газета. 20, 27.03.2015).

Преобладает же идея политической неподвластности – наличия силы, не подчиняющейся власти и даже превосходящей ее. Таковы, по утверждению авторов «Новой газеты», территории, неподвластные Киеву; дикая миграция из Азии и Африки, неподвластная европейским политикам; некие деятели в России, неподвластные даже президенту (Новая газета. 27.03, 25.04, 19.09.2015).

Рассмотренные контексты не позволяют с уверенностью говорить о высокой стилистической окраске прилагательного. Правильнее будет, наверное, оценить его как сильный экспрессив, применение которого поддерживается различными речевыми приемами, такими как метафорические цепочки, ряды однородных членов, восклицательные конструкции.

Потенциально высокий глагол *угнетать* следует признать таковым только в прямом значении – «жестоко притеснять, не давать свободно жить, эксплуатировать». В переносном – «мучить, отягощать сознание, душу» (Ожегов 2005: 806) − это слово, напротив, проявляет тенденцию к разговорности, нередко выступая в качестве контекстуального синонима глагола «раздражать»:

… Вид вывороченной и по ранжиру «облагороженной», закатанной в бетон и покрытой щебнем земли в районе Адлера уже начинал угнетать (Новая газета. 10.02.2015).

Когда же речь идет именно об угнетении человека человеком или одной общественной группы другой, глагол *угнетать* способен наполниться патетикой. Причем это не характерно для цитат из исторических документов, где слово объективно обозначает явление действительности: *Рабочий в России политически угнетается и экономически эксплуатируется. Материально русский рабочий живет не только хуже западноевропейского безработного, но даже хуже китайского кули, – констатировал герой газетного очерка К. А. Бодров в 1935 году* (Новая газета. 01.05.2015). В современных же текстах концепт «угнетать», вне зависимости от того, идет речь о политике или о межличностных отношениях, наполняется гаммой эмоциональных оттенков:

Как же нужно угнетать и подавлять нацию, чтобы ее нельзя было представить

себе даже через недостатки… Дело дошло до того, что самые решительные противники страны даже не обсуждали ее плачевного положения и упадка (Новая газета. 02.03.2015);

А если родитель – конченый мерзавец, который угнетает своего ребенка, как вы преодолеваете чувство негодования при работе с ним? (Новая газета. 18.11.2015).

Глагол *угнетать*, как и существительное *миссия*, неоднократно используется публицистами «Новой газеты» как средство вербального отчуждения, лингвистический маркер неприемлемой для автора идеологии:

…«*Укронацисты» угнетают, лишают родного языка, убивают наших братьев – русских… Так, по крайней мере, выглядит это в ящике* (Новая газета. 19.01.2015);

Я ненавижу вас. Уроды. Холопы. Лживые рабы. Бесстыжие жулики. Бессердечные и тупые жлобы. Наглые хамы. Когда их бьют – они плачут. Их угнетают – они взывают к жалости. Справедливости хотят. Они понимают несправедливость только по отношению к себе. Но дай им волю, дай им власть – и они мгновенно станут теми же хамами и ворьем, под которыми стонали только что. И так же будут гнуть и обворовывать других. Угнетенный – это личинка, из которой в питательной среде власти вылупляется казнокрад. Вот в чем горе, вот в чем безнадежность. И подлость, подлость бесконечная везде! (Новая газета. 06.02.2015).

В первом примере слово *угнетать* осмысливается иронически, что поддерживается употреблением разговорно-презрительного обозначения телевизора – «ящик». Во втором фрагменте глагол использован в прямом значении, но субстантивированное причастие *угнетенный* с помощью предиката – развернутой метафоры – также наделяется саркастическим звучанием.

Таким образом, для потенциально высокого слова характерен тот же алгоритм функционирования в публицистическом тексте, что и для «реликтовых» единиц, составлявших ранее лексику высокого стиля русского литературного языка: сегодня такие лексемы с приблизительно равной вероятностью или реализуют в речи поэтические, патетические, экспрессивные возможности, или критически переосмысливаются и становятся средствами иронии и сарказма.

В целом проведенное исследование дает основания говорить о том, что, несмотря на безусловное размывание границ высокого стиля, его роль в современной русскоязычной коммуникации нельзя сводить к остаточному функционированию отдельных единиц. Чрезвычайно существенным представляется тот факт, что состав высокой лексики демонстрирует способность к расширению. Причем высокий стилистический оттенок не только возникает у устаревающих слов, но и выявляется носителями языка у ряда активных книжных лексических единиц.

Публицистический текст представляет собой сегодня важнейшую языковую творческую лабораторию, в которой энергично выплавляются новые смыслы и новые стилистические характеристики слов. Идейная и эмоциональная насыщенность журналистского произведения, прямая оценочность, открытость авторской позиции – все это формирует стабильный запрос на средства патетики, с одной стороны, и средства осмеяния – с другой. Отвечая этой потребности, язык не только сохраняет, но и пополняет запас высоких слов, прогнозировать снижение значимости которого нет пока ни малейших оснований.

Источники

1. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 1998. URL: http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/.
2. *Мокиенко В. М., Никитина Т. Г.* Толковый словарь языка Совдепии. – СПб.: Фолио-Пресс, 1998. – 704 с.
3. Новая газета. URL: http://www.novayagazeta.ru/.

4. *Ожегов С. И.* Словарь русского языка / под общ. ред. проф. Л. И. Скворцова. – М.: ОНИКС 21 век: Мир и Образования, 2005. – 896 с.
5. Словарь русского языка. В четырех томах. Т. 1. М.: Русский язык, 1985. – 696 с.; Т. 2. – М.: Русский язык, 1986. – 736 с.; Т. 4. – М.: Русский язык, 1988. – 800 с.
6. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожиной. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2003. – 696 с.
7. Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. Т. 1. – М.: Советская энциклопедия, 1935. – 1564 с.; Т. 2. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1938. – 1040 с.; Т. 4. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1940. – 1500 с.
8. Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / под ред. Г. Н. Скляревской. – СПб.: Фолио-Пресс, 1998. – 700 с.

Литература

1. *Вепрева И. Т.* Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. – 384 с.
2. *Голуб И. Б.* Стилистика русского языка. – 11-е изд. – М.: Айрис-пресс, 2010. – 448 с.
3. *Голуб В. Я.* Высокая лексика в современном русском литературном языке (по современным словарям и публицистике 60-70-х годов) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 1977. – 18 с.
4. *Калинин А. В.* Лексика русского языка – М.: Издательство Московского университета, 1978. – 232 с.
5. *Пучкова Е. В.* Кавычки как средство выражения коннотации в научном тексте // Ученые заметки ТОГУ. 2011. Том 2. № 2. С. 80–85. URL: http://pnu.edu.ru/media/ejournal/articles/2012/TGU_2_19.pdf.

УДК 81’33

Т. Л. Каминская
(Финансовый университет при правительстве РФ, Москва;
Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого)

СТИЛИСТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ АДРЕСАТА: МЕДИЙНАЯ ПРАКТИКА

В статье рассматривается стилистическая концепция адресата применительно к современной медийной практике. Особое внимание уделяется лексическим ресурсам стилистики, трансформации жанров и стилистическим особенностям характеристики адресата в медиатекстах. В настоящей статье стилистическая ориентация на адресата подтверждается примерами из наиболее успешных современных российских медийных проектов.

Ключевые слова: медиатекст, стилистика, адресат.

Tatiana L. Kaminskaya
(The Financial University under the Government of the Russian Federation;
Yaroslav-the-Wise Novgorod State University)

STYLISTIC CONCEPT OF THE ADDRESSEE: MEDIA PRACTICE

The article is devoted the stylistic concept of the massmedia addressee. Especial attention is paid to lexical resources of stylistics and stylistic features of characteristic of addressee in media texts. This concept is supported by examples of the most successful contemporary media projects.

Key words: stylistics, mediatext, addressee.

Современную коммуникативную ситуацию характеризует все усиливающаяся ориентация издательских проектов на конкретные типы аудиторий. Эта ориентация не может не отразиться на стилистике. Автор текстов для массового адресата неизбежно включает фактор адресата в свою творческую деятельность. Ориентируя журналистские тексты на «своего» читателя, авторы конкретных медиатекстов вынуждены эксплицировать свое представление о нем. Ориентация на «своего» читателя проявляется как в содержательном наполнении медиапроекта, дизайне, специфике рекламы, так и формировании его стилистической концепции. Концепция адресата оказывается запечатленной в таких, например, стилистических проявлениях, как лексика самих медиатекстов, всевозможные характеристики адресата и обращения к нему, выбор жанров.

Уже сам отбор тем для обсуждения, фактов, ситуаций для анализа есть презентация того мировосприятия, которое диктует концепция адресата медиапроекта. Достаточно сопоставить заголовки последних в 2015 году номеров, например, таких газет, как «КоммерсантЪ» и «Комсомольская правда», чтобы увидеть огромную разницу в предъявлении итогов уходящего года и размышлениях о способах проведения предстоящих праздников. Эта разница объясняется прежде всего различными целевыми аудиториями, на которые работают упомянутые медиа. Так, «Ъ» обращает внимание на политические и экономические результаты года, используя лексику из данных сфер: ***Акции без дивидендов****: Политики дождались общественного протеста, но воспользоваться им не могут;* ***Взгляд из осажденной крепости***: *Финансовый рынок в кольце санкций и контрсанкций;* ***Двухэтажный федерализм****: Центр записал большинство губернаторов во второй класс; Есть стало дорого;* ***Продовольственное эмбарго разложили по продуктовым корзинам****;* ***Недосидевшие****: Чем запомнится уходящий думский созыв;* ***Перед нефтью все равны****: Минимум треть населения России может пополнить армию бедных.*

Адресата «КП» отличает интерес к «простым» человеческим ценностям, а от самой газеты он ждет скорее развлекательной информации, чем экспертных оценок по макроэкономическим вопросам. Вероятно, читатели «КП» не склонны связывать свой мир с трендами мировой экономики и политики. «КП» отмечает главные идеи последней недели года, делая акцент на самом праздновании, на матримониальных аспектах жизни: ***Пора за покупками!*** *Мы составили список продуктов к новогоднему столу и отправились на шопинг… Как же выбрать самое лучшее?* ***Припрячьте под елочкой штангу!*** *Сколько килокалорий в каждом новогоднем блюде и сколько физических нагрузок понадобится, чтобы их согнать после праздников*»; ***Новогоднее ТВ****:* ***На «Дискотеке» как-то раз «Пельменями» кормили нас****...Чем главные каналы планируют развлекать зрителей в новогоднюю ночь;* ***Анну Нетребко к алтарю повел Филипп Киркоров****: Несмотря на то, что церемония бракосочетания 44-летней оперной дивы и 38-летнего тенора проходит в Вене, большинство гостей из России;* ***Археологи нашли самую древнюю криминальную заметку в России****: Список убийц князя Андрей Боголюбского довели до общественности на стене храма 858 лет назад;* ***Дневник куратора молодоженов****: На днях появилась информация под интригующим заголовком: «Московским молодоженам назначат кураторов семейной жизни»;* ***Министр экономики РФ Алексей Улюкаев дал прогноз, как долго будет падать рубль****: На основные актуальные вопросы российской экономики он ответил корреспонденту*[1].

Трудно не согласиться с Л. Е. Кройчиком, считающим, что качество публицистического текста в первую очередь связано с его соответствием «тематическим ожиданиям аудитории», и только следом за этим – «жанровым и персональным (встреча с определенным автором) ожиданиям» (Кройчик 2007: 76).

Интересно также проследить разное лексическое наполнение у медиапроектов в освещении одной и той же темы. Адресат должен увидеть «свои» слова и языковые конструкции в предназначенном ему тексте.

Так, тема санкций многократно входила на протяжении 2015 года в топ тем боль-

[1] Использовался метод сплошной выборки заголовков.

шинства медиа, а слово ***санкции***, без сомнения, является ключевым словом текущего момента. В ориентированных на экономически образованную аудиторию «Ъ» и РБК данное слово связывается с экономическими показателями, банковским сектором, ВВП, макроэкономической ситуацией. Заголовки конца 2015: ***Санкции наложенным платежом; Акцией по санкциям; Схемы обхода ограничений по вкладам возрождаются в банках*** («Ъ»); ***Санкционный угол:*** *как Россия превращается в изгоя****: Экономические санкции вовсе не норма для мирового сообщества*** (РБК). В это же время «АиФ» и «КП», исходя из концепции своего адресата как «простого человека», в десятках публикаций на тему санкций в 2015 году не предлагают экономической аналитики с использованием цифр, предъявляя как прогнозы и итоги краткие комментарии знаменитостей или занятные истории, связанные с темой**: *Пранкер Лексус: «Я хочу позвонить Бараку Обаме, чтобы отменить санкции против России»****: Интернет-шутник в Екатеринбурге рассказал, кто на самом деле сбил малазийский «Боинг» и кого ему запретил разыгрывать пресс-секретарь президента* (КП. 10.11.2015); ***Михаил Боярский: у меня ощущение, что все мы сегодня немного зажрались*** (АиФ, декабрь). Для этих изданий характерна разговорная лексика: *Украинцы поймут, что в Европе их особо никто не ждет, жизнь ухудшается, производство останавливается, а помочь, кроме матушки России, как всегда, некому. Одновременно начнется процесс вывода России из-под западных санкций. Запад наконец поймет, что санкции делают нас только сильнее <…> И Эрдоган не хочет извиняться и платить за ущерб, и Путин уже не может сдать назад. Но при этом новых санкций, скорее всего, не будет* (АиФ). «АиФ» по обыкновению видит в каждой политической и экономической теме не только экономические и политические проблемы и противостояние, но и повод для шуток.

Разница в концепции адресата особенно заметна при сопоставлении текстов по поводу одного и того же события специализированных и общеполитических изданий. Так, «Советский спорт» предполагает у своих читателей отличное знание взаимоотношений и реалий сегодняшнего спортивного закулисья, поэтому в материале о победе российской сборной в полуфинале молодежного чемпионата мира называет тренера американской сборной *стариной Уилсоном* и приводит скрытую цитату из его сказанных ранее слов в эфире без особых разъяснений и ссылок на бэкграунд ситуации:

Никто ведь его за язык не тянул. Но старина Уилсон сказал, что «мы с Россией находимся в состоянии, похожем на холодную войну, поэтому максимально сконцентрированы на хоккее. И должны показать запредельные скорости».

Вот так была приплетена политика. Это ты напрасно, Ронни (04.01.2016).

Расчет на наличие у адресата пресуппозиции по поводу событий и имитация панибратского диалога отличает тексты «для своих», «для посвященных». Ими в данном случае являются болельщики хоккея. И практически каждый абзац рассматриваемого текста нуждался бы в комментариях и разъяснениях о ситуации и упомянутых персонах, окажись он в поле зрения не интересующегося спортом адресата, но для «своих» он понятен: *Представьте, что Виктор Тихонов или Владимир Юрзинов возглавили бы молодежную сборную СССР. Да, Брагин крут. Но против такого сильного оппонента он свою «шахматную» партию еще не играл.*

О том же событии в нейтральной стилистике с различными уточнениями про место проведения турнира, про возраст игроков молодежной сборной «для непосвященных» сообщают в этот день новостные порталы: *Хоккеисты молодежной (игроки до 20 лет) сборной России одержали волевую победу над сверстниками из США и вышли в финал чемпионата мира, который проходит в Финляндии.* Для тех, кто следил за трансляцией матча, эта информация не несет ничего нового и по сути не является новостью.

Термин «языковая картина мира» (реже – «языковая модель мира»), в последнее десятилетие широко использующийся в лингвистике, связывают с выраженными в лексике особенностями мировосприятия и культурными стереотипами. Применяя эту дефиницию к текстам массовой коммуникации, элементы картины мира следует искать

в системе действующих лиц и их обозначений, а также культурных концептов (ключевых слов).

Еще одно стилистическое проявление «давления» адресата на коммуникативную ситуацию в медиа – это трансформация жанров: она также связана с изменением диспозиции автор-адресат. Сегодняшний адресат большинства медиапроектов все чаще отказывается от восприятия объемных текстов, предпочтя им краткие новости или аналитику, «разбавленные» различного рода иллюстрациями, видеорядом. Массовая замена портретного очерка подробным интервью с героем связана, на наш взгляд, также с доминированием фактора адресата в современной медийной ситуации: журналист как бы инсценирует коммуникацию героя непосредственно с адресатом интервью, предъявляя личность героя без предоставления собственной, журналистской интерпретации его слов или поступков.

Интересно, что тенденция к минимизации авторской роли отличает и современную литературу, все более тяготеющую к предъявлению фактологичности из уст героев событий. Можно вспомнить, например, вердикт нобелевского комитета по премии 2015 года в области литературы Светлане Алексиевич, в котором отмечен прежде всего ее рабочий метод как выдающийся и современный: *добросовестно скомпонованным коллажем человеческих голосов Алексиевич углубляет наше понимание целой эпохи* (http://www.planet-nwes.ru/nobelevskaya-premiya-po-literature-dostalas-belorusskoj-pisatelnitse/). Об изменении в целом восприятия речи и необходимости ориентации на это восприятие интересные замечания сделал Максим Кронгауз в интервью радио «Свобода»: *Речь воспринималась как нечто порожденное нашим речевым аппаратом. Сегодня гораздо важнее не то, как мы порождаем (ведь действительно связь нажатия на клавишу и появления на экране некоей буквы очень сомнительна: что-то мы нажали, что-то появилось), а важно, как мы воспринимаем речь. То есть в отличие от противопоставления «устное или письменное», возникает противопоставление «визуальное или аудиальное», и это оказывается важнее – способ восприятия. Мне кажется, это действительно очень верно* (http://www.svoboda.org/content/transcript/27350971.html).

Еще один пример из мира смешения журналистики и литературы и минимизации авторского начала как метода – книга Михаила Зыгаря «Вся кремлевская рать: Краткая история современной России». В 2015 году она стала бестселлером. После этого автор принял решение покинуть телеканал «Дождь», на котором шесть лет проработал главным редактором, чтобы заняться новым историческим проектом. Накануне прощания с телеканалом Михаил в интервью журналу «Сноб» рассказал о необратимых изменениях в журналистике и авторском подходе беспристрастного отстранения от событий: *Я считаю, что в принципе получилось неплохо. Я всем рассказываю, что у меня была такая концепция – я как будто писал для читателя, который должен прочесть эту книгу через 100 лет, чтобы разобраться в хитросплетениях нашей, давно ушедшей в его понимании, эпохи. Я представлял себя в роли довольно беспристрастного исследователя, который честно рассказывает историю, старался писать для человека, который вне контекста, а не внутри. Но оказалось, что этот подход понравился именно тем, кто «внутри», их привлек этот стиль изложения. Хотя многих это смутило, писали, что это похоже на переводную книгу, будто бы человек из Wall Street Journal взялся описывать нам наши реалии* (http://snob.ru/selected/entry/101161).

Разумеется, стилистически различаются и обращения к своему адресату в медиапроектах для различных целевых аудиторий. Про особую роль обращения к своему читателю/зрителю в медиа написано нами ранее (Каминская 2014). Здесь следует добавить про имитацию диалога с адресатом, которая выражается в вопросно-ответных конструкциях. Самое частотное число таких конструкций в проектах для «простого человека»: газета «АиФ» не только посвящает ответам на вопросы читателей целые полосы, имитирует диалоги с читателем, но и многократно использует вопросы в заголовках: *Где в Москве можно сходить в баню? Зачем нас стригут? – Почему в России правительство и народ преследуют даже не разные, а проти-*

воположные цели? Цель правительства – наполнить бюджет, цель населения – выжить. И какая из них окажется выполнена? (январь 2016). «КП» и «АиФ» тщательно разъясняют своим читателям суть проблемы в публикациях на политические и экономические темы, используют популяризаторский талант своих журналистов и принципы комиксов.

Интересно пронаблюдать и стилистические нюансы текстовых взаимоотношений «автор-комментатор».

Ежедневная газета «Ведомости» позиционирует себя как **деловое** издание для **вдумчивого** чтения. В рекламе подписки обозначено, что номер газеты будет лежать **каждое утро на вашем рабочем столе**; тем самым предполагается, что адресат газеты – человек преимущественно умственного труда, имеющий как минимум рабочий стол. В газете есть рубрика **выбор читателей**, в которую выносятся публикации, получившие наибольшее число комментариев. Называя своего читателя ***экспертом***, комментарии к публикациям в онлайне «Ведомости» именуют ***экспертными дискуссиями***, условие участия в которых – наличие не только регистрации на сайте, но и подписки. Данная практика декларирует особую склонность целевой аудитории издания к диалогу и возможность выражения ею экспертных мнений и оценок. В непосредственном обращении к адресату «Ведомости» нейтрально называют его *уважаемый читатель,* автор статьи получил, например, такое автоматическое уведомление от редакции: *Уважаемый читатель! В этом месяце Вы исчерпали лимит статей, доступных без регистрации. Чтобы продолжить чтение, пожалуйста, зарегистрируйтесь или войдите на сайт.*

Е. В. Какорина справедливо отмечает, что нередко читательский комментарий близок к журналистскому тексту и тяготеет к аналитическому типу жанров, в которых совмещается эмоциональная и рациональная оценка ситуации (Какорина 2012: 65). Можно добавить, что в совокупности комментарии одного издания – это еще и срез общественного мнения не только целевой аудитории издания, но и вообще определенной части образованных людей, привыкших оперировать словами и текстами.

Стилистика комментариев в целом соответствует стилистике самого медиаресурса. Комментарии в «АиФ» и «КП» преимущественно краткие, с использованием разговорной и сленговой лексики: *Правильно, нафига их кормить в морозы, отапливать помещения для содержания. Менять их все равно не поменяют. Они своей стране не нужны, проще отпустить к мамкам; Еще гуманитарку на них тратить: накормили, сфотали, пальчики откатали и гуд бай Луганщина...*

При этом там чаще, чем, например, в РБК или «Ведомостях», комментаторы делают друг другу замечания по поводу ошибок и способов высказываний, общаясь друг с другом запросто: *По комментарию похоже, что статью ты прочел, но ничего не понял* (КП. 06.01. 2016. Москва начала оккупировать Херсонскую область газом).

Комментарии медиатекстов для «экспертной аудитории» (берем для примера тот же украинский газовый вопрос) носят более пространный характер, написаны преимущественно сложными предложениями, имеют зачастую большой объем и содержат авторскую рефлексию и многочисленные прецедентные тексты:

ФИГОРЬЬЬ *Я конечно не демократ, но демонизировать Запад не надо. Ему на Россию не наплевать, в той мере, как она участвует или гадит в мировой системе разделения труда. И он точно не «всегда за ослабление России и ее разъединение с Украиной» – это из набора «лапши для ушей» от товарища Киселева. <…> Недаром, даже дерипаски разнообразные, постоянно кричат о своей менеджерской роли. А те, кто хоть чуть-чуть считает себя собственником, посидев в холодной, ака домашний арест, избавляются от остатков лапши быстрого приготовления. <…> Вот вы, похоже, не за зарплату тут комментите, так что избавляйтесь от этих макаронных изделий тоже <…>*

России все никак не удается вырваться из феодализма в капитализм, где собственность ОТДЕЛЕНА от власти и уже 2 попытки буржуазных оказались провальными. Пока этот Рубикон не будет преодолен, мы, естественно, будем угрозой для всех, включая Запад, а наша властная элита... Впрочем не будем множить «юридические риски» прию-

тившей нас газеты, они и так запредельны в кислотной среде, которая закономерно образовалась в стране (Ведомости. 01.01.2016. Россия подаст на Украину в английский суд из-за дефолта по евробондам).

В последний год тематика большинства комментариев общественно-политических ресурсов лежит на оси Россия-Запад, онлайн-дискурс свидетельствует, в частности, что ценности определенной части российских граждан подверглись значительной трансформации. Однако в последний год, как и в последнее десятилетие в целом, самыми комментируемыми являются темы отношений Запад-Россия (сейчас к ним прибавился Украинский вопрос) и сообщения о катастрофах. По-прежнему в комментариях превалируют противопоставления «мы-они», причем к самокритичности к нам более склонны читатели деловых ресурсов. Такова, например, характерная реакция на сообщения о допинговом скандале: *Нынешний скандал – крупнейший скандал в истории российского спорта.* ***Наши функционеры****, конечно, уже связали его с общей политической ситуацией…* ***Мы знаем****, что масштабная коррупция* ***у нас обычно*** *сочетается с русским авось и ленью.*

КОММЕНТАРИИ: – Это российская бюрократическая организация, живущая ***по принятым у нас*** *чиновничьим правилам. Какова вероятность иного поведения?*

*– К сожалению, лично у меня нет ни одного аргумента, что такое невозможно. Как пел Высоцкий: «****Мы всегда так живем*** *– траву кушаем...»* (Ведомости, ноябрь 2015. Восставшие из WADA). В данном примере очевидно стилистическое соответствие публикации и комментария, на вопрос о механизме взаимовлиянии авторов и комментаторов можно было бы, вероятно, ответить с помощью лингвистических экспериментов.

Таким образом, намеренный отбор определенных языковых средств в медиапроектах напрямую связан со стилистической концепцией адресата и наглядно представлен в нескольких вариантах текстов на одну тему. В наилучшем варианте развития событий, если комплекс характеристик целевой аудитории осознается идеологами медиапроекта верно и в текстах появляется образ этой аудитории, устанавливается положительный контакт, который какое-то время будет сам себя поддерживать, воспроизводиться, например, в виде взаимоотношения «автор-комментатор».

Литература

1. *Каминская Т. Л.* Аксиологическая полифония в интернет-коммуникации // Речевая коммуникация в средствах массовой информации: матер. II Междунар. науч.-практич. семинара, Санкт-Петербург, 17–19 апреля 2013 г. / под ред. В. В. Васильевой, В. И. Конькова. – СПб.: С.-Петерб. гос. ун-т, высш. шк. журн. и мас. коммуникаций, 2013. – С. 208–211.
2. *Каминская Т. Л.* «Дорогие наши читатели» как типологический маркер // Стилистика сегодня и завтра. Материалы конференции. Часть II. – М.: Факультет журналистики МГУ, 2014. – С. 144–146.
3. *Какорина Е. В.* Портрет «простого» интернет-пользователя в лингвопрагматическом, языковом и стилистическом аспекте (на материале жанра комментария) // Стилистика завтрашнего дня. Сборник статей к 80-летию профессора Григория Яковлевича Солганика. – М.: МедиаМир, 2012. – С. 64–87.
4. *Кожемякин Е. А.* Массовая коммуникация и медиадискурс: к методологии исследования // Научные ведомости БелГУ. Серия: Гуманитарные науки. – 2010. – №12. – Т. 610. – С. 13–21.
5. *Кройчик Л. Е.* Актуальные проблемы теории публицистики // Современные проблемы журналистской науки. – Воронеж: Факультет журналистики ВГУ, 2007. – С. 65–79.
6. *Соколова К.* Михаил Зыгарь: Невозможно разглядывать капли, когда от напора воды обрушился потолок. URL: http://snob.ru/selected/entry/101161.

УДК 81’33

В. И. Коньков
(Санкт-Петербургский государственный университет)

ПРИНЦИПЫ ОПИСАНИЯ АКТУАЛЬНОЙ МЕДИАРЕЧИ

Актуальная речь – речь, вписанная в общую практическую деятельность общества и привязанная к конкретным координатам социального пространства-времени. Медиаречь – любая разновидность русской речи, присутствующая в речевой практике СМИ. Любой нейтральный в идеологическом отношении текст, оказавшийся в среде СМИ, становится знаком, за которым закрепляются дополнительные идеологические по природе смыслы. В речевой практике СМИ присутствуют такие разновидности русской речи, где доминируют признаки не публицистического, а других функциональных стилей. Следует говорить о принципиально ином явлении, чем многообразие подстилей внутри одного функционального стиля. Структура каждого из всех наиболее объемных фрагментов речевой практики общества (наука, быт, профессиональная деятельность, идеология, искусство) повторяет структуру речевой практики общества в целом. Специфика организации медиаречи соотносится с категорией фрактала. Есть некие общие черты, которые могут быть свойственны как объектам, изучаемым гуманитарными науками, так и объектам, изучаемым естественными науками.

Ключевые слова: актуальная речь, медиаречь, подстиль, публицистический стиль, речевая практика общества, фрактал, функциональный стиль.

Vladimir I. Konkov
(Saint Petersburg State University)

THE PRINCIPLES OF DESCRIBE OF ACTUAL MEDIA SPEECH

Actual speech is speech, that is included in the general practical activity of the society and connected to specific coordinates of social space-time. Media speech is any variation of Russian language, practice of speech in Mass Media. Any neutral ideologically text has appeared in the media environment, it is a sign, which was secured by additional ideological nature of the senses. Such varieties of Russian language present in speech practice of mass media where signs dominate not publicistic, but other functional styles. You should talk about a fundamentally different phenomenon than the variety of subgenre inside a single functional style. The structure of each of all the most extensive fragments of speech practice of the society (science, everyday life, professional activity, ideology, art) follows the structure of speech practice of the society as a whole. The specific organization of media speech correlate with the category of the fractal. There are some common traits that can be characterized as the objects, that are studied in the humanitarian science, and those ones that are studied by natural science.

Key words: actual speech, media speech, subgenre, journalistic style, speech practices of society, fractal, functional style.

Данная статья является продолжением работы «Слово живое и мертвое (о двух коммуникативных типах речи)» (Коньков 2015), где развивалась идея о необходимости различать два коммуникативных статуса речи. Речь актуальная вписана в общую практическую деятельность общества и привязана к конкретным координатам социального пространства-времени. Данная работа посвящена принципам описания актуальной речи на примере медиаречи. Актуальной речи противопоставлена речь в статусе когнитива – речь, которая по тем или иным причинам не участвует непосредственно в активной практической деятельности общества, принадлежит миру знаний.

Автором предлагается новый подход к описанию актуальной медиаречи, при котором делается акцент на разнообразии речевого материала в коммуникативной среде СМИ.

Под *медиаречью* в связи с обсуждаемой проблемой мы предлагаем понимать все разновидности русской речи, которые существуют в речевой практике СМИ, независимо от того, порождается ли эта речь самими СМИ или же используется ими, взятая в готовом виде из других сфер речевой практики общества. Для нас здесь важен лишь сам факт присутствия этой речи в коммуникативной среде СМИ. Отметим, что номинация *медиаречь* используется многими исследователями, однако строгое определение отсутствует. *Медиаречь* понимается то как эквивалент термина *публицистический стиль* в его широком понимании, то как речь массмедиа, обладающая спецификой, обусловленной ее существованием в медиасфере (Добросклонская 2008; Славкин 2015).

Что касается номинации *публицистический стиль (текст)*, то мы используем в ее традиционном узком понимании: «Публицистические тексты имеют ряд общих черт: все они носят воздействующий характер, связанный с созданием у читателей (зрителей) определенного отношения к передаваемой информации; пишутся в соответствии с определенной идеологической системой и опираются на систему определенных идеологических ценностей; отличаются тенденциозностью, т. е. журналист сознательно ставит свой текст на службу той или иной идее; обладают ярко выраженным субъективным началом; воспринимаются читателями (зрителями) как определенный эталон речи, поэтому создаются журналистами с установкой на демонстрацию речевого мастерства» (Попова 2006).

Когда мы говорим о медиаречи как об актуальной речи, то имеем в виду ее коммуникативный статус, под которым мы понимаем положение, которое занимает речь по отношению к общей практической деятельности как субъекта речи, так и общества в целом. Речь в актуальном коммуникативном статусе – это речь, включенная в практическую деятельность в качестве ее неотъемлемого, органического компонента. Таковой является, например, профессиональная речь, сопровождающая любой вид трудовой деятельности и являющаяся частью этой трудовой деятельности: речь преподавателя при проведении тренинга; команды, отдаваемые при проведении парада или при артиллерийской стрельбе и т. д. Подобная речь имеет существенную перформативную составляющую, и можно говорить о коммуникативном статусе перформатива.

Актуальной речи противостоит речь, имеющая коммуникативный статус когнитива. Это речь, принадлежащая сфере знаний, ее существование не определяется конкретными пространственно-временными координатами. Связь с общей речевой практикой является опосредованной. Так, материалы, опубликованные в российской прессе в первой половине XX века (но можно взять и любой другой предшествующий современности период) непосредственно не включены в современную практическую жизнь общества. Однако они могут быть неоднократно актуализированы в последующие десятилетия и даже столетия. Для большинства людей, которые не являются специалистами, изучающими историю СМИ в связи с той или иной научной проблемой, практически все ранее опубликованное в прессе представляет собой неактуализированный речевой материал, который не введен в повседневную современную духовную и материальную деятельность. В научных, идеологических целях, в целях пропаганды, в целях обучения иногда

появляется необходимость данные тексты актуализировать, ввести в активный речевой обиход, то есть изменить их коммуникативный статус на актуальный. Но в целом этот материал находится в сфере когнитива, сфере знаний.

Принципы стилистического описания речи как речи, имеющей коммуникативный статус когнитива и представленной в виде более или менее значительных однородных массивов, сформулированы и достаточно глубоко развиты теорией функциональной стилистики. Само определение функционального стиля ориентировано на значительные по объему речевые массивы. Степень обобщения речевого материала носит здесь предельно широкий характер. Не случайно само существование функционального стиля обусловлено наличием соответствующей формы общественного сознания. Укажем как на наиболее известное на определение функционального стиля, которое дает М. Н. Кожина (Кожина 2003), опиравшаяся в свою очередь на работы В. В. Виноградова (Виноградов 1955) и Ю. С. Сорокина (Сорокин 1954).

Идея противопоставления коммуникативного статуса когнитива и перформатива для функциональной стилистики неактуальна. Наличие в учении теоретического компонента, посвященного экстралингвистическим факторам, в принципе ничего не меняет, поскольку речь анализируется как не привязанная к конкретным пространственно-временным координатам, как извлеченная из активной повседневной практической деятельности. Прагматический подход к изучению речи, рассматриваемой как часть общего течения жизни, актуализирован в гораздо большей степени в практике дискурсивных исследований.

Специально оговорим, что в данном случае мы имеем в виду не достоинства или недостатки отдельных теорий, а их особенности, которые имеют свои как плюсы, так и минусы.

В рамках теории функциональной стилистики, которая ориентирована на поиск общего в изучаемом текстовом массиве, речевой материал выбирается таким образом, чтобы он позволял выявить черты этой общности. Поэтому под определение функционального стиля подводился более или менее однородный речевой материал. Если это сделать невозможно, то говорят о наличии подстилей внутри функционального стиля. Так, в официально-деловом стиле выделяют собственно официально-деловой, юридический и дипломатический подстили (Культура русской речи 1998: 216). В публицистическом стиле, который иногда называют и газетно-публицистическим, выделяют газетно-информационный и собственно публицистический подстили (Солганик 2003: 312). Именно такой подход, когда анализируются значительные по объему выборки более или менее однородного речевого материала, позволяет максимально полно выявить специфику языка СМИ. При этом, однако, стремление к поиску общего, однородного приводит к тому, что остается вне зоны активного внимания то чрезвычайное разнообразие речевого материала, которое мы наблюдаем как в печатных, так и в электронных СМИ.

Важно и другое. Функциональная стилистика не принимает во внимание тот речевой материал, который хотя и размещается в коммуникативной среде СМИ, но не порождается этими самыми СМИ, а приходит из других сфер речевой практики общества. Так, если на страницах издания появляется текст документа, небольшое художественное произведение (стихотворение, рассказ), что случается довольно часто, то такие тексты объявляются инородными включениями и не рассматриваются как медиаречь.

Данная ситуация, на первый взгляд, кажется очевидной, естественной и непроблемной. Так, на страницах газеты «Известия» 17 августа 1963 была впервые опубликована поэма А. Твардовского «Теркин на том свете». Само собой разумеющимся считается, что не следует рассматривать текст поэмы как медиаречь. И с точки зрения теории функциональной стилистики это правильно. Если телевидение транслирует художественный фильм, то, соответственно, не следует трактовать этот фильм как медиатекст, потому что перед нами произведение кинематографического искусства, а телевидение – это всего лишь канал трансляции.

Однако эта очевидность мнимая. Очевидно другое: не любая поэма может быть опубликована на газетной полосе. Такая публикация привязана к определенному времени. Показ художественного фильма по тому или иному телеканалу достаточно часто выглядит приуроченным к знаменательной дате, к событиям актуальной современности. Так, часто к юбилею писателя готовится экранизация известного романа писателя. Очевидно, что художественный текст в идеологическом контексте СМИ генерирует особые смыслы, и на этом основании текст фильма можно считать органическим элементом медиасферы в целом и медиаречи в частности.

Даже самый нейтральный в идеологическом отношении текст может в идеологической среде СМИ стать знаком, за которым закреплены смыслы, идеологизированные в максимальной степени. Вот восприятие трансляции балета «Лебединое озеро» 19 августа 1991 года одним из участников событий того времени: «В 1991-м году я был старшим преподавателем кафедры Военно-инженерной академии имени Куйбышева. В августе ушел в отпуск и о ГКЧП узнал, как и все, случайно. В этот день с самого утра по радио звучала лишь классическая музыка, по телевизору показывали балет «Лебединое озеро» – и никаких новостей! Такое в советские времена случалось, только когда умирал кто-то из первых лиц государства» (Цыганок 2006). Очевидно, что балет в создавшихся 19 августа 1991 года условиях воспринимался как знак. И в качестве такого знака он вошел в общий контекст современности.

Таким образом, в СМИ как среде коммуникации размещается огромное количество разнообразного речевого материала, различного по своим онтологическим речевым характеристикам. Теория функциональной стилистики в соответствии со своими исходными позициями совершенно справедливо не обращает внимания на указанный речевой материал, считая его чужеродным элементом, нарушающим единство функционального стиля. Но поскольку такой материал имеет существенный объем и поскольку его роль в формировании сознания аудитории велика, то требуется найти и другие подходы к изучению медиаречи, которые бы позволили описывать речевую практику СМИ в ее целостности и полноте.

Для начала обратим внимание на отдельные типичные тематические разновидности медиаречи, которые в теории функциональной стилистики квалифицируются как подпадающие под номинацию публицистический стиль, но при этом сделаем акцент не на тех особенностях, которые позволяют квалифицировать их как разновидность публицистического стиля, а на тех, которые свидетельствуют об их чрезвычайной близости к другому функциональному стилю. Попытаемся актуализировать разнородность имеющегося в медиасфере речевого материала и осмыслить эту разнородность как одну из базовых характеристик медиаречи.

Ядро публицистического стиля образуют собственно публицистические тексты, речевая специфика которых хорошо заметна и очевидна: «Современная публицистика личностна, проявления авторского Я журналиста правомерны и естественны, и результативность воздействия на чужое мнение повышается за счет эмоциональной подпитки оценок, причем оценки эти открыты и социальны. Сквозная открытая оценочность в публицистике – постоянная величина; то же плюс личный характер экспрессивности – типичная черта публицистики нынешней» (Купина, Матвеева 2013: 233).

Яркие образцы публицистической речи дают современные колумнисты, которые проявляют активность на страницах газет и журналов, в личных блогах, в журнальной публицистике. Вот ответ на вопрос, есть ли будущее у оппозиции в России, который дает в журнале «Знамя» А. Архангельский:

Сегодня картина политической жизни печальна. Те, кто барахтается, как правило, ничтожны и маргинальны. Те, кто не маргинальны, – не барахтаются. В этом парадокс и ужас ситуации.

Так что на первый полувопрос отвечаю жестко: у нынешней оппозиции будущего нет. А появится ли новая оппозиция? Проблема отдельная. Мне кажется, что тучные семь лет уже закончились. Усыпляющий запах денег еще витает перед нашими носами, но, поверьте, он улетучивается. Вместе

с тотальным скукоживанием фондового рынка; вместе с надвигающимся кризисом продовольственных цен и недвижимости, а значит, и банков; вместе с новым противостоянием России и Запада, которое может окончиться примерно тем же, чем в 1986-м окончилось противостояние СССР с Америкой, когда Саудовская Аравия по сговору со Штатами вышла из картельного соглашения и обрушила цены на нефть вчетверо. За семилетнее бездействие пришла пора платить. Всем. И тем, кто бездействовал, растрачивая силы нации на создание нового информационного щита, на подготовку череды локальных конфликтов по всему периметру границ, на борьбу с экономическим (оно же политическое) инакомыслием. То есть власти. И тем, кто позволял бездействовать. То есть народу (Знамя. 2008. № 11).

Перед нами типичный образец публицистического стиля, отличающийся всеми указанными выше признаками. Мы видим ярко выраженную тенденциозность оппозиционера, намерение убедить читателя в своей правоте, максимальную степень выраженности личностного начала с установкой на демонстрацию речевого мастерства.

Однако наряду с текстами колумниста в коммуникативной среде СМИ широко представлены материалы, дающие информацию официального характера о жизни страны:

Никита Вятчанин

Валентина Матвиенко предложила представлять ежегодный отчет о законодательстве в День российского парламентаризма

Утвердить отчет о состоянии российского законодательства за нынешний год планируется в декабре, а аналогичное исследование за следующий год стоит подготовить ко Дню российского парламентаризма в апреле 2017 года. Такое предложение в ходе заседания Совета законодателей в пятницу сделала председатель Совета Федерации Валентина Матвиенко.

По ее мнению, перенос представления отчета с декабря на апрель позволит, во-первых, предметнее и основательнее проанализировать принятое законодательство за весь год, а во-вторых, подкрепит саму значимость Дня российского парламентаризма.

Говоря о подготовке отчета, Валентина Матвиенко напомнила, что в этом году он будет посвящен мониторингу законодательства и правоприменительной практики по вопросам регулирования антикризисных мер, развития малого и среднего предпринимательства, инвестиционной и инновационной деятельности.

«Отмечу, что эти вопросы целесообразно рассмотреть еще и в контексте межрегионального и приграничного сотрудничества. Нам предстоит еще изучить рекомендации Второго форума регионов России и Белоруссии, который состоится в сентябре в Великом Новгороде, и выработать конкретные предложения для включения в повестку Первого форума регионов СНГ», – напомнила она.

Совет Федерации традиционно взял на себя подготовку региональной части отчета, и Валентина Матвиенко попросила руководство региональных заксобраний предоставить сведения об оценке принятого в этом году федерального законодательства и о ходе его реализации, а также предложения по совершенствованию федерального и регионального законодательства до 5 октября.

Спикер верхней палаты парламента подчеркнула, что число законодательных инициатив из регионов существенно возрастает: в 2013 году в Совет законодателей внесено 40 проектов законодательных инициатив, в 2014-м – 159, в первом полугодии 2015-го – уже 81. Всего с июня 2013 года внесено 280 проектов законодательных инициатив. Положительное решение принято по 117. «Мы честно работали с региональными парламентами и Советом законодателей и благодаря этому более оперативно реагировали на вызовы времени, повысили качество законопроектов с точки зрения защиты интересов регионов», – отметила Валентина Матвиенко (Парламентская газета. 10.07.2015).

В рамках функциональной стилистики такой текст трактуется обычно как образец разновидности газетно-информационного подстиля публицистического стиля, где достаточно весомо представлены элементы официально-делового стиля. Посмотрим на этот текст с другой точки зрения и зададимся вопросом: насколько весом вклад в создание этого текста, сделанный юридическим подстилем официально-делового стиля?

Текст, предназначенный для СМИ, не может быть исполнен в чистом виде в нормах языка законов и указов, поскольку последний вообще не предполагает учета интересов читателя и, соответственно, для массовой аудитории не предназначен в принципе. В этом легко убедиться, взяв текст любого закона. Однако наличие в приведенном примере элементов официально-делового стиля столь велико, что текст демонстрирует все основные особенности официально-делового стиля.

Несмотря на общую информационную коммуникативную направленность текста, читатель хорошо чувствует предписывающую побудительную модальность мира законодательства: *перенос представления отчета позволит предметнее и основательнее проанализировать законодательство, подкрепит саму значимость Дня российского парламентаризма; вопросы целесообразно рассмотреть; предстоит изучить и выработать конкретные предложения; предоставить сведения об оценке федерального законодательства, о ходе его реализации, предложения по совершенствованию федерального и регионального законодательства*.

Широко представлена специальная лексика: *законодательство, парламентаризм, Совет Федерации, законодатели, мониторинг, правоприменительная практика, развитие малого и среднего предпринимательства, инвестиционная и инновационная деятельность, межрегиональное и приграничное сотрудничество* и др.

Текст дает четкое представление об именном строе той речи, на основе которой формируется содержание текста: *предоставить сведения об оценке принятого в этом году федерального законодательства и о ходе его реализации, а также предложения по совершенствованию федерального и регионального законодательства*. Налицо и такие особенности официально-делового стиля, как потеря глаголом системы временных форм, когда форма настоящего времени представляет действие безотносительно ко времени (*число законодательных инициатив существенно возрастает*), а также активность форм страдательного залога (*отчета посвящен, внесено 40 проектов*).

Можно также указать на характерное для деловой речи использование большого количества цифрового материала.

Вывод, который мы можем сделать, сводится к тому, что в тексте не просто используются элементы официально-делового стиля. Данный текст аккумулирует в себе речевой опыт, накопленный в сфере деловой речи, практически во всей его полноте. Не случайно студенты, не умудренные в изучении схоластической стороны функциональной стилистики, относят данный текст к разряду официально-деловой речи. В таком их суждении есть изрядная доля здравого смысла.

В таком же плане можно говорить и о существовании в медиасфере научной речи практически в ее классическом виде. Обратим внимание в связи с этим на журнал «Наука и жизнь». Журнал в максимальной степени, по сравнению с другими изданиями, лишен идеологической окраски, чем, по-видимому, в значительной степени объясняется и долгое существование этого издания. Не случайно журнал, первый номер которого появился в 1890 году, продолжал выходить и при смене общественно-политических формаций: «С 1934 года журнал издается непрерывно, его выпуск не прекращался ни в период Великой Отечественной войны, ни во время экономических кризисов. «Наука и жизнь» это больше, чем просто научно-популярный журнал, это ваш проводник в мир познания» (О журнале «Наука и жизнь»). Для понимания стилистической специфики издания принципиально важна позиция издания, которая заключается в том, что «статьи, написанные неспециалистами, к рассмотрению не принимаются» (Там же). Как следствие мы имеем в сфере медиаречи издание, значительная часть материалов которого в основе своей строится по нормам научного стиля, лишь слегка адаптируясь к речевым традициям СМИ:

Чтобы нейрон стал светочувствительным, он должен иметь белок – рецептор света. Пример нейронов, чувствительных к свету «от природы», – клетки сетчатки глаза. Они содержат рецептор родопсин, который состоит из белка, называемого опсином, и кофактора ретиналя – производного витамина А. Под действием света ретиналь меняет свою структуру, и эти

изменения передаются на белок, который активирует сигнальные пути нейрона, вызывающие его возбуждение. В покое нейрон заряжен отрицательно: внутри клетки концентрация натрия и прочих положительных ионов мала. При возбуждении включаются ионные каналы в наружной мембране нейрона, закачивающие положительный натрий внутрь. Заряд внутри клетки становится положительным. В таком состоянии нейрон возбужден и готов передать сигнал остальным нейронам в сети. (Павел Елизарьев. Институт биологии гена РАН. Оптогенетика: самые светлые мысли // Наука и жизнь. 2015. №1).

Художественная речь, отличительной особенностью которой является образность и которая широко представлена в художественно-публицистических жанрах, описана достаточно полно (Коньков, Сметанина 2014). В этой связи следует обратить внимание и на тот факт, что многие писатели, получившие признание в сфере художественного творчества, имели дополнительную возможность творческой самореализации в сфере художественной публицистики, что практически всегда использовали. Например, В. А. Чивилихин известен, с одной стороны, художественными произведениями о современниках «Про Клаву Иванову» (1964), «Елки-моталки» (1965), «Над уровнем моря» (1967), «Пестрый камень» (1969). С другой стороны, широко известна его очерковая проза: «Месяц в Кедрограде», «О чем шумят русские леса?», «Земля в беде», «Светлое око Сибири» (о Байкале) и др.

Достаточно очевидным представляется и присутствие в медиасреде той разновидности русской речи, которая обозначается как разговорная речь. В отличие от разговорной речи, которая сформировалась в сфере повседневного бытового общения, разговорная речь в медиасреде обслуживает различные сферы профессионального общения. Однако по своим лексико-грамматическим параметрам она практически тождественна классической разговорной речи, поскольку и там и там она формируется на основе межличностной коммуникации, предполагающей неформальные отношения между говорящими, включающими в том числе и эмоциональный компонент. Такая речь в наиболее полном виде представлена на телевидении в различного вида ток-шоу. Приведем в качестве примера небольшой фрагмент из телепередачи «Пусть говорят», перед нами диалог, участниками которого являются ведущий Андрей Малахов, Яна Чурикова, Игорь Матвиенко, Сергей Мазаев. Передача посвящена итогам творческой деятельности Игоря Матвиенко:

– Вот Яна Чурикова / до программы я с ней сегодня дважды встретился / первый раз в метро / она теперь объявляет ветки //

– А вы катаетесь э… по Калужско-Рижской линии? //

– Именно по этой / по Калужско-Рижской линии /да / там работаем / понимаешь /вот //

– Андрей я не думала что вас там можно встретить //

– Яна говорит / ну Игорь изменился говорит / он бросил курить / вообще /что вы еще бросили? / скажите Игорь вот / после пятидесяти пяти //

– Пока только курить / все остальное я только начинаю /вообще для мужчины после пятидесяти / э… / Сергей Владимирович не даст соврать…

– Почему?! / Дам /

– Даст / даст соврать //

– …жизнь только начинается / и это правда //

(Сегодня вечером с Андреем Малаховым. 06.06 2015. URL: http://andrey-malahov.ru/?p=3896).

Мы видим, что речевая фактура данного фрагмента весьма приближена к разговорной речи, отличаясь от нее разве что лексически, что обусловлено темой программы.

Подведем итоги нашего анализа. Какой же вывод напрашивается при обозначенном нами взгляде на эти сами по себе тривиальные и всем хорошо известные факты?

Если мы рассматриваем сферу медиаречи в ее актуальном состоянии, принимая во внимание все, что есть в данной сфере, то мы должны констатировать, что речевая медиасреда формируется на основе всех стилевых разновидностей русской речи, которые представлены в речевой практике общества в целом. Здесь представлена и собственно публицистическая речь, которая дает название публицистическому стилю, но здесь представлены и все другие стилевые разновидно-

сти русской речи: официально-деловая речь, научная, художественная и разговорная речь. С нашей точки зрения, таким образом, есть достаточно веские основания рассматривать речевую практику СМИ как принципиально разнородное речевое образование.

Основной, базовой разновидностью медиаречи является собственно публицистическая речь в ее узком понимании. В то же время СМИ в своей практике активно используют речевой опыт, накопленный в сферах науки, делового общения, бытового повседневного общения, в сфере словесного художественного творчества. Следствием этого является появление таких образцов медиаречи, которые могут быть квалифицированы скорее как представители других функциональных стилей, чем как разновидности публицистического стиля. Разумеется, функционирование в коммуникативной среде СМИ накладывает на них общий специфический отпечаток, что и дает возможность говорить о публицистическом стиле как едином целом, несмотря на существующие там стилевые разновидности. Однако черты сходства менее заметны и убедительны, чем черты отличия.

Мы считаем, что можно говорить о принципиально ином явлении, чем многообразие подстилей внутри одного функционального стиля. Мы наблюдаем в речевой практике СМИ такие разновидности русской речи, где доминируют признаки не публицистического, а других функциональных стилей.

Легко показать, что точно по такому же принципу, хотя и со своей спецификой, структурируется сфера научной речи, сфера делового общения и вообще все другие сферы деятельности общества. Структура каждого из всех наиболее объемных фрагментов речевой практики общества (наука, быт, профессиональная деятельность, идеология, искусство) повторяет структуру речевой практики общества в целом.

Предлагаемый нами принцип описания актуальной медиаречи позволяет нам соотнести структуру такого речевого объекта, как речевой массив, сформировавшийся в одной из сфер практической деятельности общества (в нашем случае это медиаречь, представленная в речевой практике СМИ) со структурами объектов принципиально иной природы, объектов, изучаемых другими, негуманитарными науками. Поскольку структура речевой практики общества в целом воспроизводится в каждом из основных фрагментов этой речевой практики, то мы имеем здесь возможность соотнести специфику организации нашего объекта (медиаречь) с категорией фрактала: «Фрактал – самоподобное множество нецелой размерности. Самоподобное множество – множество, представимое в виде объединения одинаковых непересекающихся подмножеств подобных исходному множеству» (Фрактал). Или более простое определение: «Фракталом называется структура, состоящая из частей, которые в каком-то смысле подобны целому» (Федер 1991: 19). Как сказали бы математики, при переходе от целого к его части геометрия объекта не изменяется. К природным объектам, обладающим свойствами фрактала, относят кораллы, цветы и растения (брокколи, капуста), кроны деревьев и листья растений, снежинки, облака, морозные узоры на оконных стеклах и др.

Сделанные нами наблюдения говорят о том, что есть некие общие черты, которые могут быть свойственны как объектам, изучаемым гуманитарными науками, так и объектам, изучаемым естественными науками. Что лишний раз подчеркивает единство гуманитарного и естественного знания.

Литература

1. *Виноградов В. В.* Итоги обсуждения вопросов стилистики // Вопросы языкознания. – 1955. – № 1. – С. 60–87.
2. *Добросклонская Т. Г.* Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2008. – 264 с.

3. *Кожина М. Н.* Функциональный стиль // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. – М.: Флинта, 2003. – С. 581–583.
4. *Коньков В. И.* Слово живое и мертвое (о двух коммуникативных типах речи) // Актуальные проблемы стилистики. – 2015. – № 1. – С. 36–43.
5. *Коньков В. И., Сметанина С. И.* Художественно-эстетическое изучение журналистики // Теории журналистики в России: зарождение и развитие / под ред. С. Г. Корконосенко. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2014. – С. 239–270.
6. Культура русской речи: Учебник для вузов / под ред. Л. К. Граудиной и Е. Н. Ширяева. – М.: НОРМА-ИНФРА, 1998. – С. 216.
7. *Купина М. А., Матвеева Т. В.* Стилистика современного русского языка: учебник для бакалавров. – М.: Юрайт, 2013. – С. 233.
8. О журнале «Наука и жизнь» // Портал журнала «Наука и жизнь». URL: http://www.nkj.ru/about/http://www.nkj.ru/about/.
9. *Попова Т. И.* Жанровая дифференциация, отбор языковых средств в публицистике. Речевая агрессия и речевая манипуляция в СМИ // Русский язык и культура речи: Учебник для технических вузов / под ред. В. И. Максимова, А. В. Голубевой. – М.: Высшее образование, 2006. – С. 128–129.
10. *Славкин В. В.* Креативность стандарту не помеха // МедиаТренды. – 2015. – № 1. URL: http://www.mediascope.ru/files/MediaTrends_50.pdf
11. *Солганик Г. Я.* Публицистический стиль // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. – М.: Флинта, 2003. – С. 312.
12. *Сорокин Ю. С.* К вопросу об основных понятиях стилистики // Вопросы языкознания. – 1954. – № 2. – С. 68–82.
13. *Федер Е.* Фракталы. – М.: Мир, 1991. – С. 19.
14. Фрактал // Свободная русская энциклопедия «Традиция». URL: http://traditio-ru.org/wiki/%D0%A4%D1%80%D0%B0%D0%BA%D1%82%D0%B0%D0%BB#.D0.9B.D0.B8.D1.82.D0.B5.D1.80.D0.B0.D1.82.D1.83.D1.80.D0.B0.
15. *Цыганок А.* Белодомовские мифы августа 1991 г. URL: http://www.polit.ru/article/2006/08/18/mify_1991/.

УДК 81'38.81'42

Т. В. Чернышова
(Алтайский государственный университет)

СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТЕКСТА И ВОЗМОЖНОСТИ ЕГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В ЛИНГВОЭКСПЕРТНОЙ ПРАКТИКЕ

Статья посвящена описанию общих подходов к стилистическому анализу спорного текста в ходе лингвоэкспертной деятельности, следование которым позволяет соблюсти принцип «стилистико-речевой системности» функционального стиля, реализованный в тексте. Необходимость широкого экстралингвистического описания особенностей текстов, ставших объектом судебного разбирательства, актуализировалась на рубеже эпох в связи с потребностью качественного анализа текстов как носителей документационных и информационных конфликтов, возникающих при интерпретации текстов. Потребностям лингвоэкспертного анализа на предварительном (исследовательском) этапе экспертного исследования отвечает комплексный лингвистический анализ, основу которого составляет стилистический анализ спорного текста.

Ключевые слова: текст, стилистический анализ текста, лингвистическая экспертиза, экспертная деятельность, этапы аналитической деятельности филолога-практика.

Tatiana V. Chernyshova
(Altai State University)

STYLISTIC ANALYSIS OF TEXT AND THE POSSIBILITIES OF ITS APPLICATION IN THE PRACTICE OF LINGUISTIC EXPERTISE

This article describes the general approaches for the stylistic analysis of the disputed text in the course of expert linguistic analysis, which allows to comply with the principle of "stylistic-speech coherence" of the functional style, which is implemented in the text. The need for a broad description of the non-linguistic features of texts that have been the object of judicial practice at the turn of epochs was actualized in connection with the necessity of qualitative analysis of texts as bearers of business and information conflicts, arising due to different interpretations of the text. The requirements of the expert linguistic analysis on a preliminary stage of expert research complies the complex linguistic analysis, which is based on stylistic analysis of the controversial text.

Key words: the text, stylistic analysis of the text, linguistic expertise, analytical and expert actions, stages of analytical activity linguist-expert.

Возможность использования стилистического анализа в практике производства лингвистических экспертиз спорных текстов привлекла внимание лингвистов с момента зарождения лингвоэкспертной деятельности в России (Юрислингвистика 2000; Чернышова 2000: 236–244 и др.), что вполне закономерно и обусловлено разными факторами. Назовем некоторые из них.

По замечанию М. Н. Кожиной, развитие в конце XX века коммуникативно-функциональных направлений в языкознании способствовало тому, что текст начал рассматриваться лингвистами «как единица общения, обладающая относительной смысловой завершенностью, предназначенная для передачи целей и интенций (замысла) в процессе общения коммуникантов…» (Кожина 2002: 18). Такой подход, по замечанию исследователя, предполагал выход за пределы отдельного высказывания в целый текст, что сопряжено «с качественно иным подходом к тексту, когда интралингвистического контекста (как и одних языковых знаний) недостаточно для объяснения многих изучаемых сторон изучаемого феномена, когда необходим выход в широкий экстралингвистический контекст» (Кожина 2002: 20–21). Данный подход к изучению текста стал возможен в русле функциональной стилистики текста, которая «… исследует целые тексты и их стилевую типологию…, анализирует их в единстве поверхностной и содержательно-коммуникативной сторон текста, причем в широком экстралингвистическом (социокультурном) аспекте …он <текст> исследуется не только как собственно языковая единица (интралингвистический аспект), но и как коммуникативная единица, как единица общения» (Кожина 2002: 21), для осмысления которой уже недостаточно только лингвистических знаний, но необходим учет «широкого социокультурного контекста, в котором протекает познавательно-коммуникативная деятельность…» (Кожина 2002: 22).

Необходимость широкого экстралингвистического описания текстов, ставших объектом судебного разбирательства, актуализировалась на рубеже эпох в связи с потребностью качественного анализа текстов как носителей документационных и информационных споров, возникающих при различной интерпретации одних и тех же текстов разными субъектами (Чернышова 2015: 315–318).

По замечанию С. Гайды, «…современная стилистика поставлена… не только перед сменяющейся языковой действительностью, но также и перед богатством познавательно-символических структур, относящихся к ней и ее обустраивающих. Они создаются в науке (в лингвистике и других дисциплинах) и вне ее. И стилистика должна считаться со сложностью предмета, а также с эпистемологическим плюрализмом» (Гайда 2015: 18). Таким сложным предметом, требующим новых подходов со стороны стилистики, является, на наш взгляд, лингвоэкспертная деятельность филолога-практика, направленная на анализ спорного текста с целью ответа на интересующие судебно-следственные органы вопросы и создания вторичного текста (текста экспертного заключения) на базе исходного.

Новая предметная область потребовала от филолога и нового вида прикладной деятельности, которая получила название «аналитико-экспертной»[1]. Данный вид деятельности состоит в умении не только редактировать, реферировать все известные типы текстов, но и создавать новый вид текстов в рамках лингвоэкспертной деятельности, востребованной, начиная с 90-х гг. прошло-

[1] Термин «аналитико-экспертная деятельность» применительно к деятельности выпускника-филолога был впервые употреблен А. А. Чувакиным в связи с описанием профильных компетенций бакалавров, обучающихся по специальности «Прикладная филология». Среди этих компетенций наряду с представлением о возможностях практического (прикладного) применения фундаментальных филологических знаний и вспомогательных филологических методик в различных сферах гуманитарной деятельности, СМИ, культуры и т. п. есть и такая: «владение методами и приемами решения практических задач в основных сферах филологической деятельности (аналитико-экспертной, редакторской, информационно-издательской, литературно-критической, литературно-творческой и др.)» (Чувакин 2009: 50–54).

го века, в российской судебно-следственной и досудебной практике. Речь идет о текстах лингвистических экспертиз и лингвистических исследований специалистов, представляющих собой особый вид вторичных текстов, создаваемых на базе глубокого анализа спорного (конфликтного) текста и имеющего целью дать квалифицированные ответы на вопросы о возможности оценки анализируемого текста как речевого правонарушения. От качества лингвистического анализа, проведенного на первом этапе, – то есть от профессионально осуществленной аналитико-экспертной деятельности филолога – зависит и качество будущего экспертного заключения, и соответствие ответов эксперта поставленным перед ним вопросам.

В наиболее общем виде аналитико-экспертная деятельность в процессе деятельности лингвоэкспертной включает в себя, как минимум, два этапа: 1) анализ исходного текста с учетом его **коммуникативной** и **стилистической** специфики; 2) оценку исходного текста по результатам проведенного исследования на основе использования методов и приемов лингвистического анализа, разработанных в филологии (Чернышова 2012: 316).

1. **Стилистический анализ исходного (спорного) текста** с учетом его коммуникативной и стилистической специфики[2] (Кожина 2002: 11–12), а также специфики собственно лингвистической (структура речи, количество участников, стилистическая принадлежность, индивидуальная манера, абзацное членение и т. п.) (Солганик 2001: 3–4) оказался весьма востребованным в ходе лингвоэкспертной деятельности в силу его гибкой «разнофункциональности» (В. В. Одинцов). Причина этого кроется в необходимости учета в ходе экспертной оценки текста его стилеобразующих факторов, с одной стороны, обусловленных экстралингвистическими особенностями спорного текста (сферой функционирования, видом общественной деятельности, формой общественного сознания, типом мышления и др.) (М. Н. Кожина), а с другой – обусловливающих правила и нормы его функционирования в той или иной ситуации общения.

На наш взгляд, именно разнофункциональность применения стилистического анализа обусловила его широкие возможности в лингвоэкспертной практике: по замечанию В. В. Одинцова, в аспекте стилистики языка он должен ответить на вопрос – **из чего сделан текст**, в аспекте стилистики речи – **как сделан текст**. Таким образом, в предлагаемых аспектах неизбежно встает вопрос о функциях и функционировании языковых средств текста с учетом выражаемого содержания и целевой установки. Наконец, полное понимание текста предполагает понимание того, «почему в данном случае употреблено именно такое слово, именно такой оборот или синтаксическая конструкция, а не другая; почему для выражения данной мысли в данных условиях необходимы именно эти языковые средства, именно такая их организация» (Одинцов 1980: 35–37).

Завершая стилистический анализ текста в исследовательской части заключения, эксперт должен найти мотивированный ответ на следующий вопрос: какое из содержащихся в спорном тексте слов и оборотов (экспрессивно или функционально маркированных) **является не конвенциональным (лишним) для данного типа дискурса** (учет ситуации) и, следовательно, негативно воспринимается не только субъектом речи, но и адресатом?

[2] По мнению М. Н. Кожиной, «стилистико-типологические особенности (которые в определенной степени присутствуют и в каждом отдельном тексте) обусловлены не только содержанием, а в конечном счете – определенным денотатом и референтной ситуацией (события, факты, положения дел), но и особенностями коммуникативного акта в данной сфере (особого рода диалогичностью при взаимодействии партнеров), а также отражением своеобразия в ней когнитивного аспекта текстообразования» (Кожина 2002: 9).

Таблица 1.

Аспекты стилистического анализа спорного текста

Стилистический анализ текста (аспекты, уровни, цель)
• Из чего сделан текст? • Как сделан текст? • Почему для выражения данной мысли в данных условиях необходимы именно эти языковые средства, именно такая их организация? • **Какое из этих слов и оборотов является лишним для выражения данной мысли в данных условиях (учет ситуации) и, следовательно, негативно воспринимается не только субъектом речи, но и адресатом?**
Цель: описание коммуникативной и стилистической природы спорного текста (подготовительный этап, проводимый обычно в исследовательской части экспертного заключения)

Очевидно, что представленное выше описание – это характеристика общих подходов к стилистическому анализу спорного текста в рамках аналитико-экспертной деятельности филолога-практика, следование которым, на наш взгляд, позволяет соблюсти принцип «стилистико-речевой системности» спорного текста, под которой понимается «взаимосвязь на текстовой плоскости разноуровневых языковых единиц (включая текстовые) и их значений, обусловленная экстралингвистической основой соответствующей речевой разновидности и общим коммуникативным заданием (целью), взаимосвязь, создающая и выражающая стилевую специфику данной группы текстов, по сравнению с другой, и обладающая общей стилевой чертой (или их комплексом)» (Кожина 2002а: 7).

Методическим инструментарием такого стилистического описания может быть **комплексный лингвостилистический анализ** как «совокупность различных приемов анализа текста (и его языковых средств), с помощью которых в стилистике формируются знания о закономерностях функционирования языка в различных сферах общения; способы теоретического освоения наблюдаемого и выявленного в процессе исследования» (Данилевская 2003). В основе такого комплексного лингвостилистического исследования – приемы смыслового анализа, направленного на полное и глубокое понимание основной мысли речевого произведения (В. В. Одинцов, М. Я. Дымарский, Л. А. Черняховская и др.) и осуществляемое с их помощью выделение из текста логико-фактологических цепочек; прием интерпретации смысла и толкования значений фраз текста (Т. М. Дридзе); приемы свертывания, перефразирования (Л. Н. Мурзин, А. С. Штерн), с помощью которых выявлялась логика авторского рассуждения и намерения автора текста; приемы концептуального анализа текста, направленного на выявление наиболее важных для автора речевого произведения понятий, актуализируемых в тексте высказывания, и возможностей их интерпретации с учетом интра- и экстралингвистического контекста (Чернышова 2009: 154–195); приемы лингвостилистического анализа, направленные на выяснение контекстуального значения языковых единиц, используемых в тексте речевого произведения, и их стилистической функции; структурно-логический анализ текста, помогающий определить главную мысль текста (основной тезис) и поддерживающих ее аргументов; приемы жанрового анализа текста и др.

Проиллюстрируем методику стилистического анализа текста на примере статьи «Кемеровский проект «Открытый город» оказался в центре скандала» (далее – спорный текст) (Газета Кемерова).

Являющийся **объектом** лингвоэкспертного исследования текст написан в информационном жанре, точнее – в жанре расширенной информации. Информационные жанры отличаются особыми методами и приемами передачи информации, состоящими в кратком повествовании о реаль-

ных фактах в контексте реального времени. В центре публикации – социально значимое событие (факт). Факты являются основой информации и должны обладать следующими свойствами: достоверностью, свежестью, правдивостью, общественной значимостью (социальной оценочностью). Из фактов компонуется информация.

На основе структурно-логического анализа была выявлена структурная и смысловая организация спорного текста. В предложенном для анализа тексте «Кемеровский проект «Открытый город» оказался в центре скандала» центром публикации также является свершившееся событие. Это событие обозначено в первой смысловой части текста и составляет его смысловой центр: «**Письма** от имени кемеровского проекта «Открытый город» **получил в начале июня целый ряд высокопоставленных кузбасских чиновников, а также представителей бизнес-сообщества.** В письмах, в частности, говорится **о необходимости финансирования развития проекта**, а адресатам предлагается поучаствовать в этом финансировании»[3]. По мысли авторов текста, это событие способствовало тому, что кемеровский интернет-проект «Открытый город» оказался «в центре **скандала**» (тема «скандала» вводится при помощи соответствующего заголовка публикации).

Факт получения писем фиксируется в тексте еще дважды в следующих фрагментах текста, что свидетельствует о его важности в композиционной и структурно-логической организации текста:

1) «В частности, **получение подобного письма** подтвердил «Газете Кемерова» заместитель губернатора Кемеровской области по вопросам ЖКХ…»;

2) в цитате из речи заместителя губернатора, содержащей утверждение этого факта и выражающей проекту и его руководителю отрицательную оценку: «**Да, получил** – и выкинул в мусорный ящик. А У<…>в – это настоящий аферист…».

Вторым ключевым понятием (тезисом), организующим текст и предопределяющим его структуру, является словосочетание «настоящий аферист», содержащееся в высказывании заместителя губернатора: «А У<…>в – это **настоящий аферист**, стремящийся сделать себе какое-то имя с помощью публикации совершенно недостоверных и непроверенных данных. Репутацию в этом смысле он себе уже заработал, и есть все основания подать на него в суд за клевету…». Далее структура текста представляет собой несколько комментариев, развивающих два указанных выше смысловых центра (тезиса) текста.

Комментарий является отличительным признаком расширенной информации и определяется исследователями как широкое разъяснение факта, толкование его непонятных или не конкретизированных сторон. Он может представлять собой пространное разъяснение факта различными специалистами, компетентными в этой области, журналистами, разъясняющими текст по ходу высказывания (Кенжегулова URL). Подбор комментаторов осуществляется автором публикации в зависимости от **коммуникативных целей**, т. е. от того эффекта, на который рассчитывает автор. В спорном тексте в качестве комментаторов выступают заместитель губернатора Кемеровской области по вопросам ЖКХ; председатель регионального штаба ОНФ; политолог и «известный кузбасский блогер». В качестве комментария в спорном тексте используется и ссылка на размещение организатором проекта на сайте «Открытый город» материала, «посвященного данной ситуации».

Только три первых комментария напрямую связаны с фактом рассылки писем: заместитель губернатора Кемеровской области по вопросам ЖКХ утверждает, что письма он получил; организатор проекта утверждает, что «никаких писем с предложениями профинансировать свой проект он не посылал», потому что «проект в деньгах не нуждается»; председатель ОНФ, членом кузбасского отделения которого является организатор проекта, положительно отзывается о деятельности «активистов фронта» в целом и констатирует, что «…ситуация, разумеется, требует расследования». Два других комментария связаны с фактом получения писем опосредованно и по смыслу соотносятся

[3] Здесь и далее в кавычках приводятся фрагменты анализируемой статьи.

со словосочетанием «настоящий аферист», содержащимся в комментарии заместителя губернатора Кемеровской области по вопросам ЖКХ.

Семантика слова «аферист» представлена во всех современных словарях (Академик URL). Совокупное значение его – «занимающийся аферами, недобросовестный делец». Два последних комментария поддерживают эту негативную оценку. Так, политолог говорит о существующей мировой практике, когда создателем информационного ресурса является «правдоруб», который сначала завоевывает «лояльность аудитории», а затем «монетизирует процесс». По его утверждению, «далее вероятны две схемы: в первом случае деньги берутся «за молчание», во втором – чтобы дискредитировать политиков и бизнесменов, заказанных заинтересованной стороной. **Возможен и третий вариант – организовать скандал для собственной раскрутки** и выставить себя в образе пострадавшего за правду». Данный комментарий ассоциативно связан и с первым тезисом – рассылкой писем, поскольку иллюстрирует только негативные с точки зрения социума последствия создания подобного информационного ресурса.

Другой комментатор – «известный кузбасский блогер» – предлагает судить о деятельности автора проекта «по косвенным уликам»: «Если человек, не замеченный в бизнес-свершениях и больших чинах, ведет жизнь на широкую ногу, ездит в дорогих авто и летает первым классом – ну, тогда, скорее всего, правда. Кемерово город маленький, рано или поздно само выяснится».

Таким образом, в первом комментарии (заместителя губернатора) утверждается, что автор проекта «аферист», недобросовестный «делец», способный ради денег на любые аферы, т. е. «рискованные мошеннические дела, сомнительные сделки с целью наживы» (Современный толковый словарь русского языка 2001: 28); два заключительных комментария не отрицают того, что обвинения в адрес «Открытого города», скорее всего, справедливы.

Использование в аналитической (исследовательской части) экспертного заключения комплексного лингвистического анализа, в основе которого лежит стилистический анализ текста, включающий приемы смыслового, интерпретационного и концептуального анализа, позволяет на первом этапе выявить структурно-смысловую и интерпретационную составляющие текста, а затем, при оценке текста и ответе на вопросы, определить, какой из использованных для выражения авторского коммуникативного замысла речевых оборотов является «лишним» для выражения данной мысли в данных дискурсивных условиях и, следовательно, формирует негативное отношение читателя к автору проекта «Открытый город».

2. **Стилистические аспекты** текста в ходе аналитико-экспертной деятельности филолога-практика оказываются актуальными и на втором этапе – этапе создания текста лингвоэкспертного исследования, цель которого – оценка исходного текста и ответы на вопросы. Объектом общей стилистической оценки в данном случае выступают оценочные языко-стилевые средства, отобранные для выражения авторской мысли, которые могут негативно характеризовать деловые и человеческие качества субъекта публикации и способствовать формированию негативного к нему отношения у жителей города. В поле зрения эксперта попадают стилистическая окраска языковых единиц, степень их экспрессивности, узуальная нормативность, уместность и допустимость в рамках определенного типа дискурса и т. п.

Например, в анализируемом тексте отрицательная оценка личных и деловых качеств субъекта речи содержится в следующем фрагменте текста: « А У<…>в – это настоящий аферист, стремящийся сделать себе какое-то имя с помощью публикации совершенно недостоверных и непроверенных данных». Языковыми показателями оценочных суждений в современных медиатекстах являются такие стилистические средства языка, как эпитеты, градация (нанизывание эпитетов для усиления эмоционального воздействия), метафорические переносы, ирония, сравнительные конструкции, риторические вопросы, повторы и т. п. Наиболее распространенным средством выражения оценки является стилистически окрашенная лексика и фразеология, часто выходящая за

пределы литературного языка (разговорно-просторечная, вульгарная, жаргонная и пр.), имеющая в словарях русского языка оценочные пометы «презрительное», «пренебрежительное», «бранное» и под.

В анализируемом тексте, например, негативно-оценочным потенциалом обладает разговорное слово «аферист» (недобросовестный «делец», способный ради денег на любые аферы, т. е. «рискованные мошеннические дела, сомнительные сделки с целью наживы»). Данная лексема содержится в комментарии заместителя губернатора, расположенном в начале текста. Комментарий ассоциативно связан с первой смысловой частью текста, содержащей информацию о рассылке писем от имени кемеровского проекта «Открытый город», и составляет его смысловой центр. Вывод, к которому авторы статьи подводят читателей «Газеты Кемерова», следующий: рассылка писем от имени кемеровского интернет-проекта «Открытый город» и предложение его руководителя поучаствовать в финансировании проекта – это **афера**, то есть «рискованные мошеннические дела, сомнительные сделки с целью наживы», а руководитель проекта «… это **настоящий аферист**, стремящийся сделать себе какое-то имя с помощью публикации совершенно недостоверных и непроверенных данных».

Общий стилистический анализ высказывания (с учетом словарных помет) и его исследование в контексте всей публикации позволяет уточнить коммуникативное задание автора и планируемый дискредитирующий эффект. Автор проекта «Открытый город», с одной стороны, характеризуется как недобросовестный делец, которому нельзя доверять (аферист), а с другой – подтверждается факт нечестности его намерений по созданию сайта («настоящий аферист, **стремящийся сделать себе какое-то имя с** помощью публикации совершенно недостоверных и непроверенных данных»), о которой читатель узнает из комментария политолога: «Возможен и третий вариант – **организовать скандал для собственной раскрутки** и выставить себя в образе пострадавшего за правду».

Подводя итог, можно сказать, что стилистический анализ текста, рассматривающий его «как целостное коммуникативно-смысловое образование, рассчитанное на интерпретацию, т. е. реализующее замысел автора и обладающее специфичной стилистико-текстовой организацией, обусловленной экстралингвистической основой текста» (Кожина 2002: 32), в силу своей гибкой «разнофункциональности» (В. В. Одинцов) оказывается в центре лингвоэкспертной деятельности филолога-практика, поскольку позволяет через его смысловую, логико-фактологическую, интерпретационную и стилистическую составляющие описать коммуникативно-стилистические особенности спорного текста и дать им непротиворечивую оценку, решив при этом и лингвоэкспертные задачи.

Литература

1. «Кемеровский проект «Открытый город» оказался в центре скандала» // Газета Кемерова. URL: http://gazeta.a42.ru/lenta/show/kemerovskiy-proekt-otkryityiy-gorod-okazalsya-v-tsentre-skandala.html.
2. Аферист // Академик. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/741962.
3. *Гайда С.* Актуальные задачи стилистики // Актуальные проблемы стилистики. – 2015. – № 1. – С. 11–22.
4. *Данилевская Н. В.* Методы лингвостилистического анализа // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожиной. – М., 2003. URL: http://enc-dic.com/stylistic/Metod-lingvostilisticheskogo-analiza-213/.
5. *Кенжегулова Н.* Информационные жанры журналистики // Массовая коммуникация. URL: http://www.unesco.kz/massmedia/pages/4_1.htm#top.

6. *Кожина М. Н.* Целый текст как объект стилистики текста // Речеведение и функциональная стилистика: вопросы теории. Избр. труды. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2002. – С. 16–35.
7. *Кожина М. Н.* Интерпретация текста в функционально-речевом аспекте // Речеведение и функциональная стилистика: вопросы теории. Избранные труды. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2002а. – С. 6–16.
8. *Одинцов В. В.* Стилистика текста. – М.: ЛКИ, 2007. – 264с.
9. *Солганик Г. Я.* Стилистика текста. – М.: Флинта: Наука, 2001. – 256 с.
10. *Чернышова Т. В.* Стилистический анализ как основа лингвистической экспертизы конфликтного текста // Юрислингвистика-2: русский язык в его естественном и юридическом бытии: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Н. Д. Голева. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000. – С. 236–244.
11. *Чернышова Т. В.* Тексты СМИ в ментально-языковом пространстве современной России: монография. – М.: Либроком, 2009. – 296 с.
12. *Чернышова Т. В.* Аналитико-экспертная деятельность: аспекты подготовки филолога-практика // Коммуникативистика в современном мире: эффективность и оптимизация речевого взаимодействия в социуме: материалы Третьей международной научной конференции (Барнаул, 24–29 апреля 2012 г.) / под ред. Н. В. Панченко, Т. В. Чернышовой, А. А. Чувакина. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2012. – С. 315–318.
13. *Чернышова Т. В.* Судебная лингвистическая экспертиза: аналитико-экспертная деятельность филолога-практика (Примерная программа профессиональной переподготовки педагогических работников общеобразовательных организаций) // Филология и человек. – 2015. – №2. – С. 176–182.
14. *Чувакин А. А.* Примерная основная образовательная программа «Прикладная филология» // Информационный бюллетень Совета по филологии Учебно-методического объединения по классическому университетскому образованию. Великий Новгород. – 2010. – № 12. – С. 50–54.
15. Юрислингвистика-2: русский язык в его естественном и юридическом бытии: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Н. Д. Голева. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000. – 273 с.

УДК 81’33

Iwona Loewe
(Uniwersytet Śląski, Polska)

TELEWIZYJNY SERWIS WIADOMOŚCI JAKO PRZYKŁAD GLOKALIZACJI

Artykuł poddaje badaniu serwisy informacyjne z lat 1984, 1985, 2001, 2013 i 2014 emitowane w polskiej telewizji jako „Dziennik Telewizyjny”, „Wiadomości”, „Wydarzenia”, „Fakty” i „Panorama”. Porównując ze sobą w czasie procentowe zależności, dostrzegalny jest spadek udziału programów informacyjnych w ramówce telewizyjnej. W roku 1978 same programy informacyjne wynosiły aż 20,6%, nie łącząc się przy tym z programami publicystycznymi, jak współcześnie. Dzisiejsza ramówka programów ogólnokrajowych przeznacza średnio 15%.

Poczynione obserwacje pozwalają na następujące wnioski. Maleje liczba informacji w danym programie: od 22 w „Dzienniku Telewizyjnym” do nawet 5 w „Faktach” w porównywalnym czasie antenowym. Informacji światowych ciągle było i jest mniej niż krajowych. Upływ czasu pokazuje, że sfera lokalności uległa istotnej zmianie. Lokalność „Dziennika Telewizyjnego” oznaczała wiadomości o Polsce, obecne w serwisie pod postacią ważnych miast i bloku krajów demokracji ludowej, pozostała część świata, zachodnia była nieobecna, bo imperialistyczna. Lokalność dziś to powiat, miasteczko. Na tym poziomie lokalność podtrzymują: humor prezentera, zwroty adresatywne prezentera wobec reporterów, personalne upodobania i werbalizowanie wartości przez prezentera.

Podsumowanie pozwala potwierdzić, że serwis jest globalny na poziomie gatunku, jest bowiem powtarzalny w schemacie: ikoniczność, kolorystyka, estetyka. Serwis jest jednak zawsze lokalny w treści i stylu, czyli na poziomie tekstu. O serwisie można zatem rzec, że spełnia kryterium zjawiska glokalnego.

Słowa kluczowe: gatunek globalny, dywergencja mediów, personalizacja, „Dziennik Telewizyjny”.

Ивона Леве
(Силезский университет, Польша)

ТЕЛЕВИЗИОННЫЕ НОВОСТИ КАК ПРИМЕР ГЛОКАЛИЗАЦИИ

В настоящей статье проанализированы польские информационные программы „Dziennik Telewizyjny”, „Wiadomości”, „Wydarzenia”, „Fakty” и „Panorama” за 1984, 1985, 2001, 2013 и 2014 гг.

Как показал анализ, наблюдается снижение доли информационных программ на отдельных телеканалах. В 1978 году одни информационные программы составляли 20,6% (без учета публицистики) всего экранного времени. Ныне доля информационных программ в общем экранном времени центральных каналов составляет в среднем 15%.

Уменьшается количество сообщений в отдельных выпусках новостей: с 22 в программе „Dziennik Telewizyjny" до 5 в программе „Fakty" при практически том же экранном времени. Мировых новостей было еще меньше, чем отечественных.

Существенно изменилась сфера локальности. Локальность программы „Dziennik Telewizyjny" обозначала новости о Польше, а точнее, новости из больших городов и соцстран. Остальная часть мира, т. е. западная, отсутствовала.

Локальность сегодня – это село, городок. На этом уровне локальность составляют: юмор модератора, обращения модератора к репортерам, личные интересы модератора и вербализованные им ценности.

Сказанное позволяет заключить, что информационная программа глобальна на уровне жанра, так как повторяема в схеме: иконичность, колористика, эстетика. Информационная программа всегда локальна относительно содержания и стиля, т. е. на уровне текста. Итак, можно констатировать, что выпуск новостей отвечает критериям глокального явления.

Ключевые слова: глобальный жанр, дивергенция, персонализация, „Dziennik Telewizyjny".

Iwona Loewe
(University of Silesia, Poland)

TV NEWS PROGRAMME AS AN EXAMPLE OF GLOCALIZATION

In the article the author examines Polish TV news programmes *Dziennik Telewizyjny*, *Wiadomości*, *Wydarzenia*, *Fakty* and *Panorama* broadcasted in the years 1984, 1985, 2001, 2013 and 2014. The longitudinal analysis of television programming shows that the news programmes constitute a sizeably smaller (in terms of percentage) part of the programming. In 1978 news programmes constituted 20.6% of the programming, despite the fact that feature programmes were not an inherent part of the news programmes as it happens nowadays. National TV channels allot 15% of their current programming for the news.

The observations made point to the following conclusions: 1) The number of news items per programme is decreasing (from 22 in *Dziennik Telewizyjny* to as little as 5 in *Fakty*, though both programmes have similar broadcast length); 2) There were and there still are less items concerning foreign news in comparison with the national news; 3) The sphere of locality has changed significantly in time: the locality of *Dziennik Telewizyjny* referred to the news from Poland and was present in the programme by mentioning important cities and the Eastern Bloc (the rest of the world, i.e. the West, was absent in the programmes as it was "imperialistic"); locality nowadays, on the other hand, refers to small towns, districts, etc., and is preserved mainly by means of presenter's humour, addressative forms directed at the reporters, personal preferences and values verbalized by the presenter.

The conclusions confirm that a news programme is global on the level of genre, as it is repetitive in term of iconicity, colouring and aesthetics, nevertheless local in terms of the content and style, i.e. on the level of text. One may therefore claim that a news programme is a *glocal* phenomenon.

Key words: global genre, personalisation, dyvergention.

Historia

Serwis jako program powstał w radiu jako chronologicznie pierwszym medium.

Telewizyjny serwis wiadomości pochodzi zza Atlantyku – za pierwszą emisje uznaje się **„Meet the Press"** (fot.1) z 1947 roku w nowojorskiej stacji WNBC. Brytyjski, czyli europejski rodowód to oczywiście BBC, która kierowała się od zawsze ideą nadawcy publicznego. Za pierwszy brytyjski serwis uznać należy magazyn z roku 1954 pt**. „News and Newsreel"** (fot.2) (za Godzic 2004: 30-37). Zasadą tego serwisu było: „prezentowanie głównie wiadomości międzynarodowych, dominujące były z USA". Potem: „ważne wydarzenia w literaturze, sztuce, nauce i innych obszarach wiedzy; działalność rodziny królewskiej (…) nastawienie na unikanie relacji ze zdarzeń kryminalnych i wypadków, a także brak historii humorystycznych i lżejszego kalibru, i nieobecność koloryzujących określeń" (za Godzic 2004: 35; McQueen 1998: 93).

Stacja dbała o obiektywność przekazu tak mocno, że nie pokazywała twarzy prezentera, obawiając się, że mogłoby to wprowadzić niepotrzebne szumy informacyjne w umysłach telewidzów. Pokazała prezentera wtedy, gdy pojawiła się stacja komercyjna ITI.

W Polsce pierwszym serwisem były **„Wiadomości Dnia"** emitowane od 1956 roku, zastąpione od 1 stycznia 1958 roku przez „Dziennik Telewizyjny" (fot. 3,4). Na początku lat 60. „Dziennik Telewizyjny" ukazywał się codziennie i trwał od 20-30 minut, prócz krótszej, wieczornej edycji (od 5 – 10 minut) i tej niedzielnej (45 minut), która była kalejdoskopem wydarzeń z minionego tygodnia. Akces poszczególnych typów programów nadawanych w listopadzie 1978 r. w telewizji polskiej wyglądał następująco (Kozieł 2003: 127):

Typ programu	Minuty	Procent w całości ramówki
Filmy fabularne, dokumentalne i seriale	12005	29,9
Dzienniki	**8260**	**20,6**
Pr. oświatowe	2909	7,2
Publicystyka kulturalna	1770	4,4
Programy dziecięco-młodzieżowe	1540	3,8

Porównując ze sobą w czasie procentowe zależności, dostrzegalny jest spadek udziału programów informacyjnych w ramówce telewizyjnej. W roku 1978 same programy informacyjne wynosiły aż 20,6%, nie łącząc się przy tym z programami publicystycznymi, jak współcześnie. Dzisiejsza ramówka programów ogólnokrajowych przeznacza średnio 15% na emisje tego typu, jednakże ranga programów informacyjnych jest wciąż wysoka. Ale formalnie najniższa z możliwych, por.

„W każdym ze swoich programów ogólnokrajowych telewizja publiczna przeznacza średnio: co najmniej 15% czasu antenowego na gatunki informacyjne i publicystyczne, 10% – na edukacyjne, 10% – na kulturalne i artystyczne oraz 15% na pozycje adresowane do rodziny, dzieci i młodzieży. Przyjęła także na siebie obowiązek wspierania rodzimego zaplecza, intelektualnego i artystycznego oraz rozwoju krajowej twórczości audiowizualnej" (Bajka 2000: 98).

Najlepszym studium na temat serwisów informacyjnych jest przeglądowy artykuł Agnieszki Mac zamieszczony w „Stylistyce" z 2011 roku. Autorka omówiła tak pierwsze spostrzeżenia badawcze na ten temat (Tetelowska 1966), jak i ostatnie (Pisarek 2008; Uszyński 2008). Ponadto wydobyła z lektur spojrzenie na serwis z punktu widzenia nadawcy instytucjonalnego (Mrozowski 2001) oraz odbiorcy tych tekstów (Pisarek 2008). Okazuje się z tego przeglądu, że proponowany porządek nadawczy nie idzie w parze z oczekiwaniami odbiorców, stąd we współczesnych polskich programach widoczne sposoby poszukiwania kompromisów.

W skład magazynu informacyjnego od początku wchodziły wiadomości różnotematyczne, sportowe i prognoza pogody. Medioznawcy i językoznawcy potwierdzają zgodnie, że serwis jest wizytówką stacji telewizyjnej (Gwóźdź 1990). Ponadto, „Realizuje podstawowe zadanie mediów, jakim jest informowanie o aktualnych wydarzeniach. Rodzaj ten zakłada istnienie obiektywnego świata zjawisk, postaci, sądów, przedmiotów, o których należy powiadomić szybko" (Furman, Kaliszewski, Wolny-Zmorzyński 2006: 27).

Wiesław Godzic dodaje, że to jeden z czterech podstawowych gatunków telewizyjnych obok talk-show, telenoweli i teleturnieju (por.

Godzic 2004). Uszyński nadto dodaje, że w serwisie telewizyjnym większą rolę odgrywają skojarzenia, mniejszą zaś logiczna analiza (Uszyński 2008).

Twierdzenie, że „Podmiot pełni w tym rodzaju funkcję służebną, jest ukryty, bezstronny, obowiązuje go rzeczowość i skrajny obiektywizm" jest dzisiaj wątpliwe. Publiczność ma poczucie, iż wiadomości w serwisie **naznaczone są piętnem podmiotu**. Są zatem prezentowane z pewnej perspektywy i pewnego punktu widzenia dla projektowanego audytorium. Naukowe poglądy ponadto przekonują, że wszak etap wyboru tematów do serwisu jest już naznaczony piętnem nadawcy instytucjonalnego, czasem nawet spersonalizowanego prezentera.

Praktyka

Z brytyjskiej tradycji wywodzi się 6 zasad konstruowania serwisów wiadomości: **personalizacja** (to rodzaj parte pro totum – nie prezentuje się schematów działania, ale przykłady ich występowania),

nastawienie na wydarzenia negatywne (dobór wiadomości do serwisu ma polegać na tym, co w istocie się zdarzyło albo pomóc odbiorcy uczestniczyć w życiu społecznym, czyli angażować jego emocje,

lokalność/globalizacja (grupowanie wiadomości pod kątem ich ważności dla danego kręgu kulturowego),

czas (chodzi o zdarzenie z danego dnia, kiedyś potrzebowano kilkunastu godzin od wydarzenia do emisji, dziś najwyżej trzech),

obrazowy charakter wiadomości (to ich zasadnicza przewaga nad radiowymi, zdjęć i obrazów się nie interpretuje, ale przyswaja, a zatem możliwość podawania informacji i opinii wzrasta o jeden potężny kod),

prostota (telewizja nastawiona jest na reakcje – nie na śledzenie i dociekanie, tu najlepsza jest prasa).

Warto skomentować etykiety dwóch parametrów. „Nastawienie na wydarzenia negatywne" jest jak na etykietę zdecydowanie zbyt sugestywne. Oto przecież angażowanie emocji widza i sprawozdawczość można uzyskiwać nie tylko poprzez prezentację negatywnych zdarzeń. Robi się to coraz częściej, bo to jest po prostu najłatwiejsze. Jednak czy nadawcy bardziej ambitni, czy stacje bardziej ambitne mogą sobie radzić z emocjami widza na parę innych sposobów. Lepiej określał to Pisarek, mówiąc, że widza zainteresuje to, co konfliktowe, w przeciwieństwie do tego, co zgodne" (Pisarek 2008: 369). Podobnie niefortunna jest etykieta „Prostota'. Wydaje się tu lepsze określenie homogenizacja i symplifikacja złożonych historii do prostych schematów. Jak przekonywał Pisarek, to „cechy zdarzeń, osób i przedmiotów opisywanych w (…) wypowiedziach" wpływają na zainteresowanie nimi widza, nie zaś tematyka (Pisarek 2008: 369).

Definicje

O serwisie wiadomości powiedziano już wiele w publikacjach socjologicznych, medioznawczych i kulturologicznych. Ja sama pisałam już, że z genologicznego punktu widzenia jest gatunkiem globalnym w formie kolekcji (Loewe 2012, 2014). Globalność gatunku określałam tak: „gatunek wytwarzany w zglobalizowanej części współczesnego świata(…) tam też jest rozpoznawany i spełnia te same funkcje. Staje się nim zwłaszcza za pośrednictwem mediów. (…) Istnieniu tych gatunków sprzyjają podobne procedury gospodarcze, polityczne, ekonomiczne i społeczne. Nie każdy gatunek telewizyjny jest gatunkiem globalnym, choć telewizję posądza się o imperializm kulturowy" (Loewe 2012: 192).

Ryzykownie zatem postawiłam temat swoich analiz. Spróbuje go wyjaśnić. Globalność badanego przedmiotu jest w gatunku i dyskursie, w stylu i tekście ma on znamiona glokalizacji. Z cytatu powyższego wiadomo już, dlaczego serwis rozumiem jako globalny. A oto pozostałe cechy gatunku: jest widowiskiem telewizyjnym emitowanym o stałej porze i odstępie nadawania zawierającym krótkie informacje o bieżących wydarzeniach. Jest wyraźnie wyodrębniany ze strumienia programowego (ale to cecha każdego gatunku telewizyjnego). Czas trwania wynosi między 7 a 30 minut, nawet w mediach komercyjnych nieprzerywany reklamami. Dominująca jest funkcja informacyjna (por. Wosik 2012). Dodam też, ze serwis pełni funkcję identyfikacyjną stacji. Gatunki w formie kolekcji tworzą „całość (…) z różnorodnych gatunków trwale współwystępujących i ma(ją) kompozycyjne (strukturalne) oraz funkcjonalne zwieńczenie. Zwieńczenie strukturalne oznacza

przede wszystkim występowanie wyrazistej ramy tekstowej oraz określonej zasady kompozycyjnej" (Wojtak 2011:45). W serwisie są zestawiane informacje (jako najmniejsza cząstka wiadomości dziennikarskiej), infografiki, relacje, sondy, komentarze. Nie mają one żadnej wspólnej linii tematycznej, łączy je strukturalnie i kompozycyjnie osoba prezentera, jego fatycznie nastawione wypowiedzi wprowadzające kolejne kwanty informacji oraz odczytywane informacje. Jego rolą ponad funkcję spójnościową jest także funkcja delimitacyjna. Prezenter związany jest z dynamiczną planszą ikoniczno-akustyczną otwierającą serwis i zamykającą go za pomocą klamry. W bezpośrednim sąsiedztwie czasowym wobec planszy sytuuje się prezenter – na początku wprowadzając widza poprzez 3 headline newsy w program oraz zapowiadając kolejny program informacyjny stacji na zakończenie serwisu.

Materiał i jego analizy

Poddajmy oglądowi badawczemu materiał złożony z archiwalnych nagrań serwisów informacyjnych mniej (2013 rok) lub bardziej odległych (1984 rok) od czasu przygotowywania tego opracowania. Sprawdźmy głównie tematykę wyemitowanych wiadomości, liczbę faktów.

„Dziennik Telewizyjny" z 09.04.1984 r. (fot. 4)

W ramach wydania zostały przedstawione 24 informacje. Tematyka była w przeważającym stopniu polityczna – od odwiedzin delegacji angolskiej Republiki Ludowej w Polsce, poprzez rozmowy zespołów politycznych międzynarodowych, obrady w sejmie polskim i obrady Polskiej Zjednoczonej Partii Robotniczej. Przedstawione były także informacje z 39 sesji europejskiej komisji gospodarczej, sytuacji politycznej Związku Radzieckiego i konfliktów chińsko-wietnamskich. Kolejne wiadomości mieściły się w obrębie społecznym – przedstawiany był kryzys w przemyśle hutniczym jak i strajki górników brytyjskich. Następne informacje były relacją o politycznym posiedzeniu członków Międzynarodowej Komisji Technicznej i wzmianką o zaproszeniu pisarzy radzieckich przez Zarząd Główny Związku Literatów Polskich. Kolejna sfera odnosiła się do wiadomości gospodarczych, by później sinusoidalnie powrócić do społecznych.

„Dziennik Telewizyjny" z 07.04.1985 r.

W ramach wydania z powyższej daty zostały wyemitowane 22 informacje. Tematyka jest obszerna i rozległa. Prezenterka rozpoczyna wydanie wzmianką pogodową, przechodząc następnie do tematyki rodziny Matysiaków z serialu radiowego. Kolejne są informacje zza granicy, w przeważającym stopniu polityczne. Powracając do wiadomości z kraju, prezenterka wprowadza odbiorców w tematykę społeczną – rozmowa o mentalności Polaków z prof. Jerzym Ozdowskim, po niej następuje reportaż o najstarszym domu dziecka w Warszawie, wiadomość o śmierci aktora Stanisława Zarczyka i wzmianka o badaniach społecznych nad odbiorem brazylijskiego serialu w polskim środowisku. Pojawia się również tematyka modowa oraz ponownie polityczna i militarna, wtrącona przez pojawiającą się depeszę radziecką o rakietach jądrowych. Wydanie informacyjne kończy relacja rozrywkowa, o tresowanych zwierzętach.

„Fakty" z 07.04.2013r. (fot. 5)

W ramach wydania o godz. 19.00 na antenie TVN-u, zostało przedstawionych 5 głównych informacji. Pomijając zapowiedzi przedstawionych wiadomości, wydanie rozpoczęło się od tematyki politycznej: zwolnienia z więzienia byłego Ministra Spraw Wewnętrznych Ukrainy, Jurijego Łucenki. Potem przedstawiono stan pogody w Polsce w najbliższych dniach, przygotowania do trzeciej rocznicy katastrofy w Smoleńsku. Następnie o wypadek karetki we Wrocławiu i reportaż poświęcony czołgom rosyjskim.

„Fakty" z 09.04. 2013 r.

Podczas emisji serwisu o godz. 19.00 na antenie TVN, zostało przedstawionych 8 wiadomości. Wydanie rozpoczęło się nawiązaniem do tematyki politycznej kraju – stosunkami wewnętrznymi Lewicy (nagłówek: zdjęcie 4 polskich polityków i podpis: „wojna i pokój") i komunikacyjnym chaosem w sferze gazowej (nagłówek: zdjęcie premiera, na ok. 1/2 powierzchnię nagłówka, jaskrawoniebieski napis: „GAZPROM" i logo spółki EuRoPol GAZ). Podana została również wzmianka o tematyce społeczno-politycznej, jaką były przygotowania do trzeciej rocznicy katastrofy w Smoleńsku (nagłówek: czarno-białe fotografie ofiar katastrofy, podpis: „3. rocznica katastrofy"). Następnie pojawiły się informacje zza granicy – wiadomość o wojskowym pogrzebie

byłej premier Wielkiej Brytanii (nagłówek: czarno-białe portretowe zdjęcie byłej premier, obok kwiaty, podpis: „pożegnanie") a także o tragedii w Serbii (nagłówek: zdjęcie miejscowości i podpis: „horror"). Kolejną informacją o tematyce społecznej był problem z ustawieniem pomnika papieża w parku miniatur (nagłówek: zdjęcie pomnika papieża, podpis: „w tył zwrot?"). Przedostatnią wiadomością był problem ruchu na autostradach (nagłówek: zdjęcie wypadku drogowego, podpis: „pod prąd"). Ostatnią informacją był powrót do tematyki politycznej i sytuacji w Lewicy (nagłówek: zdjęcie trzech polityków i podpis: „było ich trzech"*).*

Dodajmy do tego materiał najnowszy z ostatniego kwartału 2014 roku z tych samych dnia choć różnych stacji, by materiał upodobnić do siebie. W cudzysłowach podaję też nagłówki umieszczone w rogu ekranu podczas prezentacji wiadomości.

„Fakty" z 8.09.2014r.

W serwisie znalazło się 7 wiadomości o nośności krajowej na wyemitowanych 8: dymisja premiera „Czas decyzji", „Pijany morderca" w Wejherowie, „zawód szpieg" o Polaku szpiegującym na rzecz Rosji, „cena życia" z Krakowa, „ostry zakręt" o rajdzie TVN Turbo, „Prawo na miarę" w Świdniku, „oh, baby, baby" o royal baby w Wielkiej Brytanii, lot Kamila Stocha w Warszawie.

„Fakty" z 3.09.2014

Magazyn zaprezentował 7 wiadomości, z których wagę krajową miały 4. „Gry pałacowe" to o wyborze premiera, „Bruks-ela" o Unii Europejskiej, „Głos Ameryki" w Estonii, pedofilia księdza z Białegostoku, poselskie transport dziecka do szkoły w Warszawie, „wyrwana z niewoli" z Ukrainy, śpiący w Sali obrad w Brukseli Korwin Mikke.

„Wydarzenia" z 3.09.2014 (fot. 6)

Wyemitowały 8 wiadomości, z których 7 pochodziło z kraju: wybór premiera, afera podsłuchowa z Markiem Falentą w tle, okradziony lobbysta Marek D., zaginięcie pary w Busku Zdroju, zbrodnia w Syrii na dziennikarzu amerykańskim, bez zajęć we wrocławskiej szkole, „Sanepid w areszcie" w Bolesławcu, „Oby tak dalej" na siatkarskim mundialu.

„Wydarzenia" z 8.09.2014

Na 11 wiadomości 7 miało rangę krajową: wybór premiera, wybory do Senatu, „kruchy rozejm" między Rosją a Ukrainą, „pijany zabójca" w Wejherowie, „karambol w sztucznej mgle" w Łodzi, „śmiertelna sepsa" Warszawa, skok Kamila Stocha w Warszawie, „Kuba z Polski" o postaci Kuby Rozpruwacza, ciąża księżnej Kate w Wielkiej Brytanii, odłączenie Szkocji od Wielkiej Brytanii, „zaczynają się schody" o mundialu siatkarskim w Polsce.

„Wiadomości" z 3.09.2014r. (fot.7)

4 krajowe wiadomości na 5 wyemitowanych dotyczyło: wyboru premiera, krynickiego forum ekonomicznego, akcji policji w Bydgoszczy i dziecka w śpiączce „stan czuwania". **„Wiadomości" z 8.09.2014r.**

Program składał się z 7 wiadomości w tym z 4 narodowych tematycznie: meblowanie rządu" o Ewie Kopacz, „pijany zabójca" z Wejherowa, skok Stocha w Warszawie.

Poniżej dodatkowo ilościowo tylko opisany materiał dostępny w publikacji (Prajzner 2002): „**Fakty" z 5.01.2001r.** miały 13 wiadomości, zaś „**Panorama" z 5.01.2001r.** zawierała 14 wiadomości. Spośród 27 zaledwie 5 się dublowało. Co ciekawe, obserwacje doprowadziły do wniosku o ignorowaniu wspomnianych przez mnie wyżej wskaźników brytyjskich na temat dobrze skonstruowanych serwisów. Do tych zestawień dodajmy jeszcze wyniki z 2011 roku zamieszczone w artykule Agnieszki Mac. „Wiadomości" emitowane między 28.01.2011 a 12.02.2011 miały średnio 9,5 informacji (od 13 do 7).

Czas trwania „Dziennika Telewizyjnego" wynosił zwykle około 28 minut, transmisja współczesnych „Faktów" jest podobna, gdyż zazwyczaj wynosi 26 minut. Konstrukcja wewnętrzna programu, w świetle analiz badaczy nad konfiguracją treści w latach 70., okazuje się nieprzeciętnie przewidywalna. Badania wykazały, iż **informacje krajowe zajmowały ponad 70%** zawartości programu. Następnie sytuowała się tematyka zagraniczna, zwłaszcza ta pochodząca z krajów socjalistycznych i kapitalistycznych. Tylko 1% przypadał na klęski żywiołowe i katastrofy. W informacjach polskich przeważała tematyka dotycząca nowatorskich inwestycji i przemysłu, następnie topika kulturalna, rolnicza i polityka zagraniczna kraju. Metoda selekcji informacji i ich wyklarowanie miały na celu przekonanie widzów, iż rozwój gospodarczy jest najistotniejszym aspektem

krajowym. Wytworzony wzorzec informowania nabrał wymiaru charakterystycznego: gospodarka była relacjonowana z budów i wspomagana rozmowami z działaczami gospodarczymi, aspekt kulturalny, konotowany pozytywnie, był konwersacją z artystami na temat ich twórczości. Wiadomości z zagranicy opierały się na informowaniu o sukcesach Związku Radzieckiego, NRD i Czechosłowacji. Strukturalnie widz najczęściej widział gesty powitań oraz pożegnań, podpisy oświadczeń i urywki z działalności krajoznawczych towarzyszących osób (zob. Godzic 2005).

Wnioski

Zestawienie przebadanych serwisów z lat 1984, 1985, 2001, 2013 i 2014 pozwala na wyciągnięcie następujących wniosków w zakreślonym przez mnie temacie.

1. Maleje liczba informacji w danym programie: od 22 w „Dzienniku Telewizyjnym" do nawet 5 w „Faktach" w porównywalnym czasie antenowym.

2. Informacji światowych ciągle było i jest mniej niż krajowych. W „Dzienniku Telewizyjnym" na 22 informacje ogółem 12 było z kraju. W serwisach współczesnych ta proporcja jest przytłaczająca na korzyść krajowych. Na 59 wyemitowanych wiadomości w 8 serwisach (nota bene średnia to 7 newsów na magazyn) informacji z kraju było 41 (59:41), czyli 69%. Ten wynik został potwierdzony w badaniu z 2011 roku w próbie kontrastywnej Mac. Autorka napisała, że informacje ze świata stanowiły niewiele ponad jedną trzecią wszystkich wiadomości (Mac 2011: 246), czyli dopełniając moje wliczenie 31%. W serwisach niemieckich była to prawie połowa.

3. Upływ czasu pokazuje, że sfera lokalności uległa istotnej zmianie. Lokalność „Dziennika Telewizyjnego" oznaczała wiadomości o Polsce, obecne w serwisie pod postacią ważnych miast i bloku krajów demokracji ludowej, pozostała część świata, zachodnia była nieobecna, bo imperialistyczna. Lokalność dziś to powiat, miasteczko (Świdnik, Busko Zdrój, Wejherowo). Można mówić, że w XXI-wiecznych serwisach pojawia się w istocie lokalność, nie tylko kraj (jako poczucie swojskości), bo oto 22 newsy są przykładowo o peryferiach na 20 ogólnokrajowych. W przeszłości obecne w serwisie miasta to miasta wojewódzkie, zaś tzw. świat to świat trzeci: Afryka, Azja Wschodnia, Oceania zauważmy nieobecna w ogóle, zresztą do dzisiaj! Rzecz jasna pojawienie się informacji z peryferii nie oznacza misyjności telewizji w zakresie edukacji w zakresie geografii Polski, nie mam co do tego złudzeń. Podyktowane jest wszak na przykład sensacyjnością, ludycznością wydarzeń, prowokacją, które zaistniały w tych miejscach. Wiadomości peryferyjne zostały przeze mnie wydobyte nie tylko wedle klucza geograficznego, bo są tam też wydarzenia warszawskie i krakowskie, ale wedle klucza wpływu na życie Polski i Polaków. Peryferyjną czy też lokalną wiadomością jest więc lot Kamila Stocha F 16, choć odbywał się z dużego lotniska wojskowego albo odwóz przez posła dzieci do szkoły służbowym samochodem ulicami Warszawy. Są to zdarzenia lokalne w swych charakterze, bo nie zmieniają dnia jutrzejszego widza.

Podsumowanie

Sporo artykułów powstało o ważkości serwisów (Wosik 2012), preferencjach politycznych (Godzic 2004) i płciowych (Gwóźdź red. 2003) serwisów oraz o ewolucji informacyjności w kierunku rozrywki powiązanej z informacją (Prajzner 2002). Proponowana tu perspektywa pozwala zestawić **globalność gatunku**, jakim jest serwis w swym powtarzalnym schemacie – podobna ikoniczność, kolorystyka, estetyka pomiędzy czołówkami stacji świata zachodniego i wschodniego (fot. 8,9), ale **lokalnego** w treści i stylu, czyli **na poziomie tekstu**.

Lokalność starałam się wykazać powyżej w zakresie tematycznym badanych serwisów. Poniżej kilka słów o lokalności innego typu. Na poziomie stylu znamię służące wyrażaniu lokalności ma personalizacja. Jak ją rozumiem? Otóż współczesny prezenter nie jest już przezroczystym reprezentantem stacji, ale jego ikoną. Ta pozycja pozwala mu na stosowanie konstrukcji oceniających wobec prezentowanych faktów. Kiedyś powinnością prezentera było ich unikanie. Co więcej dzisiejszy lektor serwisów chętnie używa konceptu humoru. Ten wszak jest nadzwyczaj mocno osadzony lokalnie, czyli w kulturze, obrazie świata i języku danego etnosu. Kolejną cechą prezentera

wzmacniająca lokalność jest stosowanie zwrotów adresatywnych między nim a reporterami z terenu. Lektor nie kryje, ze obaj się dobrze znają i mówi: *Janek ma dla nas wieści! Kasiu, co dla nas masz?*. Te obserwacje potwierdza w analizie kontrastywnej Mac, nazywając prezentera polskich serwisów „gospodarzem programu, wręcz przyjacielem domu", zaś niemieckiej stacji ARD – lektorem (Mac 2011: 244). To dalej prowadzi autorkę nawet do wniosku, że serwis ARD jest wersją mówionego serwisu na wizji, zaś polskie „Wiadomości" to spektakl (Mac 2011: 247).

W moim przekonaniu przez stacje tematyczne, które powstały na zasadzie dywergencji technologicznej, zostanie wzmocniona lokalność. Oto cykliczność i stałość nadawania serwisów przestaje mieć z wolna znaczenie. Stacje typu TVPInfo, TVN24, Biznes i świat itp. powodują, że w czasie antenowym robi się więcej miejsca na wiadomości lokalne, czyli krajowe (począwszy od miast wojewódzkich po najmniejsze mieściny). To jest jednak do sprawdzenia dopiero w nadchodzących latach. Podejrzewam, że to dzięki stacjom córkom typu informacyjnego maleje też liczba informacji w serwisie stacji matki. Stanowisko moje jest jednak hipotezą. Podobnie taki wymiar ma konstatacja, że wobec możliwości całodziennego oglądania wiadomości znajdą na nie czas panie. Wiesław Godzic w 1999 roku określił (Godzic) „serwis wiadomości jako tekst dla panów".

W związku ze wspomnianą dywergencją selekcja informacji agencyjnych nie odegra już takiej roli. Wzrośnie rola przypadkowości i rola redaktora prowadzącego a nie nadawcy instytucjonalnego, czyli serwisy się spersonalizują. W całodziennej stacji informacyjnej nie ma już nawet paru godzin na obróbkę danych agencyjnych oraz danych terenowych do prezentacji (zob. Mrozowski 2001).

Widzami tradycyjnie nadawanych serwisów telewizyjnych stacjonarnych będą ludzie pokolenia „Dziennika Telewizyjnego", wnioskuję po nominacji tych programów. Czy to „Wiadomości", „Wydarzenia", „Panorama", „Fakty", „Teleekspres", ludzie na pytanie, Co oglądali? Skąd to wiadomo? Odpowiadają: „oglądałem dziennik", „powiedzieli w dzienniku".

Nie przeceniałabym ustaleń komunikologów i medioznawców o schematyczności serwisu, wytycznych w sprawie jego porządku i doboru wiadomości. Zupełnie podobnie jest w przypadku tematyki, o której pisali badacze, że w serwisie realizuje pewien porządek. Otóż przebadane serwisy wcale go nie respektują. Bywa, że gospodarczych i społecznych wiadomości w nim w ogóle brak.

Przeprowadzone badanie przekonuje, że z całą pewnością globalny na poziomie gatunku serwis wiadomości jest lokalny na poziomie tekstu i stylu, w związku z czym można rzec, że spełnia kryterium zjawiska glokalnego.

Fot. 1
https://www.google.pl/search?q=meet+the+press&es

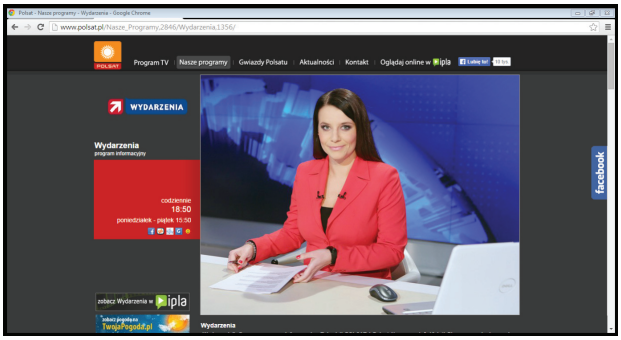
Fot. 2
https://www.google.pl/search?q=newsreel&es

Fot. 3
https://www.google.pl/search?q=dziennik+telewizyjny&es

Fot. 4
https://www.google.pl/search?q=dziennik+telewizyjny&es

Fot. 5
http://fakty.tvn24.pl/

Fot. 6
http://www.polsat.pl/Nasze_Programy,2846/Wydarzenia,1356/



Fot. 7
http://wiadomosci.tvp.pl/

Fot. 8
za: Wosik A. Czy globalizacja języka mediów jest nieunikniona? // Kita M., Loewe I. (red.). Język w telewizji. Antologia. – Katowice, 2015.

WYDARZENIA
POLSAT

JOHANNESBURG
LIVE
VENTERSDORP
NEWS
CHANNEL
NEWS EXTRA

الأخبار

ANANTNAG
5 बजे
16:36
INDIA TV
इंडिया टीवी ने उतारी इनकी तस्वीर

Bheki Makhoba
BUSINESS

Evening
18:01
INDIA TV
news ALERT
साउथ अफ्रीका का आठवां विकेट गिरा

ATIKA SHUBERT
BREAKING NEWS
CRASH KILLS POLISH PRESIDENT
CNN

महाराष्ट्र का मुठिया 'औरंगजेब'
सामना
भविष्य हमें पता चल गया है...जिन 'खान' के लिए मुख्यमंत्री इतनी उछापटक कर रहे
INDIA TV

Fot. 9

za: Wosik A. Czy globalizacja języka mediów jest nieunikniona? // Kita M., Loewe I. (red.). Język w telewizji. Antologia. – Katowice, 2015.

Literatura

1. Bajka Z. Rynek mediów w Polsce // Bauer Z., Chudziński E. (red.). Dziennikarstwo i świat mediów. – Kraków, 2010.
2. Furman W., Kaliszewski A., Wolny-Zmorzyński K. Gatunki dziennikarskie. Teoria, praktyka, język. – Kraków, 2006.
3. Godzic W. Telewizja i jej gatunki. Po „Wielkim Bracie". – Kraków, 2004.
4. Godzic W. Telewizja jako kultura. – Kraków, 1999.
5. Godzic W. Epoka DTV (DT), czyli telewizja mówi ci, co wiedzieć powinieneś // Godzic W. (red.). 30 najważniejszych programów telewizyjnych w Polsce. – Warszawa, 2005.
6. Gwóźdź A. (oprac.). Media eros przemoc. Sport w czasach popkultury. – Kraków, 2003.
7. Gwóźdź A. Dziennik telewizyjny – tekst i działanie komunikacyjne. Rekonesans. // Kita M., Loewe I. (red.). Język w telewizji. Antologia. – Katowice, 2015.
8. Kozieł A. Za chwilę dalszy ciąg programu… Telewizja Polska czterech dekad 1952-1989. – Warszawa, 2003.
9. Loewe I. Gatunki globalne w polskiej telewizji. Rekonesans // Burzyńska-Kamieniecka A. (red.). Akty i gatunki mowy w perspektywie kulturowej. – Język a Kultura. – Acta Universitatis Wratislaviensis – 23. – Wrocław, 2012.
10. Loewe I. Sport w mediasferze z perspektywy lingwisty. – Postscriptum Polonistyczne – 2 – 2014.
11. Mac A. Kontrastywna analiza formatu i tematyki wiadomości telewizyjnych w Polsce i Niemczech // Kita M., Loewe I. (red.). Język w telewizji. Antologia. – Katowice, 2015.

12. McQueen D. Television: A Media Student`s Book. – London, 1998.
13. Mrozowski M. Media masowe – władza, rozrywka, biznes.– Warszawa, 2001.
14. Pisarek W. Podstawy retoryki dziennikarskiej // Bauer Z., Chudziński E. (red.). Dziennikarstwo i świat mediów. – Kraków, 2010.
15. Prajzner K. Sensacja i nuda. Analiza dwóch typów serwisów informacyjnych na przykładzie „Panoramy" i „Faktów",- Lustra i krzywe zwierciadła. Społeczne konteksty kina i telewizji // K. Klejsa K., Skonieczko G. (red.). – Kraków, 2002. – S. 189–198.
16. Tetelowska I. Informacja – odrębny gatunek dziennikarski. – Zeszyty Prasoznawcze – 1-2 – 1966.
17. Uszyński J. Genologia telewizyjna. Dziennikarskiej // Bauer Z., Chudziński E. (red.). Dziennikarstwo i świat mediów. – Kraków, 2010.
18. Wojtak M. Osobliwe byty gatunkowe i tekstowe w ich uwikłaniach komunikacyjnych // Ostaszewska D., Przyklenk J. (red.). Gatunki mowy i ich ewolucja. – T. IV pt. Gatunek a komunikacja społeczna. – Katowice, 2011. – Ss. 44–56.
19. Wosik A. Czy globalizacja języka mediów jest nieunikniona // Kita M., Loewe I. (red.). Język w telewizji. Antologia. – Katowice, 2015.

ИНТЕРНЕТ-СТИЛИСТИКА

- Сетевая коммуникация
- Виртуальное общение
- Виртуальная аудитория
- Трансгрессивные медиатексты
- Интенциональный контекст трансгрессии
- Институциональный контекст трансгрессии
- Словесная агрессия
- Форумная брань
- Флейминг и флуд
- Тролль-культура
- Классификация троллей
- Сетевой эльф
- Условия успешного общения

Лара Николаевна Синельникова:

«Амбивалентность понимания и оценки троллинга вполне объяснима разнородностью целей акторов виртуального общения (в том числе модераторов)».

«Сводить проблему онлайн-коммуникации к перечню и подсчету языковых средств разных стилистических регистров означает искусственную отстраненность от междисциплинарного подхода, позволяющего описать тролль-культуру в ее отношении к культуре вообще, а также языковое сознание людей, воспитанных социальными сетями».

«Отличия между троллем и эльфом – в языке общения с жертвой: грубый, вульгарный стиль тролля и нежный, комплиментарный стиль эльфа. Тролль объясняет человеку, что он плохой, эльф – что он хороший, но, по сути, эльф и тролль «подкармливаются» одним и тем же – раздражением и негативной реакцией участников общения».

«Невежливое – это то, что не считается конвенциональным для данного контекста, но для контекста троллинга невежливое – норма, на которой основывается намеренная атака, и дискурсивность строится в условиях игнорирования интересов адресата».

«Вброс темы для провокативного спора сближает троллинг с желтой прессой, которая в условиях неравноправия участников коммуникации культивирует слухи, создает мнимые сенсации, инициирует скандалы».

«Произошел очевидный переход от любительского троллинга к профессиональному».

Валентин Николаевич Степанов:

«Медиатекст, как основная единица медиареальности, является ключевым средством (и посредником, или медиатором) и той действующей силой, с помощью которой многочисленным адресатам транслируется соответствующая модель социального познания».

«В реальном мире человек находит психологические средства защиты от нежелательных воздействий, и в виртуальной среде появляются различные стратегии коммуникации, позволяющие достигать определенного уровня психологического комфорта и являющиеся своеобразными компенсаторными механизмами, против усвоения предлагаемого Интернетом и публичной сферой потока информации».

«Экзистенциальный стресс от невозможности проявления и утверждения себя в медиапространстве относится к психологическим издержкам, которые индивид стремится компенсировать пересмешничеством и превращением важного и непонятного в неважное и понятное».

«Тегинг, использование инородных трансгрессивных текстовых вставок, способствует приращению текстового смысла через «приглашение» других акторов (объектов гиперссылок: индивидов и сообществ) и привлечение их внимания к медиатексту, делает их (быть может, против их воли, но в этом и проявляется суть трансгрессии) участниками коммуникации».

УДК 81’42: 811.111

Л. Н. Синельникова
(Гуманитарно-педагогическая академия, Ялта)

ДИСКУРС ТРОЛЛИНГА – КОММУНИКАЦИЯ БЕЗ ТАБУ

Троллинг (англ. – ловля рыбы на блесну) – неотъемлемый и активно развивающийся сегмент сетевой коммуникации. Пирамида потребностей тролля включает: потребность в многоролевом общении, повышение самооценки, самовыражение, развлечение. Особенность в том, что эти потребности тролли реализуют через агрессию и конфликт. Используемые средства: провокационное сообщение, брань, препирательства и под. Цель: дискредитировать участников общения, перенаправить дискуссию, отвлечь внимание от обсуждаемой проблемы через конструирование флейма и флуда – спора ради спора, превращающего обсуждение в разговор ни о чем. По мнению исследователей, троллинг будет развиваться, осваивать новые коммуникативные пространства (экономику, политику, науку), совершенствовать методы борьбы с конкурентами.

Ключевые слова: дискурс троллинга, тролли, пирамида потребностей, провокация, форумная брань, оскорбления, флейм, флуд, эльфинг.

Lara N. Sinelnikova
(Academy of the Humanities and Pedagogics, Yalta)

DISCOURSE OF TROLLING – COMMUNICATION WITHOUT TABOO

Trolling is an integral and rapidly growing segment of network communication. A pyramid of troll needs includes: a need in a multi-role communication, increasing self-esteem, self-expression, and entertainment. The peculiarity is that these requirements are implemented through aggression and conflict. Tools used: provocative message, swearing, bickering, etc. Purpose: to discredit the participants of communication, redirect the discussion to distract from the problem through the construction of flame and flood – a dispute for the sake of a dispute that turns the discussion into a small talk. According to researchers, trolling will develop, studying a new communicative space (the economy, politics, science), and improving methods of dealing with competitors.

Key words: discourse trolling, trolls, pyramid of needs, provocative act, forum abuse, insult, flame, flood, elfing.

Троллинг – неотъемлемая часть сетевой коммуникации, которую можно идентифицировать по ряду специфических принципов, стратегий и тактик поведения. Едва ли не каждая информация о троллинге начинается с этимологической справки (троллинг от английского trolling – ловля рыбы на блесну, «блеснение») и напоминания о том, что тролли в скандинавской мифологии – уродливые, неприятные, созданные для причинения зла существа. Переносное значение слова «троллинг» – вид коммуникативного поведения – заняло лидирующее положение, и прямое употребление можно встретить только в рекламных текстах рыболовного интернет-магазина, предлагающего набор воблеров (твердотелых объемных приманок) для троллинга. В результате такого рода инверсии даже в не осложненном коннотациями тексте с прямым употреблением слова невольно «ухватывается» некий дополнительный оттенок значения: «Раньше в правилах рыболовства троллинг был под запретом. Считалось, что этот способ буквально выкашивает крупную рыбу. Но трудно бороться с прогрессом, и в новых правилах троллинг под мотором уже разрешен. Единственное ограничение: одновременно можно использовать не более двух приманок» (shop.rybak-rybaka.ru). Сетевой троллинг не имеет такого рода ограничений.

«Долина троллей. В нее постепенно превращается российский Интернет» – это анонс одной из тем, представленной на сайте «Гипотезы и факты» в 2012 году (gifakt.ru). Динамика формирования негативных социальных практик в коммуникативном пространстве Интернета не позволяет говорить о постепенности действий. Троллинг уже трудно квалифицировать как «национальную забаву» (Филиппова 2012). В современных условиях превращение прогнозируемого исследователями будущего в актуальное настоящее осуществляется очень быстро. Интернет прочно оккупирован троллями – к такому выводу приходят как сами участники интернет-коммуникаций, так и исследователи, проявившие интерес к этому виду виртуального общения. Внимание исследователей к дискурсу троллинга свидетельствует о переходе от «быстрого жанра» фиксации особенностей интернет-коммуникаций (Костина 2011) к попытке их системного описания.

Вряд ли есть основание считать, что дискурс троллинга нашел свое место в пространстве научного знания, но историография этапов внедрения троллинга в виртуальную среду и формирование «дочерних» жанров этого вида коммуникативной деятельности все больше привлекает внимание исследователей, о чем можно судить по представленному в статье библиографическому списку.

Википедия (признавшись, по обыкновению, что статья нуждается в доработке) представила такую характеристику: троллинг – «злонамеренное вмешательство в сетевую коммуникацию, выражающееся в нагнетании участником общения («троллем») гнева, конфликта путем скрытого или явного задирания, принижения, оскорбления другого участника или участников, зачастую с нарушением правил объекта сетевой коммуникации и, иногда не осознанного для самого «тролля», этики сетевого взаимодействия». Оставим в стороне некорректность словосочетания «нагнетать гнев»; неоправданную закавыченность слова «тролль», которое известно уже не только пользователям; поставим под сомнение неосознанность действий «злонамеренных» троллей.

Веерное размножение в Интернете любой информации естественным образом способствует увеличению дискурсивного пространства сетевого троллинга, который не имеет ограничений присутствия: тролли действуют на форумах, в чатах, блогах и особенно в социальных сетях. Растет цепочка номинаций нового коммуникативного феномена: *тролль-культура, троллинг-акт, тролль-пост, троллинг-мейнстрим,* что позволяет квалифицировать троллинг как дискурс. Произошло стремительное движение от единичных сообщений провокационного характера к массовым коммуникативным действиям определенного свойства. Глагол «троллить» уже преодолел границу виртуальности, и ему сразу же нашлось место в устной публичной речи и даже в письменных СМИ, что, очевидно, отражает не лучшие признаки нашего беспокойного времени: стремление провоцировать и возможность не отвечать за речевые поступки.

Набор ключевых слов, сопровождающих описание троллинга как самими пользователями, так исследователями этого вида сетевой коммуникации, укладывается в такой оценочный ряд: провокация, подстрекательство, обман, клевета, агрессия, издевательство, оскорбление, шельмование. Реже встречаются и другие характеристики: способ оживления дискуссии, возможность повышения посещаемости сайта, интеллектуальная игра без провокационных задач, незлонамеренный и даже креативный троллинг. Приводятся в этом случае такие аргументы: *Тролль иногда говорит и пишет правду, неудобную тем, кто живет во лжи; Успешные тролли привлекают много желающих продолжить разговор*. Амбивалентность понимания и оценки троллинга вполне объяснима разнородностью целей акторов виртуального общения (в том числе модераторов).

Тема троллинга привлекла внимание представителей разных гуманитарных наук: социологов (Акулич 2012), культурологов (Бузова 2015), политологов (Данько 2015), филологов (Булохова 2012; Загидуллина 2013). Сближает исследователей «прагматическая парадигма» – беспокойство о состоянии общественного сознания, о разрыве традиций общения, потере критериев морально-этической ответственности. Очевидно, что специфика виртуальных форм коммуникации требует междисциплинарного исследовательского подхода: психологические оценки не могут не коррелировать с социальными и культурологическими. Особо значимы лингвистические (нормативные, стилистические, риторические) показатели, которые проявляют виртуальную языковую личность, ее языковую способность и языковой вкус. К сожалению, дискурс троллинга явно недостаточно подвергается исследованию со стороны лингвистов и дискурсологов. Сводить проблему онлайн-коммуникации к перечню и подсчету языковых средств разных стилистических регистров означает искусственную отстраненность от междисциплинарного подхода, позволяющего описать тролль-культуру в ее отношении к культуре вообще, а также языковое сознание людей, воспитанных социальными сетями.

Основной формой коммуникативной деятельности троллей является диалог, интерес к которому в дисциплинарном формате традиционно проявляют все гуманитарные науки. Основная цель троллингового диалога – построить общение таким образом, чтобы развести смыслы по разным категориям оценки. Стратегия диктует набор тактических действий: «фатическая интервенция» (произвольное, не мотивированное содержанием и стилем беседы включение в нее); полное игнорирование интенций участников общения и их эмоциональной реакции; принуждение к продолжению провоцирующего собеседников диалога. Полноценное объяснение этих и других признаков виртуальных троллинговых диалогов возможно только в условиях междисциплинарной интеграции.

Представители разных дисциплин, проявившие внимание к троллингу, ориентируются на собственную методологию, но каждая работа в той или иной мере опирается на общее поле понятий. В это поле входит представление о роли анонимности в интернет-коммуникациях, возможности экспериментировать с собственной идентичностью и формами самопрезентации (Алексеенко, Гукосьянц 2014; Зиновьева 2012); об игнорировании должного в пользу непредсказуемого и стихийного. «Форумные активисты», к которым относятся тролли, в полной мере используют такие возможности. Все табуированное в общественной этике переносится в интернет-просторы (в том числе естественная или искусственно создаваемая безграмотность как полное пренебрежение языковыми и стилистическими нормами). То, чего нельзя, неприлично делать в реальной жизни, – можно в виртуальной коммуникации. Тролли игнорируют негласные правила сетевого этикета (сетикета), например, такие: не делайте того, чего сами бы не хотели получить; если надо отстоять свою точку зрения, делайте это без оскорблений; уважайте и цените время других людей; будьте терпимыми и вежливыми; не употребляйте ненормативную лексику; не конфликтуйте ради самого процесса конфликта.

Потребность к общению как одна из основных потребностей человека в троллинге проявлена максимально и гипертрофиро-

ванно: предоставляется возможность включиться в разговор в любом месте, с любыми комментариями и в любом вербальном оформлении. Дефицит общения при неограниченной возможности входить в начатый кем бы то ни было разговор – особая психологическая установка и питательная среда для троллинговой активности, в том числе – для девиантного поведения. Бескомпромиссные суждения и социально-агрессивное поведение поддерживаются тем, что в Интернете можно жить сразу несколькими жизнями, иметь несколько имен (ников) и фейковые аккаунты. В этих условиях жизнь тролля становится интересной, активной, полной событий. О «кризисе идентичности» – утрате представлений о своем месте в обществе и о своей самооценке тролли не рассуждают.

Психологи называют такие причины склонности к троллингу: незрелость, закомплексованность, агрессивность, поиск места для эмоциональной разрядки. Определяется средний возраст троллей: от 12 до 30 лет. Однако за последние годы троллинг окреп, и такие признаки, как незрелость и закомплексованность, уже не универсальны, да и возрастной рубеж сместился в сторону повышения. Связь природы троллинга с анонимностью безусловна (Ксенофонтова 2009), но троллинг «расползается» – завоевывает новые тематические пространства, и в действия провокационно-дискредитирующего характера без особой боязни вступают не только анонимные, но и персонифицированные участники.

Описание разновидностей троллей по большей части предлагают сами пользователи. Обратим внимание на классификацию троллей по типу организации текста, характеру приемов ведения диалога и, соответственно, по планируемому воздействию на участников коммуникации. **Толстый тролль** представляет «злобный» троллинг, он использует прямые оскорбления, не упускает возможности перейти на личность, открыто угрожает; спорит грубо и безапелляционно, шумный и хамовитый; создает видимость сюжета разговора, используя при этом факты биографии собеседников, их высказывания для банальной травли. **Тонкий тролль** представляет «изысканный» троллинг, он грамотен и аккуратен, действует незаметно, стремится произвести впечатление интеллигентного человека, балансирует «на грани» (может унизить, оскорбить, но готов на какое-то время отступить, дать слово оппоненту, но только для того, чтобы использовать сказанное им для дальнейших провокаций), владеет «уловками» в споре, любит давать советы «от профессионала». Если «толстого» тролля можно узнать сразу по вызывающему поведению, нацеленности на прямое оскорбление, то «тонкого» тролля, действующего по законам искусного манипулирования, не так легко распознать. Пользователи называют еще несколько типов троллей: *жирный тролленок* – неопытный, бестолковый, безобидный, безграмотный, но стремящийся освоить «искусство» зрелого тролля; *мега-тролль* – пишет коротко (1-2 предложения), но задевает многое и многих; *латентный тролль* (готов к действиям, но выжидает). Любопытно (и в чем-то поучительно для профессиональных исследователей), что, давая обобщенные характеристики троллей, пользователи обращают внимание на особенности стиля, на основании которых распознают имена (ники) троллей.

Интернет полон портретами троллей с классифицирующими подписями, например: «Тонко троллить – удел светлой стороны силы, в то время как толстый троллинг – во тьму путь» (trolli.org – сайт о троллях в сети и в жизни). И все-таки отношение к форумным троллям преимущественно резко отрицательное, что подтверждают такие оценки пользователей: *забредший в комменты неадекват, паразиты и провокаторы, менеджер отбора жертв, человек по выслеживанию потенциальных жертв, короли форумной брани, компост, провокатор, злобный клоун, мастер уверток, подлый флеймер, стратег хренов, балаболка, гребаный патриот* и т. д. Среди множества пейоративов встретился один эвфемизм – *форумный активист*.

Существует и анти-троллинг (с ироническим, как кажется, пояснением цели: «Учимся изяществу ответов на хамство»), на котором можно найти такие перлы: *Рот будешь открывать у стоматолога; Засохни, гербарий; Да, красотою мир вы не спасете; Ваш ум затмить способен свет торшера;*

Может, перейдем на ты? А то мне в морду дать вам не удобно; Говорите, говорите… я всегда зеваю, когда мне интересно!; Чао, персик, – дозревай!; Детка, я тебя не пугаю, я же не зеркало; Да чтоб тебе в бане чайной ложкой можно было прикрыться!; Дааа, не всех Чернобыль стороной обошел. (http://maxpark.com/community/1851/content/767788).Такое «изящество» ответов на действия троллей способно только продуцировать все новые и новые оскорбления. Самая поверхностная психолингвистическая диагностика дает основание для неутешительного вывода: в условиях словесной корриды действует принцип кухонной перебранки – «от такого слышу». Тролль – прежде всего провокатор (Строителев 2013) и энергетический вампир (Внебрачных 2012), он ждет реакции от жертвы и особенно радуется, если реакция эмоционально проявлена.

У сетевого троллинга есть сетевой антипод – эльфинг. Действительно, фольклорно-сказочные эльфы, в отличие от троллей, – прекрасные, добрые, симпатичные существа. Сетевой эльф пишет комментарии, в которых охотно соглашается со сказанным и хвалит все действия своей жертвы, ублажает ее комплиментами, которые поначалу радуют, но, назойливо повторяясь, начинают раздражать – происходит своеобразный «перегрев мозгов», появляется негативная реакция, радующая эльфа так же, как и тролля. Игра в «кошки-мышки» закончена, и обласканный комплиментами собеседник становится полноценной жертвой. Многие приемы эльфа по насильственному удержанию жертвы напоминают установки нейролингвистического программирования, направленные на «подстройку» под мышление собеседника: повтор его слов, утвердительные высказывания, поиск хороших мотивов в плохих поступках, рефрейминг. И для эльфа, и для тролля слова значат больше, чем факты и здравый смысл. Получается, что эльфинг – разновидность троллинга, манипуляция особого рода, своеобразный усилитель тролля. В. Е. Добровольская в статье «Традиционные сюжеты анекдотов в творчестве толкиенистов и анимэ-фольклоре» (Добровольская 2009: 137) приводит анекдот: *Встречаются в кабаке орк, гоблин и тролль. – Ты кто? – Я эльф. – А ты кто? – И я эльф. – А я вообще тоже эльф. – Ребята, а почему мы все такие разные? – А, знаю! Мы, наверное, из разных переводов*. Отличия между троллем и эльфом – в языке общения с жертвой: грубый, вульгарный стиль тролля и нежный, комплиментарный стиль эльфа. Тролль объясняет человеку, что он плохой, эльф – что он хороший, но, по сути, эльф и тролль «подкармливаются» одним и тем же – раздражением и негативной реакцией участников общения.

Троллинг легко переводится в такую форму спора, как флейминг. Флейминг (flame – англ. огонь, пламя) – это спор ради спора, словесная война, нередко уже не имеющая отношения к первоначальной причине спора. Флеймеры переходят на личность после исчерпанности аргументов, тролли – сразу начинают с личности. Цель одна – противостоять собеседнику, игнорируя истинную причину спора. Огонь тролля должен разгораться любой ценой (Гладчинкова, Щербакова 2012).

Ни тролль, ни флеймер не заботятся о причине спора, отсюда – перегрузка беседы/дискуссии сообщениями, не несущими информативной пользы. Коммуникация приобретает форму флуда, цель которого – «мусолить тему», отходить от нее на любые расстояния, переключать внимание на другие темы и события. Искушенные в виртуальных коммуникациях пользователи выделяют «просто флуд», «легкий флуд», «нудный флуд» (обобщенное название – «флудилка») – все это, по сути, интегрируется в «мейнстрим троллинга». Опытные тролли тщательно выбирают тему с учетом интереса определенного сегмента виртуальной аудитории. Цель, говоря словами исполнителей, – «создать движуху под постом» и «удержать контакт».

«Форумная брань» троллей – своеобразная разновидность языка вражды, который строится на ерничестве, мелких издевательствах, оскорблениях, приписывании негативных свойств любому событию и действию. Словесная агрессия при этом проявляется в экспрессивно сильной форме с широким полем адресации – от конкретного человека до всего сообщества. «Форумная брань» не укладывается в диаду «вежливость/не-

вежливость». Невежливое – это то, что не считается конвенциональным для данного контекста, но для контекста троллинга невежливое – норма, на которой основывается намеренная атака, и дискурсивность строится в условиях игнорирования интересов адресата. Отнесение троллинга и флейминга к невежливому поведению (Леонтьев 2013) очевидно упрощает проблему. «Коммуникативное смягчение» как одно из условий успешного общения к феномену троллинга и его разновидности флейминг не имеет никакого отношения. Вполне справедливой представляется мысль о том, что употребление языка вражды в социальных сетях «постепенно становится ведущим трендом, отражающим особенности бытия повседневности» (Фадеичева 2015: 22).

Вброс темы для провокативного спора сближает троллинг с желтой прессой, которая в условиях неравноправия участников коммуникации культивирует слухи, создает мнимые сенсации, инициирует скандалы. Достоверность события ни для сетевого тролля, ни для журналиста желтой прессы не имеет особого значения. Важен не факт, а его подача, интерпретация. Понятие «нулевой информации» особенно примечательно: рассеянный поток сообщений, мозаичная смесь разных тем, их хаотичное движение, свобода в формировании ассоциативных цепочек и под. В результате происходит смысловое нивелирование, и важное утопает в неважном, незначительном, непонятно, откуда взявшемся (Сазонов 2015). Характер новостной модальности желтой прессы мало чем отличается от провокационных текстов троллинга. Общность стиля в формулировке вбрасываемой темы сближает «креативщиков» троллинга и желтой прессы: *Фиолетовая морковка ограбила банк; Собака хаска разоблачила вражеского агента; Куртка-убийца убила 10 человек; Утюг спас ребенка; Горбачев выдал про Путина такое, что даже в Кремле все содрогнулись; Петр Порошенко объявил войну России! Россияне побелели от шока; Людмила Путина обескуражила СМИ; Вы упадете, узнав, чем на самом деле является бермудский треугольник; Слова Немцова за 2 часа до убийства вогнали весь мир в ступор; Вы обалдеете, когда узнаете…; У россиян челюсти отвисли, когда узнали…; Стала известна пенсия Горбачева. Депутаты открыли рты!; Россияне ахнули! Оказывается, президент женился на…; Находка рядом с телом Немцова заставила следователей содрогнуться; Подробности отношений Дурецкой и Немцова ошарашили даже родственников; Лучше присядьте! Вот для чего кошки ложатся на тело! Ученые озвучили…; Кем оказался Макаревич на самом деле? Россияне приходят в себя…; Эти роды поставили на уши весь роддом. Врача откачивали, когда…; Обалдеете, упадете, когда узнаете…; Крымчане рвут на себе волосы; Следователей прошиб пот, когда они узнали…У всех был немой шок; Не грохнитесь! Уже нет смысла скрывать жену Киркорова; Ошалеете! Украина распадется на 5 частей.* Везде – присутствие слов-маркеров аффектации и гиперреальности. «Глаголы-троллизмы» [новообразование авторское. – *Л. С.*] призывают всех ошалеть, открыть рты, войти в ступор, рвать на себе волосы, побелеть от шока, остолбенеть, содрогнуться и т. д. Особой любовью «ловителей жертв» пользуются темы, связанные с известной личностью.

Троллинговые анонсы Интернета, обрывая информацию на полуслове, рекомендуют открывать другие окна, в которых могут быть свои тролли – рекламные, знахарские, предсказательские и т. д. Из окна в окно зазевавшуюся жертву ведет тролль, загромождая переход к тексту-информации и рассеивая саму информацию на ничего не значащие фрагменты. Коктейль из двух матриц: виртуальной и реальной (Горина, Лазарева 2014) – хорошая питательная среда для троллей всех мастей.

В последнее время сетевые тролли начали активно вмешиваться в процесс научного общения. Любимые фразы тролля: «Я не согласен» (синдром Бабы Яги, которая всегда против), «Хотя это не по теме…». Для тролля важно перенаправить дискуссию, переключить внимание на другое. Тролль по своему усмотрению меняет тему, свободно переходит с темы на тему, отвлекает внимание участников диалога. Происходит угасание информации как тематического посыла. Задача – не выиграть спор, а спровоцировать его, посеять замешательство: чем больше

путаницы, тем лучше. Например: – *Какова познавательная цель Вашего доклада? Какую пользу Вы можете принести своими разработками государству, находящемуся в состоянии кризиса? – Видите ли, польза может быть разной… – Конечно, разной, но главное – польза для Вашего кошелька. – Что Вы себе позволяете? – Нет, это не я позволяю, это Вы позволяете свои интересы ставить выше интересов общества. – Но ничего подобного не имелось в виду!* Далее тролль может привести расхожую цитату о благородстве, честности и под., не имеющую прямого отношения к дискуссии, но косвенно порочащую выступающего, а заодно и его научную деятельность. В результате – неоправданная поляризация мнений как участников дискуссии, так и читателей. Уходит рациональная аргументация, появляются грубые оценки личности. Дефицит информации по предмету спора «восполняется» обилием эмоций и экспрессивных языковых средств. Например: *Если Вы считаете, что нанотехнологии полезны, – то Вы идиот*; *Ничего не знаете, занимаетесь ерундой* и под. Это открытое шельмование, далеко выходящее за пределы критериев лингвистической экспертизы «оскорбление в словесной форме».

Подвергшийся нападкам троллей ученый-эпиграфист Валерий Алексеевич Чудинов считает троллинг разновидностью молодежного нигилизма – отрицанием значимости общепринятых нравственных и культурных ценностей. В. А. Чудинов приводит свою классификацию троллей и их действий: любознательный читатель (задает несуразные вопросы с тем, чтобы, игнорируя ответ, уличить автора в некомпетентности); критика с позиций поверхностных знаний (с включением признаков девиантного поведения невоспитанного человека); сквернословие в оценке ученых и их трудов; причисление к фрикам (см.: «Фрикодепия», раздел «Лингвофрики», в который было включено имя ученого) – все это автор считает научным черным пиаром и относит к серии информационных войн. К сожалению, уважаемый профессор попался «на блесну» троллей: он начал оправдываться, подробно рассказывать о своих научных достижениях с приведением документов, дат, перечнем наград и т. д. (Чудинов). Рекомендации «Игнорируйте троллей! Не подкармливайте их!» должны быть, как представляется, незыблемыми.

Троллинг взят на вооружение организаторами информационных войн на экономических, коммерческих и политических сайтах. Произошел очевидный переход от любительского троллинга к профессиональному. Увеличился реестр «ролевых» игр троллей. Цель – отвести внимание от острых тем, заменить конструктивное общение пустопорожней перепалкой, произвести вброс компромата, культивировать слухи – все это знакомые признаки информационной войны, усиленные троллинговой активностью и безнаказанностью. В Сети активизировался астротерфинг – оплачиваемый вид троллинга, цель которого – создание искусственного общественного мнения через подставных пользователей. В качестве «троллей на зарплате» действуют специалисты широкого профиля, знакомые с механизмами троллинга, умеющие особым образом включаться в дискуссию (обычно в форме комментариев), учитывающие психологические особенности представителей того или иного сообщества. От исполнителей астротерфинга требуется оперативная реакция на те или иные события, знание особенностей троллируемой личности, ее слабых мест. Ценится умение писать тексты от имени несуществующих виртуалов, имитируя их стилистику и уровень грамотности. Обязанности распределены: одни пишут посты, другие комментируют; есть свои нормы – сколько постов нужно написать, сколько аккаунтов открыть, сколько комментариев дать, то есть работает «завод полного цикла». В результате создается ложный эффект массовости. На тренингах новоиспеченным троллям даются важные рекомендации: писать короткими абзацами, длина строки не более 80 символов; демонстрировать искренность в подаче материала и его оценки; стимулировать ответы, учитывая настрой разных социальных групп. Плохие новости нужно заставить звучать еще хуже или при необходимости превратить в хорошие.

Канадские ученые провели эксперимент по созданию портрета «форумного активиста» – определялась склонность ре-

спондентов (418 добровольцев) к сетевому троллингу. Тетрада (набор из 4-х психологических характеристик) включала: нарциссизм (мания величия, высокомерие, эгоизм и отсутствие эмпатии), макиавеллизм (склонность к циничному манипулированию), психопатию (склонность к асоциальному поведению, импульсивность, отсутствие угрызений совести) и садизм (получение удовольствия от причинения боли и страданий другого). Максимальную степень проявленности демонстрировал садизм, минимальную – нарциссизм (Голубицкий). «Форумная брутальность» основывается на раскрепощающей анонимности, способствующей психологическому расторможению (разъединению идентичности и дискурса), зловредности (в русле отечественной ментальности – коммунальной идентичности) (Голубицкий).

Наши наблюдения позволили выстроить такую пирамиду потребностей тролля: потребность в общении, повышение самооценки, стремление привлечь внимание к своей персоне, самовыражение, развлечение (показательно признание одной из активисток в духе «наивного цинизма»: «Я иногда тролль, иногда хорошая девочка»). Все эти потребности реализуются особым образом – через агрессию и конфликт. Используемые средства: провокационное сообщение, перепост, претензии ко всему, препирательства, ругань, опровержение сказанного. Цель – «разрушить» обсуждаемую тему, вызвать флейм, пренебрегая сложившимися в комьюнити правилами; унизить, испортить репутацию, имидж, убрать конкурентов и, наконец, просто заработать.

Виртуальность общения стимулирует действия тролля и спасает от наказания. Справедливости ради нужно отметить, что за нарушение правил сообщества и правил форумов, в числе которых – размещение флуда, флейм, оскорбления, умножение голосов (Федотова 2015), модераторы имеют право заблокировать аккаунт без объяснений, но вряд ли это может остановить поднаторевших троллей. Высказывается мнение, что человек вправе говорить то, что он думает, и борьба с троллингом может обернуться борьбой со свободой слова. Говорят о неоправданной сверхчувствительности к троллингу (пользователи обвиняют друг друга в троллинге), о надуманности троллефобии, поскольку троллинг – это обыденная интернет-реальность (один из интернет-афоризмов: «Троллей бояться – в лес не ходить»).

Брань, считают ученые, равносильна радиационному облучению. Гнев, раздражение, проклятия, агрессия, растабуирование понятий и слов утверждаются в сознании поколений, которые не приняли эстафету коммуникативной этики от старшего поколения, исповедующего другие ценности. Подростковый виртуальный террор имеет собственное название – *кибербуллинг*. Английское слово bull (бык) определяет значение и назначение этого вида киберхулиганства: агрессивно нападать через размещение в Интернете компрометирующей информации, анонимных угроз, оскорблений часто с применением ненормативной лексики (Драгунов).

Элементы троллинговой манипуляции в виде неоднозначных оценок, намеков, импликаций, иронических оценок внедряются в несетевые сферы общения (Коняева 2015). Но манипулятивные установки СМИ и троллинга не одно и то же. Троллинг – это особый формат общения, в котором проявлен новый тип социального индивида, сформировавшийся именно в виртуальной среде.

Как и любой прогноз, прогноз о будущем троллинга противоречив. Молодые исследователи считают, что троллинг будет развиваться и совершенствоваться. Аргумент может привлечь внимание психологов: «Человеческую наивность, косность, тщеславие и проч. не убить, следовательно, не убить и троллей, которые всегда будут играть на этих струнах» (мнение одного из участников студенческого научного форума (russian-scientists.ru/ communication/forum79/topic1451). Всегда будет потребность в формировании скандальной известности, в желании создать себе имя. Будут апробироваться новые технологии, новые способы воздействия на личность и общество (Семенов, Шушарина 2011; Семенов 2012).

В сценарии развития Всемирной сети под названием «Каким будет Интернет в 2040

году, и надо ли нам бояться», наряду с описанием возможностей Интернета упростить и улучшить жизнь, есть и такой прогноз: «Социальные сети прочно оккупированы троллями» (сайт trolli.org). Да простится автору статьи обращение к поэзии, несколько странное при обсуждении такой темы, как троллинг: «Посмотри, как несметно разрастается зло – / Слава Богу, мы смертны, не увидим всего…» (А. Вознесенский).

Литература

1. *Акулич М. Н.* Интернет-троллинг: понятие, содержание и формы // Вестник Тюменского гос. ун-та. – 2012. – № 8. – С. 47–54.
2. *Алексеенко И. С., Гукосьянц О. Ю.* Специфика интернет-опосредованной коммуникации и феномен виртуальной языковой личности // Политическая лингвистика. – 2014. – № 4. – С. 193–202.
3. *Бузова О. В.* Троллинг: культурологический аспект // Культура, наука, образование: проблемы и перспективы: материалы IV Всероссийской научно-практической конференции (г. Нижневартовск, 12–13 февраля 2015 года) / отв. ред. В. Коричко. – Нижневартовск: Изд-во Нижневартовского гос. ун-та, 2015. – Ч. I. – С. 13–15.
4. *Булохова М. И.* Приемы троллинга как лингвистические средства манипуляции эмоциями пользователей Интернета и культура спора как способ борьбы с троллями // Первая международная научно-практическая конференция «Современные проблемы социально-гуманитарных и юридических дисциплин: вклад молодых ученых в развитие науки»: сб. материалов. – Краснодар, 2012. – С. 109–112.
5. *Внебрачных Р. А.* Троллинг как форма социальной агрессии в виртуальных сообществах // Вестник Удмуртского ун-та. Филология. Социология. Психология. Педагогика. – Вып. 1. – Ижевск: Удмуртский гос. ун-т, 2012. – С. 48–51.
6. *Гладчинкова Е. А., Щербакова Г. Г.* Троллинг и флейминг: к определению понятий // Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия: материалы 2-й Международной научно-практической конференции. – Вып. 2. – Ростов-на-Дону: Донское книжное издательство, 2012. – С. 79–84.
7. *Голубицкий Сергей*. От Лулзов к Черной Тетраде: печальная эволюция форумных активистов. URL: http://computerra.ru/9447.
8. *Голубицкий Сергей.* Анонимность, эффект расторможения, коммунальная идентичность и упыри на форумах Интернета. URL: www.computerra.ru.
9. *Горина Е. В., Лазарева Э. А.* Интернет – это виртуальный дискурс: к вопросу о терминах // Политическая лингвистика. – 2014. – № 3 (49). – С. 21–23.
10. *Данько Ю. А.* Социальные сети как форма коммуникации: политологическое измерение: дис. … канд. политич. наук (на укр. языке). – Харьков, 2015.
11. *Добровольская В. Е.* Традиционные сюжеты анекдотов в творчестве толкиенистов и анимэ-фольклоре // Интернет-фольклор: сб. статей / отв. ред. А. С. Каргин. – М.: ГРЦРФ, 2009. – С. 131–145.
12. *Драгунов Сергей.* Троллинг и кибербуллинг – новые виды виртуального террора. URL: http://www.broadband.org.ua/pressa/2076.
13. *Загидуллина М. В.* Развитие интернет-троллинга и проблемы «шума» в канале коммуникации // Вестник Челябинского гос. ун-та. Филология. Искусствоведение. – 2013.– № 31 (322).– Вып. 84. – С. 35–37.
14. *Зиновьева Н.* Самопрезентация личности в сети Интернет. Особенности виртуальной самопрезентации личности. – Изд-во Lambert Academic Publishing, 2012. – 140 с.
15. *Коняева Ю. М.* Троллинг как коммуникативный феномен (из наблюдений над культурно-просветительскими медиатекстами) // Научные ведомости Белгородского гос. ун-та.

Гуманитарные науки. Филология. Журналистика. Педагогика. Психология. – 2015. – № 18 (215). – Вып. 27. – С. 140–144.
16. *Костина А. В.* Интернет-сообщества: что обсуждается в Интернете? От думеров – до фурри. От игнора – до троллинга. – М.: Книжный дом «Либроком», 2011. – 176 с.
17. *Ксенофонтова И. В.* Специфика коммуникации в условиях анонимности: меметика, имиджборды, троллинг // Интернет и фольклор: сб. статей / отв. ред. А. С. Каргин. – М.: ГРЦРФ, 2009. – С. 285–293.
18. *Леонтьев В. В.* Стратегии невежливой коммуникации в компьютерном дискурсе // Человек. Язык. Культура: сб. научных статей, посвященных 60-летнему юбилею проф. В.И. Карасика: в 2-х ч. – Киев: Издательский дом Д. Бураго, 2013. – Ч. I. – С. 714–723.
19. *Сазонов Евгений*. Феномен «желтой прессы» // Relga: Научно-культурологический журнал. – 2015. – № 2 (290). URL: http://www.relga.ru/.
20. *Семенов Д. И.* Функции сетевого троллинга // Успехи современного естествознания. – 2012. – № 5. – С. 172–173.
21. *Семенов Д. И., Шушарина Г. А.* Сетевой троллинг как вид коммуникативной деятельности // Международный журнал экспериментального образования. – 2011. – № 8. – С. 135–136.
22. *Строителев Н. М.* Троллинг как разновидность провокационного речевого поведения // Электронное научное издание «Ученые записки ТОГУ». – 2013. –Т. 4. – № 4. – С. 663–668. URL: http://ejournal.khstu.ru/.
23. *Фадеичева М. А.* Экзистенциальные основания языка вражды // Дискурс-Пи. – Екатеринбург, 2015. – № 1 (18). – С. 20–24.
24. *Федотова Александра.* Двушечка за троллинг. Чем может обернуться для россиян их репосты и лайки в соцсетях // Lenta.ru. 14 августа 2015 года.
25. *Филиппова Татьяна*. Троллинг как национальная забава. Слово редактора // Библиотечное дело. – 2012. – № 22 (184).
26. *Чудинов В. А.* Троллинг как разновидность молодежного нигилизма. URL: http://runitsa.ru/publications/951/.

УДК 81'42

В. Н. Степанов
(Международный университет бизнеса и новых технологий, Ярославль)

ТРАНСГРЕССИВНОСТЬ КАК СУЩНОСТНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СОВРЕМЕННОГО МЕДИАТЕКСТА В МИРОВОЙ СЕТИ[1]

В данной статье анализируется трансгрессия как актуальный трансформационный процесс, характеризующий современное медиапространство и представляющий собой одно из проявлений силы (power). К сфере проявления трансгрессии в массовой коммуникации автор относит трансгрессивное поведение субъектов массовой коммуникации, трансгрессивные медиастратегии, трансгрессивные медиатексты. Анализ интенционального контекста трансгрессии позволяет реконструировать намерения и мотивы участников (трансгрессоров), их роли. Изучение институционального контекста трансгрессии позволяет выявить трансформации в системе медиа, медиаконтента, медиажанров и в медиатексте в целом. Трансгрессивность автор рассматривает как отличительный признак современного медиатекста, который проявляется в его структуре, композиции и языке (стиле). Трансгрессивный потенциал медиатекста реализуют инородные вставные текстовые элементы – метки, или теги (хештеги, гиперссылки, геолокация, геотегинг). Важнейшей функцией трансгрессивности медиатекста является приращение паблицитного капитала субъекта медиапространства. Особое мастерство спичрайтера и блогера сегодня заключается в использовании гиперссылок в качестве композиционного стержня медиатекста и способности за их счет придавать смысловую глубину модульному по своей природе медиатексту.

Ключевые слова: медиатизация, медиатекст, медиа- и интернет-стилистика, трансгрессия, трансгрессивность, хештег, гиперссылка, геолокация, геотег.

---

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. Проект «От контекстов употребления к концептосфере: философская традиция интерпретации понятия Kraft («сила»)» № 15-03-00537/15.

Valentin N. Stepanov
(International University of Business and New Technology, Yaroslavl)

TRANSGRESSIVENESS AS AN ESSENTIAL CHARACTERISTIC OF MODERN MEDIA TEXT IN THE INTERNET

The article is focused on transgression as a token of transformation process and explored in the context of modern media sphere. The author maintains that transgression reveals certain sort of power embedded in a media text. Transgressive behavior of actors of mass communication, transgressive media strategies and transgressive media texts each in its own way should be viewed as representing transgression in mass communication. The analysis of the intentional context of transgression leads to reconstruction of intentions and motives of transgression actors and their roles in certain communicative situations. The study of the institutional context of transgression reveals transformation of the system of media, media content, media genres, and media text in general. Thus, the notion of transgressiveness is defined as a to date characteristic of a media text which is revealed and explored through its structure, composition and style. Transgressive potential of a media text is determined and represented through insertion of heterogenic text elements such as different types of tagging (hashtags, hyperlinks, geolocation, geotags) into the text. The main function of the media text transgressiveness is to raise so called publicity capital of a media subject initiating or releasing the media text. Using tags as a key compositional means of a modular media text requires of speech writers and bloggers the full amount of well developed professional skills.

Key words: mediatization, media text, media and Internet stylistics, transgression, transgressiveness, hashtag, hyperlink, geolocation, geotag.

Важным, на наш взгляд, для осмысления современных трансформационных процессов в сфере массовой коммуникации становится процесс **медиатизации**, т. е. *формирование новой среды с помощью каналов массовой коммуникации, виртуализация и запечатление (импринтинг) социального опыта*. Именно медиатизация человеческого общения обусловливает могущество и приоритет медиареальности (Lundby 2014).

Исследование гетерогенной по своей природе массовой коммуникации началось с предметной области, которую отечественный исследователь Л. Ю. Щипицина называет «компьютерно-опосредованной коммуникацией» (Щипицина 2009, 2011). Некоторые исследователи усматривают у современной сетевой коммуникации признаки нового вида словесности (Медведева 2014).

Появление и активное развитие новых коммуникационных форматов в Мировой сети заставляет современных исследователей переосмысливать традиционные представления о языке, речи и науках, их изучающих. Австрийский исследователь Б. Тошович видит перспективы современной стилистики в развитии интернет-стилистики и выделяет ее сущностные пограничные характеристики: «Интернет и стилистика сходятся в том, что оба одновременно и публичны, и индивидуальны. Для стилистики является очень привлекательным важнейший признак Интернета – субъективность. Они сближаются и тем, что значительная часть сетевого и стилистического материала отличается отсутствием строгих правил организации и что у обоих нарушение норм является важнейшей чертой» (Тошович 2015: 32).

Щипицина выделяет следующие специфические для интернет-коммуникации параметры:

- электронная форма существования текста,
- гипертекстуальность,
- мультимедийность,
- интерактивность,
- синхронность,
- количество,
- эксплицированность коммуникантов (Щипицина 2009: 11).

Н. И. Клушина определяет следующие точки роста современной стилистики: функциональная стилистика, медиастилистика, интернет-стилистика, интегративная стилистика и философия стилистики (Клушина 2015: 46).

Одной из очевидных онтологических характеристик медиапространства сегодня является текстогенность, которую М. Г. Шилина определяет как «комплекс антропогенно-технических факторов порождения, трансляции, обмена текстами публичной коммуникации, ведущих к образованию и функционированию новых типов носителей и генераторов информации во всех сферах жизнедеятельности и оказывающих на них влияние» (Шилина 2012).

Трансформационные процессы в системе жанров в сфере медиапространства вызвали к жизни специальное наименование «интернет-жанрология» (Антонова 2014; Киуру 2014) и интерес к реструктурированию интернет-жанров, описанию новых жанров и переосмыслению «традиционных», например поста (Степанов 2013, 2014), блога (Щипицина 2012), pin (Киуру 2015), байлайнера (Пескова 2014), экономического и политического прогноза (Шевелевский 2015).

Медиатекст, как основная единица медиареальности, является ключевым средством (и посредником, или медиатором) и той действующей силой, с помощью которой многочисленным адресатам транслируется соответствующая модель социального познания. При этом в разработке и структурировании медиатекста ключевую роль играют в первую очередь *универсальные когнитивные механизмы*, максимально генерализованные – наднациональные, надгендерные, надъязыковые, индифферентные интеркультурной данности.

С коммуникативной точки зрения, медиатекст содержит модель социального познания в миниатюре и делает это с помощью сукцессии коммуникативных регистров в речи: от *репродуктивного* (через чувства) через *информативный* (через осознание) к *генеритивному* (к обобщению) (Степанов 2008).

С семиотической – медиатекст имеет поликодовую природу, коды не просто взаимо-

действуют, но дополняют друг друга в соответствии с принципом *комплементарности* и формируют группы: *коммуникативные, визуальные, музыкальные, текстовые, риторические, идеологические, культурные* (Степанов 2010).

С точки зрения речевого воздействия и проявления речевой воли (силы) автора, медиатексты апеллируют к *разуму*, *чувствам* или *бессознательному* человека, используя для этого разные способы воздействия: *аргументацию* (убеждение), *суггестию* (внушение), *провоцирование* (заражение) (Степанов 2006, 2014).

Интенсивное развитие сферы массовой коммуникации стало вызовом и трансформирует традиционное, складывавшееся годами, представление о персональных (личностных) и профессиональных компетенциях современного человека, «жителя Интернета» (Тошович 2015: 33). Публичная деятельность, в том числе и преимущественно в социальных сетях, становится неотъемлемой частью профессиограммы современного специалиста, вне зависимости от того, какой сферой общественной деятельности он занимается.

Исследователи отмечают категориальное усложнение образов автора и адресата массовой коммуникации (Каминская 2008).

Т. Л. Каминская в качестве элементов в структуре категории «образ адресата» применительно к дискурсу медиа выделяет оппозицию «свой – чужой», ориентацию на речевой опыт адресата, картину мира, стиль жизни и социальный статус адресата (Каминская 2008).

Среди новых (но очень активных) субъектов современного медиапространства прочное место заняли блогеры и включились в процесс его трансформации (Каминская 2014; Рыбина 2015). Онлайн-медиа не могут игнорировать блогинг как явление Интернета. Для редакций блогеры являются источником информации и агентами продвижения медиа в социальных сетях.

Организаторы конференции «Media and Transgression» (Media and Transgression… 2016) толкуют ключевое для данной статьи понятие трансгрессии широко, но в соответствии с этимологией слова – как нарушение правил, установлений, правовых и морально-этических норм, традиций (от лат. *trans*, «через, пере-», и *gradi*, past participle от *gressus*, «идти»), как одно из проявлений силы (power). Это понятие используется традиционно в библеистике (для обозначения нарушений заповедей Бога), праве (нарушение закона, неисполнение обязательств), геологии (наступление моря на сушу).

К сфере проявления трансгрессии в массовой коммуникации, на наш взгляд, относятся следующие феномены:

- *трансгрессивное поведение* субъектов массовой коммуникации,
- *трансгрессивные медиастратегии*,
- *трансгрессивные медиатексты*.

Анализ трансгрессивных кейсов, с одной стороны, позволяет, реконструировать *интенциональный контекст* трансгрессивной коммуникации, намерения и мотивы участников, их роли, с другой – *институциональный контекст*, т. е. трансформации в системе медиа, медиаконтент, его жанровый и содержательный пласты.

Анализ трансгрессивного поведения в конфликтной ситуации, сложившейся в отношениях между Россией и Украиной, позволил исследователям (Samoilenko, Erzikova, Davydov, Laskin 2015) реконструировать интенциональный контекст медиаактивности конфликтующих сторон. Авторы убедительно показали, что поведение «трансгрессоров» приводит к уничтожению, или разрушению, репутации контрагента и их собственной и назвали это явление «character assassination».

Актуальным в современной медиакультуре оказался феномен медиафейков (Иссерс 2014; Манипуляции… 2014). При этом *фейковыми* могут быть любые сообщения и их форматы: фейковые новости, фейковый сайт, фейковая персона, фейковая цитата, жанровый фейк.

В реальном мире человек находит психологические средства защиты от нежелательных воздействий, и в виртуальной среде появляются различные стратегии коммуникации, позволяющие достигать определенного уровня психологического комфорта и являющиеся своеобразными компенсаторными механизмами, против усвоения предлагаемо-

го Интернетом и публичной сферой потока информации. Современные исследователи выделили особую медиастратегию, которая возникает как реакция на трансгрессивное воздействие массовой коммуникации и сама парадоксально становится трансгрессивной. Медиафеномен *инридиопатии* рассматривается Е. Н. Зариной и В. Н. Степановым (Зарина, Степанов 2013) как типический для современной медиакультуры и сознания ее носителей и описывается с опорой на эмпирический материал интерактивного общения (блоги, форумы и другие средства социального общения).

Инридиопатией (от лат. inrīdēre, inrīdeō, «высмеивать», и греч. πάθος, páthos, «страсть, состояние, свойство») авторы предлагают называть часто преувеличенную, и даже гипертрофированную, *склонность и одержимость высмеивать публично все и вся вне зависимости от тематики общения, коммуникативного пространства, эстетической обусловленности и ситуативной уместности общения*. Инридиопатия – это медиастратегия, суть которой заключается в публичном высмеивании с использованием средств массовой коммуникации (медиа), преимущественно Интернета.

Экзистенциальный стресс от невозможности проявления и утверждения себя в медиапространстве относится к психологическим издержкам, которые индивид стремится компенсировать пересмешничеством и превращением важного и непонятного в неважное и понятное.

Трансгрессивный характер медиатекста проявляется на нескольких уровнях: *структурном* (и проявляется в институционализации новых текстовых элементов), *композиционном* и собственно *лингвистическом*.

В структуру медиатекста вошли конституенты с высоким трансгрессивным потенциалом. К таким *трансгрессивным элементам* в медиатексте относятся, на наш взгляд, различного рода метки, или теги (tag) – *хештеги, гиперссылки, геолокация*.

Слово или фраза, которым предшествует символ «#», называются **хэштегами**, или хештегами, метками (от англ. hashtag, от hash – символ «решетка» + tag, «ярлык, этикетка, бирка; метить»). С их помощью сообщения объединяются в группу по теме или типу.

Активным элементом современного медиатекста стала **гиперссылка** (от англ. hyperlink). При нажатии на гиперссылку происходит переход к другому документу или его элементу. Как правило, в качестве гиперссылки используется строка с адресом одной веб-страницы (или элемента этой страницы), размещенная на другой веб-странице. В социальных сетях «ссылаться» можно на *индивидуальные и групповые аккаунты, сообщества, мероприятия*.

Определение реального географического местоположения электронного устройства, например радиопередатчика, сотового телефона или компьютера, подключенного к Интернету, называется **геолокацией** (англ. geolocation). Словом «геолокация» может называться как процесс определения местоположения такого объекта, так и само местоположение, установленное таким способом и представленное в медиатексте в виде обособленного по отношению к тексту знака.

Геотегинг (геотэгинг, геотеггинг; гео- от греч. γη, или греч. Γαια, «земля», англ. tag) заключается в присоединении географических метаданных к различным информационным ресурсам (веб-сайты, RSS, фотографии), характеризующие эти ресурсы с точки зрения точки съемки, месторасположения и т. п. Геотегинг помогает в поисках различной информации, привязанной к определенной местности. Поисковые системы с поддержкой геотегинга полезны для поиска привязанных к определенному месту новостей, веб-сайтов или других ресурсов.

При активации гиперссылок читатель «трансгрессирует» на одноименную страницу. Следствием такой «волшебной» трансгрессии становится увеличение количества просмотров, лайков, комментариев, репостов – основных показателей SMM.

В композиционном ключе современный медиатекст определяется требованиями **модульности**, чтобы облегчить читателю или зрителю охватить взглядом сразу весь текст. Понятие «модульный текст» Е. В. Быкова определяет как «текст, весь речевой массив которого располагается только на одной плоскости, т. е. буквально «втиснут» в заранее

заданные параметры, ограниченные определенными, заранее заданными стандартизированными габаритами плоскости» (Быкова 2012: 42). Ярким примером проявления модульности в медиатексте является ставшее притчей во языцех ограничение количества символов в посте в социальной сети Twitter.

Особое мастерство спичрайтера и блогера сегодня заключается в использовании гиперссылок в качестве *композиционного стержня* медиатекста и способности за их счет придавать смысловую глубину модульному тексту.

В грамматическом отношении теги, представленные в виде гиперссылок, обнаруживают **грамматическое рассогласование** с языковым контекстом, поскольку теги, как правило, имеют форму именительного падежа и не меняют его во вставках, что выделяет их графически.

Тегинг, использование инородных трансгрессивных текстовых вставок, способствует приращению текстового смысла через «приглашение» других акторов (объектов гиперссылок: индивидов и сообществ) и привлечение их внимания к медиатексту, делает их (быть может, против их воли, но в этом и проявляется суть трансгрессии) участниками коммуникации. Таким образом, трансгрессивность является проявлением целенаправленной силы медиатекста, речевой воли его автора.

В прагматическом отношении **трансгрессивность** в медиатексте используется как *инструмент капитализации* и формирует особого рода капитал – паблицитный, или капитал публичности (Шишкина 2002). Трангрессивная коммуникация, на наш взгляд, способствует приращению паблицитного капитала субъектов медиапространства и использует для этого трансгрессивные медиатексты. Закладываемый (часто анонимным) автором в трансгрессивный медиатекст *паблицитный месседж* объясняет, почему разработчики профессионального стандарта специалиста по связям с общественностью (Профессиональный… 2014) в качестве особой персональной компетенции указали способность быть «человеком-антенной» и улавливать сигналы изменений и трансформировать их в перемены.

В заключение отметим следующее.

Трансгрессия обусловлена актуальными трансформационными процессами, идущими в современном медиапространстве, и сама способствует *трансфигурации* его субъектов. Анализ *интенционального контекста трансгрессии* позволяет реконструировать намерения и мотивы участников (трансгрессоров), их роли. Изучение *институционального контекста трансгрессии* позволяет выявить трансформации в системе медиа, медиаконтента, медиажанров и в медиатексте в целом.

Трансгрессивность является отличительным признаком современного медиатекста и проявляется в его структуре, композиции и языке (стиле). *Трансгрессивный потенциал* медиатекста реализуют инородные вставные текстовые элементы – метки, или теги (хештеги, гиперссылки, геолокация, геотегинг). Важнейшей функцией трансгрессивности медиатекста является приращение паблицитного капитала субъекта медиапространства. Особое мастерство спичрайтера и блогера сегодня заключается в использовании гиперссылок в качестве композиционного стержня медиатекста и способности за их счет придавать смысловую глубину модульному по своей природе медиатексту.

Литература

1. *Антонова Л. Г.* Прагматика жанра в современном медийном дискурсе // Активные процессы в социальной и массовой коммуникации: коллективная монография / отв. ред. и сост. Н. В. Аниськина, Л. В. Ухова. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2014. – С . 131–140.
2. *Быкова Е. В.* Модульный текст в массовой коммуникации: закономерности речевой организации: дис. … д-ра филол. наук. – СПб., 2012. – 315 с.
3. *Гайда С.* Актуальные задачи стилистики // Актуальные проблемы стилистики. –2015. – № 1. – С. 11–21.

4. *Зарина Е. Н., Степанов В. Н.* Инридиопатия как медиастратегия публичной коммуникации: зачем смеетесь? // Иностранные языки в высшей школе. – №4 (27). – Рязань, 2013. – С. 5–68.
5. *Иссерс О. С.* Медиафейки: между правдой и мистификацией // Коммуникативные исследования. – 2014. – № 2. – С. 112–123.
6. *Каминская Т. Л.* Автор и адресат в современных медиатекстах // Вестник Санкт-петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. – Вып. 2-2. – 2008. – С. 314–319.
7. *Каминская Т. Л.* Блогер как актор развития онлайн-журналистики // Медиалингвистика. – Том 3. – 2014. – С. 191–193.
8. *Каминская Т. Л.* Структура категории «образ адресата массовой коммуникации» // Вестник Челябинского государственного университета. – Вып. 12. – 2008. – С. 47–55.
9. *Киуру К. В.* Интернет-жанрология как направление изучения журналистского текста // Вестник Челябинского государственного университета. – 2014. – № 26 (355). Филология. Искусствоведение. – Вып. 93. – С. 51–55.
10. *Киуру К. В.* Pin как жанр текста в социальных медиа и его дискурсивные характеристики // Вестник Челябинского государственного университета. – 2015. – № 5 (360). Филология. Искусствоведение. – Вып. 94. – С. 224–228.
11. *Клушина Н. И.* Современная стилистика: проблемы и перспективы // Актуальные проблемы стилистики. – 2015. – № 1. – С. 44–47.
12. Манипуляции в СМИ-2014: «фейки» и «утки» // Пресс-служба. – 2014. – №12. – С. 92–94.
13. *Медведева Е. В.* Основные характеристики сетевой коммуникации как нового рода словесности // Активные процессы в социальной и массовой коммуникации: коллективная монография / отв. ред. и сост. Н. В. Аниськина, Л. В. Ухова. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2014. – С. 165–177.
14. *Пескова Е. Н.* Байлайнер как жанр интернет-коммуникации // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Лингвистика». – Вып. 11. – 2014. – № 2.– С. 10–13.
15. Профессиональный стандарт специалиста по связям с общественностью. URL: http://www.raso.ru/profstandart.php
16. *Рыбина Т. И.* Проблемы правового статуса блогера // Наука и современность. – Вып. 40. – 2015. – С. 40–44.
17. *Степанов В. Н.* Жанровые признаки поста в социальной сети (на примере Facebook) // Развитие русскоязычного медиапространства: коммуникативные и этические проблемы. – М.: Изд-во АПК и ППРО, 2013. – С. 175–181.
18. *Степанов В. Н.* Пост как инструмент формирования социального капитала в социальной сети (на примере социальной сети Фейсбук) // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». – Вып. 1. – 2014. – С. 183–191.
19. *Степанов В. Н.* Провоцирование в социальной и массовой коммуникации. – СПб.: Роза мира, 2008. – 268 с.
20. *Степанов В. Н.* Речевое воздействие в рекламе (учебно-практическое пособие). – Ярославль: Изд-во МУБиНТ, 2006. – 42 с.
21. *Степанов В. Н.* Семиотические коды в рекламном тексте // Иностранные языки в высшей школе. Научный журнал. – Вып. 2 (13). – Рязань, 2010. – С. 92–100.
22. *Степанов В. Н.* Эмоциогенная речь и ее жанры в рекламе // Психологическое воздействие в межличностной и массовой коммуникации / отв. ред. А. Л. Журавлева, Н. Д. Павлова. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014. – С. 121–137.
23. *Тошович Б.* Интернет как стилистическое пространство // Актуальные проблемы стилистики. – № 1. – 2015. – С. 27–35.
24. *Шевелевский И. М.* Экономический и политический прогноз в современном медиадискурсе (на материале деловых медиа) // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». – 2015. – № 1. – С. 216–221.

25. *Шилина М. Г.* Текстогенные трансформации инфосферы. Методологический эскиз становления Интернета. – М.: ООО «РИЦ Северо-Восток», 2012. – 734 с.
26. *Щипицина Л. Ю.* Жанровая характеристика массово-информационного дискурса компьютерно-опосредованной коммуникации // М. В. Ломоносов и полиязычное информационно-образовательное пространство. Ч.1. – Архангельск: Арктический федеральный ун-т, 2012. – С. 263–268.
27. *Щипицина Л. Ю.* Жанры компьютерно-опосредованной коммуникации. –Архангельск: Поморский ун-т, 2009. – 236 с.
28. *Щипицина Л. Ю.* Комплексная лингвистическая характеристика компьютерно-опосредованной коммуникации (на материале немецкого языка): дис. … д-ра филол. наук. – Воронеж, 2011. – 238 с.
29. *Шишкина М. А.* Паблик рилейшнз в системе социального управления. – СПб.: Палладамедиа : РУСИЧ, 2002. – 442 с.
30. Lundby Knut (Ed). Mediatization of Communication. – Berlin: De Gruyter Mouton, 2014. – 752 p.
31. Media and Transgression, International Conference at Lund University (Department of Communication and Media, Lund University, Sweden, March 17th 2016). URL: http://www.kom.lu.se/forskning/konferenser-och-natverkstraffar/media-and-transgression/.
32. Sergei A. Samoilenko, Elina Erzikova, Sergey Davydov & Alexander V. Laskin. The Practices of Character Assassination: Russian and U.S. News Coverage of the 2014. Airplane Crash in Eastern Ukraine // Old and New: Tradition and Innovation Within the Political Marketing Discipline. The Political Marketing Forum, 4th Edition. Uppsala Centre for Russian and Eurasian Studies, Uppsala University, 13-14 August 2015. – Ss. 21–22.

СТИЛИСТИКА ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕЧИ

- Художественная реинкарнация
- Художественное письмо
- Наррация
- Художественный дискурс
- Современный литературный процесс
- Эстетические установки
- Духовные и культурные приоритеты
- Социальное и культурное пространство
- Художественный топос медиа
- Стилистический континуум
- Индивидуально-авторская интерпретация
- Читательское сознание

Бранко Тошович:

«Существуют самые различные художественные приемы, направленные на создание эффекта особого и оригинального повествования. Одни из них базируются на изменении качества, другие на модификации количества, третьи на перестановке знаков и их замене, четвертые на самых различных сдвигах. Приемы могут касаться (а) слов, словосочетаний, предложений и целых текстов, (б) парадигматики и синтагматики, (в) горизонтального и вертикального контекстов и т. д. Существуют и приемы, оперирующие не с формальным материалом, а с реалиями. Одним из них является превращение известной личности (ученого, художника и т. п.) в виртуальную. Такой прием мы называем художественной реинкарнацией (ХудРеи). Речь идет о создании из конкретного индивида виртуального (поэтического, прозаического и драматического), превращении его в героя повествования, художественный образ, литературный мотив. ХудРеи близка на первый взгляд к прецедентности, но они существенно отличаются: прецедентные единицы являются широко известными именами, используемыми в самых различных текстах (художественных, публицистических, научных, политических и др.) как культурные знаки, символы определенных свойств, в то время как ХудРеи подразумевает не трансформацию имени собственного в имя нарицательное, а оживление умершей личности и ее превращение в героя художественного произведения или художественный мотив».

Андрей Николаевич Безруков:

«Наррация в художественном тексте зависит от онтологически свободной деятельности писателя».

«Рождение дискурсивной фазы происходит в результате взаимосцепления креативного и рецептивного, создающего (определяющего) и воспринимающего (формирующего)».

«Язык в границах коммуникации нормирован, абстрактен. Дискурс контактно индивидуализирует язык автора, делает его на практике активной сферой художественного письма/рисования».

«…дискурс художественный рациональнее понимать как вид мышления, бесспорно индивидуального».

Анна Викторовна Люликова:

«…вопреки интенсивному влиянию массмедиа на общественное сознание, именно субъективность информационного потока является основным фактором, затрудняющим признание абсолютным большинством того, что медиа занимают прочные позиции как в структуре общественного сознания, так и в современном культурном пространстве».

«…массмедиа конструируют модель действительности и выстраивают иерархию отношений с аудиторией, где медиа принадлежит очевидное интеллектуальное превосходство».

«В индивидуально-авторской интерпретации медиакультура – это результат непрерывного коммуникативного взаимодействия медиа и аудитории, в рамках которого аудитория заявляет о своих предпочтениях, определяя смысловые ориентиры информационного потока, а массмедиа организуют ту самую ментальную среду с актуальным и резонансным информационным продуктом, запрашиваемым социально ангажированной мыслью».

УДК 81'38

Бранко Тошович
(Университет Карла и Франца в Граце, Австрия)

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ РЕИНКАРНАЦИЯ

Существуют самые различные художественные приемы, направленные на создание эффекта особого и оригинального повествования. Одни из них базируются на изменении качества, другие на модификации количества, третьи на перестановке знаков и их замене, четвертые на самых различных сдвигах. Существуют и приемы, оперирующие не с формальным материалом, а с реалиями. Одним из них является превращение известной личности (ученого, художника и т. п.) в виртуальную. Такой прием мы называем художественной реинкарнацией (ХудРеи). В статье речь идет о создании из конкретного индивида виртуального (поэтического, прозаического и драматического), превращении его в героя повествования, художественный образ, литературный мотив.

Ключевые слова: художественная реинкарнация, Иво Андрич, повествование, трансформация, виртуальная идентичность, виртуальная личность, поэзия, проза, драма.

Branko Tošović
(University of Graz, Austria)

ARTISTIC REINCARNATION

There are a wide range of artistic methods focused on creating the effect of personal and original narrating. Some of them are based on a change in quality, some on a modification of quantity, some on movement of the signs and their replacement, some on various shifts. There are also procedures that do not operate with formal material, but with realia. One of them is the transformation of famous (scientists, artists, etc.) into virtual personalities, in other words, the transformation of the real into the virtual identity. The author calls this procedure – the artistic reincarnation. This paper provides an analysis of cases of the real into the virtual personality (poetic, prose and drama) transformations.

Key words: artistic reincarnation, Ivo Andric, narrating, transformation, virtual identity, virtual personality, poetic, prose, drama.

Существуют самые различные художественные приемы, направленные на создание эффекта особого и оригинального повествования. Одни из них базируются на изменении качества, другие на модификации количества, третьи на перестановке знаков и их замене, четвертые на самых различных сдвигах. Приемы могут касаться (а) слов, словосочетаний, предложений и целых текстов, (б) парадигматики и синтагматики, (в) горизонтального и вертикального контекстов и т. д. Существуют и приемы, оперирующие не с формальным материалом, а с реалиями. Одним из них является превращение известной личности (ученого, художника и т. п.) в виртуальную. Такой прием мы называем художественной реинкарнацией (ХудРеи). Речь идет о создании из конкретного индивида виртуального (поэтического, прозаического и драматического), превращении его в героя повествования, художественный образ, литературный мотив. ХудРеи близка на первый взгляд к прецедентности, но они существенно отличаются: прецедентные единицы являются широко известными именами, используемыми в самых различных текстах (художественных, публицистических, научных, политических и др.) как культурные знаки, символы определенных свойств, в то время как ХудРеи подразумевает не трансформацию имени собственного в имя нарицательное, а оживление умершей личности и ее превращение в героя художественного произведения или художественный мотив. Объектом такой трансформации являются выдающиеся исторические лица, известные деятели науки, культуры, литературы, спорта…

В основе ХудРеи лежит транспозиция – перенос индивида из реального пространства, которое называем прошлой жизнью, в виртуальное пространство, которое называем художественной жизнью. На базе идиореалемы (реальной личности) возникает идиовиртуема («ожитая» личность). Целевым пространством (пространством для переноса) могут быть все временные планы: прошлое (идиореалема находится в своем времени – в прошлом, точнее, попадает в виртуальное минувшее время), настоящее (идиореалема транслируется во время повествования), будущее (идиореалема становится футуристической). Данный процесс происходит так, что реинкарнатор – генератор оживления (литератор) выбирает реинкарнат – объект оживления (конкретный индивид) и превращает его в реинкарнатуру (результат оживления). При этом соотносятся реальность и постреальность.

ХудРеи используется в различных формах художественного творчества и во всех литературных родах (в поэзии, прозе и драме), соответственно выделяются три ее разновидности – **встиховление** (стиховая реинкарнация; серб. ustihovljenje, нем. Inversierung), **вповествование** (прозаическая реинкарнация; серб. upričavanje, нем. Innarratierung) и **впьесение** (драматическая реинкарнация; серб. udramatizavanje, нем. Indramatisierung)[1].

Транспозиция литературного идентитета выступает в трех формах – как транспозиция личности писателя, транспозиция его персонажей и транспозиция его мотивов. В первом случае речь идет о реинкарнации, созидающей идиореалемы (художника, реально существовавшего), во втором и в третьем – о а) реинкарнации созидательной художественной идиовиртуемы **А** (героя художественного текста, являющегося идиовиртуемой – образом, порожденным автором) и б) создании художественной идиовиртуемы **Б**. Таким образом, получается двойная трансформация – художественная модификация художественной модификации.

Каждая национальная литература имеет господствующие объекты ХудРеи. В русской литературе главным кандидатом для этого являются классики А. С. Пушкин, Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский, А. П. Чехов… Превращения выдающихся деятелей в литературные персонажи отличаются различными особенностями, требующими индивидуального уточнения (например, превращение Пушкина в героя повествования можно назвать опушкиновением).

Для конкретного анализа ХудРеи мы выбрали не русскую литературу, а сербскую, в которой существуют яркие примеры та-

[1] Прием, при помощи которого умерший литератор становится в художественном произведении живым, мы называем на сербском языке *oličenje* (от слова *lik* ‘образ’, букв. ‘воображение’).

кого приема. В ней главным транспонируемым научным идентитетом является известный изобретатель в области производства и передачи электроэнергии Никола Тесла (см. Ajdačić 2014). Среди литераторов выделяются Иво Андрич, Милош Црнянский, Петр Кочич (см. Stojičić 2015c), Борислав Станкович, Бранко Чопич[2] и Данило Киш (см. Stojičić 2015d). Но на первом месте находится лауреат Нобелевской премии за 1961 год Иво Андрич.

Прием, которым Иво Андрич внедряется в литературный текст, мы называем **вандричением** (серб. uandrićavanje, нем. Inandricierung). Этот прием выступает в трех разновидностях: транспозиции личности Андрича, транспозиции его персонажей и транспозиции его мотивов.

Иво Андрич в последнее время все больше становится предметом художественной обработки. Причины этому разные. Во-первых, речь идет о самом известном писателе южных славян. Во-вторых, еще при жизни он стал литературным каноном и эталоном литературного творчества, языка и стиля. В-третьих, никто из южнославянских писателей не объединял в себе так сильно два компонента – литературный и философский: Андрич был не только выдающимся художником, но и великим мыслителем (к тому же он почти два десятилетия находился на дипломатической службе – с 1922 по 1941 гг.). В-третьих, своей жизнью и манерой поведения он сильно выделяется среди всех писателей своего (да и нашего) времени. В-четвертых, он настолько высоко поднял планку художественного творчества, что такая высота является недосягаемой для многих. Это вызывает самые различные фрустрации и поощряет интерес и стремление использовать его как художественный мотив и как художественного героя. Андрич все чаще встраивается в стихотворения, прозаические формы, пьесы и становится объектом трех родовых ХудРеи: встиховления, вповествования и впьесения.

Создание виртуального Андрича имеет точки соприкосновения с культуремами (единицами культуры) и мемами (единицами культурной информации). В качестве последних выступает любая идея, символ, манера, образ действия, мотив, передаваемые в коллективе, в культуре и (в данном случае) в литературе при помощи вербальных кодов (языка) и невербальных средств (аудиовизуальных, ритуалов, жестов и т. п.). Иво Андрич становится объектом литературного подражания, копирования и клонирования, он превращается в своеобразный мем – знак с особой информацией. Так как в основе термина *мем* лежит греческое слово μίμημα ‘подобие’, его семантика соответствует ХудРеи, результатом которой является создание образа, подобного Андричу. Сходство между ХудРеи и мемами состоит и в том, что в этом приеме происходит удвоение Андрича (реальный превращается в виртуального), возникает репликация, типичная для мемов. И в ХудРеи проходит процесс размножения и подражания, так что уже в настоящее время существует целый ряд художественных копий реального Андрича. В то время как в мемах репликаторы для размножения копируют сами себя в форме авторепликации, в ХудРеи речь идет о репликации, порождаемой другими, причем реплицируется оболочка, которая заполняется самым различным содержанием. В отличие от мемов, выживание которых зависит от наличия по крайней мере одного носителя, ХудРеи никогда не зависит от одного носителя, а от культурной значимости объекта репликации: чем он сильнее закрепляется в данной культуре, тем больше он имеет возможность стать мемом. Позиция Андрича в сербской культуре настолько прочна, что он становится ориентиром во многих отношениях и предметом самых различных видов художественной обработки, репликации, копирования. Процесс вандричения является по сути дела процессом мемизации Андрича, в которой писатель спонтанно распространяется как идиовиртуема и становится не только литературным, но и культурным мемом.

[2] Насколько Петр Кочич и Бранко Чопич являются предметом ХудРеи, свидетельствуют три сборника их текстов (Stojičić 2015a, Stojičić 2015b, Stojičić 2015c) и роман *Republika Ćopić*: *Narodnooslobodilački roman u devet ofanziva* [Республика Чопич: Народно-освободительный роман в девяти наступлениях] – Žurić 2015.

Сходство между ХудРеи и мемикой состоит и в том, что мемы и идиовиртуемы видоизменяются, комбинируются и расщепляются, формируя все новые и новые варианты. Но мемы размножаются или по воле своего носителя, или помимо его воли, а мемы, возникающие в процессе встиховления, вповествования и впьесения, размножаются независимо от воли носителя по простой причине: идиореалемы нет в живых и, конечно, носитель не может соглашаться и не соглашаться с чем-либо.

Андричевский мем – это любой элемент, часть и аспект жизни и деятельности Иво Андрича, получивший широкое распространение и ставший в области языка, литературы, культуры и истории узнаваемым и значимым. Сюда относятся господствующие маркеры Андрича как человека, писателя, дипломата, точнее, «андричемы», вышедшие после его смерти в «свободное» плавание и ставшие реплицироваться и распространяться, особенно в художественных произведениях.

Так как ХудРеи касается не только Андрича, но и ряда других писателей, создается целый комплект, который можно назвать литературным мемическим комплексом или литмимплексом[3]. В сербской литературе такой образуют в первую очередь Андрич и Црнянский[4].

Творческое величие Андрича приводит к тому, что Андрич как художественный персонаж выходит за рамки одного поколения и переходит из категории горизонтального литературного мема (мема одного поколения) в вертикальный (мем нескольких поколений). Если вандричение станет модным и механическим приемом, такая репликатура может получить форму «ментального микроба», который, как и настоящие микробы, действует повсюду и передается в цепной реакции, вызывая побочные отрицательные воздействия.

Отдельным вопросом является соотношение вандричения и интернет-мемизации (передачи мемов через Сеть), как правило в целях развлечения (иногда с ориентацией на провокацию, злонамеренность). Благоприятной средой для этого являются блогосфера и форумы.

В ХудРеи Андрича выделяются два типа мемов – личностный и творческий.

К личностным относятся физиологические особенности, манеры поведения и одежда Иво Андрича. В таких мемах находятся маркеры писателя, выделяющие (характеризирующие) его. Репликации и распространению подвергаются (1) физиологические свойства – тихий, гнусавый голос Андрича, (2) черты характера и поведения – молчаливость (молчание), замкнутость, одиночество, мудрость, осторожность, (3) психофизиологические состояния – бессонница, (4) образ жизни и привычки – прогулка по определенному маршруту, (5) части одежды – шляпа, плащ, (6) предметы – очки, перо, сумка. Эти репликаторы размножаются спонтанно (как-то сами по себе), копируются и ведут к различным модификациям и мутациям. Репликаторы Андрича могут выступать отдельно, могут комбинироваться и объединяться. Комплексные мемы (мемкомплексы), относящиеся к этому писателю, бывают гомогенными (объединение мемов только одной из упомянутых четырех групп, например, в четвертой категории шляпы и плаща) и гетерогенными (комбинация мемов различных групп, например, первой и третьей, скажем молчаливости и прогулки).

Творческими репликаторами являются персонажи и художественные мотивы Иво Андрича.

Вандричение имеет точки соприкосновения с симуляцией – порождением гиперреального предмета при помощи моделей реального, не имеющих собственных истоков и реальности (Бодрийяр 2013). Результатами процесса симуляции являются симулякры. Превращение реального Андрича в художественный персонаж представляет собой своеобразный симулякр в том отношении, что создается мнимая реальность, псевдовещь. Процесс ХудРеи этого писателя можно соотнести с процессом симуляции, состоящей из четырех ступеней развития: 1) порядок – отражение базовой реальности (класс

[3] Слово *мимплекс* обозначает комплексные мемы, охватывающие несколько мемов.

[4] Насколько художественная обработка Милоша Црнянского порождает такой комплекс, свидетельствует хрестоматия Marčetić 2013.

копий – например, портретная фотография), 2) порядок – последующее искажение и маскировка данной реальности (класс функциональных аналогий; скажем, резюме или грабли как функциональная аналогия руки), 3) порядок – подлог реальности и сокрытие непосредственного отсутствия реальности (где больше нет модели; знак, скрывающий, что оригинала нет, собственно симулякр), 4) порядок – полная утрата всякой связи с реальностью, переход знака из строя обозначения (видимости) в строй симуляции, то есть обращение знака в собственный симулякр (знак, не скрывающий, что оригинала нет) – Версия 1-www. Если ступени симуляции соотнесем с художественным внедрением Андрича, то получается следующее: в первой стадии происходит отражение базовой реальности (отражение реального Андрича), во второй стадии маскируется и искажается базовая реальность (реальный Андрич модифицируется, иногда до неузнаваемости), в третьей стадии исчезает базовая реальность (пропадает все то, что было реальным в жизни Андрича), в пятой стадии виртуальный Андрич не имеет никакого отношения к реальному Андричу. Исследуемый нами материал подтверждает во многом эту динамическую модель симуляции.

Различие между ХудРеи и симуляцией в том, что симулякр – копия, не имеет оригинала в реальности, означаемого объекта в реальности (например, фотография – симулякр той реальности, которая на ней отображена) и что симулякр – это изображение без оригинала, изображение чего-то, что на самом деле не существует. Вандричение имеет в основе оригинал – это писатель, родившийся в 1982 г. и умерший в 1975 г. Оба приема сходятся в том, что у них нет обязательного точного изображения (например, на фотографии природы и в виртуальном Андриче, в пересказе реальной истории своими словами и в художественном изображении Андрича).

Подобие является главным маркером, связывающим идиовиртуемы и симулякры: подобно тому как картинка может казаться цифровой фотографией объекта, который она изображает, но на самом деле он не существует и не существовал никогда, художественный Андрич может быть таким, каким он никогда не был (например, он ругается матом, буянит, пьянствует – все это находим в Андриче как литературном персонаже). В обоих случаях речь идет о своеобразной подделке. Андрич, таким образом, становится литературной реальностью, отличающейся неподлинным и даже искаженным характером.

Симуляция и вандричение сходятся и в том, что речь идет об имитации, симуляции реальности и что в обоих случаях создается гиперреальность. Оба процесса могут стремиться стать единственной и самодостаточной реальностью. Как в ХудРеи, в симуляции происходит «замена реального знаками реального» (Бодрийяр), в результате чего симулякр оказывается принципиально несоотносимым с реальностью напрямую (Ильин 2001: 257), в нашем случае художественная копия Андрича становится несоотносимой с реальным Андричем. Вандричение – это своеобразное копирование оригинала и копирование копирования. «Признавая симуляцию бессмысленной, Бодрийяр в то же время утверждал, что в этой бессмыслице есть и ‘очарованная’ форма: ‘соблазн’, или ‘совращение’» (Ильин 2001: 257).

Вандричение можно соотнести и с толкованием Платона, согласно которому уже сам предмет реальности, изображаемый картиной или скульптурой, есть в некотором роде копия по отношению к идее предмета, эйдосу, а изображение этого предмета представляет собой копию копии и в этом смысле является фальшивым, неистинным (К вопросу-www).

ХудРеи имеет много точек соприкосновения с другим художественным приемом – стилизацией, особенно исторической (о ней более подробно см.: Tošović 1979; Tošović 1980).

Рассмотрим коротко все три приема ХудРеи Иво Андрича – встиховление, вповествование и впьесение.

Что касается встиховления Андрича, существуют четыре типа поэзии, в которой он появляется.

А) Первый отличается тем, что имя писателя находится не в основном тексте, а в одной из частей стихотворения, а именно в паратексте в форме посвящения (серб.

posveta, нем. Widmung), начинающегося конструкцией с дательным падежом (*к…*) после заголовка, например:

Miloš Crnjanski. Eterizam. – (*Drugu Ivi Andriću*); [5] ♦ Grigor Vitez. Jedan susret s Beogradom. – *Ivi Andriću* ♦ Đoko Stojičić. Alija Đerzelez. – *Ivi Andriću* ♦ Pavle Stanišić. Čuvar vremena. – *Ivi Andriću u spomen* ♦ Ranko Risojević. Četrnaesta bosanska elegija. – *Ivi Andriću*, „*Iz dumača i šuma, modrih*" ♦ Jovanka Stojčinović-Nikolić. Pismo. – (*Andriću*) ♦ Radmilo. V. Radovanović. Pružač utjehe. – *Ivi Andriću* ♦ Aleš Debeljak. Žena koje nema. – *Homage Ivi Andriću* ♦ Kristina Mrđa. Pjesma o Jeleni. – *Ivi Andriću* ♦ Nenad Grujičić. Pisac. – *Po Andriću* ♦ Željko Grujić. Glog. – *Andrićevom Radisavu*.

Такие примеры являются хронологически первой формой поэтического вандричения, так как они зародились в начале творческой деятельности И. Андрича – имеем в виду стихи без заголовка Милоша Видаковича (1891–1915) и Eterizam [Этеризм] Милоша Црнянского (1893–1977).

Существуют стихотворения, приуроченные к той или иной дате или событию из жизни И. Андрича:

Dragan Kolundžija. Poseta Andrićevom životu poslednjih njegovih dana. – Povodom 50 godina od dobijanja Nobelove nagrade. ♦ Kemal Mahmutefendić. Andrić govori. – Uz 10. oktobar, dan rođenja ♦ *Stevan Tontić. Andrićev spomenik. – Uz stogodišnjicu rođenja.*

В некоторых случаях слова Андрича используются как мотто:

Ante Pavlovski. Otkrivanje ognjišta u planini. – „Neko je nekad bio vatra…" (*Ivo Andrić*) ♦ Kemal Mahmutefendić. Priviđenja Salke Ćorkana. – „*A, Ćorkane, Šta bi ti s njom kad bi ti je dali pa rekli, onako, evo ti je, tvoja je, pa čini s njom šta hoćeš? A?... – E, ne bih je, čini mi se, dotako. Eto*!*"* Ivo Andrić: Ćorkan i Švabica.

Автор может обращаться к Иво Андричу на ты:

Gle, ***Ivo****, već su jablanovi žuti | I sve je sumorno – sumorno* (Miloš Vidaković. ***) ♦ *Rekao sam* ***ti*** *cvet jedan lak | ispuniće tvoje misli* […] *O ničeg nek* ***te*** *nije žao.* | *Zato sam* ***ti*** *tu misao dao* | *tužnoj goloj i beloj,* | *neveseloj.* ***Gledaj*** *u jesen mirno, kako se gubi dan i ljudi* | *Blago kao jedno zvono* | *da zazvoni u daljini* | *mišlju tom sam* ***te*** *dodirno* (Miloš Crnjanski. Eterizam). ♦ *Jedva sam mogao sagledati* ***tvoje čelo*** *uzdignuto u suncu* | *Kad sam došao da* ***te*** *vidim poslije teških dana.* | *Samo sam osjećao topao dodir* ***tvojih dlanova****.* | ***Bolno si se nasmiješio*** *pokazujući mi* ***svoje rane*** | *I rekao:* | ***Izdržao sam sve stojeći!*** | ***Poveo si*** *me zatim ulicama* | *Da mi* ***pokažeš*** | *Nekoliko mojih mladih dana* | *Zatrpanih u ruševinama* | *A ja sam pio* ***tvoje riječi*** *i ponosom i bezbožnošću djeteta* | *Slušao* ***tebe starca*** *koji noge namačeš u dvije rijeke* | *I znaš bezbroj godina napamet* | *Kao pjesme i priče iz davnina.* | *Ja volim* ***tvoje riječi*** | *Mirne široke kao Dunav* (Grigor Vitez. Jedan susret s Beogradom). ♦ *U jedno majsko praskozorje* | *Sunce se klanjalo slavuja pjevu,* | *Vidjeh* ***te*** *kroz maglu što puže niz gorje* | *Na Drumu prema Ovčarevu* || ***Izgledao si*** *ko Ex Ponto* | *S mudrušću Proklete avlije,* | *Ozbiljan, smrknut,* ***nešto si konto****,* | *Al* ***oko ti se****, vidim,* ***smije*** (Muharem Bazdulj. Ivo Andrić).

В некоторых стихах поэт идентифицируется с Андричем и пишет в первом лице единственного числа:

Rođen sam na ponjavi […] *Tješilo me nešto* | *prijeteće* […] *Postojim gazim stižem* […] *Odakle mi tolika snaga* […] *Bjeh čovjek* | *ni manje ni više* | *od ništa* Kemal Mahmutefendić. Andrić govori.

Кроме стихотворений-посвящений, стихотворений-обращений, стихотворений-самоидентификации, существуют и стихотворения-(пере)осмысления. Такими являются:

Dara Sekulić. Zrnca, zrnca ♦ Dragan Kolundžija. Poseta Andrićevom životu poslednjih njegovih dana. Kemal Mahmutefendić. Andrić govori ♦ Ranko Pavlović. Sve sam video.

Иногда в поэтический текст встраиваются литературные персонажи Иво Андрича. Чаще всего появляется Елена:

Vukman Otašević. Jelena, žena koje ima ♦ Aleš Debeljak. Žena koje nema ♦ Predrag Ćeranić. Jelena, koje nema ♦ Kristina Mrđa. Pjesma o Jeleni.

Реже всплывают другие персонажи:

Fata: Dara Sekulić. Avdagina Fata ♦ Gospođica: Dara Sekulić. U krugu vremena ♦

[5] Стихотворные примеры в анализе взяты из хрестоматии Stojičić 2011. Точка с тире (. -) указывает на то, что посвящение находится в следующей строке с правой стороны.

Ćorkan: Kemal Mahmutefendić. Priviđenja Salke Ćorkana ♦ Radisav: Željko Grujić. Glog ♦ Đerzelez: Đoko Stojičić. Alija Đezelez ♦ Karađoz: Sreten Vujković. Prokleta avlija.

Что касается транспозиции мотивов Андрича в поэзию, в качестве объекта выступают его произведения, причем иногда и в самом заглавии: Prokleta avlija ʻПроклятый двор' (Sreten Vujković: Prokleta avlija, Zoran Đerić: Avlija, prokleta), Na Drini ćuprija ʻМост на Дрине' (Blaže Baković: Klanfa sa ćuprije, Stevka Kozić-Preradović: Andrićeva kuća), Pismo iz 1920 ʻПисьмо из 1920 г.' (Jovanka Stojčinović-Nikolić: Pismo), Bife Titanik ʻкафе Титаник' (Mile Stojić: Krčma na Mojmilu). Одно стихотворение имеет в заглавии само слово *motiv* ʻмотив': Kolja Mićević. Legenda prema motivima iz nekoliko Andrićevih pripovedaka.

Конкретными мотивами является *kupina* ʻежевика' (Rajko Petrov Nogo: Andrićeva kupina), *Andrićev spomenik* ʻпамятник Андричу' (Stevan Tontić: Andrićev spomenik), *Andrićev venac* ʻВеник Андрича [улица, на которой он жил]' (Dara Sekulić: Zrnce, zerice), Srba Ignjatović: Andrićev venac), *Andrićeva kuća* ʻдом Андрича' (Stevan Raičković: Engleske teme u napuštenoj kući; Ranko Preradović: Andrićeva kuća), *tamni vilajet* ʻтемный мир' (Slobodan Bošković: Andrićev tamni vilajet), vatra ʻогонь' (Ante Popovski: Otkrivanje ognjišta u planini), igra ʻигра' (Vesna Krmopić.***), most ʻмост' (Pavle Stanišić: Čuvar vremena; Kemal Mahmutefendić: Lilijana Her; Ružica Komar. ***; Jovanka Stojčinović-Nikolić: Pismo), mudrost ʻмудрость' (Dragan Kolundžija: Poseta Andrićevom životu poslednjih njegovih dana; Milovan Vitezović: Pjesma o Andriću), avlija ʻдвор' (Ružica Komar: ***), višegradska staza ʻвишеградская дорога' (Stevka Kozić-Preradović: Mi, od Bosne), pisac ʻписатель' (Nenad Grujičić: Pisac). Различные мотивы находим в стихотворениях, авторами которых являются: Nenad Grujičić: Pisac, Mile Stojić: Krčma na Mojmilu, Milenko Stojičić: Andrić, –, Ljiljana Ilić: Vatra vode, Radmila V. Radanović: Pružač utjeha, Slobodan Kekić: Šetnja, Goran Šaula: U gostima kod Ive Andrića, Valentina Milačić: 22. Možda I. Andriću, Duško Novaković: Na licu mesta čarape, Darko Cvijetić: Tautologija Hiperboreje. Jan Mihaelis: Reči su zalog…, Željko Ivanković: Ovčareva korizma, Ranko Pavlović: Savršeno sam, Ružica Komar. ***).

Вповествование Андрича является художественным приемом, при помощи которого писатель и его герои превращаются в персонажи прозаических произведений (романов, повестей, рассказов).

Нам известно пять романов, в которых Андрич выступает главным персонажем или одним из главных. Авторами первого (Kainov ožiljak ʻШрам Каина') являются Владимир Кецманович и Деян Стоилькович (Kecmanović, Stojiljković 2014), второго (Ožiljci tišine ʻШрамы тишины') Милисав Савич (Savić 1998), третьего (Piši tiše Andrićevo ime ʻПиши тише имя Андрича') Миленко Стоичич (Stojičić 2011), четвертого (Otrovani Balkanom: roman-film: omaž Ivi Andriću ʻОтравленные Балканы: роман-фильм: памяти Иво Андрича') Петра Зеца (Zec 2010), а пятого (Pesnik ʻПоэт' Дивна Д. Радованович (Radovanović 2000).

В романе Kainov ožiljak ʻШрам Каина' представлено художественное видение самого темного периода жизни, периода, о котором Андрич неохотно говорил, – его дипломатической службы с 1939 по 1941 гг. в Берлине в качестве посла Королевства Сербии, Хорватии и Словении (Kecmanović, Stojiljković 2014). В тексте много фактографических данных, совпадающих или почти совпадающих с реальными данными из биографии Андрича: исторические даты (1939, 1941), места событий (Берлин, Ваймар, Грац, Констанца, Белград, Сараево, Вишеград, Краков…), исторические личности, литераторы (Гитлер, Геринг, фон Рибентроп, князь Павел, Милош Црнянский, Густав Крклец…), лица из частной жизни (Милица Бабич, отец), ситуации (встреча с Гитлером и рукопожатие с ним). Но в повествование вводятся и вымышленные персонажи (Дитрих / Крайский / Стефан Булюбашич, Андреас). В романе эксплицируются и имплицируются прозаические произведения Иво Андрича (Prokleta avlija ʻПроклятый двор'[6], Žena na kamenu ʻЖенщина на

[6] Роман Шрам Каина можно толковать и как художественное видение основ для создания романа Проклятый двор.

камне'), его герои (Елена), некоторые из которых соотносятся с историческими личностями (Мустафа Маджар с Гилтером) или являются вымышленными персонажами (Дитрих с Караджозом, безымянная полуголая девушка с Аникой). В роман встраиваются мотивы из художественных произведений Андрича (игра Караджоза с заключенными из Проклятого двора, игра в карты с незнакомцем/чертом из романа Мост на Дрине) и легенд (легенда о Каине). Возникают сцены, несовместимые с дипломатической жизнью Андрича (он в ресторане проводит ночь до зари, пьет как пьяница, выпивает до дна; в беседе с ним Дитрих ругается самым безобразным матом). В повествование вводятся и известные (реальные) психофизиологические состояния Андрича, в первую очередь бессонница.

Роман Ožiljci tišine 'Шрамы тишины' Милисава Савича отличается от предыдущего тем, что Андрич является не центральным персонажем, а одним из них – помимо писателя Милоша Црнянского существуют и две героини: С. и М. (Savić 1998). Второе отличие – сложная фабула: она переходит из места в место (Стамбул, Дубровник, Венеция, Рим, Вршац, Лондон, Приштина, Фиренца, Москва…).

В этом романе художественный Андрич выступает в пяти разновидностях.

Во-первых, он является адресатным эпистолярным персонажем – ему пишет Н. Н, студент второго курса факультета мировой литературы: первое письмо отправлено во время студенческих волнений в Белграде в июне 1968 г., последнее – в 1972 г.

Во-вторых, Андрич является объектным эпистолярным персонажем – лицом, упоминаемым в письмах Н. Н. после смерти писателя. Первое из них адресовано Фонду Иво Андрича в Белграде (Zadužbina Ive Andića). В письме (датированном 8 августа 1980 г.) приводятся данные из жизни Андрича, которые нигде не упоминаются в его биографиях, а именно то, что у него был внебрачный сын Петр Богич, родившийся из связи с горничной в 1924 г. в Соко Бане (Savić 1998: 94). Этот «сын» в конце жизни спивается и умирает от цирроза. Во втором письме от 6 мая 1982 г. Н. Н. обращается к публицисту Радовану Поповичу, написавшему биографию Андрича. В этой эпистоле Н. Н. раскрывает подробности о «сыне» Андрича (Savić 1998: 111–116). Письмо заканчивается новой информацией – о том, что «недавно» в Фонде И. Андрича появился юноша, который утверждал, что он является внуком Андрича. В третьем письме Радовану Поповичу (в конце июля 1983 г.) Н. Н. сообщает, что Андрич в 1972 г. упал в яму на улице им. Узун Мирка. В письме писателя упрекают за молчание во время студенческих демонстраций в 1968 г. (Savić 1998: 128). В четвертом письме (5 мая 1984 г.) Н. Н. расширяет рассказ из предыдущего письма еще одной деталью: Андрич однажды поскользнулся на фекалии и упал (Savić 1998: 137–141). Пятое письмо (10 октября 1994) появляется в конце романа по поводу двадцатилетия со дня смерти Андрича (Savić 1998: 212–215). Господствующим мотивом в нем является характерная черта писателя – молчание. Но здесь изображенные черты абсолютно несвойственны ему: умирая в больнице, Андрич ругается как настоящий кучер, выражается нецензурными словами, *почти как животное* (*gotovo kao životinja*), медсестре говорит различные гадости, пищу буквально глотает (Savić 1998: 214). Он скончался так, что за час до смерти засунул руку в блузку медсестры и отдал богу душу с рукой на ее груди.

В-третьих, Андрич является отсылочным персонажем: Милисав Савич на стр. 64 пишет о том, что для фабулы релевантными являются ссылки – причем не две-три, а целых 12 (Savić 1998: 64–68). Четвертая из них полностью относится к Андричу. В ней под а) приводится довольно подробные биографические данные, без их художественной модификации (Savić 1998: 65–67), а под б) данные о Милоше Црнянском.[7] Отсылочный Андрич возникает и в главе «Ссылки для завершающей части книги» [Fusnote za završni deo knjige], а именно как восьмая ссылка (из девяти) в форме библиографической единицы о его докторской диссертации, защищенной в Граце в 1924 г.

[7] Он является, в отличие от Андрича, одним из героев повествования (описывается его реально-вымышленная жизнь в Лондоне, Опатии и Белграде).

В-четвертых, Андрич является компаративным персонажем – на стр. 74 один из героев говорит: *Pljunuti Andrić* ʻВылитый Андричʼ.

В-пятых, Андрич имеет позицию опосредованного персонажа – он встраивается в повествование о другом писателе (Милоше Црнянском, который *в Лондоне встретил своего старого друга, Иво Андрича*) – Savić 1998: 144. Опосредованными являются и некоторые герои Андрича, например, Галус, который появляется в одном письме Н. Н. (Savić 1998: 153). В конце романа Андрич и Црнянский вступают в диалог (Savić 1998: 153).

В-шестых, Андрич как неопосредованный персонаж появляется под конец романа, когда одна из героинь говорит, что ее спасителями являются Иво Андрич и Милош Црнянский со своими супругами Милицей и Видой (Savić 1998: 200), и когда затрагиваются непростые отношения между этими двумя великими писателями (Savić 1998: 206).

В романе Миленко Стоичича Piši tišе Andrićevo ime ʻПиши тише имя Андричаʼ автор использует/копирует/вводит/модифицирует многочисленные мотивы, связанные с жизнью и деятельностью Андрича, а также вносит в повествование его героев: доктора Левенфельда, Милана Гавриловича, Омера паши, Джерзелеза, Радисава и др. (Stojičić 2011). В тексте появляется Андрич в новом контексте – в диалоге, точнее, в монологе. Чаще всего отсутствует любая реакция писателя (она появляется, скажем, на стр. 53–57, когда восстанавливается беседа Андрича и Яндрича). При этом вводятся данные из его жизни (например: Stojičić 2011: 36), выдержки из его произведений (Stojičić 2011: 39, 42–43,47, 48, 51). Стоичич иногда создает ассоциации к событиям после смерти Андрича (например, соотносится мотив разрушения моста в романе Мост на Дрине с реальной попыткой его разрушения в 1992, а также со случившемся в этом же году сносом памятника Андричу в Вишеграде (Stojičić 2011: 70–75). Основным лейтмотивом повествования является Босния в период последней войны и после нее, точнее, трагические последствия боснийский межэтнических столкновений. При этом часто всплывает оппозиция послевоенная Босния ↔ повествовательная Босния.

Своеобразие романа Otrovani Balkanom: roman-film: omaž Ivi Andriću ʻОтравленные Балканы: роман-фильм: памяти Иво Андричаʼ Петра Зеца в том, что в нем он дописал незаконченный роман Андрича Omer-pala Latas ʻОмер-паша Латасʼ(Zec 2010).

Роман Дивны Д. Радованович Pesnik ʻПоэтʼ (Radovanović 2000) является романом-трактатом не только об Андриче, размышляющем при смерти о своем творчестве и жизни (особенно в Боснии), но и о литературе вообще.

Существует целая галерея романов, в которых Андрич является не главным, а периферийным героем, художественным мотивом и/или ориентиром. Сюда относятся произведения Albahari 2008, Anušić 1996, Anušić 2010, Babić 1994, Bajac 2010, Barna 2008, Brđanin, 2010, Dimić 1966, Dimitrijević 2009, Her 2010, Jovanović 1998, Kapor/Džumhur 1992, Kulenović 2008, Levajac 2000, Lukač 2006, Nikolić 1995, Radovanović 2000, Sejranović 2008, Smiljanić 1997, Šajin 2009, Šarić 2008, Vitezović 2002, Zec 2010, Živaljević 2005.

Повестей и рассказов, написанных с использованием приема вандричения, намного больше. В них в качестве мотива чаще всего выступают: прогулка (Đurđić 1996, Grobarov 1996, Ognjenović 1996, Pavković 1996, Raičević 1996), женщина (Ćirjanić, Prens 1996, Basara 1996, Risojević 2011), частная жизнь (Marčetić 1996), Берлин (Demić 1996, Kecmanović 1996, Stojiljković 2014), виртуальные беседы (Aćin 1996, Ćirić 1996, Perić 1996), город Херцег Новый (Vuković 1996), смерть (Dimić 1996: Kiš 1996), игра в карты, точнее, игра с чертом (Malović 1996), игра словами (Pisarev 1996), выставка в 1951 г. и просьба убрать фотографию с Гитлером (Simonović 1996), писатель Борисав Станкович (Mihailović 1996), уточнение идентитета – Андрич является армянином (Basara 1996), восхищение (Marojević 1996). В ряде случаев в качестве мотивов выступают его произведения: Znakovi pored puta ʻЗнаки вдоль дорогиʼ (Nikolić 1996), Na Drini ćuprija ʻМост на Дринеʼ (Josić Višnjić 1996), Pismo iz 1920 ʻПисьмо из

1920 г.' (Bazdulj 2011, Karahasan 2011; Prodanović 1996, Stojčić 2011b).[8]

Особенно часто используется эффект обманутого ожидания: например, Иво Андрич мечтает сжечь Фонд Андрича (Basara 1996), связывается с ограблением бензоколонки, придуманным Микеланджелом (Pantić 1996), в гостиничном номере застает в кровати неизвестную молодую женщину (Risojević 2011), в поездках скрывает свою личность и придумывает различные профессии: исследователь древностей, торговец скотом, древесиной и молочными продуктами, игрок, поденщик, ученый, изучающий лекарственные растения (Savić 1996), в зеркале видит себя, разбросанного в тысячах кусочков (Žurić 1996). Или: Андрич был еще ребенком, когда Вук Стефанович Караджич стал первым лауреатом Нобелевской премии за литературу […] (Damjanov 1996).

Прием впьесения (внедрения Андрича в пьесы) намного реже используется – нам известны только два произведения, авторами которых являются Драгослав Янич (Veleposlanik: drama u dvanaest scena 'Посол: пьеса в двенадцати сценах', Janjić 2013) и Елена Зупанц (Zagreb – Beograd preko Sarajeva 'Загреб – Белград через Сараево', Zupanc 1992). Действие пьесы Янича проходит в кабинете Андрича в Берлине, в Констанце, парке Калемегдан и на железнодорожном вокзале в Белграде. Автор довольно верно оперирует с автобиографическими данными Андрича. В диалоги вводятся части произведения Андрича (Znakovi pored puta 'Знаки вдоль дороги' и др.). Пьеса, точнее, телевизионный фильм Елены Зупанц Zagreb – Beograd preko Sarajeva 'Загреб – Белград через Сараево' (Zupanc 1992) говорит о том, как по окончании второй мировой войны Иво Андрич и Милош Црнянский познакомились в больнице в Загребе и потом отправились поездом в Белград.

Особняком стоит произведение Войводича Sudbina umetnika: razgovori s Ivom Andrićem 'Судьба художника: беседы с Иво Андричем' (Vojvodić 1989), так как речь идет о гибридном жанре, объединяющем эссе и прозаический/драматический текст.

[8] Иногда авторы обыгрывают заглавия Андрича и своим поэтическим и прозаическим текстам дают названия произведений Андрича: Prokleta avlija (Vujković 2011) или их модифицируют: Drina na ćupriji ← Na Drini ćuprija (Damjanov 1996), Priča o ćupriji na Mostongi ← Na Drini ćuprija (Josić Višnjić 1996, Klanfa sa ćuprije na Drini ← Na Drini ćuprija (Baković 2011), Kraj puta ← Znakovi pored puta (Marojević 1996), Znak pored puta ← Znakovi pored puta (Nikolić 1996), Jelena Žena koje ima ← Jelena Žena koje nema (Otašević 2011), Jelena, koje ima ← Jelena Žena koje nema (Ćeranić 2011), Žena koje nema ← Jelena Žena koje nema (Debeljak 2011). Такие игры применяются и по отношению к другим писателям, например, к Мирославу Крлеже и его роману Povratak Filipa Latinovića 'Возвращение Филиппа Латиновича' – Борис Перич написал роман с этим же заглавием (Perić 2013).

Литература

1. *Бодрийяр Ж.* Симулякры и симуляция / пер. с французского и вступительная статья О. А. Печенкиной. – Тула: Тульский полиграфист, 2013. – 204 с.
2. Версия 1-www: Версия 1. URL: http://vidimo-nevidimoe.ru/index.php?route=pavblog/blog&blog_id=179.
3. *Ильин И. П.* Постмодернизм: Словарь терминов. – М.: ИНИОН РАН (отдел литературоведения), Intrada, 2001. – 384 с.
4. К вопросу-www: К вопросу о. Постмодернизм. Бодрияр. Симулякры. URL: http://www.stihi.ru/diary/devianta/2010-02-20.
5. Ajdačić D. (priredio). Tesla kao lik u umetnosti. – Beograd: Albatros Plus, 2014. – 186 s.
6. Stojičić M. Kočić, munja nad književinom. – Banja Luka: Udruženje književnika Srpske, 2010. – 130 s.
7. Stojičić M. (priredio). Kiš kao Kiš. – Banja Luka – Beograd: Besjeda – Ars Libri, 2013. – 192 s.
8. Tošović B. Stilizacija jezika u romanu Petar Prvi A. N. Tolstoja // Radovi Filozofskog fakulteta u Sarajevu. – Sarajevo. – 1979. – Knj. 9–10. – S. 153–167.
9. Tošović B. Stilizacija // Književna istorija. – Beograd. – 1980. – God. 12, br. 45. – S. 91–127.

Источники

1. Aćin J. Zaraza // Marčetić M. Zemaljski dugovi: Ivo Andrić u priči. – Beograd: Laguna, 1996. – S. 173–181.
2. Albahari D. Brat: roman. – Beograd: Stubovi kulture, 2008. – 197 s.
3. Anušić A. Hrist sa Drine. – Banja Luka – Beograd: Zadužbina „Petar Kočić", 1996. – 62 s.
4. Anušić A. Prozor otvoren na visibabu i kukurek: roman. – Istočno Sarajevo : Zavod za udžbenike i nastavna sredstva, 2010. – 190 s.
5. Babić J. Uspenije Gavrilovo: roman. – Banja Luka: Narodna i univerzitetska biblioteka „Petar Kočić", 1994. – 286 s.
6. Bajac V. Hamam Balkanija: roman i druge priče. – Beograd: Arhipelag, 2010. – 303 s.
7. Baković B. Klanfa sa ćuprije na Drini // Stojičić M. Andrić, ex privata. – Banja Luka – Beograd: Besjeda – Ars Libri, 2011. – S. 56–57.
8. Barna L. Moja poslednja glavobolja: roman. – Beograd: Zavod za udžbenike, 2008. – 165 s.
9. Basara S. Poslednji dani i smrt Ive Andrića // Marčetić M. Zemaljski dugovi: Ivo Andrić u priči. – Beograd: Laguna, 1996. – S. 371–384.
10. Bazdulj M. Drugo pismo iz 1920 // Stojičić M. Andrić, ex privata. – Banja Luka – Beograd: Besjeda – Ars Libri, 2011. – S. 186–194.
11. Bajović Brđanin B. Sila: put u zavičaj. Roman. – Beograd: Filip Višnjić, 2010. – 230 s.
12. Ćeranić P. Jelena, koje nema // Stojičić M. Andrić, ex privata. – Banja Luka – Beograd: Besjeda – Ars Libri, 2011. – S. 63.
13. Ćirić Z. Kad sveci marširaju // Marčetić M. Zemaljski dugovi: Ivo Andrić u priči. – Beograd: Laguna, 1996. – S. 327–341.
14. Ćirjanić G., Prens H. O. Konzul i recitatorka // Marčetić M. Zemaljski dugovi: Ivo Andrić u priči. – Beograd: Laguna, 1996. – S. 85–106.
15. Damjanov S. Drina na Ćupriji // Marčetić M. Zemaljski dugovi: Ivo Andrić u priči. Beograd: Laguna, 1996. – S. 359–369.
16. Dangubić R. Na Kanli kuli // Marčetić M. Zemaljski dugovi: Ivo Andrić u priči. – Beograd: Laguna, 1996. – S. 283–297.
17. Debeljak A. Žena koje nema // Stojičić M. Andrić, ex privata. – Banja Luka – Beograd: Besjeda – Ars Libri, 2011. – S. 61.

18. Demić M. Slepi koloseci čekanja // Marčetić M. Zemaljski dugovi: Ivo Andrić u priči. Beograd: Laguna, 1996. – S. 213.
19. Dimić M. Živeo život Tola Manojlović: kratka proza [roman]. – Beograd: Prosveta, 1966. – 113 s.
20. Dimić I. Priča koja je imala senku // Marčetić M. Zemaljski dugovi: Ivo Andrić u priči. – Beograd: Laguna, 1996. – S. 25–28.
21. Dimitrijević R. Vrelo: roman. – Banja Luka: Art print, 2009. – 119 s.
22. Đurđić L. Pisac u novembru // Marčetić M. Zemaljski dugovi: Ivo Andrić u priči. – Beograd: Laguna, 1996. – S. 117–129.
23. Grobarov J. Hiljadarka od nobelovca // Marčetić M. Zemaljski dugovi: Ivo Andrić u priči. – Beograd: Laguna, 1996. – S. 349–351.
24. Her L. Sunce, potom: roman. – Zrenjanin: Agora, 2010. – 121 s.
25. Janjić D. Veleposlanik: drama u dvanaest scena. – Sarajevo: DES, 2013. – 116 s.
26. Josić Višnjić M. Priča o ćupriji na Mostongi // Marčetić M. Zemaljski dugovi: Ivo Andrić u priči. – Beograd: Laguna, 1996. – S. 55–78.
27. Jovanović Danilov D. Ikonostas na kraju sveta: roman-kenotaf. – Novi Sad: Svetovi, 1998. – 171 s.
28. Kapor M., Džumhur Z. Zelena čoja Montenegra: roman. – Beograd – Podgorica: Prosveta – Oktoih, 1992. – 217 s.
29. Karahasan D. Sarajevo – četiri godišnja doba. – Sarajevo: Connectum, 2011. – 245 s.
30. Kecmanović V. Turska vazna // Marčetić M. Zemaljski dugovi: Ivo Andrić u priči. –Beograd: Laguna, 1996. – S. 183–189.
31. Kecmanović V., Stojiljković D. Kainov ožiljak. – Beograd: Laguna, 2014. – 335 s.
32. Kiš D. Dug // Marčetić M. Zemaljski dugovi: Ivo Andrić u priči. – Beograd: Laguna, 1996. – S. 9–20.
33. Kulenović T. Jesenja violina: Bildungsroman. – Sarajevo: Međunarodni centar za mir – Connectum – Planjax, 2008. – 248 s.
34. Levajac T. Jopet sudanija: kloniranje priče. – Banja Luka: Art print, 2000. –261 s.
35. Lukač R. Samrtni zagrljaj: roman. – Beograd: Filip Višnjić, 2006. – 329 s.
36. Malović N. Andrić i đavo // Marčetić M. Zemaljski dugovi: Ivo Andrić u priči. – Beograd: Laguna, 1996. – S. 299–316.
37. Marčetić M. Šta vam je u srcu? // Marčetić M. Zemaljski dugovi: Ivo Andrić u priči. – Beograd: Laguna, 1996a. – S. 159–171.
38. Marčetić M. Zemaljski dugovi: Ivo Andrić u priči. – Beograd: Laguna, 1996b. – 385 s.
39. Marčetić M. Putnik sa dalekog neba: Miloš Crnjanski u priči. – Beograd: Laguna, 2013. – 388 s.
40. Marojević I. Kraj puta // Marčetić M. Zemaljski dugovi: Ivo Andrić u priči. – Beograd: Laguna, 1996. – S. 145–158.
41. Mihailović D. Lepo pisanje // Marčetić M. Zemaljski dugovi: Ivo Andrić u priči. – Beograd: Laguna, 1996. – S. 31–53.
42. Nikolić D. Kraljica zabave: roman. – Beograd: Nolit, 1995. – 199 s.
43. Nikolić D. Znak pored puta // Marčetić M. Zemaljski dugovi: Ivo Andrić u priči. – Beograd: Laguna, 1996. – S. 79–83.
44. Ognjenović V. Pesama sa 60. strane // Marčetić M. Zemaljski dugovi: Ivo Andrić u priči. – Beograd: Laguna, 1996. – S. 139–143.
45. Otašević V. Jelena, žena koje ima // Stojičić M. Andrić, ex privata. – Banja Luka – Beograd: Besjeda – Ars Libri, 2011. – S. 28.
46. Pantić M. Leonardo. pljačkaš benzinske pumpe // Marčetić M. Zemaljski dugovi: Ivo Andrić u priči. – Beograd: Laguna, 1996. – S. 191–201.
47. Pavković V. Daleki. daleki susret // Marčetić M. Zemaljski dugovi: Ivo Andrić u priči. – Beograd: Laguna, 1996. – S. 131–138.
48. Perić V. Sve o mojoj baki // Marčetić M. Zemaljski dugovi: Ivo Andrić u priči. Beograd: Laguna, 1996. – S. 271–282.
49. Perić B. Povatak Filipa Latinovića: roman. – Zagreb: Oceanmore, 2013. – 223 s.

50. Pisarev Đ. Kafa ili čaj? // Marčetić M. Zemaljski dugovi: Ivo Andrić u priči. Beograd: Laguna, 1996. – S. 343–346.
51. Prodanović M. I-mejl iz 2000 (ponovljeno odigravanje) // Marčetić M. Zemaljski dugovi: Ivo Andrić u priči. – Beograd: Laguna, 1996. – S. 253–269.
52. Radovanović D. D. Pesnik: roman. – Beograd: Teovid, 2000. – 108 s.
53. Raičević M. Forsiranje Kalemegdana // Marčetić M. Zemaljski dugovi: Ivo Andrić u priči. – Beograd: Laguna, 1996. – S. 353–358.
54. Risojević R. Andrić u hotelu Palas. 2015 [Neobjavljeni rukopis].
55. Savić M. Ljubavno pismo ili priča o sveznajućem pripovedaču // Marčetić M. Zemaljski dugovi: Ivo Andrić u priči. – Beograd: Laguna, 1996. – S. 107–115.
56. Savić M. Ožiljci tišine. – Beograd: Prosveta, 1998. – 228 s.
57. Sejranović B. Nigdje, niotkuda: roman. – Zagreb: Profil International, 2008. – 251 s.
58. Simonović D. Otisak // Marčetić M. Zemaljski dugovi: Ivo Andrić u priči. – Beograd: Laguna, 1996. – S. 243–251.
59. Smiljanić R. Pozorište Beograd: roman o Pavlimiru Gligoviću i Andriću. – Beograd: Narodna knjiga – Alfa, 1997. – 239 s.
60. Stojičić M. Andrić, ex privata. – Banja Luka – Beograd: Besjeda – Ars Libri, 2011a. – 216 s.
61. Stojičić M. Banjaluški miloštar: roman-raspra. – Banja Luka: Art-Print, 2008. – 141 s.
62. Stojičić M. Pismo doktoru Levenfeldu… // Stojičić M. Andrić, ex privata. – Banja Luka – Beograd: Besjeda – Ars Libri, 2011b. – S. 153–156.
63. Stojičić M. Piši tiše Andrićevo ime: roman-didaskalija. – Banja Luka: Radio-televizija Republike Srpske, 2011b. – 206 s.
64. Stojičić M. (priredio). Ćopić, svileni pisac. – Banja Luka: Narodna i univerzitetska biblioteka Republike Srpske, 2015a. – 117 s.
65. Stojičić M. (priredio). Ćopić u mašti sljezove boje. – Banja Luka: Udruženje književnika Srpske, 2015b. – 162 s.
66. Stojičić M. (priredio). Kočić i Ćopić, od miloduva do sljeza književnosti. – Banja Luka: Art print, 2015c. – 152 s.
67. Stojičić M. (priredio). Kiš, stihovanja. – Banja Luka: Besjeda, 2015d. – 151 s.
68. Stojiljković D. Mrtve stvari // Marčetić M. Zemaljski dugovi: Ivo Andrić u priči. – Beograd: Laguna, 2014. – S. 227–242.
69. Šajin A. Valterovi notati: roman. – Banja Luka: Udruženje književnika Srpske, Podružnica Banja Luka, 2009. – 101 s.
70. Šarić Z. Kvarež naravi: roman. – Banja Luka – Beograd: Besjeda – Ars Libri, 2008. – 374 s.
71. Vitezović M. Burleska u Parizu: roman sa Bulatovićem i epohom. – Beograd: Jugoslovenska knjiga, 2002. – 251 s.
72. Vojvodić R. Sudbina umetnika: razgovori s Ivom Andrićem. – Gornji Milanovac: Dečje novine, 1989. – 153 s.
73. Vujković S. Prokleta avlija // Stojičić M. Andrić, ex privata. – Banja Luka – Beograd: Besjeda – Ars Libri, 2011. – S. 33.
74. Vuković M. Čovek koji će upoznati Andrića // Marčetić M. Zemaljski dugovi: Ivo Andrić u priči. – Beograd: Laguna, 1996. – S. 319–326.
75. Zec P. Otrovani Balkanom: roman-film: omaž Ivi Andriću. – Beograd: Laguna, 2010. – 239 s.
76. Zupanc J. Zagreb – Beograd preko Sarajeva: drama, televizijski film (57 minuta). 1992. URL: http://www.dailymotion.com/video/x2ehc1g_zagreb-beograd-preko-sarajeva-1992-domaci-film_shortfilms.
77. Živaljević Velički T. Gor(s)ka rapsodija: roman. – Podgorica: Unireks, 2005. – 244 s.
78. Žurić V. Agramerski domino // Marčetić M. Zemaljski dugovi: Ivo Andrić u priči. – Beograd: Laguna, 1996. – S. 203–212.
79. Žurić V. Republika Ćopić: Narodnooslobodilački roman u devet ofanziva. – Beograd: Službeni glasnik, 2015. – 191 s.

УДК 81'38

А. Н. Безруков
(Башкирский государственный университет, Бирский филиал)

ДИССОЛЮЦИЯ СТИЛЯ И ДИСКУРСА В ПРЕДЕЛАХ ОНТОЛОГИЧЕСКОГО КОРПУСА ХУДОЖЕСТВЕННЫХ НАРРАЦИЙ

Проблемы современной стилистики достаточно многообразны: развитие терминологического аппарата, создание новой методологической базы анализа текста, философское осмысление дисциплины. Основными дискуссионными категориями функциональной составляющей науки являются стиль и дискурс. Единой точки зрения на разграничение стиля и дискурса нет. Следовательно, вопрос обозначения онтологических свойств категориального аппарата в рамках художественной практики представляется актуальным.

Ключевые слова: стилистика, функциональная стилистика, стиль, дискурс, рецепция художественного текста.

Andrey N. Bezrukov
(Birsk Branch of Bashkir State University)

THE DISSOLUTION OF STYLE AND DISCOURSE WITHIN THE ONTOLOGICAL FRAME OF ARTISTIC NARRATIVES

Problems of modern stylistics is quite diverse: development of terminology, creation of new methodological base of analysis the text, philosophical understanding of the discipline. Discussion the main categories of the functional component of science is the style and discourse. A single point of view on the differentiation of style and discourse is not. Consequently, the question of designation ontological properties of the categorical apparatus in the framework of artistic practice seems relevant.

Key words: stylistics, functional stylistics, style, discourse, reception of literary text.

Важная на сегодня языковедческая научная область – *дискурсология* – «пытается определить предметную область своих исследований, разработать собственную таксономию дискурсов, определиться с терминологией и основными научными категориями, наконец, очертить границы своего направления и выработать оригинальную методологию» (Клушина 2014: 177). Актуальные для современной лингвистики категории *стиль* и *дискурс* не достаточно четко дифференцированы относительно друг друга. На наш взгляд, взаимозависимость одного понятия от другого наиболее зримо получает свою разверстку в практике *художественного письма*. Функциональный аспект при этом учитывается лишь отчасти, его роль нивелируется спецификой эстетических установок. Собственно «художественный стиль, разновидность образно-эмоционального стиля, отличается употреблением слов и образных средств, которые воздействуют не только на ум, но и на воображение и на чувства, порождают не только мысли, но и рисуют образы и вызывают переживания. <…> художественный стиль имеет и другие особенности, из которых наиболее важны картинность (образность), эмоциональность и благозвучие…» (Лосев 1994: 19).

Наррация в художественном тексте зависит от онтологически свободной деятельности писателя. И все же «поэтическая картина мира, тоже имеющая системный комплексный характер, наряду с общими объективными закономерностями, детерминирована личностью автора, особенностями его образного мышления, мировосприятия, лексикона, семантикона, прагматикона» (Болотнова 2004: 21). Авторский выбор методов и приемов создания условной миромодели позволяет читателю проецировать свое видение не только на индивидуальную стилистическую манеру, но и устанавливать главенство рецепции дискурса, растворяя тем самым эмпирику индивидуального в имманентном. «Стиль литературы не исчерпывается художественным языком, не сводится к речевому стилю, он охватывает все элементы формы литературного произведения в их обусловленности содержательными факторами» (Соколов 1968: 195). Авторский стилеобразующий код способствует намеку на работу/проекцию читательского сознания, является в условиях художественного, собственно литературного письма также и способом восприятия наличного текста. Рождение дискурсивной фазы происходит в результате взаимосцепления креативного и рецептивного, создающего (определяющего) и воспринимающего (формирующего). Коммуникативная составляющая в данной модели зависимостей и становится разграничителем стиля и дискурса.

Корпус стандартных литературных установок – форма, содержание, язык – замещается действенной природой вербального конструкта. Произведение не столько налично принимается реципиентом, сколько получает свое прочтение в онтологически заданной версии осознания реалий жизни. Диссолюция функций дискурса, их ослабление и стирает практический, комбинаторный, металингвистический базис. Язык в художественном тексте есть формальная среда, и все же среда действенная, репрезентация знаний о мире кодируется в наличном массиве индивидуально-авторским знаком.

Продолжая развивать идеи М. Н. Кожиной о соотношении понятий стиля и дискурса в русле собственно лингвистического подхода, «можно говорить о том, что демаркационная линия между стилем и дискурсом проходит по оси членения коммуникативного пространства: дедуктивно, сверху вниз в первом случае, индуктивно, снизу вверх – во втором; в соответствии с фундаментальной онтологией языка / речи – в первом, в соответствии с вариативностью и поливалентностью эмпирического освоения языка / речи – во втором» (Орлова 2013: 24). Данный ракурс трактовки говорит не о плоскостно-линеарной модели развития/становления стиля и дискурса, но о некоем их сферическом начале, влияющем на разрастание, транспозицию восприятия коммуникации. Звеньевой состав языкового контакта формально разбит на роли, *модели поведения*. Дифференционная рамка стиля и дискурса, вероятно, может быть опредмечена транс/металингвистическими вариациями: «метакоммуникация в самых общих чертах составляет ту часть общения, которая направлена на самое себя, на общение в целом и его различные аспекты: языковую ткань дискур-

са, его стратегическую динамику, структуру обменов и трансакций – фаз интеракции, смену коммуникативных ролей, представление тем, взаимодействие с контекстом…» (Макаров 2003: 197). Структурно-лингвистическое описание дискурса предполагает его фрагментацию и направлено на освещение наличных текстовых особенностей. Имеются в виду содержательно-формальная *связность* дискурса, способы *трансформации* темы, *модальные* ограничители, большие и малые текстовые блоки/куски, дискурсивный полилог как общение одновременно на нескольких уровнях сферы текста. Дискурс как когнитивно-семантическое явление изучается в виде фреймов, сценариев, ментальных схем, когниотипов, т. е. различных моделей репрезентации общения. Все указанные грани рассмотрения, так или иначе, касаются наличной структуры, структуры-факта. «При таком подходе погруженность в текстовый объем с приближением к смыслу высказывания (может, даже рецепции стиля) остается за кадром» (Безруков 2015: 57–58). Целесообразной позицией анализа дискурса видится, на наш взгляд, не столько наблюдение за налично-знаковой и структурно-организованной схемой, сколько идентификация процесса моделирования.

Дискуссионный вопрос дезинтеграции стиля и дискурса как основных понятий аналитической, когнитивной языковедческой науки поднимается в условиях современного развития мысли не случайно. Это связано с тем, что язык есть форма осознания, регуляции жизненных реалий, это условно общая система. Язык в границах коммуникации нормирован, абстрактен. Дискурс контактно индивидуализирует язык автора, делает его на практике активной сферой художественного письма/рисования. «Для описания процессов взаимодействия дискурсов используется понятие интердискурсивности. Интердискурсивность возникает в том случае, когда в коммуникативном событии одновременно артикулируются два и более дискуров» (Андреева 2006: 11). Автор создает неповторимый текст при соблюдении условий оппозиционной рамки: Я – Другие, Другие – Я. Реверс данной модели позволяет диалогически дистанцировать собственное Я относительно общего, индивидуализировать свой мировоззренческий комплекс, подвергнуть самоидентификации *чужое слово.* Процесс преодоления собственного Я предполагает также и выход к условным пределам надындивидуального, модель – *Я – Другие* – начинает работать как трансцендентно, так и имманентно, то есть онтологически принимается говорящим/пишущим – слушающим/читающим.

Текст литературного произведения, как правило, представляет собой систему взаимообусловленности обязательных уровней, не наличие их как данности, но связь между ними. Концептуальный подход к рассмотрению произведения вбирает две основные крайности – форму и содержание. Рецептивно принять форму получается естественней, нежели ее имманентный запас. Путь рождения смысла сложнее: это и видение контекста, и учет межтекстовых параллелей, и соблюдение слитности знака и означающего. Текст четко структурируется в систему под влиянием языка, но в ходе практических операций – письма/чтения. «Художественный мир любого произведения созидается не только из предметного *модуса*, который называют хронотопом, но также из модуса духовного, который можно называть пневматосферой. Пневматосфера есть макрообраз, организующий в единое эстетически значимое целое сферу рационального (мысли персонажей, их общение друг с другом, комментарии и рассуждения повествователя) и сферу иррационального (суггестивные душевные состояния, эмоциональную атмосферу, которая возникает из ритма речи, из колорита предметного мира и вида самих предметов и т. п.)» (Лейдерман 2009: 180). Видимо, этот факт и мешает порой классифицировать литературно-художественный стиль как один из возможных в общем своде функциональных стилей.

«Поскольку стиль – это предлагаемая в рамках литературного языка модель успешной социальной коммуникации, регламентируемая набором эталонных черт (нормы стиля), то стиль становится обязательной формой реализации авторского послания адресату. Таким образом, стиль становится составным элементом дискурса» (Клушина 2011: 32). Имеет место говорить о сферической форме дискурса, подчеркивая тем самым индивидуальный аспект стиля. Дис-

курс начинает формироваться, опредмечиваться под воздействием стилевых примет. В практике художественного письма взаимоварьированием происходит сбив и смешение идиостилей (примером этому может быть литературная традиция, преемственность, диалог авторских сознаний).

Действенная природа языка, вербальная раскладка стиля порой не учитывают индивидуальных черт автора, а именно благодаря им художественный образ складывается в мировидческую модель. Следовательно, целесообразно учитывать то, что стиль и дискурс − крайности не одной типологической группы. Модусы дискурса следует соотносить с функциональными пределами языка, модусы стиля – с индивидуальной, ситуативной раскладкой речи/чтения. Ведущая «характеристика любой исторически конкретной ментальности – доминирующий модус сознания, или вектор интенциональности (смыслополагающей направленности духовной жизни)» (Тюпа 2010: 21). Стилевые доминанты проявляются в механизмах читательского, рецептивного воссоздания образа, таких подходов к чтению, когда актуализация исторически правомерна. Процессуальный характер более актуален, заметен в дискурсивном моменте; ситуация сбива знака/кода формально, графически претворяется в авторский текст.

Сфера смыслов не может быть декодирована только лишь анализом наличной структуры текста. Трансформация происходит через установление его глобальной связности с вариантами художественных форм. Имманентный характер художественного текста ориентирует реципиента на особый свод правил его восприятия. Высказывание объединяет всех субъектов в бесконечное поле дискурсивных инстанций. Следовательно, имеет место функциональный аспект, то есть движение внутри/вне поля. Эффект мерцания смысла в художественном тексте возможен лишь в процессе игры-действия. Дискурс как событийный ряд – сложно-параметрический, нелинейный – сфера, именно поэтому организация процесса создания дискурсивной ситуации зависит от хроникальной разверстки и ядра отсылок ко времени собственной речи автора: «…дискурс, при всей своей материальной линейности, обязан как бы идти вглубь исторического времени: это можно назвать зигзагообразной или зубчатой историей» (Барт 2004: 429). На наш взгляд, дискурс художественный рациональнее понимать как вид мышления, бесспорно индивидуального. И все же, конкретика времени, реализуемая в практике письма, дает возможность говорить о типологических и, может быть, парадигмальных принципах дифференциации дискурсивных проявлений.

Таким образом, онтологически стиль и дискурс функционально находятся в оппозиционных пределах, но это их и взаимопритягивает. Стилю присущи такие свойства, как индивидуальность, наррация, концептуальность, дискурсу – действенность, ситуативность, процессуальность. Дискурс как совокупность комбинаций, как проекция сообщений в силу внутренней самоорганизации зациклен на смысле/значении, стиль практически дистанцирует одно лицо от другого, Я от Другого/Других. Метасемный статус дискурса как сферы контакта стилей понимается переходом от знака к мысли, от внешнего к внутреннему, от топической дисперсии к Логосу-вспышке. Реципиент, приобщаясь к плоскостной поливариантности стиля, ее внутреннему единству, постигает жизнь дискурса. Предполагается, реципиент при воссоздании художественности текста, постигая языковой, общестилистический авторский базис, должен учитывать, что факты и условия, события и реалии исторического дискурсивного изменения трансформируют личностную картину бытия.

Литература

1. *Андреева В. А.* Литературный нарратив: дискурс и текст: Монография. – СПб.: Норма, 2006. – 182 с.

2. *Барт Р.* Система Моды. Статьи по семиотике культуры / пер. с фр., вступ. ст. и сост. С. Н. Зенкина. – М.: Издательство им. Сабашниковых, 2004. – 512 с.
3. *Безруков А. Н.* Рецепция художественного текста: функциональный подход. – Вроцлав: Издательство Русско-польского института, 2015. – 300 с.
4. *Болотнова Н. С.* Ассоциативное поле художественного текста как отражение поэтической картины мира автора // Вестник ТГПУ. Серия: Гуманитарные науки (Филология). – 2004. – № 1(38). – С. 20–25.
5. *Клушина Н. И.* Дискурс и стиль : пути и перекрестки современной лингвистики // Дискурс и стиль : теоретические и прикладные аспекты : коллективная монография / под ред. Г. Я. Солганика, Н. И. Клушиной, Н. В. Смирновой. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2014. – С. 177–182.
6. *Клушина Н. И.* От стиля к дискурсу: новый поворот в лингвистике // Язык, коммуникация и социальная среда. – Вып. 9. – Воронеж: ВГУ; Наука-Юнипресс, 2011. – С. 26–33.
7. *Лейдерман Н. Л.* Поэтика «мыслеобразов» (К характеристике стиля Сигизмунда Кржижановского) // Лицо и стиль: сб. науч. ст., посв. юбилею проф. В. В. Эйдиновой. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009. – С. 175–183.
8. *Лосев А. Ф.* Проблема художественного стиля. – Киев: Collegium, Киевская Академия Евробизнеса, 1994. – 288 с.
9. *Макаров М. Л.* Основы теории дискурса. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280 с.
10. *Орлова О. В.* Проблема соотношения понятий стиля и дискурса в лингвистике начала XXI в. в контексте идей М. Н. Кожиной // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2013. – № 4(24). – С. 19–25.
11. *Соколов А. Н.* Теория стиля. – М.: Искусство, 1968. – 224 с.
12. *Тюпа В. И.* Дискурсные формации: Очерки по компаративной риторике. – М.: Языки славянской культуры, 2010. – 320 с.

УДК 81'38

А. В. Люликова
(Гуманитарно-педагогическая академия, Ялта)

ТОПОС МЕДИА В СОВРЕМЕННОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

В статье рассматриваются поэтологические особенности и концептуально-эстетическое своеобразие топоса медиа на материале произведений современной русской литературы. С учетом основных положений теории медиадискурса обосновывается, что художественный топос медиа структурирован в соответствии с параметрами медиатекстов как интенциональный феномен современного информационного пространства. Доказывается, что топос медиа, синтезируя эмоциональную составляющую общественного сознания, выступает в роли основного параметра общественной рефлексии и представляет собой индивидуально-авторскую форму концептуализации действительности.

Ключевые слова: медиа, топос, медиакультура, художественный дискурс, общественное сознание.

Anna V. Liulikova
(Academy of the Humanities and Pedagogics, Yalta)

TOPOS MEDIA IN CONTEMPORARY ARTISTIC DISCOURSE

This article discusses the poetological features and conceptual and aesthetic originality of topos of media on the material of modern Russian literature. Taking into account the basic provisions of the theory of media discourse it is justified that the artistic topos of media is structured in accordance with the parameters of media texts as an intentional phenomenon of the modern information space. It is proved the topos of the media is synthesizing the emotional component of social consciousness and acts as a basic parameter of social reflection and as a form of individual author's conceptualization of reality.

Key words: media, topos, media culture, art artistic discourse, the public consciousness.

Рубеж XX–XXI столетий ознаменовался интенсивным развитием медийных технологий, которые не только предопределили появление нового информационного продукта, но и способствовали формированию нового пространства информационной культуры. В последние десятилетия массмедиа сформировали такую информационную среду, внутри которой, по словам А. В. Полонского, «вызревает переживаемое и закрепляемое в сознании людей в виде поведенческих и нравственных эталонов знание о мире, социальных отношениях и идеологиях» (Полонский 2009: 152). Однако, вопреки интенсивному влиянию массмедиа на общественное сознание, именно субъективность информационного потока является основным фактором, затрудняющим признание абсолютным большинством того, что медиа занимают прочные позиции как в структуре общественного сознания, так и в современном культурном пространстве.

Один из актуальных вопросов, который уже на протяжении нескольких десятилетий продолжает оставаться предметом научного освещения, – язык массмедиа, а также медиаобработка информационного продукта. Чем же на самом деле являются многочисленные примеры несоблюдения СМИ литературной нормы: серьезным нарушением, ставящим под сомнение лингвистическую традицию, или же стилистической особенностью формирующегося медиастиля? Проблема стилистического своеобразия медиадискурса рассмотрена в трудах Н. И. Ажгихиной, Е. А. Кожемякина, Н. И. Клушиной, А. В. Полонского, Т. И. Суриковой, Д. Матисона и др.

Опыт научного осмысления теории медиадискурса свидетельствует о том, что эта новая для русистики категория функционирует как одна из основных в системе современного гуманитарного знания. Сама же медиакультура как «посредник между обществом и государством, социумом и властью» (Кириллова 2006: 7), бесспорно, стала важной составляющей современного информационного и культурного пространства.

Аксиологический статус медиа подтверждает еще и тот факт, что этот культурный феномен является одним из центральных топосов русской литературы XXI в. Поэтому цель нашей работы – определить поэтологические особенности и концептуально-эстетическое своеобразие топоса медиа в современном художественном дискурсе на материале романов В. Елисеева «Mediagрех. Скупка душ в рекламных целях», С. Минаева «Media Sapiens. Повесть о третьем сроке» и И. Стогова «Эра супергероев. История мира в 5 журналах и 3 комиксах». Выбор предмета исследования обусловлен тем, что данные произведения являются знаковыми в современном литературном процессе и, кроме того, представляют интерес с точки зрения исследуемого нами вопроса.

Создаваемые сегодня медиатексты имеют, по мнению лингвистов, свои отличительные, но устойчивые характеристики, которые позволяют рассматривать медиатексты в едином стилистическом континууме медийного пространства. В то же время существует трудность создания универсальной методологии исследования медиадискурса. По причине того, что каждая концепция предлагает свой алгоритм изучения, «складывается впечатление, – отмечает А. В. Полонский, – что совместными усилиями исследователей разрабатывается не общая устойчивая теоретическая область, собранная единым объектом и предметом, а нечто подвижное, всякий раз осознаваемое в новых границах» (Полонский 2012). Вместе с тем к основным параметрам медиатекстов ученые относят интенциональность (Н. И. Клушина), реализующую авторскую идейную направленность в рамках той или иной жанровой модификации; интерсубъективность (Е. А. Кожемякин), детерминированную вовлеченностью в процесс смыслообразования участников коммуникации – автора, коммуникатора и аудитории; персонификацию (А. В. Полонский), усиливающую эмоциональный компонент речемыслительной деятельности.

Современная художественная литература сохраняет параметризацию медийных текстов. Как же происходит индивидуально-авторское осмысление феномена медиа в современной литературе – это вопрос, ответ на который позволит обозначить концептуально-эстетическое своеобразие медиа как художественного топоса.

Топос медиа в анализируемых нами произведениях представляет собой проекцию индивидуально-авторского видения роли медиаимперий и провинциальных медиакомпаний как в истории общества («Эра супергероев» И. Стогова), так и в жизни отдельного человека («Media Sapiens» С. Минаева, «Mediaгрех» В. Елисеева).

Центральной в анализируемых произведениях является тема духовного и нравственного поиска героя, обретения свободы. Путь, который герои проходят в жестких условиях конкуренции на российских медиапросторах, заставляет их задуматься о настоящих ценностях. Обращаясь к одной из центральных тем русской литературы, авторы анализируемых произведений показывают, могут ли сегодня духовные блага стать бесполезными, а нравственные ценности превратиться в мнимые, особенно если речь идет о творении тех самых «благ»? Финальные эпизоды произведений С. Минаева и В. Елисеева так же, как и эпилог в книге И. Стогова, убеждают читателя в обратном, в очередной раз в истории русской литературы актуализируя духовные и культурные приоритеты как имманентные природе человека.

Художественное медиапространство параметризировано в соответствии с представлением о массмедиа как о феномене, который, по словам одного из героев В. Елисеева, не только в состоянии «менять, но и управлять сознанием публики» (Елисеев 2015: 211). Мысль об особом статусе работников СМИ актуализирована в романе С. Минаева, главный герой которого – копирайтер Антон Дроздиков, размышляя о профессиональной деятельности, называет тех, кто пишет тексты для «говорящих голов», «этакими демиургами СМИ» (Минаев 2007). В книге И. Стогова роль журналистов соизмерима с ролью наиболее влиятельных людей в обществе: «Именно пресса по собственной воле начинала и заканчивала войны между государствами. Именно она создавала политические партии, а потом одной-единственной передовицей их уничтожала» (Стогов 2010: 36).

Авторы доводят манипулятивные возможности медиа до абсолюта, определяя тем самым почти сакральный статус медиа в структуре социального и культурного пространства. Так, например, И. Стогов показывает, что развитие медиаиндустрии привело к тому, что «рядом с миром, который, как считалось, сотворен Богом, вдруг появилось очень много совсем новых миров» (Стогов 2010: 169). Создателем этих миров автор объявляет не кого иного, как писателя – «маленького бога», сумевшего на место сотворенного Богом мира поставить «химеру собственного воображения» (Стогов 2010: 170). Человеческое сознание подчинено медиа, поскольку «теперь, когда человек пытался представить правила, по которым функционирует мир, он представлял не реальность, а что-то вычитанное – ну или увиденное по ТВ» (Стогов 2010: 171).

Попытку причислить себя к высшим силам предпринимают герои В. Елисеева, которые торжественно заявляют: «Мы – творцы <…> Без пяти минут боги» (Елисеев 2015: 211). Со сферой сакрального коррелирует кульминационный момент романа В. Елисеева, повествующий о реализации невероятно дерзкого замысла главного редактора газеты Тимура Кахиева. В связи с бедственным положением газеты герой принимает неожиданное для своих коллег решение опубликовать объявление о покупке душ – на самом деле это очередной шаг редактора для привлечения внимания к газете. Объясняя сотрудникам газеты, какая задача стоит перед ними, Тимур Кахиев позволяет себе следующий прогноз: «Взамен предлагаем людям реальные деньги. За бабло люди готовы на все. Тем более на такую явную чепуху, как продажа души» (Елисеев 2015: 211).

В художественном мире романов показано, как массмедиа конструируют модель действительности и выстраивают иерархию отношений с аудиторией, где медиа принадлежит очевидное интеллектуальное превосходство. Герой С. Минаева отмечает, насколько умны медиаструктуры, поскольку только так, по его словам, и можно объяснить тот факт, что «аудитория продолжает позволять манипулировать собой и слепо верит во все глупости и надувательства, которые ей каждый день сообщают экраны телевизоров, интернет-страницы и радиоволны» (Минаев 2007). Образ читателя у В. Елисеева представ-

лен потребителем «грязной правды» (Елисеев 2015: 73). Все, что может заинтересовать широкую публику, – это «скандалы, тайны, откровения» (Елисеев 2015: 109), такой своего рода «микс обывательщины и чернухи» (Елисеев 2015: 82). Обществу нужен «абсолютный беспредел» (Елисеев 2015: 45), и массмедиа готовы к созданию продукта в соответствии с конкретными предпочтениями своей аудитории.

В книгах отображен процесс формирования информационного контента с учетом вкусов читателей и зрителей. При этом предпочтения аудитории сводятся, как правило, к непристойным темам, а порою ими же и ограничиваются. Читательские настроения публики воссозданы при помощи стилистически сниженной и просторечной лексики. Отправляясь в электричку, где можно как нельзя лучше узнать о том, что же на самом деле волнует читателей, герой В. Елисеева с удивлением для себя отмечает, что все опрошенные им люди, «включая завсегдатаев электричек – измученных жизнью сорокалетних мужиков с китайской черной сумкой и бутылкой крепкого пива, все с каким-то ненормальным фанатизмом норовили кого-то задеть, унизить, засунуть руки в грязное белье поглубже» (Елисеев 2015: 72). В следующем эпизоде, повествующем о неподдельном интересе к чужой жизни «приличных с виду людей», иронические интонации сменяются риторикой сарказма над двумя пожилыми кандидатами наук, «которые внезапно скатились до обсуждения ориентации всех известных им артистов» (Елисеев 2015: 73).

В индивидуально-авторской интерпретации медиакультура – это результат непрерывного коммуникативного взаимодействия медиа и аудитории, в рамках которого аудитория заявляет о своих предпочтениях, определяя смысловые ориентиры информационного потока, а массмедиа организуют ту самую ментальную среду с актуальным и резонансным информационным продуктом, запрашиваемым социально ангажированной мыслью.

Создаваемый массмедиа информационный продукт служит своеобразным критерием оценки читательских или зрительских предпочтений. В речи героев В. Елисеева актуализирована мысль о том, что вкусы аудитории уже на протяжении всего постсоветского периода не меняются, и потому вовсе не стоит утруждать себя и предлагать публике новые темы, которые она просто не сможет оценить по достоинству. Оценочная характеристика предпочтений читателей и зрителей содержит построенное в иронической форме заявление героя о том, что и вовсе нет необходимости изобретать велосипед, достаточно знать, что публике нужен «именно велосипед «Кама», а никакой не «Мерс-600» (Елисеев 2015: 82). Индивидуально-авторская конфигурация фразеологической единицы, помещенная в контекстуальное поле реалий разных культурных и временных пластов, в метафорической форме характеризует современные потребности широкой аудитории.

Вопреки своим, казалось бы, неограниченным манипулятивным возможностям с артикулированной свободой речевого поведения, положение массмедиа все же детерминировано принадлежностью к маргинальной сфере. Это обеспечивает массмедиа некую привлекательность в определенных кругах общества, в первую очередь среди тех, кто противопоставляет индивидуальное знание коллективному. Таковым является герой В. Елисеева, который на вопрос, почему же он, перспективный молодой специалист, «уходит из Министерства культуры в маргинальную прессу» (Елисеев 2015: 227), не раздумывая, отвечает, что в газете видит, как его действия «влияют на людей, меняют их взгляды, мировоззрение <…> меняют окружение, так можно изменить мир. А что в министерстве?» (Елисеев 2015: 227). В риторическом вопросе содержится аллюзия, мотивирующая читательское сознание к противопоставлению СМИ с их действенной политикой менее популярному, но авторитетному ведомству.

В книгах воссозданы основные стратегии манипулирования общественным сознанием, которые герои используют для воздействия на адресата речи и, в частности, на эмоциональную сферу человека. Процесс коммуникативного воздействия основывается, как правило, на приемах языкового манипулирования.

Так, например, речь героя С. Минаева содержит призыв к началу решительных действий и поиску конструктивных решений. Обращаясь к коллективу, герой определяет основные направления работы: «Мы хотим жить в другой России. Изменить ее – наша задача <…> Я хочу нового подхода. Я хочу фантазии и смелых решений <…> Я хочу не просто координации, но выработки, как теперь говорят, «креатива». Я хочу свежих идей и точечных, но эффективных ударов по информационной среде <…> Ребята, я очень хочу, чтобы у нас все получилось» (Минаев 2007). Речь героя построена в соответствии с используемым в медиатекстах инспиративным приемом, заключающимся в попытке воодушевить аудиторию и сориентировать на активные действия. Интенциональная модальность данной речевой конструкции генерирована за счет иррадиации эмотивной тональности.

Характерные для медиакультуры повествовательные конструкции используются в художественном дискурсе как средство конструирования топоса медиа. В частности, коннотированные инспиративными интенциями повествовательные конструкции передают эмоциональную атмосферу моделируемого автором пространства информационной культуры. С этой точки зрения интересен эпизод, описывающий сцену демонстрации: «Из-за здания РГГУ хаотично выходит группа молодежи, держащая в руках плакаты и транспаранты с лозунгами «Путин – верни нам прямую речь!», «Мы не хотим молчать!», «Цензуру обратно в Кремль!», «Скажи это вслух! Скажи это первым!». У многих рты залеплены пластырями с надписью «цензура» (Минаев 2007).

Репрезентированные в романе С. Минаева лозунги и призывы отражают стереотипные формы общественного сознания, придавая особую стилистическую экспрессию сцене массового действа. Учитывая иллокутивный потенциал лозунгов, мы склонны рассматривать их как тексты прагматической направленности, построенные в соответствии со схемой регулятивных текстов.

Однако в романе С. Минаева их роль не сводится к стандартизации общественного настроения. Скорее, наоборот, изображение образа молодых людей, которые за небольшую сумму денег вышли на улицу с плакатами, якобы демонстрирующими их требования, сопряжено с авторскими интенциями зафиксировать метафорическую природу этого образа и явления в целом, истинный смысл которого не связан с выражением протеста или недовольства существующим порядком, а раскрывает лишь пародийность подобной формы массовых выступлений.

Топос медиа детерминирован принадлежностью к современному общественно-политическому дискурсу. Причем повествовательные стратегии, конструирующие топос медиа, построены по образцу наиболее частых стилистических техник медиадискурса. Обратимся к высказыванию главного героя С. Минаева – Антона Дроздикова – о выступлении коллеги: «Яша берет микрофон и начинает вещать про то, как это здорово, что все мы здесь, несмотря на, из солидарности с, и просто, потому что мы хотим жить свободно» (Минаев 2007).

Антон Дроздиков определяет лишь контур повествовательной манеры в выступлении своего коллеги. Речь Яши на митинге в пересказе главного героя романа представляет собой речь, которая построена по образцу схематизированной модели публичного выступления. Автор прибегает к стилизации распространенной в медиапространстве риторики, акцентирующей внимание аудитории преимущественно на лексике, способной имплицировать положительные эмоции.

Таким образом, в проанализированных текстах В. Елисеева, И. Стогова и С. Минаева художественный топос медиа представляет собой индивидуально-авторскую форму концептуализации действительности. В структурировании художественного медиапространства использована стилистически сниженная лексика, посредством которой актуализирован маргинальный характер массмедиа в структуре современного информационного пространства. Синтезируя эмоциональную составляющую общественного сознания, топос медиа вместе с тем выступает в роли основного параметра общественной рефлексии.

Литература

1. *Елисеев В.* Mediaгрех. Скупка душ в рекламных целях. – М.: АСТ, 2015. – 318 с.
2. *Кириллова Н. Б.* Медиакультура: от модерна к постмодерну. – М.: Академический проект, 2006. – 448 с.
3. *Клушина Н. И.* Интенциональный метод в современной лингвистической парадигме // Медиаскоп. – 2012. – № 4. URL: http://www.mediascope.ru/node/1242.
4. *Минаев С.* Media Sapiens. Повесть о третьем сроке. URL: http://book-online.com.ua/show_book.php?book=5838.
5. *Полонский А. В.* Медиа – дискурс – концепт: опыт проблемного осмысления // Современный дискурс-анализ. – 2012. – Вып. 6. URL: http://discourseanalysis.org/ada6.shtml.
6. *Полонский А. В.* Современный медиадискурс: ключевые идеи и слова // Русский язык в современном медиапространстве: сб. научных трудов / отв. ред. А. В. Полонский. – Белгород: Политерра, 2009. – С. 151–160.
7. *Стогов И.* Эра супергероев. История мира в 5 журналах и 3 комиксах. – М.: Астрель: АСТ, 2010. – 256 с.

ЛЕКСИЧЕСКАЯ СТИЛИСТИКА

- Лексикон современного медиадискурса
- Номинации-варваризмы
- Агнонимы в медиатексте
- Лингвоцинизмы
- Массовый адресат
- Речевые штампы
- Волшебные слова
- Перевод и межкультурная коммуникация
- Правовые термины
- Общеюридические тексты
- Точность перевода

Валерия Анатольевна Буряковская:

«В связи с бурным ростом массовых коммуникаций русскоязычная лексика пополнилась тысячами новых слов, нашедших отражение практически во всех сферах жизни».

«…лексикон современного медиатекста можно охарактеризовать по его *семантическим* характеристикам, предполагающим размытую и/или широкую семантику (речевые штампы, «волшебные» слова); *коннотативным* характеристикам, предполагающим повышенную эмоциональность (окказионализмы, эпиномы); *прагмалингвистическим* характеристикам, предполагающим агнонимичность (агнонимы), и *этическим* характеристикам, предполагающим детабуированность (лингвоцинизмы)».

Владимир Стоев Хънтов:

«Сам по себе язык юридических текстов понятен и доступен в полной мере только специалистам-правоведам: к нему предъявляются особые требования (прежде всего в плане максимально возможной точности и четкости описания), ведущие к формированию его специфических особенностей, к своеобразному обособлению законодательной разновидности официально-делового стиля. Этот факт в значительной мере затрудняет перевод текстов правового характера вообще, в том числе с русского на болгарский язык».

«…тремя самыми важными языковыми и юридическими маркерами являются лексемы ***рус****. государство*, ***рус****. конституция* и ***рус****. столица*. Опираясь на эти три «кита», можно сказать, что с чисто языковой точки зрения налицо все формальные основания и аргументы относиться к российским республикам как к полноценным суверенным государствам. При этом вполне логичным и возможным становится использование при переводе с русского на болгарский язык терминов (однословных или составных), соответствующих устройству именно таких государств, в том числе названий высших должностных лиц, коллегиальных органов законодательной и исполнительной власти и т. д. Вместе с тем мы считаем, что данное действие никак нельзя применять к остальным типам субъектов федерации: для них необходимо использовать другие возможности и языковые модели, заложенные в болгарском законодательстве».

УДК 81’33

В. А. Буряковская
(Волгоградский государственный социально-педагогический университет)

ЛЕКСИКОН СОВРЕМЕННОГО МЕДИАТЕКСТА

В статье рассматриваются разные типы лексики, характерные для современного медиатекста. В силу политических, экономических и социальных перемен медиадискурс в России претерпел существенные изменения. Анализируются семантические, прагматические, коннотативные и этические характеристики лексики, употребляемой журналистами. Массовая аудитория сталкивается с высокой эмоциональностью и экспрессивностью современной медиапродукции.

Ключевые слова: лексикон, медиатекст, коннотация, словоупотребление, массовая аудитория.

Valeria A. Buryakovskaya
(Volgograd State Socio-Pedagogical University)

THE LEXICON OF CONTEMPORARY MEDIA TEXT

The article deals with the different types of lexicon typical of the contemporary media text. Due to political, economic and social changes media discourse in Russia has changed dramatically. Semantic, pragmatic, connotation and ethical characteristic of the vocabulary journalists resort to are pointed out. Mass audience is confronted with high emotionality and expressiveness of media products.

Key words: lexicon, media text, connotation, word usage, mass audience.

Статья посвящена вопросу о типах лексических единиц, характерных для современных медиатекстов разной жанровой и тематической направленности.

В своих рассуждениях о языке газеты Г. Я. Солганик заметил, что «он (как и язык других СМИ) обладает огромными возможностями и сильнейшим влиянием на другие разновидности литературного языка и на общество в целом. Наш выдающийся лингвист Н. И. Конрад писал, что язык СМИ своими усредненными, стандартными значениями объединяет нацию. Плох не сам язык газеты как таковой. Язык не виноват. Виноваты мы, носители языка, нерадиво, небрежно использующие его возможности» (Солганик 2003). Надо заметить, что за последние 25 лет русский язык претерпел существенные количественные и качественные изменения. Произошла варваризация языка, выражающаяся в англизации и латинизации; хлынул поток оправданных и неоправданных заимствований из английского языка. Многие узкопрофессиональные сферы пополнились переведенной английской терминологией, также обновился новыми формами и языковыми единицами профессиональный жаргон.

Политические и социальные изменения затронули и сферу массовой коммуникации. Характеризуя современную интернет-продукцию, Б. Тошович утверждает, что «она отличается тремя основными свойствами: (а) сложным соотношением экспрессивности и нейтральности, (б) огромным разнообразием на всех стилистических уровнях (фонетико-фонологическом, просодическом, лексико-семантическом, идиоматическом, словообразовательном, морфологическом, синтаксическом, текстуальном), (в) необъятным варьированием и переплетением различных стилей. Соответственно, стилистический потенциал Интернета выступает в форме (1) бинарной оппозиции экспрессивное – нейтральное, (2) актуализации ярусных ресурсов (лексико-семантических, идиоматических, фонетико-фонологических, словообразовательных, морфологических, синтаксических, текстуальных), (3) стилевой дифференциации» (Тошович 2015: 32). Полагаем, что данные характеристики в полной мере могут быть применимы и к современному медиатексту вне зависимости от его технической опосредованности.

Действительно, **заимствованная лексика** увеличила свою частотность употребления: *По данным газеты, впервые покупатели iTunes смогут скачивать из онлайн-магазина видеоконтент, права на который принадлежат компании Fox* (Коммерсантъ. 28.12.07); *Надо сделать достойный материал, чтобы там были и так называемые стендапы, то есть появление журналиста в кадре, и содержательные интервью* (Российская газета. 15.04.2010. «Прямое включение», интервью с В. П. Кондратьевым). В связи с бурным ростом массовых коммуникаций русскоязычная лексика пополнилась тысячами новых слов, нашедших отражение практически во всех сферах жизни.

«Незамкнутость» словаря публицистики определяется прежде всего экстралингвистическими факторами, главным из которых является разнообразие тем (экономических, политических, социальных и т. п.), попадающих в фокус журналистского внимания. Подобное разнообразие тем, в свою очередь, было обусловлено отменой во времена перестройки цензуры (внешней и «внутренней») и децентрализацией информации («открытие» многих ранее закрытых источников: военный бюджет, жизнь армии, наркомания и т. п.). Множественность и многообразие словесных рядов делает словарный состав публицистики максимально широким и незамкнутым (Клушина 2008). Появились специфические понятия и языковые единицы, их называющие, которые раньше не существовали: лексема *гламур* и ее производные – яркий тому пример: *гламурянин, гламурянка, гламурщик, пригламурить, гламурничать, выгламуриваться*, *гламурненько, гламуризация* и др.

Латинизация русского языка характерна для разных типов медиадискурса и выражается она, прежде всего, через **номинации-варваризмы,** например *must have, must buy*: *Модельеры и дизайнеры диктуют много тенденций для будущего сезона, но среди всего этого многообразия можно выделить абсолютный must have* (Glamour). Здесь действует фактор среды: данные номинации знакомы молодым людям или людям, которые актив-

но интересуются всем, что внедряется массовой культурой, от моды до автомобилей, однако постепенно они расширяют границы и частотность своего употребления.

Языковая игра, направленная на привлечение внимания массовой аудитории и повышение экспрессивности высказываемых идей в медиатексте, фиксируется при употреблении разного рода **окказионализмов**, которые представлены лексическими единицами, полученными словосложением русскоязычных или иноязычных основ (*антимайдан, пост-майдан, правосеки, вогнегасник, Гейропа, майданократия, ленинопад*); нестандартным словосложением по типу существительное + местоимение (*крым-наш*). Кроме того, появляются словосочетания, обозначающие новые понятия или как минимум демонстрирующие метаморфозу старых понятий: *вежливые люди, диванные войска, русский мир, гуманитарный конвой.* Так, в словосочетании *вежливые люди* прилагательное *вежливый* приобрело противоположное значение – 'грозный', 'опасный', 'вооруженный'. Очевидно, что такого рода номинации обладают высоким эмоциональным и оценочным коннотативным зарядом.

Современная публицистика широко использует лексику советских времен и перестройки. Так называемый «новояз», язык тоталитарного общества, трансформировался в **постновояз**. Е. А. Земская выделяет следующие важнейшие черты постновояза: высокая степень клишированности, эвфемистичность, нарушение основных постулатов общения, применяемое с целью лингвистического манипулирования, ритуализированное использование языка, десемантизация не только отдельных слов, но и больших отрезков дискурса. Клише постновояза, как правило, ориентированы либо на абстрактный, условный референт, либо на референт, отсутствующий в действительности. Текст сугубо официальный, идеологически нагруженный, деформируется вставкой элементов иных тематических пластов, иной идеологической ориентации, помещенный в чуждый ему идеологический контекст, он приобретает пародийное звучание (Земская 1996: 25). Приведем пример: *Разногласий не было в течение года – ни по войне с Грузией, ни по «холодной войне» с Украиной, ни по отношениям с Западом, ни по кадровым вопросам…* (Российская газета. 05.03.2009). Здесь словосочетание *холодная война* воспринимается современным обществом, так же как и во время противостояния СССР и США, когда под этой фразой подразумевалось соперничество в сфере военных интересов, наращивания оружейной мощи. В данном контексте *холодная война* с Украиной тоже подразумевает противостояние в политической, экономической, военной и, что актуально, газовой сферах деятельности, а не войну в прямом смысле этого слова. Обращение к прецедентным именам и текстам является достаточно распространенным приемом апелляции СМИ к коллективной памяти общества.

Помимо заимствованной лексики и варваризмов современный медиатекст нередко наполнен профессиональной терминологией: *Для того чтобы оценить стоимость товарного знака, юристы Большого театра в течение нескольких лет проводили процедуру валоризации: заключали лицензионные контракты на использование товарных знаков при выпуске сопутствующих товаров, связанных с брендом, или оказании услуг, например сувениров или эксклюзивной парфюмерной продукции* (Анна Левинская. Бренд Большого театра оценили почти в 2 млрд рублей // РБК Дейли. 03.05.2013). Для определенной части массовой аудитории такого рода тексты могут быть не понятны, что позволяет охарактеризовать их лексическое наполнение как **агнонимичное.** Как справедливо отмечает А. Моль, «в процессе регулярного употребления специальной лексики ее характер постепенно эволюционирует. Слова становятся все более и более абстрактными, по мере того как возрастает отвлеченность обозначаемых ими понятий. Воздвигается барьер понимания не только перед непросвещенным, но также и перед образованным человеком, которому уже не под силу разбираться во всех тонкостях усложняющихся построений науки. Тонкости эти редко связаны с математикой, так что в данном случае мы лишены возможности воспользоваться этим главным орудием обобщающего мышления. В результате возрастает не только число понятий, но и запу-

танность построений, что делает сложность характерной чертой современной культуры» (Моль 2008: 42). Следует заметить, однако, что проникновение терминологии в неспециализированные тексты ведет к изменению соотношения единиц активного и пассивного словаря, перемещению агнонимов в ряд семантически освоенных лексических единиц. Тем не менее утверждать, что агнонимичной лексики в современном медиатексте становится меньше за счет ее освоения массовой аудиторией, не приходится.

Отрицательно маркированную аксиологическую составляющую современного медиатекста представляют наиболее ярко **лингвоцинизмы** – слова, обороты речи и целые высказывания, в которых находит отражение демонстративно-пренебрежительное отношение к чему-либо (Сковородников 2012: 21). По нашему мнению, лингвоцинизмы являются своеобразными указателями на новые ценностные ориентиры, противоречащие общечеловеческим гуманитарным ценностям. Сегодняшний взгляд на общество может зафиксировать факты всеобщего цинизма. Неспроста возник такой раздел лингвистики, как лингвоэкология, объектом которой, в том числе, стали лингвоцинизмы. Приведем примеры неуместного с этической точки зрения языкового оформления, выраженного лингвоцинизмом: заголовок статьи, посвященной смерти священника Павла Адельгейма, выглядел так: *«Жил-был поп»* (Марина Борисова. Жил-был поп // Русский репортер. 15.08.2013). Здесь мы видим несоответствие тематики и содержания статьи прецедентному тексту, носящему шутливый характер. Мало того, что заголовок относит читателя к пушкинской сатирической «Сказке о попе и его работнике Балде», само употребление просторечной лексемы «поп» никак не вяжется с рассказом о жизни и судьбе священника, ставшего жертвой убийства.

Помимо обозначенных типов лексики, в современном медиатексте присутствуют слова, характерные для газетного и публицистического стиля – это **речевые штампы** (*политическая система, экономический уклад, рынок компьютерных игр* и т. п.) и так называемые **«волшебные» слова /** weasel words (*Многие люди думают…, Большинство ученых считает, что …* и т. п.). «К разряду слов, обозначенных данным понятием, относят эвфемизмы, конструкции с неопределенным классом сравнения, слова, интерпретация которых носит ярко выраженный субъективный характер (flavour, taste, smell, etc.), неправильное использование слов, новые комбинации слов или неологизмы (*роскошные бомбоубежища*), которые, если присмотреться к ним более внимательно, кажутся совершенно бессмысленными». (…) «Пустыми» языковые единицы становятся именно в определенном контексте, в других типах текста они могут быть полнозначными (Николаева 2011: 9).

К «волшебным» словам примыкают **эпиномы** – слова, содержащие гипертрофированный компонент положительной оценки, отличающиеся повышенной эмоциональностью. «Эпиномы представляют собой смысловые ориентиры, назначение которых – эмоциональное самовыражение, определение круга своих и приблизительное обозначение фрагментируемой действительности. Эти смысловые образования являются одной из первичных форм коммуникации, они свойственны младенцам, в речи которых, как известно, преобладают единицы с диффузной семантикой: один и тот же звукокомплекс может обозначать множество явлений, ассоциативно связанных между собой. Со временем происходит усложнение и фиксация смысловых отношений, устойчивые смысловые единицы составляют коллективную и индивидуальную концептосферу» (Карасик 2010: 115). Наибольшую частотность эпиномы обнаруживают в рекламных текстах, «гламурном» дискурсе: *Стремительный, завораживающий, яркий автомобиль – плод гения дизайнеров Volkswagen, которым удалось добиться практически невозможного: создать спорткар, красота и скорость которого сочетаются с комфортом и практичностью.*

Таким образом, лексикон современного медиатекста можно охарактеризовать по его *семантическим* характеристикам, предполагающим размытую и/или широкую семантику (речевые штампы, «волшебные» слова); *коннотативным* характеристикам, предпо-

лагающим повышенную эмоциональность (окказионализмы, эпиномы); *прагмалингвистическим* характеристикам, предполагающим агнонимичность (агнонимы), и *этическим* характеристикам, предполагающим детабуированность (лингвоцинизмы).

Литература

1. *Земская Е. А.* Клише новояза и цитация в языке постсоветского общества // Вопросы языкознания. – 1996. – № 3. – С. 23–31.
2. *Карасик В. И.* Языковая кристаллизация смысла. – Волгоград: Парадигма, 2010. – 422 с.
3. *Клушина Н. И.* Общие особенности публицистического стиля. – М., 2008. URL: http://evartist.narod.ru/text12/15.htm#з_07.
4. *Моль А.* Социодинамика культуры / пер. с фр. и предисл. Б. В. Бирюкова. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 416 с.
5. *Николаева А. В.* «Пустые» слова в рекламном тексте (на материале современного английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Уфа: Башк. гос. ун-т, 2011. – 22 с.
6. *Сковородников А. П.* О содержании понятия «этико-речевая компетенция» // Мир русского слова. – 2012. – №4. – С. 20–27.
7. *Солганик Г. Я.* О языке и стиле газеты // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: учебное пособие / отв. ред. М. Н. Володина. – М.: Изд-во МГУ, 2003. URL: http://evartist.narod.ru/text12/15.htm.
8. *Тошович Б.* Интернет как стилистическое пространство // Актуальные проблемы стилистики. – 2015. – №1. – С. 27–35.

УДК 81-114.2

Владимир Стоев Хънтов
(Великотырновский университет имени святых Кирилла и Мефодия, Болгария)

О ПРОБЛЕМАХ ПРИ ПЕРЕВОДЕ НЕКОТОРЫХ АКТУАЛЬНЫХ ТЕРМИНОВ И ЛЕКСЕМ ОБЩЕЮРИДИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА С РУССКОГО НА БОЛГАРСКИЙ ЯЗЫК

В статье рассматриваются несколько болгарских и русских терминов и лексем, играющих ключевую роль в функционировании современных правовых систем Болгарии и России. Исследование проводится как на уровне отдельных слов, конструкций или словосочетаний, так и на базе текстов общеюридического характера. Особое место уделено некоторым экстралингвистическим факторам, которые очень существенно влияют на процесс перевода.

Ключевые слова: федеральный, субъект Российской Федерации, правительство.

Vladimir Stoev Hantov
(St Cyril and St Methodius University of Veliko Turnovo, Bulgaria)

PROBLEMS IN TRANSLATING CONTEMPORARY LEGAL TERMS AND LEXEMES FROM RUSSIAN TO BULGARIAN

The following article presents some of the Bulgarian and Russian terms and lexemes with a key role in the functioning of the contemporary legal systems of Bulgaria and Russia. Particular words, constructions and word groups; as well as legal texts have been discussed. A special emphasis has been placed upon some extralinguistic factors which strongly influence the process of translation.

Key words: federal, constituent entities of the Russian Federation, government.

Сам по себе язык юридических текстов понятен и доступен в полной мере только специалистам-правоведам: к нему предъявляются особые требования (прежде всего в плане максимально возможной точности и четкости описания), ведущие к формированию его специфических особенностей, к своеобразному обособлению законодательной разновидности официально-делового стиля. Этот факт в значительной мере затрудняет перевод текстов правового характера вообще, в том числе с русского на болгарский язык.

На современном этапе общественного развития Болгарии и России все более важную роль приобретает правовое, юридическое оформление связей и обстоятельств. Оно чаще всего связано с переводом документов юридического (в том числе нормативного) характера разных типов и уровней. Деятельность в этой области представляет собой откровенный вызов даже для переводчиков очень высокой квалификации, а нередки и случаи неудач на этом труднейшем для профессионалов поприще.

В статье рассматриваются несколько болгарских и русских терминов и лексем, играющих ключевую роль в функционировании современных правовых систем Болгарии и России. Исследование проводится как на уровне отдельных слов, конструкций или словосочетаний, так и на базе текстов общеюридического характера. Особое место уделено некоторым факторам экстралингвистического характера, которые влияют очень существенно на процесс перевода.

1. Прилагательное *рус. федеральный*

Перевод данного прилагательного является довольно затруднительным прежде всего из-за того, что в силу ряда обстоятельств Болгария и Россия отличаются в очень большой степени по своему государственному устройству. Болгария всегда была унитарным государством, а в государственном строе России всегда присутствовали элементы федерализма (даже при абсолютной монархии).

По этой причине в России словосочетание ***рус.*** *федеральный закон*, тесно связанное с официальным названием страны (***рус.*** *Российская* ***Федерация***), является совершенно ординарным, обычным, понятным даже для рядовых носителей русского языка. Формально его можно легко перевести болгарской конструкцией ***болг.*** *федерален закон*. Но Болгария – унитарное государство, в болгарском законодательстве отсутствует понятие ***болг.*** *федерален*: в данном случае нет необходимой опоры на собственную реалию ни в болгарском языке, ни в болгарской истории.

Здесь, на наш взгляд, необходимо прибегнуть прежде всего к более углубленному анализу семантики русского слова ***рус.*** *федеральный*. Одно из его лексических значений – ‘2. *Общегосударственный*’ (СРЯ, т. IV; НСИС; ПСИС; БТСРЯРЯ) – имеет своим эквивалентом болгарскую однозначную лексему ***болг.*** ‘*Общодържавен, -вна, -вно,* мн. *-вни,* прил. Който се отнася до цялата държава. *Общодържавни интереси. От общодържавно значение*.’ (РБЕ, т. 11). На самом деле, лексема ***рус.*** *федеральный* указывает именно на причастность кого- или чего-либо к центральной власти в государстве – к власти, объединяющей всю страну, и именно этот факт приводит нас к нужной болгарской лексеме.

В данном случае переводная болгарская конструкция ***болг.*** *общодържавен закон* удачно и полностью перекрывает семантическое поле русской ***рус.*** *федеральный закон*. Таким образом, в болгарском языке имплицитно, с помощью корня ***болг.*** *общ-*, можно подчеркнуть наличие особой, сравнительно редкой в современном мире формы управления, базирующейся на объединении разного количества (от нескольких до нескольких десятков) относительно самостоятельных, самодостаточных административно-территориальных единиц в одно общее, союзное государственное образование, называемое словом ***болг.***, ***рус.*** *федерация*. Конечно, здесь вполне возможным является также употребление в качестве эквивалента и другой болгарской конструкции – ***болг.*** *общодържавен (федерален) закон*, – в которой форма государственного управления (***болг.*** *федерация*) указывается и эксплицитно, путем использования прилагательного ***болг.*** *федерален*.

2. Составной термин *рус. субъект Российской Федерации*

Этот термин является одним из самых важных для государственного устройства

современной России. Он представлен в части 1 статьи 5 российской конституции:

Статья 5

1. Российская Федерация состоит из республик, краев, областей, городов федерального значения, автономной области, автономных округов – равноправных *субъектов Российской Федерации* (Конституция Российской Федерации).

Мы сразу же должны отметить и особо подчеркнуть, что этот термин до 1993 года не употреблялся никогда ни в законодательстве Российской империи, ни в советском законодательстве (в том числе в законодательстве РСФСР).

Для нас совершенно очевидно, что данная языковая конструкция создавалась российскими законодателями специально, вероятнее всего, с целью однозначно и отчетливо продемонстрировать и на внутренней, и на внешней политической арене отход от давно устоявшихся (прежде всего советских) традиций, полный разрыв с прошлым на высшем уровне законодательства. Вместе с тем здесь бросается в глаза вполне намеренное, по нашему мнению, употребление в ней лексемы ***рус.*** *субъект* в своем обобщающем, неконкретном значении:

‘***Субъект***. … 3. *обычно с определением*. … ***субъект права*** (спец.) – физическое или юридическое лицо как носитель юридических прав и обязанностей’ (РСС, т. I);

‘***Субъект***. … 3. *Юр*. Лицо или организация, обладающие определенными правами и обязанностями. ***Субъект права***’ (СРЯ, т. IV);

‘***Субъект***. ... 3. (*чего*). *Юрид*. Лицо или организация, обладающие определенными правами и обязанностями. ***С. права***. (*человек или организация как носитель юридических прав и обязанностей*)’ (БТСРЯ).

На наш взгляд, при создании этого совершенно нового на момент своего появления термина российскими законотворцами учитывалось и другое, тоже обобщающее значение слова ***рус.*** *субъект*:

‘***Субъект***. … 2. *Книжн*. Лицо (или группа лиц, коллектив, *организация*), выступающее *активным деятелем* в каком-л. акте, процессе’ (СРЯ, т. IV);

‘***Субъект***. … 2. (*чего*). Лицо или группа лиц, коллектив, *организация*, выступающие *активным деятелем* в каком-л. акте, процессе’ (БТСРЯ).

Мы считаем, что путем использования хорошо обдуманного с правовой точки зрения комплекса языковых средств российские законодатели сумели весьма четко охарактеризовать статус административно-территориальной единицы нового типа – *субъекта управления государством* на региональном уровне. Созданный ими очень синтезированный языковой образ прежде всего показывает, что новое образование обладает своими, самостоятельными правами и обязанностями, что оно играет *активную роль* в процессах управления. По нашему мнению, они также стремились, кроме всего прочего, провозгласить таким образом и демократизацию общественной жизни в России в постсоветский период, и децентрализацию государственной власти в стране на региональном уровне.

Сегодня ***рус.*** *субъект Российской Федерации* – важнейшая, стержневая единица административно-территориального деления современной России, которая играет ведущую роль при осуществлении функций государственного управления на уровне регионов. Согласно цитированному выше тексту закона, независимо от того, как они именуются, субъекты федерации обладают равными правами во взаимоотношениях с центральными (федеральными) органами государственной власти в Российской Федерации. Вместе с тем все субъекты федерации, несмотря на свою очень высокую степень автономности (выражающейся, в том числе, и в наличии у них своего собственного законодательства), по факту и на практике являются квазигосударственными административно-территориальными единицами. Их полномочия ограничены конституцией (напр., в статьях 71-73) и федеральными законами России[1]. В то же время правовое положение любого государства в мире обусловлено прежде всего наличием у него независимой политической власти и государственного суверенитета.

В русском языке рассматриваемому составному термину присуща некоторая неуклюжесть, логично возникающая из-за очень большой точности и четкости описания, требуемой законодательной разновидностью официально-

[1] Согласно упомянутым статьям 71-73 российской конституции, в их ведении не находятся внешняя политика, международные отношения, оборона и безопасность.

делового стиля. Эта неуклюжесть сохранится при переводе конструкции на болгарский язык: ***болг.*** *субект на Руската федерация*.

Проблема статуса субъектов федерации разного типа – один из важнейших вопросов, касающихся обеспечения максимальной степени эквивалентности при переводе русских текстов, имеющих в своем составе термин ***рус***. *субъект федерации* или связанных каким-либо образом с этим термином. Обратимся еще раз к тексту статьи 5 российской конституции:

Статья 5

1. Российская Федерация состоит из *республик, краев, областей, городов федерального значения, автономной области, автономных округов – равноправных субъектов Российской Федерации*.

2. *Республика (государство) имеет* свою *конституцию* и законодательство. *Край, область, город федерального значения, автономная область, автономный округ имеет* свой *устав* и законодательство (Конституция Российской Федерации).

Исходя из содержания частей 1 и 2 статьи 5, можно сделать следующие выводы насчет статуса республик в составе Российской Федерации:

- Согласно части 1 статьи 5, *все субъекты равноправны*, но вместе с тем *республики* стоят *на первом месте* среди равноправных субъектов федерации.
- Республики законодательно приравниваются к ***рус***. *государству* (хотя само это слово и заключено в скобки в тексте части 2).
- В отличие от всех других типов субъектов федерации, у республик имеются свои собственные *конституции*.

Кроме всего прочего, согласно особым текстам в каждой из этих конституций, у каждой из российских республик есть свои *государственные символы* (герб, флаг и гимн) и своя *столица*, например:

Статья 68

Государственный герб, флаг и гимн Республики Коми, их описание и порядок официального использования устанавливаются законом Республики Коми.

Статья 69

Столицей Республики Коми является город Сыктывкар (Конституция Республики Коми).

К этим примерам и констатациям можно добавить и тот факт, что само слово ***рус***. *республика* называет определенный тип государства по его устройству.

Очевидно, что у всех российских республик налицо весьма важный комплекс внешних (видимых и слышимых) атрибутов: в него включены ***рус***. *государственный герб*, ***рус***. *государственный флаг*, ***рус***. *государственный гимн*, ***рус***. *столица*. На наш взгляд, весь этот набор экстралингвистических признаков не только сближает в очень большой степени эти республики с настоящими государствами, но и весьма существенно отличает их от субъектов федерации остальных типов.

По нашему мнению, в данном случае тремя самыми важными языковыми и юридическими маркерами являются лексемы ***рус***. *государство*, ***рус***. *конституция* и ***рус***. *столица*. Опираясь на эти три «кита», можно сказать, что с чисто языковой точки зрения налицо все формальные основания и аргументы относиться к российским республикам как к полноценным суверенным государствам[2]. При этом вполне логичным и возможным становится использование при переводе с русского на болгарский язык терминов (однословных или составных), соответствующих устройству именно таких государств, в том числе названий высших должностных лиц, коллегиальных органов законодательной и исполнительной власти и т. д. Вместе с тем мы считаем, что данное действие никак нельзя применять к остальным типам субъектов федерации: для них необходимо использовать другие возможности и языковые модели, заложенные в болгарском законодательстве.

---

[2] Хотя сегодня республики фактически являются квазигосударственными административно-территориальными единицами, в проекте современной российской конституции, принятом Конституционным Совещанием 12 июля 1993 года, присутствовал следующий любопытный текст, весьма красноречивый по своему содержанию:

Статья 5

<…> *Республика – суверенное государство* в составе Российской Федерации… (Конституция Российской Федерации. Проект одобрен Конституционным совещанием, созванным Президентом Российской Федерации. Москва, Кремль, 1993 г. Арх. № 1456, 12.07.93; оптическая копия: http://www.rusconstitution.ru/library/constitution/articles/1207/).

По нашему мнению, такое отношение к республикам РФ подкрепляется очень существенно тем, что подобные им образования не одиноки в мировой практике: они имеются в составе некоторых других федеративных государств. Так, например, ***рус.*** *штаты* есть в Бразилии (***порт.*** *pl. estados*), США и Индии (***англ.*** *pl. states*). Оба слова – ***порт.*** *sing. estado* и ***англ.*** *sing. state* – имеют лексическое значение 'государство'. В государственном устройстве ФРГ и Австрии основными единицами являются ***нем.*** *pl. länder* (***нем.*** *sing. land*). На наш взгляд, данное типовое название в болгарском и в русском языках абсолютно необоснованно и крайне некорректно переводится конструкциями ***болг.*** *федерални провинции* и ***рус.*** *федеральные земли*. В этом случае в исходном языке немецкое слово ***нем.*** *sing. land*, согласно текстам германской и австрийской конституций, используется именно и только в лексическом значении 'государство'[3]. В Малайзии же бóльшая часть штатов (***англ.*** *states*) – ***рус.*** *султанаты* (т. е. по сути – наследственные конституционные монархии). Необходимо особо подчеркнуть и то, что в устройстве стран, названных в настоящем абзаце, выделяются административно-территориальные образования разных типов, но из них только ***порт.*** *sing. estado*, ***англ.*** *sing. state* и ***нем.*** *sing. land* подходят под определение 'государство', что, конечно же, отражается при их переводе на иностранный язык.

3. Лексемы *болг. правителство* и *рус. правительство*

Слова ***болг.*** *правителство* и ***рус.*** *правительство* входят в состав юридической лексики базового характера в обоих родственных славянских языках. Здесь мы попытаемся выявить как общие черты, так и различия в лексическом значении и употреблении упомянутых лексем с целью облегчить поиск эквивалентов при их переводе с каждого из языков на другой.

3.1. Лексическая семантика слов *болг. правителство* и *рус. правительство*

На первый взгляд, оба слова очень близки по своей лексической семантике, так как они называют высший орган исполнительный власти в государстве. Это видно из приводимых ниже статей в толковых словарях болгарского и русского языков:

'***Правителство***. Най-висш изпълнителен и разпоредителен орган на държавната власт. || Министрите в една държава' (РСБКЕ, т. II);

'***Правителство***. Най-висш орган на изпълнителната власт, осъществяващ управлението на държавата' (БТР);

'***Правителство***. 1. Висш изпълнителен и разпоредителен орган на държавно управление, състоящ се от министри, избирани от парламента (или от държавния глава). 2. Всички министри, членове на такъв орган; кабинет, министерски съвет' (РБЕ, т. 13);

'***Правительство***. Высший исполнительный и распорядительный орган государственной власти, осуществляющий непосредственное управление государством. || Члены такого органа' (БАС, т. 11; СРЯ, т. III; БТСРЯ);

'***Правительство***. Высший исполнительный орган государственной власти в стране' (Ожегов, Шведова 2003; Ожегов 2004).

При этом, по нашему мнению, цитируемые выше словарные дефиниции правовых терминов ***болг.*** *правителство* и ***рус.*** *правительство* не соответствуют полностью их актуальному юридическому содержанию. В современных основных законах Болгарии и России присутствуют одинаковые правовые нормы:

Чл. 8. *Държавната власт* се разделя на законодателна, *изпълнителна* и съдебна (Конституция на Република България);

Статья 10

Государственная власть в Российской Федерации осуществляется на основе разделения на законодательную, *исполнительную* и судебную (Конституция Российской Федерации).

Руководствуясь этими положениями обеих конституций, логичнее, на наш взгляд, использовать в толковых словарях следующие формулировки:

'***Правителство***. Най-висшият орган на *изпълнителната власт* в държавата';

'***Правительство***. 1. Высший орган *исполнительной власти* в государстве'.

В некоторых словарях русского языка отмечаются и другие значения лексемы ***рус.*** *правительство*. Например, в своем словаре, фик-

[3] В этой связи нелишне припомнить тот непреложный исторический факт, что и Россия, и Германия, и Австрия возникли в результате постепенного объединения отдельных независимых государств (царств, княжеств, ханств, графств, королевств, герцогств, республик и т. д.).

сирующем лексемный состав русского языка середины XIX века, В. И. Даль определяет ***рус.*** *правительство* как 'начальство, власти, совокупность силъ управленья', а в иллюстративном примере противопоставляет правительства двух типов (точнее, двух уровней управления):

'*Местное* правительство, противплжн. *высшее* или *государственное*' (Даль 1880-1882, т. III).

Словарная дефиниция В. И. Даля отражает очень точно современные ему политические реалии: в XIX веке в квазигосударственных структурах ***рус.*** ***Царстве*** *Польском* и ***рус.*** *Великом* ***княжестве*** *Финляндском*, находившихся в то время в составе Российской империи, были свои *местные правительства*, *подчиненные центральному* имперскому *правительству* в Санкт-Петербурге.

Подобные толкования присутствуют и в современных словарях, изданных на рубеже XX и XXI веков. Так, во втором томе «Русского семантического словаря» читаем:

'***Правительство***. … 2. Высший орган городского управления. *П. Москвы, Санкт-Петербурга*' (РСС, т. II).

На наш взгляд, здесь налицо явная попытка, хотя и весьма безуспешная, отразить некоторые особенности государственного устройства современной России, точнее, ее ***рус.*** *субъектов федерации*. Интересно, что конституция РФ не предписывает форму и название органов власти этих единиц – они определяются в их конституциях и уставах:

Статья 77

1. *Система органов государственной власти республик, краев, областей, городов федерального значения, автономной области, автономных округов устанавливается субъектами Российской Федерации самостоятельно* в соответствии с основами конституционного строя Российской Федерации и *общими принципами организации представительных и исполнительных органов государственной власти*, установленными федеральным законом (Конституция Российской Федерации).

Статистика показывает, что в преобладающем большинстве российских субъектов федерации (в 67, или 78,82 % от их общего числа) самой частотной в названиях коллегиального органа высшей исполнительной власти является лексема ***рус.*** *правительство*. На наш взгляд, такое широкое распространение данного слова можно объяснить в том числе чисто историческими причинами и воспринять как отголосок давних времен, когда на территории современной России существовали независимые государства: княжества, республики, ханства и пр.

Учитывая изложенные выше цитаты и факты, мы считаем, что сегодня уже можно очень четко и корректно выделить второе лексическое значение базового термина ***рус.*** *правительство* в современном русском языке. Его, по нашему мнению, необходимо сформулировать следующим образом:

'***Правительство***. ... 2. Высший коллегиальный орган исполнительной власти в (некоторых) субъектах Российской Федерации'.

Необходимо также отметить, что в болгарском законодательстве у термина ***болг.*** *правителство* данное значение отсутствует. В Болгарии он употребляется только применительно к высшему органу исполнительной власти в государстве, так как наша страна – унитарное государство, и на ее территории нет квазигосударственных административно-территориальных единиц. Очевидно, что довольно значительная разница в семантическом объеме базовых законодательных терминов ***болг.*** *правителство* и ***рус.*** *правительство* непосредственно обусловлена прежде всего весьма существенной разницей в государственном устройстве современных Болгарии и России.

3.2. Перевод слова *рус. правительство* на болгарский язык

При переводе слова ***рус.*** *правительство* в его первом лексическом значении на болгарский язык нет никаких проблем при поиске эквивалента – им является термин ***болг.*** *правителство*. В то же время в связи с переводом этой же лексемы в ее втором значении возникают ощутимые трудности, заставляющие применять разного рода переводческие трансформации и компенсации.

В этом случае прежде всего надо ответить на два вопроса: Возможно ли вообще использование термина ***болг.*** *правителство* при переводе с русского на болгарский язык названий высших коллегиальных органов исполнительной власти в российских субъектах федерации? Если да, то в каких случаях?

На первый вопрос можно ответить утвердительно. Что касается второго, то в ответе на него необходимо учесть важное обстоя-

тельство, уже описанное выше, в разделе 2. Оно состоит в том, что, несмотря на особо прописанное в конституции России равенство их статуса, не все типы субъектов федерации равны на практике, поэтому только по отношению к республикам в процессе перевода возможно употребление терминологии, относящейся к устройству независимых государств. В соответствии с этим только при переводе названий коллегиальных органов исполнительной власти в российских республиках возможно использовать в качестве эквивалента болгарский термин ***болг.*** *правителство*. Что касается названий этих же органов в субъектах федерации остальных типов, то возможности их перевода с русского на болгарский язык нуждаются в отдельном рассмотрении из-за очень большого числа и сложности возникающих при этом проблем.

Необходимо еще раз подчеркнуть, что русский юридический термин ***рус.*** *правительство* сегодня охватывает намного бóльшее семантическое поле, чем болгарский ***болг.*** *правителство*. Обусловленное законодательством обеих стран, это различие требует от переводчиков повышенного внимания при осуществлении переводческих трансформаций и очень осторожного подбора переводческих компенсаций, иногда даже ценой некоторого усложнения переводного текста.

Литература

1. БАС: Словарь современного русского литературного языка. В семнадцати томах. Т. 1-17. – М.-Л., 1950–1965. Издание первое.
2. БТР: Андрейчин Л., Георгиев Л., Илчев Ст., Костов Н., Леков Ив., Стойков Ст., Тодоров Цв.. Български тълковен речник. Четвърто издание. Допълнено и преработено от Димитър Попов. – С.: Издателство «Наука и изкуство», 2002. – 1094 с.
3. БТСРЯРЯ: Большой толковый словарь русского языка. – СПб.: Издательство «Норинт», 2004.
4. Даль 1880-1882: Даль В.И. Толковый словарь живаго великорускаго языка. В четырехъ томахъ. 2-е изд. – Спб.-М., 1880-1882.
5. Конституция на Република България: Конституция на Република България. – С.: Издателство «Сиби», 2014. ISBN 978-954-730-549-6.
6. Конституция Российской Федерации: Конституция Российской Федерации. Официальное издание. – М.: Государственное учреждение – издательство «Юридическая литература» Администрации Президента Российской Федерации, 2014. ISBN 5-7260-1133-2.
7. Конституция Республики Коми: Конституция Республики Коми. Официальное издание Государственного Совета Республики Коми. – Сыктывкар: ООО «Коми республиканская типография», 2014. URL: http://pravo.gov.ru/ips/.
8. НСИС: Захаренко Е. Н., Комарова Л. Н., Нечаева И. В. Новый словарь иностранных слов. – М.: Издательство «Азбуковник», 2003.
9. Ожегов 2004: Ожегов С. И. Словарь русского языка. 24-е издание, исправленное. – М., 2004.
10. Ожегов, Шведова 2003: Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е издание, дополненное. – М., 2003.
11. ПСИС: Музрукова Т. Г., Нечаева И. В. Популярный словарь иностранных слов / под ред. И. В. Нечаевой. – М.: Издательство «Азбуковник», 2002.
12. РБЕ: Речник на българския език. Т. 1-14. – С.: 1977–.... .
13. РСБКЕ: Речник на съвременния български книжовен език. В три тома. – С.: Книгоиздателство с печатница на Българската академия на науките, 1955–1959.
14. РСС: Русский семантический словарь / под общей ред. Н. Ю. Шведовой. Тт. I-IV. – М.: Издательство «Азбуковник», 1998–2007.
15. СРЯ: Словарь русского языка. Тт. I-IV. 2-е изд., исправл. и дополн. / гл. ред. А. П. Евгеньева. – М., 1981–1984.

ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

- Актуальные проблемы стилистики
- Стиль – дискурс – Интернет
- Дискурс и стиль
- Медиастилистика
- Интернет-стилистика
- Лингвистические школы
- Научная классика
- Московская школа стилистики
- Серия «Научные дискуссии»
- Серия «Стилистическое наследие»
- Издательство «ФЛИНТА: Наука»
- Теория публицистической метафоры
- Лингвоэтика

Светлана Фридриховна Барышева:

«…монографии, открывшие серию «Научные дискуссии», отражают самые актуальные проблемы современной стилистики и фиксируют новые направления ее развития».

Наталия Николаевна Василькова:

«Стилистика как фундаментальная теоретическая и вместе с тем практическая дисциплина, будучи живым и перспективным научным направлением, не стоит на месте. Она развивается, обогащается идеями, научными материалами, новыми исследованиями. Значительный вклад в эволюцию этого актуального научного направления вносит кафедра стилистики русского языка факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова».

«Постоянно растущий интерес к теоретическим проблемам стилистики и расширяющийся круг научных направлений, которые затрагивает эта дисциплина, поставили перед профессиональным сообществом задачу переиздания наиболее востребованных, единодушно признанных классическими, научных трудов».

«В 2010 году была основана серия «Стилистическое наследие», объединяющая под эгидой единого оформления издаваемые книги по стилистике, принадлежащие представителям разных лингвистических школ, чьи работы, ставшие в XX веке хрестоматийными, открыли новые перспективы в области развития науки о языке».

«Составители словаря «Трудности русского языка» не только помогают выбрать наиболее подходящий вариант словоупотребления, но и формируют языковой вкус, давая в комментариях объективные критерии оценки употребляющихся в печати выражений».

«Работа М. Н. Кожиной «Речеведение. Теория функциональной стилистики» содержит перспективные в научном отношении идеи, относящиеся к общим вопросам функциональной стилистики и к разработке основ речеведения как целостной интегральной теории речи».

Надежда Владимировна Смирнова:

«Наблюдения над использованием метафор в газетных публикациях позволили обнаружить не атомарные явления, а систему взаимодействующих переносных значений, серийный характер публицистической метафорики».

«Из трех аспектов культуры речи – нормативного, этического и языкового – на первый план в лингвистической этике выдвигается этический аспект. Это связано с современной культурно-речевой ситуацией, в которой проявляются такие негативные тенденции, как огрубление речи, агрессивность в речевом поведении коммуникантов, смещение нравственных ориентиров».

«Лингвистическая этика – актуальное научное направление, вписывающееся в общее развитие современной гуманитарной мысли».

УДК 81'42

С. Ф. Барышева
(Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова)

СТИЛЬ – ДИСКУРС – ИНТЕРНЕТ (по материалам монографий серии «Научные дискуссии»)

Две монографии, открывшие серию «Научные дискуссии», отражают самые актуальные проблемы современной стилистики (на примере соотношения понятий дискурс и стиль) и фиксируют новые направления ее развития (на примере интернет-стилистики).

Ключевые слова: стиль, дискурс, интернет-стилистика.

Svetlana F. Barysheva
(Lomonosov Moscow State University)

STYLE – Discourse – INTERNET (based on the book series “The scientific debate”)

Two first monographs in the series “Scientific debate” are devoted to the salient issues of modern stylistics such as the interrelation of the notions of discourse and style as well as to the new research fields such as the internet-stylistics.

Key words: style , discourse, Internet-stylistics.

В 2014 году в издательстве «ФЛИНТА: Наука» начала выходить серия «Научные дискуссии», которую открыли две монографии: «Дискурс и стиль: теоретические и прикладные аспекты» под ред. Г. Я. Солганика, Н. И. Клушиной, Н. В. Смирновой (М., 2014) и «Интернет-стилистика» Б. Тошовича (М., 2015).

Коллективная монография **«Дискурс и стиль: теоретические и прикладные аспекты»** (далее ДС) посвящена актуальной проблеме – соотношению двух смежных теорий: теории стиля и теории дискурса. Общеизвестно, что зона смежных наук еще шире: существуют «четыре смежные теории: теория коммуникации (ТК), теория стилей (ТС), теория текста (ТТ) и теория дискурса (ТД)», к которым «можно добавить теорию чтения и теорию интерпретации» (ДС 2014: 106).

Главный предмет монографического исследования – соотношение категорий «дискурс» и «стиль» – представлен в разделе **«Дискурс и стиль: конкуренция или конвергенция?»**. До сих пор актуален вопрос, «чем по отношению друг к другу выступают данные категории – антонимами, дублетами, синонимами, гиперонимом и гипонимом, согипонимами» (ДС 2014: 155).

Представим предлагаемые решения:

1. Считать интегративным понятие «стиль» (С. Гайда).

С. Гайда: «Стиль являет собой «гуманитарную структуру текста», интегрируя все его измерения и атрибуты» (ДС 2014: 16); «Стиль … представляет собой наиглавнейшую организационно-интегрирующую основу текста (дискурса)» (ДС 2014: 17).

2. Считать интегративным понятие «дискурс» (В. Б. Кашкин).

В. Б. Кашкин: «теория дискурса говорит о связной речи, в том числе об устном речевом произведении и о письменном тексте, о процессе его порождения и понимания», что «свидетельствует об интегративности самого понятия *дискурс* и об интегративном потенциале теории дискурса» (ДС 2014: 48).

3. Считать самодостаточными оба понятия с разными основаниями для их противопоставления.

Предлагаются следующие параметры для сопоставления (выделим эти основания по отдельности, хотя у многих авторов противопоставление строится на целом комплексе противопоставляемых признаков):

а) ***стиль – устойчивое, системное, дискурс – ситуативно-речевое*** (т. е. ситуативное и прагматическое) (Т. А. Воронцова). В других терминах – ***стиль – инвариантное, дискурс – вариантное*** (О. В. Орлова).

Т. А. Воронцова: «Сочетание стилистического и коммуникативно-дискурсивного подходов к исследованию языковых реалий позволяет увидеть, какие языковые явления в современной речевой практике уже приобрели устойчивый системный характер, а какие пока следует отнести к ситуативно-речевым» (ДС 2014: 31).

О. В. Орлова: Стиль – «стержневые, инвариантные параметры текстообразования и текстовосприятия», дискурс – параметры «индивидуализирующие, вариантные, подвижные» (ДС 2014: 162).

б) ***стиль – языковое оформление, дискурс – экстралингвистические факторы*** (Е. А. Баженова; А. А. Негрышев).

Е. А. Баженова: «Несколько упрощая эти отношения, можно сказать, что дискурс, в рамках которого порождается речевое произведение (текст), соотносится с экстралингвистическими факторами коммуникации, определяющими типологическое своеобразие поверхностно-речевой стороны текста, т. е. его стиль» (ДС 2014: 19).

А. А. Негрышев: «В стилистике текста … предметом являются *его структурно-семантические особенности,* актуализатором которых выступает дискурсивный контекст, предметом же дискурсивного анализа являются те *явления в тексте, которые «связывают» его с дискурсом,* обнаруживая производность текста от дискурсивно-коммуникативной среды» (ДС 2014: 161, выделения автора).

в) ***стиль – означающее (языковое оформление), дискурс – означаемое (содержание)*** (Л. О. Чернейко).

Л. О. Чернейко: «Более широкое привлечение контекстов употребления и их анализ позволяют сделать вывод, что в отличие от стиля, ориентированного главным образом на означающее текста, т. е. на принятые нормы отбора и комбинаторики единиц языка,

а также на принципы построения речи в определенных сферах жизни социума, дискурс ориентирован на означаемое, на ***содержательную*** сторону речи» (ДС 2014: 60).

г) ***стиль – сфера деятельности, дискурс – контекст*** (Н. И. Клушина).

Н. И. Клушина: «Организующим началом в формировании таксономий дискурса, кажется, может выступить контекст. Тексты, объединенные определенным контекстом (временнЫм / историческим – например, *советский дискурс*, событийным – например, *дискурс Фукусимы*, социальным – *дискурс интолерантности*, политическим – *оппозиционный дискурс* и т. п.), складываются в различные таксономии, что позволяет группировать, описывать и детализировать речевую действительность. Таким образом, пристальное внимание к *контексту*, наблюдения над его творческим преобразованием под влиянием дискурсивных практик представляется важнейшим достижением современной дискурсологии. Стилистика также учитывала *контекст* как экстралингвистическую основу стиля, но не детализировала его, а, наоборот, абстрагировала и типизировала для выявления эталонных черт стиля (например, непринужденность, неофициальность, непосредственность, межличностность признаются экстралингвистическими детерминантами разговорно-бытового стиля)» (ДС 2014: 178-179).

д) ***стили – сфера деятельности, дискурсы – различные виды социальных практик*** (Н. И. Клушина), ***выделяемых по содержательно-тематическому критерию*** (О. В. Орлова, В. Е. Чернявская).

О. В. Орлова: «Дискурсы представляют собой языково-речевые проекции всего многообразия социальных практик, образуются содержательно-смысловой общностью» (ДС 2014: 156).

Н. И. Клушина: «Задачи дискурсологии, по крайней мере сегодня, представляются более прагматическими, практически ориентированными, чем теоретическими: регистрация и описание социально ориентированных практик для осуществления успешного социального взаимодействия (что уводит дискурсологов от лингвистики в сторону коммуникативистики, социологии, политологии, менеджмента и других наук)» (ДС 2014: 178).

е) ***стиль – сфера деятельности, дискурс – «поведение языковых коллективов»,*** которое не может быть описано ни теорией прагмалингвистики и речевых актов, ни теорией функциональных стилей (Г. Г. Хазагеров).

ж) ***стиль – относительно закрытая система, дискурс – диссипативная система*** (О. В. Орлова, Н. И. Клушина, Б. Тошович).

О. В. Орлова: «Если стили – это «система … классическая, относительно закрытая, упорядоченная, жестко структурированная на основе строгой иерархической организации», то дискурсы – это «система принципиально иной природы – диссипативной. Эта система открытая, динамическая и диффузная, нелинейная, нестабильная, таксономически подвижная, способная к самоорганизации на основе свойств вариативности и альтернативности» (ДС 2014: 159). «Количество дискурсов потенциально бесконечно, единая классификация дискурсов невозможна по причине гетерогенности таксономических оснований, существует и может возникать множество типологий дискурсов» (ДС 2014: 165).

Н. И. Клушина: «Единой таксономии дискурсов до сих пор не существует. … Думается, что единой типологии дискурса (наподобие функционально-стилистической таксономии) быть и не должно» (ДС 2014: 178).

Б. Тошович: «Необъятное количество дискурсивных таксонов создает впечатление, что почти нет ничего в жизни и в языке, что нельзя назвать *дискурсом*» (ДС 2014: 106).

з) ***Стилевая характеристика «моновалентна», дискурсивная – «поливалентна»*** (О. В. Орлова).

О. В. Орлова: «Текст, обладая и стилистической, и дискурсивной маркированностью, имеет определенное место в матрице единой стилистической классификации и обладает нелимитируемымножествомдискурсивных атрибуций» (ДС 2014: 166), например «газетная статья научно-популярного содержания может относиться к научно-популярному, газетному дискурсу, дискурсу качественной прессы, идиодискурсу конкретного автора, дискурсу о здоровье или о животных, и так

гипотетически до бесконечности» (ДС 2014: 161).

и) ***дискурс – социальное и прагматическое, стиль (понимаемый шире, чем функциональный стиль) – «философское, эстетическое, идеальное»*** (Н. И. Клушина).

Н. И. Клушина: «Дискурс привносит в текст социальное измерение, стиль – философское и эстетическое. … Дискурсология направлена на решение социальных задач, она изучает жизнь языка в обществе, исследует прагматическую сущность коммуникации. Стилистика познает духовную и ментальную жизнь языка, заботится о высших ценностях – уникальности творчества, самоценности языка, уникальности сознания, отраженного в текстах. Взаимодействие этих двух дисциплин помогает воссоздать целостный образ речевой действительности, в которой сиюминутное, спонтанное, утилитарное вплетено в бесконечное, гармоничное, высокое» (ДС 2014: 181, 182).

Проблема соотношения понятий «стиль» и «дискурс» **многоаспектна**, что нашло отражение в монографии:

- предлагается методика разграничения этих понятий по сочетаемости, контекстам употребления (Л. О. Чернейко, Д. Бжозовская);
- определяется место дискурса в современной научной парадигме (Л. Р. Безуглая рассматривает дискурсологию как третий этап развития лингвопрагматики);
- описываются методики изучения дискурса (Е. Г. Малышева предложила «модель лингвокогнитивного исследования институционального дискурса»);
- излагаются авторские типологии (таксономии) дискурсов (Л. В. Селезнева обобщает подходы к дискурсу как к коммуникативно-речевому и структурно-текстовому явлению);
- определяются параметры дискурса и единицы дискурс-анализа (А. А. Негрышев вводит понятия «макротекстовая структура текста» как «общую схему его формально-содержательной организации» и «дискурсивная доминанта текста [интенциональная, референциальная или когнитивная]», а также «два вида дискурсивных параметров – институциональные, состав которых специфичен для каждого типа дискурса, и имманентно-речевые, общими для всех его институциональных типов» (ДС 2014: 171);
- предлагаются разные способы объединения дискурсивного и стилевого при анализе текста (***О. В. Орлова***, отмечая, что «любой текст стилистически и дискурсивно маркирован», пишет о необходимости исследования текста «в рамках комплексного дискурсивно-стилистического анализа» (ДС 2014: 161); ***Е. А. Баженова*** привела пример «дискурсивно-стилистической интерпретации научного текста»; ***Т. А. Воронцова*** считает задачей стилевого анализа определение устойчивого, инвариантного, дискурсивного – определение ситуативно-речевого; ***А. А. Негрышев*** «встраивает» предмет лингвостилистики в предмет дискурс-анализа: «Центральным звеном анализа текста выступает «традиционный» лингвостилистический анализ, давно и успешно применяемый в лингвистике текста. Его «наложение» на макроструктурный анализ обеспечивает «выход» на дискурсивный уровень, т. е. по сути «встраивание» предмета лингвостилистики в предмет дискурс-анализа» (ДС 2014: 175); ***Г. Г. Хазагеров*** предложил «два стилистических проекта в связи с категорией дискурса: внутреннюю, репутационную стилистику и собственно стилистику дискурса. Первая за точку отсчета берет языковую личность, вторая – коллектив» (ДС 2014: 119);
- обобщаются понятие и аспекты дискурс-анализов в России и в других странах (Е. А. Кожемякин. Д. Бжозовская, В. Б. Кашкин).

В разделах, посвященных дискурсу, рассматривается не только соотношение понятий «дискурс» и «стиль», но и понятий 1) **дискурс и речь, язык** (Л. О. Чернейко,

В. Б. Кашкин); 2) **дискурс и текст** (А. А. Негрышев, Э. Л. Лассан, В. З. Демьянков, В. Б. Кашкин, Л. В. Селезнева), 3) «дискурс» **и «высказывание», «коммуникативная ситуация»** (Л. В. Селезнева).

В разделе **«Медиастилистика»** представлены обобщения главных тенденций развития жанровой системы СМИ и развития языка СМИ (Г. Я. Солганик); «коммуникативных тональностей мадиадискурса» (В. И. Карасик), ставятся задачи «максимально полного описания разновидностей русской речи в СМИ, отталкиваясь ... от самой речевой практики» (В. И. Коньков).

В раздел **«Дискурсивные практики»** включены исследования: 1) научного дискурса на примере жанра диссертационных исследований, сближающегося «с риторикой тоталитарных дискурсов» (Э. Л. Лассан), что приводит, по словам Г. Г. Хазагерова, «к десемантизации, т. е. буквально обессмысливанию, научного дискурса»; 2) рекламного дискурса: Э. В. Чепкина, Д. Н. Терновская выявили «некоторые типичные практики конструирования женских персонажей в рекламе модных брендов» (ДС 2014: 263). В других материалах представлены выводы о функционировании двух лексических явлений: 1) терминов – их «семантическом и стилистическом преобразовании … в пограничных зонах литературного языка» (Л. К. Граудина) и 2) словосочетания *обычно всегда* как примера текстовой интерпретации – по образному выражению, «зигзага дискурса» (В. З. Демьянков).

Монография **Б. Тошовича «Интернет-стилистика»** (далее ИС) своим названием фиксирует возникновение нового научного направления, который «представляет собой раздел стилистики, занимающийся экспрессивными, выразительными и функционально-стилевыми особенностями письменных и устных текстов, (а) полноценное существование которых связано только с Сетью, (б) исконно относящихся с Интернету, т. е. являющихся первичными, (в) с их онлайн-версиями» (ИС 2015: 7–8). Таким образом, «предметом интернет-стилистики должны быть автохонные, первичные (оригинальные) и вторичные (клонированные, качественно переработанные (в первую очередь «гипертекстуализированные»), уже опубликованные за рамками интернета) тексты» (ИС 2015: 52). Последние – «в одном аспекте: как и насколько введение онлайн-элементов отражается на стилистическом уровне» (ИС 2015: 93).

Б. Тошович подчеркивает, что в целом «интернет-стилистика в базовых аспектах много не отличается от существующих стилистических направлений – в ней тоже проводится анализ стилистического потенциала языковых уровней (стилистика ресурсов), экспрессивности и выразительности (экспрессивная стилистика), стилей (функциональная стилистика). Ее своеобразием является то, чем отличается сам Интернет» (ИС 2015: 53). «Основными маркерами» Интернета и соответственно интернет-стилистики являются гипертекстуальность, интерактивность и мультимедийность (ИС 2015: 7). «Гипертекст как основная форма организации текста» и сама структура Интернета в виде «электронных корпусов с их многоуровневой структурой», должны стать, по мысли автора, отдельными областями исследования, «неотъемлемой разновидностью неостилистики XXI века» в виде онлайн-стилистики и корпусной стилистики соответственно.

Автор утверждает, что «стилистический потенциал веба» колоссален и разнообразен и что «основными маркерами стилистического потенциала Интернета являются экспрессивность, стилевое расслоение и стилистическая уровневая структура», т. е. «ярусные ресурсы (лексико-семантические, идиоматические, фонетико-фонологические, словообразовательные, морфологические, синтаксические, текстуальные)» (ИС 2015: 38). Вполне естественно, что новый стилистический материал сосредоточен, в первую очередь, в «теневой зоне Интернета», «здесь как раз и надо искать формы проявления языковой и стилистической радикализации» (ИС 2015: 60). Не случайно в настоящее время «преобладает анализ неофициальной части» Интернета: в основном – анализ интернет-блогов (дневников, журналов), далее – форумов, интернет-коммуникации, дискурса, сайтов и рекламы (ИС 2015: 61).

Для описания стилистических явлений в вебе автор вводит понятие «интернет-

стилема» как «особой стилистической единицы», под которой понимает «стилистически окрашенный элемент, возникающий в Интернете (в более широком толковании) или только закрепленный за ним (в более узком толковании)» и выделяет «блогостилемы, форум-стилемы, email-стилемы, смс-стилемы, чатостилемы», а также «корпусостилемы», разделяемые на «леммостилемы и токеностилемы» (ИС 2015: 62).

Автор формулирует следующие задачи интернет-стилистики: 1) определить соотношение стилистики и Интернета; 2) выявить «разновидности интернет-стилистики; 3) выявить «интернет-стили»; 4) описать «стилистические нормы Интернета» (ИС 2015: 46-53). В монографии основное внимание уделено изучению третьей проблемы – описанию интернет-стилей (глава 3).

Б. Тошович понимает интернет-стили как «способ изложения в текстах, жанрах, структурных разновидностях и частях Интернета» (ИС 2015: 91) и выделяет четыре типа сетевых стилей: а) **функциональные интернет-стили**, б) **жанровые интернет-стили**, «возникающие в блогах, чатах, форумах и других сетевых разновидностях», в) **неординарные интернет-стили**, «выделяющиеся своей оригинальностью, непредсказуемостью и особым стилистическим эффектом (типа блицстиля)»; г) **экспериментальные интернет-стили,** возникающие «в поиске способов выражения и попытке создания особых форм языковых конструкций, какими, скажем, являются вымышленные языки для изображения вымышленных миров» (ИС 2015: 92).

Главное внимание в монографии уделено первому типу – функциональному. С этой точки зрения выделены три типа гипертекстов: «По функционально-стилевым особенностям существуют литературно-художественные, публицистические, научные, разговорные гипертексты, по функционально-стилевым комплексам сакральные и военные гипертексты, а по межстилевому характеру рекламные, эпистолярные и мемуарные гипертексты» (ИС 2015: 73). Межстили возникают «в промежуточной, серой зоне ф-стилей», а стилевые комплексы развиваются на основе «общего типа деятельности», «объединяющего особой структурой ф-стили» (ИС 2015: 91). В книге описаны первый и третий тип: функционально-стилевые гипертексты и гипертексты межстилевого характера.

Общий вывод по сетевым функциональным стилям: «В Сети существуют все стили, находящиеся за ее рамками: литературно-художественный, публицистический, научный, официально-деловой и разговорный» (ИС 2015: 91), т. е. тексты всех стилей существуют в гипертекстовом формате. Проведен экстра- и интралингвистический (лингвостилистический) анализ всех пяти сетевых стилей и сетевых межстилей *как* «глобальных», к которым отнесены эпистолярный, мемуарный, рекламный, ораторский межстили, *так и* «уникальных, не встречающихся в других коммуникативных пространствах – порталовый, сайтовый, форумный, чатовый, блоговый и т. п.» (ИС 2015: 183). К межстилевым отнесен и «развлекательный стиль», который «возникает в самых различных частях и жанрах Интернета» (ИС 2015: 184).

Аспекты стилистического анализа:

1. В центре внимания – два аспекта: функционально-стилистический и экспрессивный. Отмечено, что стиль сетевых жанров вследствие гипертекстуальной природы текста «может быть экспрессивно и функционально-стилистически гомогенным и гетерогенным» (ИС 2015: 142). Ср. также: «Особенно важно, что в Интернете материал организован не в линейном порядке, а при помощи ссылок (линков) превращается в гипертексты, позволяющие переходить с одной информации в другую, с одной стилистической окрашенности на другую, с одного стиля на другой» (ИС 2015: 38).

2. Стилистически релевантными считаются также **а)** все нарушения линейности текста (ср.: «Особая гипертекстовая экспрессия возникает в результате необычного нарушения линейности, например: книгу надо перевернуть, чтобы продолжить чтение» (ИС 2015: 87); **б)** «реакция и оценка, которая может быть положительная и отрицательная»; **в)** «положительные и отрицательные явления в рамках и за рамками стилистики» (ИС 2015: 90), например, в публицистическом сетевом стиле «отражаются на стилистическом уровне деформации в отборе

информации, дезинформации, распространение нетребуемой и нежелательной информации в форме спам-писем, компроматы, агрессивные пропагандистские воздействия, восприятие аудитории как товара или средства наживы, сбор данных о пользователях и т. д.» (ИС 2015: 121); **г)** «определенные нормы поведения в журналистике и Сет-СМИ, которые так или иначе отражаются на стилистическом уровне» (ИС 2015: 129); **д)** «стилистические правила написания онлайн публицистических текстов» (ИС 2015: 129–130) и даже композиция текста (136).

3. Жанровый анализ отметим в аспекте выявления автором новых жанров, которые «на стилистическом уровне … создают благоприятные условия для различных эффектов, направленных на создание выразительности и экспрессивности» (ИС 2015: 118). В литературном сетевом стиле «на базе гипертекста возникают новые литературные жанры (скажем, гиперроман), фрагментированные тексты, нарративы глобальной сети, рамочная поэзия, сетературные сонеты и т. п.» (ИС 2015: 94). В публицистическом сетевом стиле существуют «уникальные сетевые жанры – интернет-газеты, интернет-журналы, интернет-радио и интернет-телевидение» (ИС 2015: 123); здесь «зарождаются новые гибридные жанры как инфотейнмент … и эдютеймент» (ИС 2015: 118), а также мультимедийная статья; отмечены жанры, «свойственные только Сети»: твиттер-репортажи и блоговые записи (ИС 2015: 124). В научном сетевом стиле «из трех подстилей Сет-НФС самое существенное изменение по отношению к офлайн-версиям наблюдается в научно-учебном стиле, обслуживающем пособия нового типа – сетевые (разновидность электронного учебника)» (ИС 2015: 144) и различные электронные пособия.

4. Особым предметом анализа практически всех стилей и межстилей стал анализ текстов, создаваемых «генераторами текстов». В некоторых случаях сгенерированные тексты обозначены даже как тексты особого жанра, ср.: «Существует жанр Сет-НФС, который не встречается в офлайн НФС – генераторы научных текстов» (ИС 2015: 153). Доминирующая черта подобных текстов – «абсурдность и нелогичность» (ИС 2015: 115).

Таким образом, две монографии, открывшие серию «Научные дискуссии», отражают самые актуальные проблемы современной стилистики и фиксируют новые направления ее развития.

Литература

1. Дискурс и стиль: теоретические и прикладные аспекты: коллективная монография / под ред. Г. Я. Солганика, Н. И. Клушиной, Н. В. Смирновой. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2014. – 268 с.
2. *Тошович Б.* Интернет-стилистика: монография. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2015. – 238 с.

УДК 800(075.8)

Н. Н. Василькова
(Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова)

К ИСТОКАМ НАУЧНОЙ КЛАССИКИ

Статья представляет серию научных и учебных изданий «Стилистическое наследие», выпускаемое издательством «ФЛИНТА: Наука». Издаваемые книги по стилистике, принадлежащие представителям разных лингвистических школ, работы которых стали в XX веке хрестоматийными, открыли новые перспективы в области развития науки о языке. Из золотого фонда отечественной филологической мысли были отобраны ярчайшие образцы, как фундаментальных теоретических исследований, так и работ, имеющих научно-прикладной характер.

Ключевые слова: научное направление, функциональная стилистика, язык СМИ, стилистическая школа, теоретические исследования.

Natalia N. Vasilkova
(Lomonosov Moscow State University)

TO SOURCES OF SCIENTIFIC CLASSICS

Article submits a series of the scientific and educational publications “Stylistic Heritage”. The published books on stylistics belonging to representatives of different linguistic schools which works became axiomatic in the 20th century and have opened new prospects in the field of development of science about language. Brightest samples of domestic philology present both fundamental theoretical researches and works having the scientifically-applied character.

Key words: scientific direction, functional stylistics, mass media language, stylistic school, theoretical researches.

В этом номере нашего международного ежегодного журнала «Актуальные проблемы стилистики» мы представляем вниманию наших читателей серию научных и учебных изданий «Стилистическое наследие», которую выпускает издательство «ФЛИНТА: Наука».

Стилистика как фундаментальная теоретическая и вместе с тем практическая дисциплина, будучи живым и перспективным научным направлением, не стоит на месте. Она развивается, обогащается идеями, научными материалами, новыми исследованиями. Значительный вклад в эволюцию этого актуального научного направления вносит кафедра стилистики русского языка факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова. С момента своего возникновения на факультете журналистики в 1952 году в ее стенах работали такие выдающиеся ученые, как К. И. Былинский – основатель кафедры, Д. Э. Розенталь, А. В. Калинин, И. В. Толстой, В. П. Вомперский и многие другие. Их научный вклад в становление стилистики трудно переоценить, так как проведенные ими исследования в области изучения языка средств массовой информации заложили основу для развития целого ряда научных направлений. Первой в этом ряду должна быть названа научная школа стилистики медиатекста, возглавляемая заведующим кафедрой профессором Г. Я. Солгаником, которая объединила научные интересы многих преподавателей кафедры. Научными достижениями школы стали концепции социальной оценочности текстов массовой коммуникации и структуры образа автора в публицистическом тексте (Г. Я. Солганик), исследования в области лингвосемиотики и проблематики поликодовых медиатекстов (Н. Н. Вольская), анализ интенционально-коммуникативной структуры стиля (Н. И. Клушина), концепция картины мира в СМИ и образа власти в массмедийных текстах (В. Н. Суздальцева). В рамках научной школы ведутся исследования современной медиакартины мира, формируемой СМИ (И. В. Анненкова), особенностей современного медиадискурса (В. В. Славкин, Е. К. Гурова), его блогосферы (А. В. Николаева). Продолжает традиции кафедры такое научное направление, как исследование звучащей речи, представленное работами М. А. Штудинера, И. А. Вещиковой, С. Ф. Барышевой и Л. Т. Касперовой. В сферу научных интересов кафедры входит изучение рекламного дискурса. Сегодня продолжается комплексное изучение современной рекламы в семиотическом, стилистическом и риторическом аспектах (Е. С. Кара-Мурза, Т. И. Сурикова, Н. И. Клушина). Успешно разрабатываются такие научные направления, как лингвоэтика (Н.Д. Бессарабова, Т. И. Сурикова, Н. С. Лопухина), риторика для журналистов (И. В. Анненкова, Н. Н. Василькова) и язык художественной литературы (И. Б. Александрова, Н. Н. Вольская, Н. В. Смирнова, Л. Я. Шнейберг, Л. Т. Касперова).

Постоянно растущий интерес к теоретическим проблемам стилистики и расширяющийся круг научных направлений, которые затрагивает эта дисциплина, поставили перед профессиональным сообществом задачу переиздания наиболее востребованных, единодушно признанных классическими, научных трудов. Решение этой задачи взяло на себя издательство «Флинта», хорошо известное в кругах российских ученых и преподавателей. Издательство специализируется на выпуске учебной и научной литературы в основном гуманитарного профиля. Это теоретические издания, учебники и учебные пособия, хрестоматии, книги по методике преподавания, а также современные специализированные словари и справочники. «Флинта» тесно сотрудничает с издательством «Наука» РАН, МГУ имени М. В. Ломоносова, Московским педагогическим государственным университетом и другими вузами.

В 2010 году была основана серия «Стилистическое наследие», объединяющая под эгидой единого оформления издаваемые книги по стилистике, принадлежащие представителям разных лингвистических школ, чьи работы, ставшие в XX веке хрестоматийными, открыли новые перспективы в области развития науки о языке. В редколлегию серии, возглавляемую профессором Г. Я. Солгаником, вошли видные отечественные ученые. Серия получила признание научной общественности.

Для публикации редакционной коллегией были отобраны из золотого фонда отече-

ственной филологической мысли ярчайшие образцы как фундаментальных теоретических исследований, так и работ, имеющих научно-прикладной характер.

В 2011 году в свет вышли три книги. Серию открывает учебное пособие М. В. Зарвы «Слово в эфире. О языке и стиле радиопередач» (Зарва 2011), которое представляет собой объединение двух книг: «Слово в эфире» (1971) и вышедшую позднее «Произношение в радио- и телевизионной речи» (1976). Обе книги в смысловом отношении тесно связаны. В предлагаемом вниманию читателей издании рассмотрены важнейшие для изучения языка радио вопросы, например чрезвычайно актуальная сегодня проблема соотношения разговорной речи и языка радио. Автор уделяет внимание случаям нарушения информативной точности словоупотребления, взаимосвязи интеллектуально-логического и эмоционального, важности эмоциональной окрашенности звучащей речи и проявления индивидуальности говорящего в радиопередачах и др. Эта работа сочетает в себе качества научного исследования и учебника, который необходим как студентам факультетов и отделений журналистики вузов, так и журналистам-практикам. Достоинства книги связаны непосредственно с личностью автора. Майя Владимировна Зарва не только всеми признанный ученый, исследователь языка, автор востребованных научных работ и учебных пособий, но и замечательный педагог, воспитавший не одно поколение журналистов. С 1949 года в течение многих лет она была консультантом по русскому языку дикторской группы Центрального радио. В соавторстве с Ф. Л. Агеенко на основании картотеки трудных случаев русского ударения, которая велась сотрудниками радио, Майя Владимировна составила орфоэпическое пособие «В помощь диктору» (1951), расширенное затем в «Словарь ударений русского языка» (2000). Затем с 1953 года, с момента создания факультета журналистики МГУ, М. В. Зарва более 30 лет преподавала стилистику русского языка и орфоэпию на факультете журналистики МГУ. Она – автор учебного пособия «Современный русский язык: Орфоэпия» (1977). Традиции вдумчивого научного подхода к анализу звучащей речи продолжают преподаватели кафедры стилистики русского языка факультета журналистики МГУ. Так, в 2014 году в журнале «Медиалингвистика» была опубликована статья И. А. Вещиковой «Телевизионная речь в фоностилистическом ракурсе» (Вещикова 2014: 29–39).

Книга М. В. Зарвы «Слово в эфире. О языке и стиле радиопередач» адресована всем тем, кто хочет овладеть знанием законов звучащей речи, постигнуть силу и потенциал произнесенного слова, кто стремится к совершенству в профессии журналиста. По словам Г. Я. Солганика, «трудно назвать другую работу, в которой язык радио анализировался бы столь подробно, квалифицированно и тонко».

Еще одной книгой, вышедшей в серии «Стилистическое наследие», является Словарь-справочник «Трудности русского языка», составители: В. Н. Вакуров, Л. И. Рахманова, Н. В. Толстой, Н. И. Формановская. Эта книга продолжает ортологическую традицию, сложившуюся в русской лексикографии еще в XIX – начале XX в. (см.: Долопчев В. П. Опыт словаря неправильностей в Южной Руси. – Одесса, 1886; Огиенко И. И. Словарь неправильных, трудных и сомнительных слов, синонимов и выражений в русской речи. – Киев, 1911; Чернышев В. И. Правильность и чистота русской речи: Опыт русской стилистической грамматики: В 2 т. – СПб., 1911). Будучи словарем нормативно-стилистического характера, он посвящен проблемам кодификации и нормализации литературного языка. Словари этого типа служат задачам совершенствования языка и речи, укреплению действующих норм литературного языка. В отечественной лексикографии имеется несколько словарей, которые называются словарями трудностей (см.: Крысин Л. П., Скворцов Л. И. Правильность русской речи / под ред. С. И. Ожегова. – М., 1962; Правильность русской речи. Трудные случаи современного словоупотребления: Опыт словаря-справочника / под ред. С. И. Ожегова. – М., 1962; Словарь русского литературного словоупотребления. – Киев, 1967 и др.). Однако спецификой Словаря-справочника «Трудности русского языка» является то, что он сориентирован на работни-

ков печати, журналистов, пишущих людей. Великолепно подобранный иллюстративный материал взят из газет, общественно-политических и научно-популярных журналов, радио- и телепередач. Статьи словаря объясняют трудные случаи различения слов с близкими значениями; употребления неологизмов, часто встречающихся в газете, а также трудности, обусловленные наличием вариантных грамматических форм и синтаксической сочетаемостью. Составители словаря не только помогают выбрать наиболее подходящий вариант словоупотребления, но и формируют языковой вкус, давая в комментариях объективные критерии оценки употребляющихся в печати выражений.

В 2011 году вышла еще одна книга. Это учебное пособие корифеев отечественной филологии К. И. Былинского и Д. Э. Розенталя «Литературное редактирование» (Былинский, Розенталь 2011). Осознание того, что проблемы литературного редактирования требуют оформления в специальную дисциплину пришло к Константину Иакинфовичу Былинскому с середины сороковых годов. Так, в 1944 году выходит его первая книга по редактированию – «Основы и техника литературной правки», в 1948 году – «Основы литературного редактирования и правки газетного материала», к 1952 году был подготовлен первый полный курс лекций по литературному редактированию. Поэтому книга «Литературное редактирование», впервые увидевшая свет в 1957 году, явилась итогом многолетней научной работы и преподавательской деятельности К. И. Былинского и Д. Э. Розенталя. В этой работе заложен каркас учебной дисциплины, сформулирован ее понятийный аппарат и терминологическая система, представлены разделы учебной программы. Учебник по литературному редактированию ставит своей задачей дать не только журналисту, редактору, литературному работнику, но и просто пишущему человеку такие знания и теоретические положения, которые могут служить основанием для тщательного анализа и всесторонней, компетентной редакторской работы с литературным текстом.

Это направление продолжает и вышедший в 2012 году учебник Л. В. Рахманина «Стилистика деловой речи и редактирование служебных документов» (Рахманин 2012). Особенностью книги является ее комплексный, многоаспектный подход к подаче материала. Эта работа вобрала в себя, с одной стороны, результаты теоретических исследований в области функциональной стилистики, а другой стороны, методологические подходы литературного редактирования. Книга нацелена на формирование практических навыков рационального использования языковых средств в деловом общении. Поэтому автор сопроводил изложение теоретического материала творческими заданиями, упражнениями и текстами для анализа. Практическая направленность издания, богатый и разнообразный иллюстративный материал делают учебник Л. В. Рахманина незаменимым в обучении деловой речи.

В 2012 году в серии «Стилистическое наследие» вышел учебник Н. Н. Кохтева «Основы ораторской речи» (Кохтев 2012). Научный интерес к риторике, к ее теории, истории и практике проявился в исследовательской деятельности Н. Н. Кохтева еще в 60–70-е годы. Именно тогда Николай Николаевич в сотрудничестве с обществом «Знание» опубликовал целую серию научно-популярных статей об основах ораторского искусства, о мастерстве лектора, о культуре межличностного общения. Итогом большой научно-практической работы Н. Н. Кохтева стала его докторская диссертация, которая была посвящена вопросам стилистической структуры ораторского произведения. Николай Николаевич был популяризатором риторического наследия и многое сделал для того, чтобы вернуть преподавание риторики в российскую школу. Его учебник «Риторика» (1994) для старших классов школы многократно переиздавался большими тиражами. Популярный и актуальный учебник Н. Н. Кохтева «Основы ораторской речи» впервые был опубликован в 1992 году, когда навыки самостоятельного изложения мыслей, искусство межличностного общения и ораторское мастерство снова стали востребованы в профессиональной деятельности политика, общественного деятеля, журналиста. С течением времени «Основы ораторской деятельности» не утратили своей актуальности и всегда занимают

свое место в списке обязательной литературы, рекомендованной по курсу риторики не только на факультете журналистики МГУ, но и во многих других вузах.

В серии «Стилистическое наследие» опубликованы две книги Александра Васильевича Калинина: «Лексика русского языка» (Калинин 2012) и «Культура русского слова» (Калинин 2013). Талантливый филолог, обладавший феноменальной эрудицией, блестящий лектор, способный наизусть цитировать страницы поэтических текстов, популяризатор науки о русском языке, он был также прекрасным журналистом, в чем можно убедиться, прочитав сборник «Культура русского слова». В него вошли заметки на различные темы, научно-популярные и научные статьи, некоторые устные выступления, посвященные главным образом лексике и вопросам словоупотребления. Автора отличает внимание к живому языку во всем его стилистическом многообразии, стремление соединить нормативный аспект с творческим свежим восприятием языкового употребления. А. В. Калинин оставил более 150 публикаций, которые во многом определили направления и характер исследовательской работы кафедры стилистики русского языка факультета журналистики МГУ. Несомненно, самой значительной работой А. В. Калинина является «Лексика русского языка», трижды переиздававшаяся с авторскими доработками и изменениями в 1966, 1971 и 1978 годах. Учебник был создан по лекционному материалу, собранному в течение многих лет преподавательской работы, и в значительной степени отражает характер творческой личности автора. Будучи блистательным оратором, А. В. Калинин умел доходчиво, просто и убедительно подать теоретический материал, снабжая его яркими примерами из публицистики и текстов художественной литературы. Именно эти качества отличают «Лексику русского языка», сочетающую высокий теоретический уровень, новизну функциональной оценки словоупотребления, обширный и разнообразный иллюстративный материал с простым, выразительным и доступным изложением. Многие известные отечественные журналисты в свое время учились по этому превосходному учебнику.

Начиная с 2014 года серия «Стилистическое наследие» переиздает классические научные исследования, среди которых книга «Синтаксис русского языка» А. А. Шахматова (Шахматов 2014) занимает особое место. Алексей Александрович Шахматов – выдающийся филолог, языковед, историк русского летописания, исследователь современного русского языка и его истории. Он заложил основы текстологического изучения русских летописей, разработал научную гипотезу возникновения русского летописания. Занимался изучением проблем образования русской народности, славянского этногенеза, внес большой вклад в изучение русского языка, сравнительного языкознания и диалектологии. В 1905–1920 годах возглавлял Отделение русского языка и словесности Императорской – Российской Академии наук. После смерти Я. К. Грота продолжил начатую им работу над академическим Словарем русского языка; руководил изданием многотомной Энциклопедия славянской филологии. Участвовал в подготовке реформы русской орфографии, осуществленной в 1917–1918 годах.

Летом 1916 года Шахматов увлекся исследованием синтаксических вопросов. Этим же летом Шахматов создает курс лекций о синтаксисе русского языка, построенный на громадном материале памятников письменности и русских говоров. По-видимому, тогда он и задумал фундаментальный труд о синтаксисе современного русского языка. Сохранились подготовительные материалы к этому труду: наброски, планы, исследования «Задачи синтаксиса», «Синтаксис словосочетаний», «Учение о предложении», незаконченная статья «Виды русских предложений» и др., а также 77 конвертов, наполненных карточками с выписками для этой работы. В 1925–1927 годах после смерти ученого был издан его во многом нетрадиционный «Синтаксис русского языка», выдающееся лингвистическое исследование, оказавшее значительное влияние на развитие синтаксической теории в России, без знания которого даже в наши дни невозможно научное изучение синтаксиса русского языка. В русской лингвистике до Шахматова не было подобного труда, в котором бы русский син-

таксис представал перед читателем в таком разнообразии синтаксических конструкций. Вышедшая в серии «Стилистическое наследие» книга А. А. Шахматова была напечатана по изданию 1941 года.

Еще одним изданием, увидевшим свет в 2014 году, стала книга М. Н. Кожиной «Речеведение. Теория функциональной стилистики. Избранные труды» (Кожина 2014), актуальность которой для научного сообщества трудно переоценить. Маргарита Николаевна Кожина – советский и российский лингвист, доктор филологических наук, профессор, создатель Пермской школы функциональной стилистики, известной как в России, так и за ее пределами, основатель кафедры русского языка и стилистики филологического факультета Пермского университета. В начале 1960-х годах обратилась к разработке проблем функционирования языка, формированию складывающегося научного направления – функциональной стилистики, в том числе к диахронической стилистике, сопоставительной стилистике, речеведению, понимаемому как комплекс наук, изучающих речь. В 1980–90-е годы М. Н. Кожина развивает еще одно направление – функциональную стилистику текста. Предметом исследования явилась стилистическая организация целого речевого произведения, рассматриваемого в единстве его поверхностно-речевой и содержательно-смысловой сторон. Работа М. Н. Кожиной «Речеведение. Теория функциональной стилистики» содержит перспективные в научном отношении идеи, относящиеся к общим вопросам функциональной стилистики и к разработке основ речеведения как целостной интегральной теории речи.

Серия «Стилистическое наследие» представляет своим читателям книгу Е. А. Земской «Язык как деятельность» (Земская 2014), в которой обобщены результаты многолетних исследований автора, посвященных широкому спектру проблем. Признанный знаток словообразовательной системы русского языка, Елена Андреевна рассуждает о тенденциях развития языка, общих закономерностях его движения, причинах языковых изменений. Рассмотрен комплекс проблем, связанных со строением и семантикой производного слова, и теории синхронного словообразования, исследуются активные процессы, происходящие в литературном разговорном языке. Интересны и перспективны размышления автора о городском просторечии, о жаргонной лексике, об особенностях детской речи, о специфике мужской и женской речи, а также о языке эмигрантов. Нельзя не отметить великолепно подобранный иллюстративный материал. Особого внимания заслуживает предложенная в книге типология коммуникативных неудач и классификация причин сбоев в осуществлении коммуникативного намерения. Книга предлагает читателю ответы на многие вопросы теории русского и общего языкознания.

В 2015 году издательство «Флинта» подготовило к печати еще одно значительное научное исследование в области функциональной стилистики – книгу «Закономерности стилистического использования языковых единиц» Т. Г. Винокур (Винокур 2015). Впервые книга была опубликована в 1980 году.

В работе исследуется стилистический аспект современного русского языкового употребления. На обширном языковом материале автор устанавливает ряд общих закономерностей образования и использования стилистических средств в процессе речетворчества, на основе которых формируется понятие стилистического узуса как синхронной категории, определяемой взаимодействием лингвистических и экстралингвистических факторов, проявляющихся на определенном временном отрезке в развитии конкретного языка. Главной целью автора является определение общих закономерностей в использовании говорящим и пишущим стилистических средств языка. Выявленные закономерности употребления средств языка в речи касаются функционирования не только лексических, но и морфологических, а также синтаксических единиц. Представленная монография заслуживает внимания читателей не только в связи с разработкой общей стилистической теории, но и в связи с обсуждением и исследованием ряда существенных проблем стилистики, до сих пор представляющих интерес.

Литература

1. *Александрова И. Б., Славкин В. В.* Диалогичность как категориальная характеристика речи современного общества // Медиаскоп (электронный журнал). – 2015. – № 4. URL: http://www.mediascope.ru/node/2029.
2. *Анненкова И. В., Яровикова В. О.* Человек есть образ (Риторическая аргументация у Антония Сурожского) // Русская речь. – 2015. – № 3. – С. 96–103.
3. *Барышева С. Ф.* Фоностилистика новостных массмедиа // Stylistyka, Poland (Opole). – 2015. – № XXIV. – С. 339–346.
4. *Былинский К. И., Розенталь Д. Э.* Литературное редактирование. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2011. – 400 с.
5. *Вакуров В. Н., Рахманова Л. И., Толстой И. В., Формановская Н. И.* Трудности русского языка: словарь-справочник. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2011. – 608 с.
6. *Василькова Н. Н.* Путь истинного ученого: В. П. Вомперский // Актуальные проблемы стилистики. – 2015. – № 1. – С. 151–154.
7. *Василькова Н. Н.* Об истории формирования отечественных риторических терминов // Стилистика сегодня и завтра. Материалы конференции. Часть II. – М.: Факультет журналистики МГУ, 2014. – С. 58–61.
8. *Вещикова И. А.* Телевизионная речь в фоностилистическом ракурсе // Медиалингвистика. – 2014. – № 2 (5). – С. 29–39.
9. *Винокур Т. Г.* Закономерности стилистического использования языковых единиц. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2015. – 320 с.
10. *Вольская Н. Н.* Прецедентные вербально-визуальные феномены как основа историографии в «Теребеневской азбуке» – первой политической карикатуре в России // Медиаскоп (электронный журнал). – 2015. – № 3. URL: http://www.mediascope.ru/node/1803.
11. *Зарва М. В.* Слово в эфире. О языке и стиле радиопередач. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2011. – 376 с.
12. *Земская Е. А.* Язык как деятельность. Морфема. Слово. Речь. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2014. – 896 с.
13. *Калинин А. В.* Лексика русского языка: учебное пособие. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2011. – 320 с.
14. *Калинин А. В.* Культура русского слова: учебное пособие. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2013. – 328 с.
15. *Кара-Мурза Е. С.* Система жанров русской коммерческой рекламы // Русский язык сегодня. Речевые жанры современного общения: сб. докладов. – М.: Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2015. – С. 118–134.
16. *Касперова Л. Т.* Телевизионная речь // Эффективное речевое общение (базовые компетенции): словарь-справочник. – Красноярск: Изд-во Сибирского федерального университета, 2012. – С. 154–157.
17. *Клушина Н. И.* Медиастиль и его интенционально-нарративная структура // Stylistyka, Poland (Opole). – 2015. – № XXIV. – С. 101–112.
18. *Кожина М. Н.* Речеведение. Теория функциональной стилистики. Избранные труды. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2014. – 624 с.
19. *Кохтев Н. Н.* Основы ораторской речи: учебное пособие. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2012. – 328 с.
20. *Николаева А. В.* Общая характеристика трансформаций публицистического текста на современном этапе // Стилистика сегодня и завтра. Материалы конференции. Часть II. – М.: Факультет журналистики МГУ, 2014. – С. 253–257.
21. *Рахманин Л. В.* Стилистика деловой речи и редактирование служебных документов: учебное пособие. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2011. – 256 с.

22. *Смирнова Н. В.* Механизмы расщепленной референции (на материале рассказов В. Набокова) // Rhema. Рема (Вестник МГГУ им. М. А. Шолохова. Серия «Филологические науки»). – 2014. – №2. – С. 9–15.
23. *Солганик Г. Я.* Категория рассказчика и специфика художественной речи // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. – 2014. – № 2. – С. 209–219.
24. *Суздальцева В. Н.* «По умолчанию»: Метафорические модели и бинарные оппозиции в политическом дискурсе массмедиа // Журналистика и культура русской речи. – 2015. – №№ 1–2.
25. *Сурикова Т. И.* Лингвистическая этика как критерий оценки речевой деятельности в дискурсе СМИ и направление исследований //Актуальные проблемы стилистики. – 2015. – № 1. – С. 109–117.
26. *Шахматов А. А.* Синтаксис русского языка. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2014. – 720 с.
27. *Шнейберг Л. Я.* Осваиваем пунктуацию (пособие для редакторов). – М.: Медиамир, 2015. – 230 с.

УДК 81–119

Н. В. Смирнова
(Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова)

ОТ ТЕОРИИ МЕТАФОРЫ К ЛИНГВОЭТИКЕ: ЯЗЫК СМИ В ОСМЫСЛЕНИИ Н. Д. БЕССАРАБОВОЙ

В статье рассматривается развитие научных представлений о языке СМИ видного представителя Московской школы стилистики Нины Дмитриевны Бессарабовой. Оригинальные идеи ученого, касающиеся семантико-синтаксической природы метафоры, серийности публицистических метафор, обогатили как теорию метафоры, так и медиастилистику. Н. Д. Бессарабова – основоположник лингвоэтики, нового научного направления, исследующего язык массовой коммуникации с точки зрения этических норм.

Ключевые слова: язык СМИ, метафора, лингвоэтика.

Nadezhda V. Smirnova
(Lomonosov Moscow State University)

FROM THE METAPHOR THEORY TO THE LINGUISTIC ETHICS: MASS MEDIA LANGUAGE INTERPRETED BY N. BESSARABOVA

The article describes the development of mass media language science perspectives of Nina Dmitrievna Bessarabova, who is one of the most prominent representatives of the Moscow Stylistics School. Her innovative ideas about a semantic-syntactic nature of metaphor and a serial character of journalistic metaphors have evolved both the Theory of Metaphor and Media Stylistics. N. Bessarabova is a founder of the linguistic ethics, which is a new scientific field about language of the mass media from the perspective of ethics.

Key words: mass media language, metaphor, linguistic ethics.

В познавательном пространстве современного гуманитарного знания значительное место занимает язык средств массовой информации. В рамках лингвистики язык массмедиа исследуется в различных аспектах: функционально-стилистическом, семиотическом, психолингвистическом, социолингвистическом, герменевтическом, когнитивном, прагматическом, культурологическом, риторическом.

Видный представитель Московской школы стилистики (о ее становлении и развитии см.: Василькова 2016) Нина Дмитриевна Бессарабова разрабатывает в своих трудах оригинальный подход к изучению языка СМИ. Развитие исследовательской мысли можно проследить благодаря изданной в 2015 году факультетом журналистики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова книге «Журналист и слово» (Бессарабова 2015). «Композиция книги отражает вектор научных исследований автора: от лингвистической теории метафоры и ее функционирования в языке публицистики до изучения языка СМИ с точки зрения этики» (Клушина 2015: 5).

Разработке теории публицистической метафоры была посвящена кандидатская диссертация Нины Дмитриевны Бессарабовой «Изобразительные и выразительные возможности метафор в газетно-публицистической речи» (Бессарабова 1985). На основе лексикографических данных были выявлены такие объективные языковые признаки метафор, как семантическая двуплановость (образность), отвлеченность, экспрессивность. Обращение к синтаксическому и морфологическому факторам метафоризации привело к пересмотру традиционного представления о метафоре как о семантической единице и обоснованию ее семантико-синтаксического статуса. Последовательно проводя мысль о важной роли сочетаемости в реализации метафорических значений, Н. Д. Бессарабова обратилась к анализу метафорических конструкций. Исследование метафор в составе сочетаний позволило определить специфику метафорических конструкций в сопоставлении с неметафорическими, проследить лексико-грамматические преобразования главного и зависимого компонентов сочетаний при метафоризации, выявить особенности публицистических метафор и их место в системе современного русского литературного языка.

Как отмечает Н. Д. Арутюнова, «при обращении к практической речи бросается в глаза не всеприсутствие метафоры, а ее неуместность, неудобство и даже недопустимость в целом ряде функциональных стилей» (Арутюнова 1990: 7). Задаваясь вопросом о роли метафоры в газетно-публицистической речи, Н. Д. Бессарабова приходит к выводу, противоречащему воззрениям многих ученых об утилитарном назначении метафор в языке газет. Наблюдения над использованием метафор в газетных публикациях позволили обнаружить не атомарные явления, а систему взаимодействующих переносных значений, серийный характер публицистической метафорики. «Таким образом, сам факт существования разветвленной сети метафорических серий, имеющих свои корни, традиции и заимствования, ставит под сомнение утверждение о непригодности или утилитарной роли метафор в газетной публицистике. <…> Метафора является одним из слагаемых газетно-публицистической образности» (Бессарабова 2015: 51).

Н. Д. Бессарабова органично сочетает синхронический и диахронический подход к изучению функционирования метафор в публицистике. Прослеживание метафорических серий в газетно-публицистической речи на протяжении нескольких десятилетий дает возможность выявить устойчивые тематические группы метафор, которые отражают социально-политическую проблематику определенного времени, но в то же время характеризуются сходством содержания и лексического наполнения. Это своего рода метафорические константы газетной публицистики. В то же время в языке СМИ выделяются метафорические сочетания, в которых метафора является переменной величиной, а базовое слово – постоянной. Такой тип сочетаний, с одной стороны, свидетельствует об ограниченном количестве объектов метафоризации, а с другой, способствует выявлению наиболее значимых для определенного времени реалий, подвергающихся метафорической «бомбардировке» (Бессарабова 2015: 86).

Обширный иллюстративный материал собран в словаре «Из метафорического фонда», в котором «предпринята попытка (на примере метафор-существительных) представить систему метафор, объединяющую традиции и новизну, свое и чужое» (Бессарабова 2015: 84).

В метафорическом зеркале отражается идеология советского общества 1960-х – 1980-х годов. Материалы словаря могут быть использованы для реконструкции публицистической картины мира советской и перестроечной эпохи, для сравнительно-исторического изучения метафорических моделей публицистики. Помимо метафор, зафиксированных в толковых словарях, в словарь «Из метафорического фонда» включены не отмеченные толковыми словарями (на период 60-80 гг. XX века) метафоры, сопровождаемые примерами употребления в газетных текстах. Так, метафорическое использование лексемы ИМПОРТ проиллюстрировано контекстом: … *членство в «Общем рынке» дает о себе знать не только беспрепятственным импортом зарубежных промышленных изделий, но и своего рода «импортом безработицы»* (Правда. 21.12.77) (Бессарабова 2015: 111). Интересно проследить развитие метафорической семантики слова, опираясь на его функционирование в современных медиатекстах и на современные лексикографические сведения. В газетном корпусе Национального корпуса русского языка зафиксирован целый ряд случаев метафорического употребления лексемы *импорт*, например: *Не империя, а культурное продвижение; не пушки, не импорт политических режимов, а экспорт образования и культуры помогут создать благоприятные условия для российских товаров, услуг и идей* (Комсомольская правда. 27.02.2012); *Глава МВД Бельгии Жоэль Мильке в эфире телерадиокомпании RTBF ранее заявила, что власти не потерпят на территории страны таких актов насилия и импорта конфликта подобного рода из других государств* (РИА Новости. 18.03.2012); *Неестественный союз Запада с «братьями-мусульманами» и салафистами в Магрибе и на Ближнем Востоке привел к импорту религиозного экстремизма во Францию, но нисколько не приблизил становление демократии в этих регионах* (Комсомольская правда. 21.03.2012); *Импорт западных ценностей и подрыв ценностей наших делает наше общество безоружным* (РБК Дейли. 12.05.2014). Примеры свидетельствуют об активном функционировании метафоры *импорт* в современном газетном дискурсе. Эта активность нашла отражение в лексикографической практике: «Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика» под редакцией Г. Н. Скляревской фиксирует у многозначной лексемы *импорт* метафорическое значение `3. Перен. Заимствование в результате распространения (представлений, идей, социальных явлений и т. п.) из первоначальных пределов возникновения, развития; противоп. экспорт (3 зн.).` *Импорт нравственных эталонов. Импорт демократии* (Толковый словарь… 2006: 396). Таким образом, отмеченная в словаре Н. Д. Бессарабовой субстантивная метафора прочно вошла в систему публицистической метафорики в составе самых распространенных газетных метафорических конструкций – генитивных.

Разрабатывая теорию метафоры, Н. Д. Бессарабова обращает внимание на морально-этический аспект использования метафорических характеристик-оценок, на этическую и гражданскую ответственность журналиста за слово. Таким образом, уже в рамках учения о метафоре закладываются основы нового научного направления – лингвоэтики.

Из трех аспектов культуры речи – нормативного, этического и языкового – на первый план в лингвистической этике выдвигается этический аспект. Это связано с современной культурно-речевой ситуацией, в которой проявляются такие негативные тенденции, как огрубление речи, агрессивность в речевом поведении коммуникантов, смещение нравственных ориентиров. Объектом изучения лингвоэтики, по мнению Н. Д. Бессарабовой, должны стать случаи нарушения этики общения со стороны адресанта. Центральное положение языка СМИ в стилевой системе современного литературного языка (Солганик 2010) налагает особую ответственность на субъектов массовой коммуникации, требуя от журналистов неукоснительного соблюдения как языковых и коммуникативных, так и этических норм культуры речи.

В работах Н. Д. Бессарабовой рассматриваются многочисленные случаи нарушения этических норм в СМИ и рекламе: намеренное употребление криминального жаргона, использование лексики «телесного низа», фамильярная тональность публикаций и т. п. Проекция этических категорий на язык массмедиа позволяет ученому прийти к выводу о тиражировании языковых сигналов пошлости, демагогии и бюрократизма современными СМИ. Центром этической катего-

риальной системы выступает пошлость, воплощенная в языке двумя группами лексики: словами и выражениями, обозначающими «телесный низ», и словами, дающими преувеличенную, гиперболизированную характеристику явлениям. Слова второй группы служат сигналами пошлости только в определенном контексте, при их употреблении в качестве оценочных характеристик бытовых предметов (например, *гениальное пиво*).

Анализируя народную смеховую культуру, М. М. Бахтин обратил внимание на преобладание в ней образов материально-телесного низа, в том числе и в фамильярно-площадной речи (Бахтин 1990). Но если в обращении народной культуры к материально-телесному низу проявляется карнавальное мироощущение, утверждавшее через выход из привычной системы социальных норм вечное возрождение и обновление мира, то в неоправданном использовании лексики телесного низа в массмедиа находит выражение пошлость, девальвация ценностей. «Средством выражения пошлости лексика «телесного низа» становится тогда, когда начинается ее немотивированное, безудержное, бесконтрольное (действительно мода на пошлость!) употребление по любому поводу (и без повода!)» (Бессарабова 2015: 201).

Отмеченная в языке СМИ и рекламы тенденция к опошлению предмета речи коррелирует с процессами, происходящими в массовой литературе. Исследователи отмечают характерную для современной беллетристики поэтику низкого, проявляющуюся в намеренной вульгаризации текста, обеднении речи, отступлении от системно-языковых норм, вербализации пошлости, вмещающей в себя банальное, неприличное, безнравственное. Таким образом, формируется и транслируется низовой страт массовой культуры, ориентированный на «ущербный тип языковой личности» (Купина и др. 2010: 103).

Лингвоэтический подход позволяет по-новому взглянуть на языковые явления, учитывая и интралингвистические, и экстралингвистические факторы. Н. Д. Бессарабова исследует с точки зрения лингвистической этики аббревиатуры и эвфемизмы современного русского языка. В дериватологии аббревиация как способ словообразования описана достаточно подробно, однако культурно-речевая оценка аббревиатур нуждается в разработке. Синтез лингвистического и этического подходов дает возможность Н. Д. Бессарабовой ответить на ряд принципиально важных вопросов, касающихся функционирования аббревиатур в речи: 1) каковы взаимоотношения между аббревиатурами и их производящими; 2) как соотносятся аббревиатуры и обозначаемые ими реалии; 3) в каких случаях сокращенные именования неуместны. Выявлен целый ряд характеристик, позволяющих дифференцировать аббревиатуры и определить эффективность их использования в речи: способ образования, уровень информационной насыщенности, наличие/отсутствие помех при их восприятии адресатом, временная приуроченность, возможность функционировать в речи как самостоятельные номинации (без расшифровки). Положение о том, что «большинству аббревиатур изначально присущ некий эстетический и этический дефект, обусловленный спецификой самих сокращений» (Бессарабова 2015: 247), подтверждается многочисленными примерами. Внимания лингвоэтики заслуживают, на наш взгляд, и аббревиатуры – сокращения русского антропонимического члена (фамилии, имени, отчества), например: *Феномен ЕБН* [Ельцина Бориса Николаевича] *в том все-таки, что он плоть от плоти воспитанник, сын родной коммунистической партии, ее последний выдвиженец в руководящий и направляющий штаб, называвший себя ленинским ЦК* (Нижегородские новости. 28.02.2008); *Пользователи соцсетей по достоинству оценили спортивную выправку руководителей государства, но остались в недоумении из-за отсутствия малейших признаков импортозамещения в их окружении. Оказалось, что ВВП* [Владимир Владимирович Путин] *и ДАМ* [Дмитрий Анатольевич Медведев] *носят одежду известных западных брендов и пользуются тренажерами американского производителя* (Московский комсомолец. 30.08.2015).

Наблюдения над эвфемизацией в СМИ и рекламе привели Н. Д. Бессарабову к выводу об активном функционировании эвфемизмов, вуалирующих суть явления, выступающих в роли речевого камуфляжа. Результатом использования таких вуалирующих замен становится подмена понятий, ведущая

к дезинформации, размыванию знаний о социальных явлениях и процессах.

Лингвистическая этика – актуальное научное направление, вписывающееся в общее развитие современной гуманитарной мысли: «В современной русистике наблюдается всплеск интереса к лингвоэтическим проблемам, что отражается в становлении отдельной дисциплины «Лингвоэкология русского языка» (научные школы А. П. Сковородникова и В. И. Шаховского), которая коррелирует с лингвоэтикой СМИ. Это лишний раз подчеркивает научное предвидение Н. Д. Бессарабовой, глубоко и точно чувствующей и замечающей болевые точки современного языкового процесса» (Клушина 2015: 6).

Благодаря научным изысканиям Н. Д. Бессарабовой на кафедре стилистики русского языка факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова сформировалось лингвоэтическое направление, представленное трудами Н. С. Лопухиной, А. В. Николаевой, Т. И. Суриковой (см., например: Лопухина 2012; Николаева 2012; Сурикова 2015).

Интерпретация языка СМИ в работах Нины Дмитриевны Бессарабовой открывает широкие исследовательские перспективы. Отмеченная обоснованными теоретическими построениями и виртуозным анализом богатого иллюстративного материала, написанная безупречным литературным языком, книга Н. Д. Бессарабовой «Журналист и слово», без сомнения, заинтересует как исследователей массмедиа, так и практикующих журналистов, будет полезна аспирантам и студентам филологических и журналистских специальностей.

Литература

1. *Арутюнова Н. Д.* Метафора и дискурс // Теория метафоры: Сборник. – М.: Прогресс, 1990. – С. 5–32.
2. *Бахтин М. М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. – М.: Художественная литература, 1990. – 543 с.
3. *Бессарабова Н. Д.* Журналист и слово. – М.: Факультет журналистики МГУ, 2015. – 261 с.
4. *Бессарабова Н. Д.* Изобразительные и выразительные возможности метафор в газетно-публицистической речи: дис. … канд. филол. наук. – М., 1985. – 226 с.
5. *Василькова Н. Н.* К истокам научной классики // Актуальные проблемы стилистики. – 2016. – № 2 (наст. издание).
6. *Клушина Н. И.* Предисловие // Бессарабова Н. Д. Журналист и слово. – М.: Факультет журналистики МГУ, 2015. – С. 5–6.
7. *Лопухина Н. С.* Без права на ошибку: медиатекст в нормативном аспекте // Вторая международная научная конференция «Стилистика сегодня и завтра: медиатекст в прагматическом, риторическом и лингвокультурологическом аспектах». Материалы конференции. – М.: МедиаМир, 2012. – С. 260–264.
8. *Купина Н. А., Литовская М. А., Николина Н. А.* Массовая литература сегодня. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 424 с.
9. *Николаева А. В.* Трэш-интонации в политической публицистике // Язык СМИ и политика / под ред. Г. Я. Солганика. – М.: Издательство Московского университета, Факультет журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, 2012. – С. 547–566.
10. *Солганик Г. Я.* Современная языковая ситуация и тенденции развития русского литературного языка // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. – 2010. – № 5. – С. 122–134.
11. *Сурикова Т. И.* Лингвистическая этика как критерий оценки речевой деятельности в дискурсе СМИ и направление исследований // Актуальные проблемы стилистики. – 2015. – № 1. – С. 109–117.
12. Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / под ред. Г. Н. Скляревской. – М.: Эксмо, 2006. – 1136 с.

НАУЧНЫЕ ОБЩЕСТВА

- Ялтинский дискурсологический кружок
- Риторическая школа

Георгий Георгиевич Хазагеров:

«Дальней прагматикой говорящего мы называем заботу об общем коммуникативном благе – культивировании языка и коммуникативного поведения, а продолженной прагматикой говорящего – заботу о коммуникативной репутации. Классическая риторика – яркий образец того, как достигается баланс ближней и дальней прагматики».

«Социальная миссия риторики – реабилитация дискурсов, испытавших вредное влияние тех или иных риторик».

«…любое оказание риторических услуг должно включать дидактический момент, момент развития личности клиента».

Лара Николаевна Синельникова:

«Слово «кружок» привлекло не только своей «интимностью» (в сравнении с более привычными номинациями научных собраний – конференция, форум, симпозиум и под.), но и понятной инициаторам аллюзией, отсылающей к ПЛК – Пражскому лингвистическому кружку».

«Ялтинский дискурсологический кружок – перспективный гуманитарный проект, объединивший исследователей, ориентированных на продуктивный диалог между представителями разных дисциплинарных направлений – философов, лингвистов, социологов, политологов, культурологов, оценивающих дискурсологию как целостное гуманитарное знание».

«Эффекты аттракции, проявленные в небольшой группе ответственных, профессионально состоятельных и увлеченных проблемой людей, могут оказаться значимыми для широкого круга исследователей, в том числе в научной перспективе».

«В условиях далеко не всегда оправданной методологической гетерогенности увеличение объема опубликованных материалов не способствует уменьшению количества бесспорных фактов в области стилистики, текстологии и дискурсологии».

УДК 808.5

Г. Г. Хазагеров
(Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону)

ТЕЗИСЫ РИТОРИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ

И преподавание, и изучение риторики столкнулись с новыми вызовами. С этими же вызовами сталкивается и современная стилистика. В отношении преподавания это нарушенный баланс между «предоставлением образовательных услуг» и воспитанием «достойного гражданина, искусного в речах». В отношении исследований это необходимость учета новой структуры коммуникативного пространства.

Ключевые слова: риторика, стилистика, коммуникация, прагматика, образование.

Georgii G. Khazagerov
(Southern Federal University, Rostov-on-Don)

THE RHETORIC SCHOOL THESES

Both the teaching and study of rhetoric are faced with new challenges. It is stylistics problem as well. In case of teaching it is an imbalance between educational service and education citizen (vir bonus dicendi peritus). In case of study it is taking into account a new structure of information space.

Key words: rhetoric, stylistics, communication, pragmatics, education.

Преподавание, и изучение риторики столкнулись с новыми вызовами. С этими же вызовами сталкивается и современная стилистика. В отношении преподавания это нарушенный баланс между «предоставлением образовательных услуг» и воспитанием «достойного гражданина, искусного в речах». В отношении исследований это необходимость учета новой структуры коммуникативного пространства.

Мы предлагаем обсудить тезисы нашей риторической школы, выдвигающей некоторые принципиальные подходы как ответы на названные вызовы. Идеальным результатом обсуждения была бы выработка общей платформы с образованием на ее базе межвузовской риторической школы, потому что решать поставленные задачи в одиночку или малой группой трудно. Кроме того, мы хотели бы привлечь к решению наших задач заинтересованных представителей «говорящего класса», что предполагает создание Риторической мастерской, и это является отдельной темой нашего обсуждения.

1. Отношение к прагматике

Цели почти любого речевого действия выходит за рамки *здесь* и *сейчас* – т. е. того, что мы называем ближней прагматикой. Поэтому мы рассматриваем также и другие виды прагматики. Дальней прагматикой говорящего мы называем заботу об общем коммуникативном благе – культивировании языка и коммуникативного поведения, а продолженной прагматикой говорящего – заботу о коммуникативной репутации. Классическая риторика – яркий образец того, как достигается баланс ближней и дальней прагматики. Современная имиджелогия – попытка решить задачи продолженной прагматики, не опираясь на средства риторики. Господствующее представление о риторике сосредоточено исключительно на задачах ближней прагматики. Из-за рассогласованности прагматических установок возникают дисфункции в дискурсах. Мы предлагаем изучать и преподавать риторику, исходя из трехмерной модели прагматики.

2. Культивирование коммуникативного пространства

В аспекте дальней прагматики социальная миссия риторики – культивировать коммуникативное пространство. При этом нормативность играет подчиненную роль, уступая заботам об устойчивом развитии того или иного дискурса. Само нормирование мыслится не как регламентирование, что в ряде дискурсов просто невозможно, а как осмысление, называние и закрепление удачных коммуникативных стратегий (путь классической риторики).

Экологический аспект риторики мы видим в том, что всякое интенсивное и экстенсивное риторическое действие (коммерческая реклама, политическая пропаганда и т. п.) оказывает влияние, часто непредвиденное продуцентом этих действий и в ряде случаев долговременное, на коммуникативное пространство в целом. Это влияние особенно заметно в области топики и стиля. Социальная миссия риторики – реабилитация дискурсов, испытавших вредное влияние тех или иных риторик.

3. Воспитание языковой личности и оказание образовательных услуг

Обучение риторике является действенным механизмом воспитания языковой личности и через его посредство достижения баланса трех прагматик. Речь идет, конечно, в первую очередь о школе и университете, классический он или корпоративный. Но и любое оказание риторических услуг должно включать дидактический момент, момент развития личности клиента. Это легко продемонстрировать на примере обслуживания интенций говорящего в том случае, когда клиент желает выглядеть определенным образом (проактивным, креативным и т. п.). Предоставляя ему нужные языковые инструменты для достижения этих целей, ритор в то же время развивает не только речь, но и само мышление заказчика. Имидж в этом случае как категория условная превращается в репутацию как категорию реальную, а затем и в саму реальность. Модель трех прагматик предполагает использование категории выгоды, заинтересованности в достижении их

баланса, чего нет в современном обучении, которое, если вообще озабочено совершенствованием общения, то апеллирует к этическим идеалам, лежащим за пределами реальных интересов говорящих.

4. Актуальные проблемы

Предлагаемый подход ставит ряд актуальных исследовательских задач.

Первая группа проблем, продиктованная учетом экологического аспекта и дальней прагматики, может быть обозначена как комплексное изучение риторической инвенции и элокуции. Речь идет о рассмотрении тропов, прежде всего метафор и синекдох, в одном ряду с топосами, что, с одной стороны, даст больше сведений об участии риторических средств в концептуализации действительности, с другой стороны, поможет демифологизировать преувеличенные представления о влиянии «метафор, которыми мы живем». В обоих случаях исследования должны опираться на социометрические данные.

Вторая группа проблем, продиктованная введением в рассмотрение продолженной прагматики, может быть также обозначена как комплексное изучение риторической инвенции и элокуции, но сосредоточенное на рассмотрении в одном ряду топосов, топики в узком смысле слова и риторических фигур, а также тропов и средств риторической амплификации. Эти задачи смыкаются с задачами стилистики и расширяют ее горизонты.

Третью группу проблем, обусловленную особенностями современного коммуникативного пространства (мультимедийностью, гипертекстовостью и т. д.), можно обозначить как комплексное рассмотрение средств диспозиции и элокуции: рассмотрение фигур в одном ряду с композиционными приемами и схемами выдвижения, а также изучение комбинаций жанровых блоков, включая визуальные, в составе монологического текста.

УДК 81'42

Л. Н. Синельникова
(Гуманитарно-педагогическая академия, Ялта)

ЯЛТИНСКИЙ ДИСКУРСОЛОГИЧЕСКИЙ КРУЖОК (ЯДК) КАК ОСОЗНАННАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ

Ялтинский дискурсологический кружок – гуманитарный сетевой проект, ориентированный на совместную научную деятельность ученых, занимающихся проблемами стилистики, текстологии и дискурсологии. Участники научного общества считают необходимым разработать интегрирующую (междисциплинарную) методологию, которая позволила бы исследовать современные коммуникативные практики в единстве анализа стиля, текста и дискурса.

Ключевые слова: дискурсологический кружок, гуманитарный проект, стиль, текст, дискурс, интеграция, интердисциплинарность, манифест.

Lara N. Sinelnikova
(Academy of the Humanities and Pedagogics, Yalta)

YALTA DISCOURSEOLOGY CIRCLE AS CONSCIOUS NECESSITY

Yalta Discourseology Circle is a humanist network project oriented towards joint activities conducted by the scientists dealing with the problems of stylistics, textology and discourseology. The participants of the scientific society deem it necessary to elaborate an integrating (interdisciplinary) methodology that would allow to analyse the modern communication practices in the unity of the analyses of style, text and discourse.

Key words: discourseology circle, humanist project, style, text, discourse, integration, interdisciplinarity, manifesto.

Дискурсологический кружок как некое дружеское сообщество, ориентированное на совместную научную деятельность, имеет необходимые признаки дискурса: предысторию, текущее состояние и оптимистические намерения.

Встреча инициаторов будущего объединения произошла на международной научно-практической конференции «Дискурсология: возможности интерпретации гуманитарного знания», которая прошла в стенах Гуманитарно-педагогической академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского в г. Ялте 1–3 апреля 2015 года. Участники конференции были вдохновлены встречей не только по причине находящегося рядом с конференц-залом моря, но и благодаря желанию включиться в проблемный диалог о судьбах гуманитарной науки, в которой филология занимает едва ли не центральное место, а заодно и о приоритетных направлениях научных действий, которые, безусловно, связаны с тем, как совместить традиционные подходы к тексту, стилю, нормам общения с новыми форматами коммуникативных действий. Вот несколько тем докладов из программы этой конференции: «Дискурсология и стилистика: интегративные методы изучения современной коммуникации» (Н. И. Клушина, Москва), «Дискурс Soft Pover в гуманитарной дипломатии: инструментально-измерительный анализ» (О. Ф. Русакова, Екатеринбург), «Дискурс-анализ: международный проект, метод или идеология» (Е. А. Кожемякин, Белгород), «Дискурсивное пространство лингвокультурного типажа «профессор» (Л. Н. Синельникова, Ялта), «Филологическое образование в лингвокультурном пространстве: педагогический дискурс и проблемы его рассмотрения» (М. П. Жигалова, Брест), «Дискурсивные особенности научных текстов ученого-агрария» (О. Е. Павловская, А. В. Сытина, Краснодар). Был проведен мастер-класс «Языковая личность vs дискурсивная личность» (Л. Н. Синельникова). Большой интерес вызвала презентация новых публикаций участников конференции.

Инициатор конференции, профессор Л. Н. Синельникова, сочла необходимым возобновить, точнее, продолжить научные действия в сфере дискурсологии, которые были начаты еще в 2000 году в Луганском национальном университете имени Тараса Шевченко. На базе кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий было проведено 13 международных научных конференций «Дискурсология: язык, культура, общество» (последняя прошла в апреле 2014 года). Материалы конференций составили 38 научных сборников и получили высокую оценку научной общественности. (Интервью с Л. Н. Синельниковой «Дискурсология как судьба», подготовленное О. Ф. Русаковой, см. в научном журнале «Дискурс-Пи». – 2015. – № 1. – С. 90–97.)

Подводя итоги научного диалога, участники определили круг проблем, которые нуждаются в дальнейшем рассмотрении: проблема дефиниций стиля, текста, дискурса (в условиях особых парадигмальных отношений, в которых сошлись диахрония и синхрония, традиционное и новое, дисциплинарный и междисциплинарный подходы); концепция дискурса в лингвистике, политологии, социологии, литературоведении; динамика жанровых образований, ее отражение в композиционно-стилистическом устройстве текстов; когнитивно-языковой параметр описания и сопоставления дискурсов и дискурсивных практик.

Есть одна особенность конференционного общения, связанная с плавным переходом от официальной части к неофициальной – в форме прогулок (крымский климат этому способствует), совместного ужина (крымский ландшафт также этому способствует). Правда, разговор при этом тоже о науке и о желании продолжить встречи. И вот в таком благоприятном контексте сначала едва ли всерьез возникла идея закрепить совместность в варианте гарантированных встреч. Быстро нашли название – Ялтинский дискурсологический кружок. Слово «кружок» привлекло не только своей «интимностью» (в сравнении с более привычными номинациями научных собраний – конференция, форум, симпозиум и под.), но и понятной инициаторам аллюзией, отсылающей к ПЛК – Пражскому лингвистическому кружку. Сразу же восстановили историю и замечательные (долгосрочные) результаты этого объе-

динения: в 1929 году Международному съезду славистов были предложены тезисы, в которых было представлено понимание языка как функциональной системы, обладающей целевой направленностью. Прагматика, лингвистическая поэтика, функциональная стилистика, социолингвистика сформировались не без влияния исследований ПЛК.

Обсудили программу встречи уже в формате Ялтинского дискурсологического кружка. Запланированная встреча состоялась 1-3 октября 2015 года. Определились учредители ЯДК:

Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского в г. Ялте;

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (кафедра стилистики русского языка факультета журналистики);

Стилистическая комиссия Международного комитета славистов;

Российский государственный социальный университет, Москва (кафедра русского языка и литературы);

Отдел философии Института философии и права УрО РАН, Екатеринбург;

Белгородский национальный исследовательский университет (кафедра коммуникативистики, рекламы и связей с общественностью);

Орловский государственный университет искусств и культуры (кафедра иностранных языков);

Луганский государственный университет имени Тараса Шевченко (кафедра русского языкознания и коммуникативных технологий).

Обсуждали такие проблемы:

- Проблемное поле дискурсологии и проблемное поле стилистики.
- Дискурс и традиционные понятия речи, текста, диалога, стиля, идиостиля.
- Текст как сопротивление стилю.
- Текст как дискурс.
- Когда и почему лингвист становится дискурсологом?
- Междисциплинарный диалог – путь к системности описания гуманитарного знания. Пути реализации концепции междисциплинарности.
- Проблемы прогнозирования развития стилистики, текстологии, дискурсологии.

Переписка с ведущими учеными, дискурсологами и стилистами, дала основание предварительно сформировать состав ЯДК и обозначить планируемые действия как научный сетевой проект, о программе действий которого сообщила Л. Н. Синельникова.

Участники ЯДК планируют создать сайт ЯДК, зарегистрировать научное электронное издание, а также подготовить коллективную монографию и учебное пособие междисциплинарного характера.

Ялтинский дискурсологический кружок – перспективный гуманитарный проект, объединивший исследователей, ориентированных на продуктивный диалог между представителями разных дисциплинарных направлений – философов, лингвистов, социологов, политологов, культурологов, оценивающих дискурсологию как целостное гуманитарное знание. Девиз ЯДК: ***Интерпретация расширяет знания и создает условия для понимания*** – положен в основу принятого сообществом Манифеста.

Манифест

О замысле. Ялтинский дискурсологический кружок – гуманитарный сетевой проект, предполагающий плодотворное содружество, заинтересованный и открытый научный диалог его участников. Формат совместных действий мы сочли возможным назвать словом «кружок» – круг людей по интересам, дружеское сообщество, объединенное заботой о значимых проблемах. В выборе номинации обозначена рецептивная связь декларируемого замысла с Пражским лингвистическим кружком (1926–1953 годы), идеи которого (в том числе представление о языке как функциональной системе, обладающей целевой направленностью) получили мощное развитие. Эффекты аттракции, проявленные в небольшой группе ответственных, профессионально состоятельных и увлеченных проблемой людей, могут оказаться значимыми для широкого круга исследователей, в том числе в научной перспективе.

ЯДК консолидируется темой «Дискурсология: возможности интерпретации

гуманитарного знания», в формулировке которой обозначены два взаимосвязанных аспекта – теоретический (методологический) и практический (прикладной). Первый ориентирует на интегративные действия исследователей по выработке методологии дискурс-анализа с учетом а) парадигмальных отношений между стилем, текстом и дискурсом, б) современных коммуникативных практик, конфигурация которых «размывает» границы стиля, формирует новые признаки и категории текста, заставляет подчиняться правилам и нормам когнитивно-дискурсивной среды – процессам реального речепроизводства. Второй предполагает внимание к проблемам междисциплинарности, их реализации в исследовательском пространстве и в учебно-образовательном процессе (в первую очередь в программах учебных курсов «речевого» направления – стилистики, риторики, лингвистического анализа текста, дискурсологии).

Об основных принципах. Сохранение личного исследовательского пространства считаем одним из принципов научной деонтологии. Но заявленная совместность предполагает внимание к общему проблемному полю и проблемной ситуации, связанной со сложной траекторией отношений между стилем, текстом и дискурсом. Не отвергая установки на преемственность традиций, считаем необходимым реализовать корректные формы перехода к приращению знаний через расширение пространства наблюдений за современными коммуникативными процессами, апробацию новых исследовательских подходов и методов.

О намерениях. Признавая междисциплинарность ведущим концептом современного гуманитарного знания, участники ЯДК считают важным определить резервы и возможности для преодоления методологических «нестыковок», проявленных в терминологической несогласованности, в нарушении баланса между традиционными и новаторскими подходами к стилю, тексту, дискурсу. Для современного положения вещей особо значим вопрос о «линии соприкосновения» сущностных (дефинитивных) признаков стиля, текста, дискурса, принципов и аргументов их совместного существования в исследовательском пространстве и в учебно-образовательном процессе. В условиях далеко не всегда оправданной методологической гетерогенности увеличение объема опубликованных материалов не способствует уменьшению количества бесспорных фактов в области стилистики, текстологии и дискурсологии. «Информационный шум» так же опасен в науке, как и в других областях социально (и гуманитарно) ориентированной деятельности. Очевидна необходимость совместного апробирования интеграционных моделей как сугубо научного, так и образовательно-учебного действия.

О персоналиях. ЯДК представлен видными учеными, дисциплинарные интересы которых связаны с разными направлениями гуманитарного знания: филологией (в таких ее ответвлениях, как стилистика, риторика, теория текста и практика его анализа), философией, политологией, социологией и дискурсологией. Профессиональная паспортизация большинства участников ЯДК основывается на реальной, проявленной во множестве публикаций междисциплинарности.

О внедрении инноваций. Увидеть проблему комплексно – значит обеспечить качественный уровень образования. Все более очевидной становится недостаточность знаний одной дисциплины, искусственно изолируемой от дисциплин, соположенных по предмету и объекту исследования. Если меняются стандарты академической науки, должны меняться и образовательные стандарты. Новые технологии в образовании – это новые образовательные модули, основанные на междисциплинарности. Есть основания для синхронизации образовательных стратегий через выявление общего интегративного поля естественным образом «проникающих» друг в друга учебных курсов – стилистики, риторики, текстологии, дискурсологии. Постепенно нужно идти по пути трансформации полидисциплинарности в междисциплинарность, а в перспективе – к конвергентности (соединения, сходимости) как основе целостного гуманитарного знания, обеспечивающего качественный уровень образования. Дискурсология, как представляется, способна обеспечить такой

переход, обозначить «точки роста» (расширения и углубления) знания о языке и обществе. Системообразующие признаки стиля и текста – основа для выявления лингвистических составляющих дискурса.

Виды деятельности. Проведение заседаний ЯДК (не менее двух раз в год); организация видеоконференций, диспутов, совместные публикации, подготовка коллективных монографий и учебных пособий.

Промессив (обещание и надежда). Сохранить высокий уровень дискуссионности по проблемам развития гуманитарного знания и его влияния на образовательный процесс и общество в целом. Усилить внимание ко всей фактуре речи, обилию новых речевых практик, что в комплексе должно стать предметом как исследовательского интереса, так и необходимых обществу просветительских действий. Если попытаться все объяснить, можно все испортить. При всей странности этого суждения есть основание отнести его посыл к языковой и концептуальной картинам мира. Но если не пытаться, можно потерять чувство реальности и перспектив и тоже все испортить. Будем продолжать заниматься текстом во всех его аспектах, думать и заботиться о стиле, но в конечном итоге только дискурс откроет возможность перехода на новый концептуальный уровень, имя которому – конвергентность.

СТИЛИСТИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО КОМИТЕТА СЛАВИСТОВ

- Отчет о деятельности
  Стилистической комиссии за 2015 год

GRATULUJEMY Z JUBILEUSZEM!

Поздравляем с юбилеем Почетного председателя Стилистической комиссии Международного комитета славистов – выдающегося ученого в области современной теории стилистики, профессора Опольского университета СТАНИСЛАВА ГАЙДУ.

Уважаемый пан профессор!

Ваше научное творчество не только является прочной теоретической базой современной стилистики, но и заинтересовывает стилистической проблематикой многих молодых ученых. Примите сердечные поздравления по случаю Вашего дня рождения! Здоровья, благополучия и новых творческих и научных побед!

Участники конференции в Граце у бюста писателя Иво Андрича

Георгий Георгиевич Хазагеров

ОТЧЕТ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТИЛИСТИЧЕСКОЙ КОМИССИИ МЕЖДУНАРОДНОГО КОМИТЕТА СЛАВИСТОВ ЗА 2015 ГОД

Научная конференция «Взаимодействие Интернета и стилистики, Интернета и стилей» (Австрия, Грац)

В 2015 году основными для членов Стилистической комиссии при Международном комитете славистов стали проблемы исследования интернет-стилистики. По инициативе профессора Бранко Тошовича с 16 по 19 апреля 2015 года в Институте славистики Университета Карла и Франца в Граце (Австрия) состоялась научная конференция «Взаимодействие Интернета и стилистики, Интернета и стилей» (Interaktion von Internet und Stilistik, Internet und Stil). В работе конференции приняли участие ученые из Боснии и Герцеговины, Македонии, Польши, России, Чехии. Доклад профессора Бранко Тошовича «Основные понятия и категории интернет-стилистики» задал общий тон научной дискуссии, которая длилась три дня и касалась как общих теоретических вопросов соотношения стиля и дискурса, так и изучения функционирования конкретных жанров коммуникации в Интернете. Профессор Яна Гоффманнова из Чехии рассказала об особенностях языковой экономии и избыточности выражений, имплицитности и эксплицитности в чешском Интернете; профессор из Македонии Лидия Тантуровска рассмотрела особенности функционирования македонского языка в Интернете; председатель Стилистической комиссии профессор Наталья Ивановна Клушина (Россия) посвятила свой доклад эффектам интернет-коммуникации; редактор одного из ведущих европейских научных журналов по стилистике Stylistyka профессор Ева Малиновска (Польша) подняла проблему влияния Интернета на официальный стиль и официальное общение; директор центра исследования Восточной Европы профессор Александр Киклевич (Польша) сопоставил синтаксические характеристики польских и русских интернет-форумов. Актуальными и теоретически значимыми были доклады российских ученых – профессоров В. Е. Чернявской, Е. Н. Басовской, доцентов Т. В. Ицкович, Е. В. Какориной, Н. В. Смирновой, С. Ф. Барышевой, Л. Т. Касперовой и многих других участников конференции.

Кроме того, в рамках конференции состоялась презентация новинок научной и художественной литературы. На презентации были представлены монография Бранко Тошовича «Интернет-стилистика», первый номер научного журнала «Актуальные проблемы стилистики», в редакционную коллегию которого вошли представители Стилистической комиссии из разных стран, российский литературный альманах «Золотое руно», главным редактором которого является член Международной гильдии писателей, Союза писателей-переводчиков, Союза писателей России Леонид Подольский. Почетного гостя конференции Ранко Рисоевича (Ranko Risojević) – заслуженного деятеля культуры, известного боснийского поэта, писателя и драматурга – представил ассистент Института славистики в Граце Арно Вониш, предложив вниманию собравшихся видеопрезентацию, посвященную творческой деятельности писателя, автора более 50 книг, в том числе романа «Боснийский палач» (Bosanski dželat).

Лекции, встречи, круглые столы – 2015

В октябре на факультете журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова в рамках постоянно действующего семинара «Актуальные проблемы стилистики» состоялась встреча с ведущим специалистом в области риторики и стилистики – профессором Южного федерального университета (Россия) Георгием Георгиевичем Хазагеровым. Научный доклад он посвятил проблемам социальной и научной миссии стилистики и представил свое видение теории М. М. Бахтина и его последователей и интерпретаторов в отечественной и зарубежной науке. С полной версией доклада можно ознакомиться на сайте Стилистической комиссии (http://stylistic-mks.com/index.php/meroprijatija).

Октябрь был отмечен еще одним интересным событием – открытием ***Ялтинского дискурсологического кружка*** (ЯДК) на базе Гуманитарно-педагогической академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского (Ялта). Соучредителями мероприятия стали Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Российский государственный социальный университет, Белгородский национальный исследовательский университет, Орловский государственный университет искусств и культуры и Луганский университет имени Тараса Шевченко. Вдохновитель и организатор ЯДК – доктор филологических наук, профессор кафедры русской, украинской филологии с методикой преподавания Гуманитарно-педагогической академии Лара Николаевна Синельникова. От Стилистической комиссии Международного комитета славистов ученых приветствовала профессор факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, председатель Стилистической комиссии Наталья Ивановна Клушина. Темой первой встречи стала «Дискурсология: возможности интерпретации гуманитарного знания». Внимание участников научных слушаний было сосредоточено на двух основных аспектах темы: теоретическом (дискурсология рассматривалась как область научного знания, которая находится в процессе формирования методологической базы и аспектных методов исследования разного рода коммуникаций) и практическом (как интерпретировать текст, понимать стиль с учетом нарастающего множества пока еще «не учтенных» дискурсивных показателей – прагматических, психологических, социально-культурных).

Н. И. Клушина и Л. Н. Синельникова

«Инициировали дискуссию выступления Л. Н. Синельниковой («Дискурс сетевого троллинга: попытка системного описания»), Н. И. Клушиной («Медиакультура и ее роль в развитии гуманитарного образования»), О. Ф. Русаковой («Дискурс мобильности»), Н. В. Смирновой («Моделирование события в новостном дискурсе интернет-СМИ»), С. Ф. Барышевой («Имитация фонетики разговорной речи в интернет-форумах»), Г. И. Лушниковой («Специфика современного пародийного дискурса»), И. А. Герасименко («Когнитивный параметр дискурс-анализа»).

Заявки на участие в дискуссии поступили от В. И. Карасика, Е. А. Кожемякина, А. Г. Пастухова, Г. Ю. Богданович, С. С. Дикаревой, А. С. Нилогова, О. Е. Павловской и др.

Участие в заседании преподавателей принимающей кафедры (кафедра русской, украинской филологии с методикой преподавания Института филологии, истории и искусств Гуманитарно-педагогической академии – филиала Крымского федерального университета в г. Ялте) значимо для консолидации кафедры, а заинтересованное обсуждение представленных сообщений, безусловно, будет способствовать утверждению исследовательского внимания к заявленной проблематике» (Л. Н. Синельникова).

По итогам первого заседания кружка определены актуальные векторы стилистических и дискурс-исследований, обговорена возможность подготовки коллективной монографии и создание научного электронного издания ЯДК.

Издательская деятельность

Из основных публикаций по проблемам современной стилистики в 2015 году вышли в свет очередной выпуск научного журнала Stylistyka XXIV (Poland, Opole), первый номер научного журнала «Актуальные проблемы стилистики» (Россия, Москва), а также монография профессора Бранко Тошовича (Австрия, Грац) «Интернет-стилистика» (Москва: ФЛИНТА: Наука, 2015. – 238 с.).

Л. Т. Касперова

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Барышева Светлана Фридриховна – кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики русского языка факультета журналистики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; e-mail: barysheva1105@rambler.ru

Басовская Евгения Наумовна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой медиаречи Российского государственного гуманитарного университета; e-mail: jeni_ba@mail.ru

Безруков Андрей Николаевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии Бирского филиала Башкирского государственного университета; e-mail: in_text@mail.ru

Безуглая Лилия Ростиславовна – доктор филологических наук, профессор кафедры немецкой филологии и перевода факультета иностранных языков Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина; e-mail: bezugla@daad-alumni.de

Буряковская Валерия Анатольевна – доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии Волгоградского государственного социально-педагогического университета; e-mail: vburyakovskaya@yandex.ru

Василькова Наталия Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики русского языка факультета журналистики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; e-mail: n.vasilkova@mail.ru

Вещикова Ирина Андреевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики русского языка факультета журналистики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; e-mail: irinavmgu@gmail.com

Гайда Станислав – доктор филологических наук, профессор кафедры польской филологии Опольского университета (Польша); e-mail: stgajda@uni.opole.pl

Каминская Татьяна Леонидовна – доктор филологических наук, профессор Финансового университета при правительстве РФ, заведующий кафедрой журналистики Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого; e-mail: tlkam1@mail.ru

Касперова Лариса Тазретовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики русского языка факультета журналистики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; e-mail: latael@mail.ru

Клушина Наталия Ивановна – доктор филологических наук, профессор кафедры стилистики русского языка факультета журналистики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; e-mail: nklushina@mail.ru

Коньков Владимир Иванович – доктор филологических наук, профессор кафедры речевой коммуникации Санкт-Петербургского государственного университета; e-mail: v_konkov@mail.ru

Леве Ивона – доктор филологических наук, профессор кафедры лингвистики текста и дискурса Института польского языка Силезского университета (Польша); e-mail: loewe@op.pl

Сведения об авторах

Люликова Анна Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской, украинской филологии с методикой преподавания Гуманитарно-педагогической академии, филиала Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского в Ялте; e-mail: lulav06@mail.ru

Милославский Игорь Григорьевич – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой сопоставительного изучения языков факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; e-mail: igormil@hotmail.com

Москвин Василий Павлович – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Волгоградского государственного социально-педагогического университета; e-mail: vasmoskvin@yandex.ru

Оргонева Ольга – доктор филологических наук, профессор философского факультета Университета имени Коменского в Братиславе (Словакия); e-mail: olga.orgonova@gmail.com

Синельникова Лара Николаевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русской, украинской филологии с методикой преподавания Гуманитарно-педагогической академии, филиала Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского в Ялте; e-mail: Prof.sinelnikova@gmail.com

Смирнова Надежда Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики русского языка факультета журналистики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; e-mail: smirnovanv@yandex.ru

Солганик Григорий Яковлевич – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой стилистики русского языка факультета журналистики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; e-mail: g4sol@yandex.ru

Степанов Валентин Николаевич – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой массовых коммуникаций Международного университета бизнеса и новых технологий (Ярославль); e-mail: stepanov@mubint.ru

Тошович Бранко – доктор филологических наук, профессор Института славистики Университета Карла и Франца в Граце (Австрия); e-mail: branko.tosovic@uni-graz.at

Хазагеров Георгий Георгиевич – доктор филологических наук, профессор Южного федерального университета (Ростов-на-Дону); e-mail: khazagerov@gmail.com

Хънтов Владимир Стоев – кандидат филологических наук, доцент кафедры русистики филологического факультета Великотырновского университета имени святых Кирилла и Мефодия (Болгария); e-mail: vladhunt@abv.bg

Чернышова Татьяна Владимировна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей и прикладной филологии, литературы и русского языка факультета массовых коммуникаций, филологии и политологии Алтайского государственного университета; e-mail: labrlexis@mail.ru

Штудинер Михаил Абрамович – кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики русского языка факультета журналистики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; e-mail: studiner@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Barysheva Svetlana Fridrikhovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Lomonosov Moscow State University, Faculty of Journalism, Department of Russian Language Stylistics, e-mail: barysheva1105@rambler.ru

Bezrukov Andrey Nikolaevich, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Philological, Birsk Branch of Bashkir State University, e-mail: in_text@mail.ru

Bezugla Liliia Rostyslavivna, Doctor of Philology, Professor, Karazin Kharkiv National University, Ukraine School of Foreign Languages, Department of German Philology and Translation, e-mail: bezugla@daad-alumni.de

Basovskaya Evgeniia Naumovna, Doctor of Philology, Associate Professor, Head of Media Discourse Department, Russian State University for Humanities, Institute of Massmedia, e-mail: jeni_ba@mail.ru

Buryakovskaya Valeria Anatolyevna, Doctor of Philology, Associate Professor, Volgograd State Social and Pedagogical University, Department of English Philology, e-mail: vburyakovskaya@yandex.ru

Chernyshova Tatiana Vladimirovna, Doctor of Philology, Professor, Head of the Chair of Russian language, literature and speech communication, Altai State University, e-mail: labrlexis@mail.ru

Gajda Stanislaw, Doctor of Philology, Professor, Opole University (Poland), e-mail: stgajda@uni.opole.pl

Hantov Vladimir Stoev, Candidate of Philology, Associate Professor, St Cyril and St Methodius University of Veliko Turnovo (Bulgaria), Department of Russian Studies, e-mail: vladhunt@abv.bg

Kaminskaya Tatyana Leonidovna, Doctor of Philology, Professor, The Financial University under the Government of the Russian Federation, Head of Journalism Sub Department, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, e-mail: tlkam1@mail.ru

Kasperova Larisa Tazretovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Lomonosov Moscow State University, Faculty of Journalism, Department of Russian Language Stylistics, e-mail: latael@mail.ru

Khazagerov Georgii Georgievich, Doctor of Philology, Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, e-mail: khazagerov@gmail.com

Klushina Natalia Ivanovna, Doctor of Philology, Professor, Lomonosov Moscow State University, Faculty of Journalism, Department of Russian Language Stylistics, e-mail: nklushina@mail.ru

Konkov Vladimir Ivanovich, Doctor of Philology, Professor, Saint Petersburg State University, Department of Speech Communication, e-mail: v_konkov@mail.ru

Information about the authors

Liulikova Anna Victorovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Academy of the Humanities and Pedagogics (branch) of V. I. Vernadsky Crimean Federal University in Yalta, Russian and Ukrainian Philology and Teaching Methods Department; e-mail: lulav06@mail.ru

Loewe Iwona, Doctor of Philology, Associate Professor, Silesian university (Poland), Institute of the Polish language, Department of Linguistics of Text and Discourse, e-mail: loewe@op.pl

Miloslavskiy Igor Grigorievich, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Comparative Study of Languages, Lomonosov Moscow State University, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, e-mail: igormil@hotmail.com

Moskvin Vasily Pavlovich, Doctor of Philology, Professor, Volgograd State Socio-Pedagogical University, Russian language department, e-mail: vasmoskvin@yandex.ru

Orgoňová Oľga, Doctor of Philology, Professor, Comenius University in Bratislava (Slovakia), Faculty of Arts, e-mail: olga.orgonova@gmail.com

Shtudiner Mikhail Abramovich, Candidate of Philology, Associate Professor, Lomonosov Moscow State University, Faculty of Journalism, Department of Russian Language Stylistics, e-mail: studiner@mail.ru

Sinelnikova Lara Nikolaevna, Doctor of Philology, Professor, Academy of the Humanities and Pedagogics (branch) of V. I. Vernadsky Crimean Federal University in Yalta, Russian and Ukrainian Philology and Teaching Methods Department; e-mail: Prof.sinelnikova@gmail.com

Smirnova Nadezhda Vladimirovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Lomonosov Moscow State University, Faculty of Journalism, Department of Russian Language Stylistics, e-mail: smirnovanv@yandex.ru

Solganik Grigoriy Yakovlevich, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Russian Language Stylistics, Lomonosov Moscow State University, Faculty of Journalism, e-mail: g4sol@yandex.ru

Stepanov Valentin Nikolaevich, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Mass Communication, International University of Business and New Technology, Yaroslavl, e-mail: stepanov@mubint.ru

Tošović Branko, Doctor of Philology, Professor, University of Graz (Austria), Department of Slavic Studies, e-mail: branko.tosovic@uni-graz.at

Vasilkova Natalia Nikolaevna, Candidate of Philology, Associate Professor, Lomonosov Moscow State University, Faculty of Journalism, Department of Russian Language Stylistics, e-mail: n.vasilkova@mail.ru

Veshchikova Irina Andreevna, Candidate of Philology, Associate Professor, Lomonosov Moscow State University, Faculty of Journalism, Department of Russian Language Stylistics, e-mail: irinavmgu@gmail.com

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал «Актуальные проблемы стилистики» издается факультетом журналистики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова при участии Стилистической комиссии Международного комитета славистов.

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию.

Объем статьи – 20000–30000 знаков, включая пробелы. Статья принимается одним файлом, названным фамилией автора (соавторов), в формате Word, например: Ivanov.doc

Статьи просим высылать на адрес электронной почты журнала **apstil@yandex.ru** до **31 декабря 2016 года.**

Необходимые данные

1. Обязательные сведения об авторе (авторах):

- фамилия, имя, отчество всех авторов полностью (на русском и английском языке);
- полное название организации – места работы каждого автора в именительном падеже, страна, город (на русском и английском языке). Если все авторы статьи работают в одном учреждении, можно не указывать место работы каждого автора отдельно;
- адрес электронной почты для каждого автора;
- корреспондентский почтовый адрес и телефон для контактов с авторами статьи.

2. Название статьи приводится на русском и английском языках.

3. Аннотация (8-10 строк) приводится на русском и английском языках.

4. Ключевые слова (не более 10) приводятся на русском и английском языках.

5. Тематическая рубрика – код УДК

Требования к оформлению статьи:

- редактор Microsoft Word;
- шрифт Times New Roman, формат А4, кегль 14 обычный – без уплотнения;
- текст без переносов;
- межстрочный интервал – полуторный (компьютерный);
- выравнивание – по ширине;
- поля – верхнее, нижнее, правое, левое – 2 см;
- номера страниц – внизу посередине, на первой странице номер не указывается;
- абзацный отступ – 1,25 см;
- ссылки на литературу приводятся непосредственно после фрагмента, требующего ссылки на источник, в круглых скобках, например: (Виноградов 1947: 33);
- список литературы располагается в конце текста (входит в общий объем статьи и формируется по алфавиту, сначала литература на русском языке, затем на иностранном). Например:

Литература

Барт Р. Мифологии. – М.: Издательство им. Сабашниковых, 1996. – 314 с.

Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. «Свое – чужое» в коммуникативном пространстве митинга // Русистика сегодня. – 1995. – №1. – С. 93–116.

Кондаков И. В. От литературоцентризма – к медиацентризму. URL: http://pravmisl.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=566.

Петрухин В. И. Коммуникативные стратегии и тактики российского политического дискурса : дис. ... канд. филол. наук. – М., 2002. – 185 с.

Chomsky N. New Horizons in the Study of Language and Mind. – Cambridge: Cambridge University Press, 2002. – 230 p.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СТИЛИСТИКИ

Ежегодный международный научный журнал

№ 2, 2016

Редактор *Н. А. Примаченко*
Дизайн и компьютерная верстка *Е. Н. Сиротиной*

Подписано в печать 07.04.2016. Формат 60x84/8.
Гарнитура «Minion Pro». Объем 28,13 усл. печ. л. Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии факультета журналистики
МГУ имени М. В. Ломоносова